

Ирина Шевченко

СКАЗКИ ВРУТ!

ГЛАВА 1

Праздник удался!

Псти... Пятсти... Пя-ти-де-ся-ти-ле-тие — о как! — любимого шефа, Ивана Влад... ик... славича...

Вообще-то я не пью. Совсем. Только воду, чай, кофе, кефир... В новогоднюю ночь — бокал шампанского. В течение года из спиртного только настойку пустырника случается употребляю. А сегодня...

Это все девчонки из бухгалтерии: попробуй, какое вино, оно же натуральное — чистый сок... Не помню, чтобы у меня от сока язык заплетался. И ноги. Но вино вкусное, шефу постоянный клиент из Италии пять бутылок привез. Целых пять! Не мог одной обойтись, мне бы тогда не досталось. А теперь вот иду, иду...

Мне от ресторана до дома минут десять пешком. Не такси же было вызывать? А провожать меня после корпоративов давно никто не решается. Первое время пытались. Олег из отдела продаж. Игорь, админ наш. Антон еще, не помню, из какого отдела, рыжий такой. Доведут до квартиры и мнут на пороге: мол, кофейку бы, а то так пить хочется, что переночевать негде. А оно мне надо? В свое время обпилась уже этого кофейю... Вот и жожу одна. И что? Почему бы не прогуляться тихой летней ночью?

На первом перекрестке я долго держала светофор. Качался, зараза! Еще чуть-чуть, и совсем упал бы. Хорошо, что я рядом оказалась. Закралась, правда, в голову мысль, что не в светофоре дело... И я об этом долго думала. Потом думала о жизни, о смерти, об устройстве мира... Пока дошла до следующего перекрестка, успела осознать ошибочность утверждения, будто бы земля круглая, и полностью уверовала в правоту древних: она плоская и стоит на трех слонах. А те — на плывущей черепахе.

Черепаха плыла зигзагами и норовила сделать кульбит...

— Не поможешь мне, девонька? — прошамкал кто-то совсем близко.

Испуганно икнув, я огляделась, но никого не увидела. Сок, значит? Хороший сок — уже и слуховые галлюцинации начались.

— Дорогу, говорю, перейтить мне надобно...

Галлюцинация требовательно дернула меня за рукав.

Я взвизгнула, отскочила и только тогда заметила сгорбленную старушку, которую не разглядела с высоты шпилек.

— На ту, на ту сторону! — Бабуля яростно тыкала пальцем в неоновую вывеску на противоположной стороне дороги. — А машины, будь они неладны, туды-сюды, туды-сюды...

— Где? — Я осторожно вытянула шею и оглядела темную улицу в оба конца: даже света фар не заметила.

— Туды-сюды, окаянные! — Божий одуванчик, не слушая ни меня, ни голоса разума, уже повис на моей руке.

Черепаха напомнила о себе плавным покачиванием, и я сама радостно вцепилась в удачно подвернувшуюся бабку.

— И с корзиночкой помощи, молодая, чай, сильная. — Во вторую руку мне сунули тяжеленную корзину. Противовес получился шикарный, и я наконец-то смогла идти ровно.

А идти пришлось долго: старушка едва переставляла ноги, и пока мы дотопали до середины дороги, к перекрестку таки подъехала одна машина.

— И ездют, и ездют, — брюзжала бабуля. — Ночь на дворе, а они разъездились!

Ступив на тротуар, она отпустила мою руку, и корзина тут же потянула меня в противоположную сторону.

— Спасибо, милая. — Старушка отобрала у меня груз. — На вот тебе за это...

Почему-то я ожидала увидеть яблоки. Ну, как в сказке: помогла старушке, и на тебе счастье — яблочки наливные, молодильные, живильные, деньги приваживающие, мужей привораживающие. Но под цветастой тряпкой лежали кабачки. Бабка всучила мне две штуки в обе руки.

— Пожаришь. Или еще чего сделаешь.

Остаток пути я преодолела в обнимку с кабачками, покачиваясь и думая о том, что в жизни нет места сказкам...

— Девочка, а девочка, ты куда идешь?

— К бабушке. Во второй подъезд.

— А в корзинке у тебя что?

— Пирожки.

— Пирожки-и? Ха! Ты прямо как Красная Шапочка! А я Серый.

— Волк?

— Не, просто Серый. Сережа. В первом подъезде живу.

— А я Настя...

— Настя! Настенька, просыпайся.

Я открыла глаза.

На подушке рядом со мной сидел большой пупырчатый жаб.

— Сейчас я тебя поцелую, и ты превратишься в прекрасного принца, — пообещала я ему.

Жаб выпучил глаза, но моей любвеобильности не противился. Правда, в принца превращаться отказался наотрез.

— Вот где он! — Мама сгребла зацелованного Жорика с постели и положила обратно в аквариум. — Сколько можно издеваться над животным?

— Не виноватая я, он сам пришел, — промычала я, зарываясь в простыни.

— Еще бы не пришел! Ты когда его в последний раз кормила?

Ну вот, сейчас начнут меня воспитывать. Мама же...

— Мама? — Я окончательно проснулась и села. Голова отозвалась на резкий подъем болью. — А что ты тут...

— Зашла вот, — развела руками она. — Почуяло сердце, что страдает кровинушка моя... и в холодильнике мышь повесилась.

— Мышь — это на бульон. А еще у меня кабачки есть. Я их вчера где-то тут на полочку положила...

— На книжную? — Мама кивнула на лежавшие рядом с томиком Бальмонта цукини. — Тогда неудивительно, что у тебя юбка в морозильнике.

— Я на жвачку села. Ее теперь по-другому не отодрать.

Держась за раскалывающуюся черепушку, я потопала в ванную.

— Давай сниму, — предложила мама.

— Голову?

— Боль, горюшко ты мое!

— Сама.

Или я не ведьма в седьмом поколении? Таблетка анальгина и мятное масло на виски — сейчас отпустит.

— Нельзя нам пить, Настенька. — К тому времени, как я возвратилась в комнату, родительница успела застелить постель и теперь раскладывала по полкам разбросанные на стульях вещи. — Совсем нельзя. Прабабка моя, тезка твоя, Настасья, перебрала как-то на сельской свадьбе, так потом еще месяц коты гавкали, а куры вареными яйцами неслись. Вот она-то и заклала весь свой род, во избежание, значит. Опасно нам с такой-то силой контроль над собой терять.

— Лучше бы так заклала, чтобы пили и не пьянели, — пробурчала я, ногой запихивая под кровать грязные джинсы.

— И так неплохо вышло. — Мама двумя пальцами извлекла только что припрятанные брюки на свет божий и швырнула к двери, где уже набралась солидная кучка претендентов на стирку. — Голова поболит, помутит чуток. Зато потом nepовадно будет. Я вот тоже как-то попробовала: ликером импортным соблазнилась. Как он шоколадом пах! А после ночь в уборной просидела, и отец твой, покойник, примерещился. Мертвые нам всегда в таком состоянии видятся. Бабушке твоей, царствие ей небесное, поп наш, отец Алексей, после стакана сливовицы приснился: уговаривал от силы отречься, постриг принять, а все имущество отписать детской поликлинике.

— Бред какой!

— Конечно, бред. Батюшка наш при жизни только мамиными травами и спасался. Фронтовик он был, Федор Иванович — так в миру звался, учителем до войны работал. А с осколком у сердца домой вернулся, уверовал после этого...

— А к ведьме ходил, верующий.

— Ведьма, Анастасия, от слова «ведать»! — назидательно изрекла матушка. — Или знахаркой зови. Так лучше? Мама отца Алексея сколько лет выхаживала. Да и сама на все службы в церковь ходила, еще когда гоняли за это и премии могли на фабрике лишить. Так что не стал бы он ее о таких глупостях просить. Но что покойники нам после хмельного снятся — это факт.

— А как же, факт, — усмехнулась я. — Мне вот Сережка приснился Линкевич. Жил тут в соседнем подъезде.

После бабушкиной смерти ее двушка досталась мне, но семья Серого к тому времени переехала в другой район.

— Я и говорю, покойники, — кивнула мама, а потом встревоженно всмотрелась в мое стремительно бледнеющее лицо. — Настенька, ты что, не знала?

Я медленно опустилась на стул. Как же это? Серый? Мой Серый?

— Тетка Марья со второго еще весной рассказывала, весь дом в курсе, — виновато пробормотала мать. — Я тут не живу и то знаю. Ездил он куда-то на заработки, на буровую какую-то. Вахты по полгода. Последний раз поехал и не вернулся. Авария, говорят, большая была.

— Весной еще? — До сих пор не верилось.

— Зимой. В феврале, кажется.

Я Сережку последний раз года два назад видела. Действительно, рассказывал, что на

Севере где-то работает. А еще говорил, что бросит это дело — не нравилось так надолго уезжать.

И почему не бросил?

— Ладно, пойду я, — резко засобиралась мама. — У меня прием через два часа. Женщина одна должна прийти на первичную диагностику. Сергей Семенович — ногу подлечить. И Светка звонила, говорит, сглазил ее опять кто-то.

— Мам, ты же понимаешь, что у тети Светы дистония? Вегетососудистая. Лучше бы она к невропатологу сходила.

— Невропатологу-то, конечно, лучше. А мне — минус клиент. Что я, какую-то дистонию не вылечу? И ты бы пришла, посмотрела. Помогла бы мне, может быть. Ты же тоже...

— Ма, я экономист-технолог. Сглаз не лечу, а порчу только бумагу посредством принтера.

На эту тему уже не раз говорили, к чему повторяться? Да и дела у меня сегодня: вещи, вон, в машинку загрузить, кабачки пожарить, Жорика покормить.

— Воля твоя, Настюша.

Красивая она у меня, любоваться не устаю. Даже в свои пятьдесят три любой молодой девушке фору даст: высокая, статная, русая коса, как положено, до пояса и в руку толщиной. А глаза голубые-голубые, чистые, как небо после дождя. И так не нравится, когда это небо смурнеет и между бровей пролегает глубокая складочка.

— Не сердись. — Я поцеловала маму в лоб, разглаживая набежавшие морщинки. — Когда-нибудь обязательно зайду.

После маминого визита в холодильнике обнаружились продукты, а из раковины исчезла грязная посуда — это ли не чудеса? Жаль только, последствия пьянства и прапрабабкиного заклятия никуда не делись: голова раскалывалась и вторая таблетка ничего не изменила. Еще и новость, которая для всех давно не новость, о Сережкиной смерти. В последние годы встречались лишь случайно, обменивались телефонами, но так и не созванивались. А ведь Серый — мой лучший друг детства. Да что уж теперь — первая любовь. И надо же, как все вышло.

Загрузив стиралку, я вооружилась лопатой и отправилась за гаражи копать червей для Жорика. Сосед, заядлый рыбак, глядел с уважением, но заговорить не решился.

Вернувшись, взялась за последнее намеченное на сегодня дело — пожарила кабачки. Майонеза мама конечно же не купила (вредный потому что), и пришлось делать заправку по бабушкиному рецепту: уксус, подсолнечное масло и чеснок. Обмакивая золотистые кружочки в соус и укладывая их на тарелку, продолжала думать о Сером...

Думала, думала и придумала. Отправила в рот не поместившийся на тарелке кусочек, вымыла руки и набрала номер Игоря, нашего сисадмина, того самого, что пару раз пытался провожать меня домой. Любопытно, как быстро мужчины, убедившись, что им отказывают отнюдь не из кокетства, переквалифицируются в просто друзей.

— Чего тебе, Вербицкая? — недовольно отозвался просто друг. — Суббота, шесть утра, а ты уже названиваешь.

— Какие шесть? Полпервого уже.

— Ой-ё-о! У меня часы стоят! А мне на три на автобус! — В трубке послышалась какая-то возня, потом зажурчала вода... Надеюсь, вода. — Что бы я без тебя делал, Вербицкая!

— Проспал бы свою дачу, шашлыки, водку и очередную девушку.

— Все-все, я и так понял, насколько тебе обязан. Чем могу служить? Ты ж не только разбудить меня звонила?

— Игорек, мне нужно адрес узнать.

— Айпи или имейл?

— Домашний адрес. Человека одного ищу... Точнее, его родню.

Проще было бы спуститься на этаж ниже и поговорить с тетей Машей: она дружила с матерью Серого и весть о его смерти тоже она разнесла, наверняка и адрес знала. Но пришлось бы объяснять, зачем он мне...

— Домашний? — озадачился Игорь.

— Ты же говорил, у тебя в паспортном столе связи, в РОВД и в самой небесной канцелярии.

— Ладно, попробую. Выкладывай все, что знаешь о своем человеке. Завтра-послезавтра будет.

— А сегодня?

— Сегодня у меня дача, шашлыки и девица... если повезет. Но если очень повезет, то и адрес узнаю.

Повезло. Игорь перезвонил через час и продиктовал улицу, номер дома и даже телефон. Но звонить я не стала.

На кладбище я гость нередкий. Отец, дед, бабуля. За могилами присмотр нужен: сорняки выполоть, оградку подкрасить. Ходила, как на работу, к своему стыду давно уже не испытывая должного пиетета. Живыми они были мне самыми родными, близкими и любимыми, но странно было бы испытывать такие же чувства к трем гранитным памятникам. Кто-то счел бы это циничным. Потому ни с кем и не делюсь подобными мыслями. А настоящие памятники им — у меня в сердце. Навсегда. Этим тоже не делюсь.

Но Серый... Страшно было представлять его фотографию, прикрученную к каменной плите. Молодой, красивый парень: темные волосы ежиком, ямочка на подбородке, глаза-угольки. Но до кладбища (и это еще страшнее) — увидеться с его семьей.

Надела голубое платье. К глазам идет, но главное — скромненькое: и вырез неглубокий, и длина приличная. Расчесалась, отстраненно и уже не впервые подумав, не отрастить ли косу, как у мамы. Волосы у меня тоже густые, только с рыжинкой... были бы, если бы не подкрашивала. А так аристократический пепельный оттенок, как у бабушки, но у нее тоже коса была, а у меня — короткая стрижка «быстрый старт», как я ее называю: щеткой пригладила, и готова к свершениям.

— Веди себя хорошо, — наказала я Жорику, покидая квартиру.

Вернусь, и будем с тобой вместе грустить.

— Здравствуйте, Вероника Алексеевна. Вы меня, наверное, не помните. Я Настя, внучка Аллы Викторовны, мы дружили с Сережей...

Остановив лифт между этажами, я репетировала то, что собиралась сказать матери Серого.

— Здравствуйте, Вероника Алексеевна...

А если все-таки Александровна? Я не была уверена, что правильно помнила отчество, — в детстве она была для меня просто тетей Верой.

— Здравствуйте, Вероника Ал... кхе-кхе... вна. Вы меня, наверное, не помните...

Поняв, что от повторений становится только хуже, решительно нажала кнопку седьмого этажа.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, и я бегом начала, уткнувшись в пол:

— Здравствуйте, я Настя...

Подняла глаза и онемела на несколько секунд.

— Ну здравствуй, Настя.

— Серый! — Очнувшись, я кинулась на шею открывшему мне парню. — Живой!

— Живой-живой... И буду живой, если не задушишь.

Квартира у Линкевичей была трехкомнатная, но все равно тесная. Светка, младшая сестра Серого, успела выйти замуж, родить ребенка и развестись. Жила теперь тут вместе с сынишкой. Человек трех лет от роду умудрялся занимать все три комнаты одновременно, и потому мы устроились на кухне. Разговаривали и пили чай, который заварил тетя Вера, к моему удивлению и стыду оказавшаяся Вероникой Николаевной.

— Муторная история, — поморщился Сергей. — Да, была авария, двое ребят погибли из моей бригады. Меня контузило. Больница, реанимация. Когда в себя пришел, не сразу и узнал, что умник какой-то документы перепутал. И маме передали уже. Даже думать не хочу, чего она натерпелась.

— Ой, Серый, какой же ты... серый...

В мальчишеском ежике осталось не так уж много темных волос, и ранняя седина превратила детское прозвище в реальность.

— Давно вернулся?

— Второй месяц уже.

— А я только сегодня узнала... — Хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Но провалиться можно было только в квартиру на шестом этаже, и вряд ли ее жильцы были бы рады мне и дыре в потолке.

— Да никто не в курсе, наверное, — успокоил меня Сережка. — Мама мало кому рассказать успела: когда я приехал, у нее опять с сердцем плохо стало, почти на месяц слегла, хоть я и звонил заранее, и бумага официальная пришла. Надо ей сказать, чтоб тете Маше позвонила — та по всему городу разнесет... Зато с тобой увиделись.

— Это да, — согласилась я. — Хоть какая-то радость... Ну, в смысле, я рада, что ты жив, и вообще...

— Я тоже рад, Настюха.

Он улыбнулся, и мне подумалось, что для первой, но большой любви десять лет не срок...

— Может, погуляем? — предложил Серый. — А то я, как приехал, в четырех стенах сижу. Так и лето пройдет.

— Давай. А куда пойдём?

— Не знаю. — Он посмотрел на племянника, успевшего за время разговора обосноваться рядом с нами за столом. — Туда, где народу поменьше.

— Если хочешь, можно ко мне, — сказала я и покраснела. — Ну, это... старый двор посмотришь, голубятню...

Я падшая женщина. Однозначно.

Но я совершенно счастливая падшая женщина.

Казалось, можно лежать так вечно: положив голову на сильное мужское плечо, слушая ровное дыхание...

— Твою ж мать! — Серый вскочил как ошпаренный, и забористый мат несколько нарушил романтичность момента. — Что это за тварь?!

— Это Жорик, — протянула я, не желая прощаться со сладкой негой. — Ты занял его место, и ему это не понравилось.

И как жаб умудряется то и дело выбираться из-под сетки?

Поймав недовольно пучившее глаза земноводное, я привычно чмокнула пупырчатую морду и, закутавшись в простыню, прошлепала к аквариуму:

— Вот и все.

Сергей мягко отстранился, когда я решила его поцеловать и утянуть обратно в постель:

— Насть, после жабы...

— Жорик после тебя не побрезговал, — насупилась я.

— Ты не оставила ему выбора. — Парень потянулся за джинсами.

Вот и «счастливый конец» романтического вечера.

— Может, все-таки погуляем? — напомнил Серый. — Перекусим где-нибудь?

Ага! Значит, еще не вечер... то есть еще не конец!

Я поняла, что детская дружба превратилась во что-то большее, когда мне было около четырнадцати, а Серому уже шестнадцать. Вокруг высокого, красивого парня, завсегдатая дискотек и набиравших моду качалок, вертелись такие же высокие и красивые девицы, сменяя друг друга едва ли не каждый вечер, а я, тогда еще мелкая, с мальчишеской фигуркой и двумя длинными косичками, наблюдала с бабушкиного балкона, как резко повзрослевший и почти забывший обо мне друг любезничает с очередной пассией. Потом я, конечно, выросла, вытянулась, округлилась в нужных местах. На смену косичкам пришла модная стрижка, но замены Серому в моем сердце так и не нашлось. То, что последние несколько лет мы практически не виделись, только усугубляло ситуацию: он навсегда остался для меня *тем* парнем, объектом несбыточных мечтаний и идеалом.

Произошедшее час назад в моей квартире ничего не меняло.

— Насть, ты не думай ничего такого, ладно?

Мы возвращались из кафе: шли по темным улицам, держались за руки и молчали. До этой странной фразы.

— Какого такого?

— Ну... — Он смущенно пожал плечами. — Как-то так вышло, решишь еще, что я по жизни на каждую встречную кидаюсь. А ты мне всегда нравилась, честно. Помнишь, мы на рыбалку ходили с Колькой и Женькой? Ты жаб ловила (тогда еще к ним страсть питала), а я пацанов в сторону отозвал и сказал, чтоб к тебе не лезли, что ты со мной. Только потом, года через три, меня вот так же твоя бабушка отозвала и пообещала самого в жабу превратить, если буду к тебе ходить.

— Бабуля? — не поверила я. — Но почему?

— Не знаю. Говорила, что тебе от меня одни беды будут и нечего, мол... Она же ведьма была. В хорошем смысле, естественно. Но все равно ведьма. Вот я и...

Ох, бабуля-бабуля.

— Завтра зайдешь? — спросила я.

— Да я и сегодня еще не ушел. Или у тебя ровно в десять отбой? Нет? Давай еще где-

нибудь посидим или в парк сходим?

— Лучше в парк.

Аттракционы уже не работают, людей почти нет, только редкие парочки, вроде нас, обнимаются под фонарями. Но у нас с Серым здесь свое особенное место... Если он, конечно, помнит.

— А ты помнишь? — улыбнулся он, повторяя мои мысли.

— Еще бы!

Мы бегали сюда с другими ребятами. «Колесо обозрения», «Веселые горки», «Ромашка» — здорово, но все это стоило денег. А игровая площадка для малышни была совершенно бесплатной. Горки, качели, песочницы. И избушка на курьих ножках. Внутри вела деревянная лесенка, но это для детсадовцев. А у наших мальчишек считалось высшим пилотажем взобраться на крышу сказочного домика и усесться на коньке. У меня так не получалось. Почти месяц я завидовала молча, а потом так же молча, собрав волю в кулак, ринулась на покорение крыши. Счастью не было предела, когда я не без помощи друзей взгромоздилась на самый верх. Но на крыше приятелям скоро наскучило, и они, попрыгав вниз, умчались то ли на другую площадку, то ли совсем по домам, а я так и сидела, обхватив дрожащими руками вырезанную из дерева конскую голову. Со мной осталась только Серый. Звать на помощь взрослых мы побоялись, могли ведь и отругать за этот альпинизм, так и сидели до темноты: я наверху, а он внизу.

— Настька, прыгай. Я тебя поймаю, честно.

— А если неймаешь?

— Поймаю обязательно.

— Боюсь.

— А что баба Алла заругает, не боишься?

Когда на небе появились первые звезды, я решила. Съехала по покатой крыше и упала в раскрытые объятия...

Мне было девять, а Сережке одиннадцать. Конечно же он меня не удержал, и мы вместе завалились на землю. Я подвернула ногу, а Серый набил шишку на затылке. И дома нас обоих наказали за гулянье допоздна.

— Господи, тут же от силы два метра! — изумилась я, глядя на покосившийся от времени домик.

— А я тебе еще тогда говорил, что невысоко. Трусихка.

— Трусихка? — Я легонько ударила его кулаком в плечо. — Да я самая смелая из девчонок была! Скажи, кто еще с вами ходил? Танька? Маринка Лебедева?

— У Маринки уже двое детей, — вспомнил вдруг Серый.

— Да? А ты откуда знаешь?

— Видел ее прошлой зимой на встрече одноклассников. Как раз десять лет с выпуска было. А Танька Капустина в Канаде сейчас живет, тоже замужем... Ну, как и Маринка.

— Понятно, что не как я. — Я отвернулась.

— Насть, я не намекал ни на что, — сконфузился Серый. — К слову пришлось. Я вот неженатый, и что? А следующей весной уже тридцать, между прочим.

— Кандидатур подходящих не было?

— Да были вроде. Не сложилось. А у тебя?

— Тебя ждала.

Парень еще больше стушевался, но его избавили от необходимости говорить что-либо в ответ.

— Вот где ты, упырь! — Из кустов на нас надвигалась какая-то тень. — Думал, спрячешься?

В руках у человека была палка с заточенным концом, и он, как копьем, целил ею в Серого.

— Мужик, ты чего? — Сергей задвинул меня себе за спину. — Осторожнее с этой штукой, здесь девушка.

Незнакомец на миг замер.

— Девушка может идти, — кивнул он деловито. — А мы тут с тобой закончим.

Выглянувшая из-за тучки луна тускло отблескивала на лысине маньяка, а его прищуренные глаза горели злобным огнем. Если я и не закричала, то лишь потому, что понимала всю бесполезность такого поступка.

— А если девушка не уйдет, и ее уберешь за компанию, пилигрим? — Позади сумасшедшего с палкой появился еще один человек.

— Тебе что тут надо, темный? — огрызнулся псих не оборачиваясь. — Это моя добыча.

— Кровожадные вы, братья, стали, — усмехнулся темный.

— Жизнь такая, — флегматично отозвался тот, которого назвали пилигримом.

— Может, мы пойдем, а вы тут побеседуете? — предложил Сергей.

— Что вы, что вы, без вас, молодой человек, беседа не будет такой интересной.

Второй мужчина вышел из тени: темные волосы, строгий костюм, даже галстук со старомодным зажимом, блестящим в лунном свете. Бриллианты, что ли?

Господи, о чем я только думаю?!

— Исчезни, темный, — потребовал маньяк с палкой.

— Конечно-конечно. — Тип в костюме приблизился к пилигриму. — Только тут такое дело, слышишь...

Он похлопал психа по плечу, тот оглянулся и встретился с летящим ему в челюсть кулаком. Хрусть, плюх, шмяк. Как пишут в книжках, все произошло в считанные секунды. Или даже в доли секунды.

— Нельзя же так, правда? — раздумчиво поинтересовался у нас спаситель. — С ходу осиновый кол — какой моветон! Можно же поговорить для начала.

— Вы кто? — пришел в себя Серый.

— Я? О, простите. Я маг и волшебник. Сейчас покажу вам свою волшебную палочку.

Жестом, не раз виденным мной в кино, он запустил руку под лацкан пиджака и вынул — да, я так и знала! — небольшой пистолет.

— У вашего товарища палочка была посимпатичней, — сглотнул Сережка.

— Каждому свое. — Незнакомец пожал плечами. — И он мне не товарищ. Так что, поговорим? Только не здесь, а то еще воин Света очнется. Давайте вперед, оба.

У входа в парк стоял лимузин.

Порой наши желания сбываются самым неожиданным образом: помню, когда-то я представляла, как привлекательный мужчина в дорогом костюме приедет за мной на такой машине. Домечталась...

— Прошу вас. — Человек с пистолетом галантно открыл дверцу.

Серый влез внутрь, я за ним.

— Простите за неуместный шик. — Наш похититель развалился на сиденье напротив, открыл мини-бар и достал бутылку минералки. — Запланировал свидание: взял в аренду это чудо, хотел произвести впечатление на девушку... А конкуренты тем временем перешли к активным действиям. Пришлось все бросить и лететь сюда. Обидно.

Он дважды стукнул по темному стеклу за своей спиной, и машина тронулась.

Мужчина, не опуская оружия, одной рукой открыл зажатую между коленями бутылку и вдруг резко плеснул водой в Серого. Тот от неожиданности замер, растерянно хапнул ртом воздуха и медленно выдохнул. Ладонью растер воду по удивленно-испуганному лицу.

— Жаль, — хмыкнул тип с пистолетом. — Это могло бы сэкономить массу времени.

— Что «это»? — осмелилась спросить я.

— Вода, ионизированная серебром. Иными словами — святая вода. Если бы ваш приятель зашипел, покрылся волдырями или вообще испарился, было бы просто замечательно. А так, к моему глубокому сожалению, придется повозиться.

— Почему он должен был зашипеть?!

Еще немного, и у меня будет истерика.

— Выходит, не должен был. — Незнакомец развел руками, и пистолет, будто случайно, оказался направлен на Сергея. — И с упырем наш светоносный друг погорячился.

— Бред какой-то. — Я постаралась взять себя в руки. — Кто вы вообще такие? Светлые, темные...

— Оценили шутку, да?

Черноволосый, смуглый, но при этом голубоглазый мужчина с коротким неровным шрамом, тянувшимся от левого виска к щеке, выглядел лет на сорок-сорок пять, но улыбка превращала его в мальчишку.

— Шутку? — переспросила я, поборов странное желание улыбнуться в ответ.

— Ну, светлые, темные, «Ночной дозор. Всем выйти из сумрака!». Раньше мы звали друг друга иначе, но новые времена диктуют новую моду.

— Вы издеваетесь?! — заговорил возмущенно Сережка. — Или тут где-то скрытая камера? Да я за такие шутки...

— Тихо-тихо, не нервничайте, Сергей Владимирович. Неизвестно, чем это может кончиться в вашем нынешнем состоянии.

— В каком состоянии? — процедил Серый сквозь зубы.

— Как? — наигранно удивился темный. — Вы разве не умерли около пяти месяцев назад?

— Не умер. Меня контузило, а с документами ошибка вышла, — не слишком убедительно проямлил парень. — Потом в больницу попал...

— С пневмонией, — кивнул брюнет. — После взрыва врач констатировал смерть, ваше тело в ожидании вертолета на материк вынесли на лед. Неудивительно, что ваши перепуганные товарищи несколько часов отказывались пускать вас в помещение, когда после суток пребывания хладным трупом вы постучались в окошко. Вот и простудились. Чуть было снова концы не отдали, да?

— Что за чушь? — нервно рассмеялась я. — Да если бы такое произошло, это было бы во всех газетах, а Серого задергали бы журналисты и медики. Тут мужик по пьяни из окна шестого этажа выпал и не убили, так месяц по всем каналам крутили!

— И это крутили бы, — уверил меня мужчина с пистолетом. — Если бы только владелец буровой не постарался замять и эту историю, и саму аварию. Там, где вертятся большие деньги, чудеса ни к чему. А ваш друг, Линкевич Сергей Владимирович, благополучно долечился, получил расчет и немалую компенсацию за физический и моральный ущерб и вернулся в родной город, где два месяца носа из квартиры не показывал. Пока сегодня не поддался зову плоти... То есть сердца. Зову сердца конечно же. Что и дало возможность нашему бритоголовому Ван Хельсингу выйти на охоту.

— Чушь, — упрямо повторила я.

— Разве? — усмехнулся мужчина. — Сергей Владимирович, развеите сомнения. Вы не умирали? Не шли по длинному коридору? Не видели свет в конце?

— Видел... — выдавил Серый.

— Так что ж ты к нему не дошел, дурила? — вышел из образа темный.

Он вынул из кармана пачку «Мальборо», зубами вытащил сигарету, поднял пистолет и нажал на курок. Прикурил от дула.

— Да, зажигалка, — ответил он на мой взгляд. — Я что, виноват, что вы такие доверчивые?

Сереежка подался вперед. Не знаю, что он хотел сделать, но темноволосый заметил движение и медленно, как-то даже лениво покачал головой:

— Я не сторонник рукоприкладства, Сергей Владимирович. Но когда нужно, могу применить силу. — Я вспомнила, как он с одного удара вырубил того лысого. — Если хотите выйти, просто скажите. Машина остановится, мы с вами распрощаемся, и я уверен, уже никогда не встретимся — охотник об этом позаботится.

— А какие у нас альтернативы? — Я уже поняла, что, несмотря на нелепость ситуации, все совершенно серьезно.

— У нас? — Брюнет глубоко затаился. — То есть вы от участия не отказываетесь, коллега?

— Коллега? — настороженно отстранился от меня Серый.

— В какой-то мере. — Мужчина неопределенно повел рукой с дымящейся сигаретой. — Или вы не знали, что ваша подруга — ведьма?

— Настюха?

— Потомственная, да, — признала я угрюмо.

— И с личной жилплощадью, — добавил темный.

— А это тут при чем?

— При том, что ваша квартира, Анастасия Валерьевна, лучше всего подходит в качестве убежища для вашего недавно почившего — тьфу ты! — недавно воскресшего друга. Мои конкуренты чтят кодекс, в том числе уголовный, а проникновение в жилище ведьмы карается как законом, так и моим ведомством. Так что к вам они не сунутся.

— Точно?

— Нельзя исключить спонтанных проявлений глупости и героизма с их стороны, но, надеюсь, до этого не дойдет. — Темный в последний раз затаился и затушил сигарету. — Я, конечно, никого не гоню, но через два часа лимузин нужно будет вернуть.

— Хорошо. Едем ко мне.

ГЛАВА 2

Серый с ходу кинулся звонить матери: у нее сердце большое, нервничать нельзя.

— Да, у Насти заночую. В смысле — зачем? Нет, она не такая...

Я прикрыла дверь в кухню, предоставив другу защиту своего доброго имени, и вернулась в комнату к темному. Он не представился, и я решила, что так и буду его звать — темный.

Мужчина с любопытством изучал книжные полки, а потом остановился у аквариума без воды, зато с камнями и деревяшками.

— Как зовут?

— Настя. Ой... Вы о жабе? Его — Жорик.

— Георгий, значит. Уважаю.

Непонятно было, уважает ли он серых жаб в целом или Георгиев в частности, но уточнять я не стала.

Закончивший разговор Сережка возвратился с кухни и присел рядом на кровати, как и я ожидая продолжения начавшейся в лимузине беседы, а наш странный гость все еще был увлечен книгами. В конце концов мне надоело наблюдать широкую спину в серо-стальном пиджаке в мелкий рубчик, загорелую шею и коротко стриженный затылок, и я напомнила о себе деликатным покашливанием.

— Проявите терпение, Анастасия, — произнес мужчина не оборачиваясь. — Я как раз пытаюсь коротко и доступно сформулировать суть проблемы, а вы сбиваете с мысли.

— Начните хоть как-нибудь. Если мы чего-то не поймем, будем задавать вопросы.

— Этого я и боюсь, — вздохнул темный.

Он вернул на полку сборник французской поэзии девятнадцатого века и повернулся к нам:

— Ну-с, во-первых, кто я такой и каков мой интерес в этой истории. Отвечаю коротко: я колдун, ведьмак, маг, волшебник, экстрасенс — нужное подчеркнуть. Работаю на одну серьезную организацию, о которой вам знать не положено. Есть еще одна организация, о которой вы тоже ничего не знали бы, если бы ее сотрудник не подкараулил вас сегодня в парке. Организация, которую представляет этот охотник на вампиров, изначально действовала под патронатом церкви или официальных властей, поэтому они и светлые. Мы, как исторические антагонисты, всегда работавшие только на себя и на тех, кто больше платит, — темные. Меня не смущают подобные определения, поэтому предлагаю в дальнейшем использовать их.

Я открыла рот, и заметивший это мужчина предупреждающе выставил вперед руку:

— Забудьте о тамплиерах, вольных каменщиках и «Коде Да Винчи». Все совсем не так или не совсем так. Обе наши организации преследуют схожие цели: мы, так сказать, контролируем плановые чудеса и пресекаем внеплановые. Случившееся с Сергеем (можно без отчества?) как раз и относится к категории внеплановых чудес. И мы, и наши конкуренты зафиксировали мощный всплеск, отследили место и вычислили объект. Теперь, как я понял по воинственному настрою пилигрима и осинового колу, светлые хотят восстановить статус-кво, то есть вернуть Сергея туда, откуда он каким-то образом выбрался. Кстати, каким именно образом — это уже мой вопрос к вам. Может, не будете ходить вокруг да около и сразу признаетесь?

— Вы забыли рассказать о своих намерениях, — напомнил Серый.

— Ах да, конечно. Ну, я не светлый, равновесие сил и прочая ерунда меня интересует мало. Я также не стану вмешиваться, если имела место сделка с дьяволом или прочее мракобесие. Но поскольку существование дьявола официально так и не было доказано... Да-да, Анастасия, не доказано. Вас это удивляет? Так вот, я практик и не сторонник

фантастических теорий. Опыт и интуиция говорят мне, что в данном случае для воскрешения был использован некий предмет, обладающий особой энергетикой. Артефакт, иными словами. Вот этот артефакт я и хочу найти. И если вы, Сергей, мне в этом поможете, я помогу вам уладить проблемы со светлым воинством.

— Потому вы и ждали, чтобы на Серого набросился тот урод с заточенным дрынном? — предположила я. — Могли ведь сразу к нему прийти, раз хотели просто поговорить.

— Анастасия, вы меня раскусили, — шутливо поклонился колдун. — Так мое появление выглядело эффектней, и сразу стало понятно, кто на чьей стороне.

— Ничего не понятно, — пробурчал Сережка. — Может, вы все заодно. Как в кино: плохой полицейский, хороший полицейский. Один, типа, убить хочет, второй спасает. А я, значит, весь такой благодарный, и артефакт вам на блюдечке, да?

— Зачем такие сложности? — недобро усмехнулся темный. — Пистолет у меня и настоящий есть. Пулю ей в голову, — он кивнул на меня, — чтобы ты понял, что это не шутки. Дуло к твоей башке. Второй раз умирать тебе точно не захочется, и будет мне артефакт, как ты сказал, на блюдечке. А если у тебя еще останутся сомнения, в расход пойдут мама, сестра и племянник. Как тебе такое кино?

Серый сжимал мою руку, его ладонь стала холодной и влажной.

— Это не мои методы, Сергей, — продолжил колдун спокойно. — Но я действительно хотел, чтобы вы столкнулись сначала с моими конкурентами и оценили альтернативу. Ребята они серьезные, а вы, в их представлении, нарушили мировую гармонию. Подобных нарушителей они ой как не любят.

Сложная ситуация. Даже если отмести тот факт, что все это похоже на бред сумасшедшего. Нужно все обдумать, обсудить наедине с Серым, чтоб не вздумал согласиться раньше времени. Тут еще можно поторговаться.

— Я не против помочь, — сказал Сережка, сводя на нет мои планы. — Только я понятия не имею, о какой вещи речь. Честно.

— Честно, — задумчиво повторил темный. — Что ж, такое я тоже предполагал.

— С чего вы вообще взяли, что этот артефакт существует? — поинтересовалась я.

Нет, правда, откуда такая уверенность?

— Вы меня удивляете, Анастасия, — растянул колдун. — Наверное, стоило бы прочесть вам длинную и скучную лекцию на эту тему, но, простите, настроение не то. Поэтому объясню коротко. Дело в том, что энергетика нашей планеты из года в год слабеет. Цирцея, Суламифь, Мерлин, Моргана — все они в прошлом. Таких чародеев больше нет и, думаю, уже не будет. Человек в наше время не способен собрать такое количество силы. А вот отдельные вещи до сих пор хранят в себе огромный заряд. С их помощью и вершатся настоящие чудеса. Но чудеса, как я уже говорил, у нас строго лимитированы. Поэтому мне и нужно найти артефакт, вернувший вашего друга к жизни. Поверьте, живая вода, молодильные яблоки, неразменные рубли и горшочки, в неограниченном количестве производящие кашу, каким бы благом они вам ни казались, попав не в те руки, способны натворить немалых бед.

— А вам какое дело? — грубо спросил Сережка. — Вы же эти, темные.

— Вот именно, темные. Сеять хаос — это наша и только наша прерогатива. И мы сами будем решать, где сеять, когда и в каких количествах. Ясно?

Серый хотел еще что-то спросить, но в этот момент в дверь позвонили. Мы с другом одновременно вздрогнули и крепче сцепили пальцы.

— Не волнуйтесь, — успокоил колдун. — Это мои вещи. Попросил привезти из гостиницы.

— Вещи? Сюда? — опешила я.

— Хотите, чтобы я ушел и оставил вас самих разбираться со светлыми? — Он поднялся и по-хозяйски направился к двери. На выходе из комнаты задержался. — У них в арсенале не только колья, кстати.

— Верить ему? — спросил Сергей, когда мы остались одни.

Я пожала плечами.

— А я верю. Сам не знаю почему. Он, конечно, недоговаривает, темнит что-то... Так ведь темный же. И не убил пока.

— Не убил пока, — вернулся с большой спортивной сумкой колдун, — и не убью потом. Можете не волноваться на этот счет. Свершившиеся чудеса возврату и обмену не подлежат. Жаль только, у моих конкурентов другой взгляд на подобные вещи.

Он небрежно кинул свою ношу на пол, и в тот же момент в квартире погас свет.

— Это они? — шепотом спросил Серый. — Началось, да?

— Они? — переспросили из темноты. — Светлые вырубили свет? Было бы забавно. Но нет, это у вас на подстанции что-то. В доме есть свечи, сударыня?

— Канделябр на каминной полке, граф, — ляпнула я.

— Что? — Судя по удивлению в голосе, этот тип возомнил, что словесные выкрутасы исключительно его епархия.

— Подсвечник на серванте, говорю.

Не споткнувшись и ничего не опрокинув, словно он мог видеть в кромешной тьме, колдун достал большой семирожковый подсвечник и поставил его на стол. Щелкнул пальцами, и одна из свечей загорелась.

— Сумеете повторить? — предложил он мне с шутливым вызовом.

— Без проблем, — бросила я хмуро. — Или я не ведьма в седьмом поколении?

Взяла с полки лежавшие на такой случай спички и зажгла оставшиеся свечи, удостоившись еще одного странного взгляда.

— На чем мы остановились? — Колдун тряхнул головой, словно хотел выбросить из нее не связанные с разговором мысли. — Кажется, на моих воинственных конкурентах. Так вот, Сергей, можете попробовать побегать от них, спрятаться где-нибудь. Но рано или поздно они все равно вас найдут. Если хотите спокойной жизни, светлые должны сами отозвать охотников. Мое ведомство могло бы с ними договориться, но пока я не предоставлю боссам палочку-оживлялочку, они и пальцем не шевельнут. Бескорыстная помощь не в нашем стиле, вы же понимаете?

— Тогда какого ты нам помогаешь? — Похоже, Серого вконец утомил навязанный гостем учтивый тон.

— Разве я вам помогаю? Я же сказал, что ищу артефакт, очень мощный и ценный. И это вы помогаете мне его искать. Уяснили?

— Уяснили, — нахмурился Сережка. — А если не найдем? Сдашь меня конкурентам?

— Давайте будем надеяться на лучшее, — уклонился от ответа колдун. — На худой конец, ваша подруга может попробовать вступить за вас. Возможно, у нее даже получится — к хорошему ведьмам и святоши порой снисходительны.

— Что у меня получится? Как?

— Очень просто. Берете чистый лист бумаги, ручку и пишете: «Я, Вербицкая А. В., потомственная ведьма в седьмом поколении (я верно запомнил?), путем сложного ритуала вернула к жизни своего любовника, Линкевича С. В. Произведено сие было с помощью веретена давно усопшей прабабки и исключительно в личных целях. Поиграю и положу на место...» То есть обязуюсь упокоить через, скажем, три года. Дата, подпись.

К кому идти с этим заявлением, я расскажу.

— Поглумиться решили?

— И не думал. Хорошо попросите, и вам разрешат оставить его себе. А через три года еще раз хорошо попросите. Сошлетесь на большое чувство, покажете свидетельство о браке. Это же не дело разбивать ячейку общества и оставлять ребенка без отца? Хотя с ребенком я, конечно, погорячился.

— Почему же? Я не против. Возраст уже — двадцать семь, да и мама мечтает о внучке.

Даже не знаю, кого мои слова удивили больше: колдуна или Сережку.

— М-да... — протянул колдун. — Есть женщины в русских селеньях. Даже завидую вам, Сергей. Но дело в том, что детей у вас при всем желании не будет. Это, как показывает практика, обязательное условие любого воскрешения. Официально вашего друга, Анастасия, вычеркнули из списков живых, а значит, и потомства он оставить не может. Но с другой стороны, можно развлекаться напропалую и не задумываться о нежелательных последствиях. В этом я тоже ему завидую. Но совсем чуть-чуть.

Ни слова не сказав, Серый вышел в темный коридор и захлопнул за собой дверь. Пламя свечей дернулось, но не погасло.

— Ну и гад же ты, темный, — прошипела я.

— Полноте, Анастасия. Ваш приятель скоро оценит выгоды такого положения. А до возраста, когда начинают всерьез жалеть об отсутствии наследников, может еще и не дожить.

— Гад, — окончательно убедилась я.

Загорелись лампочки, на кухне загудел холодильник. Наслюнив пальцы, мужчина принялся методично, одну за другой, гасить свечи. Сережка не возвращался.

Я нашла его на кухне, где он стоял, склонившись над раковиной и подставив седую голову под струю воды. Молча принесла из ванной полотенце.

— Насть, прости меня...

— За что?

— За все. Права была твоя бабушка, одни проблемы из-за меня.

Темный встретил нас кривой усмешкой.

— Выкладывайте, — потребовал Серый. — Какой у вас план?

— Для начала предлагаю лечь спать, — огорошил он нас. — Утро вечера мудренее. А вам обоим еще нужно осмыслить все, что вы узнали. Завтра поговорим на свежую голову.

Осмыслить. За один день со мной приключилось больше, чем за всю жизнь. Я узнала, что Серый мертв, потом — что он жив, еще попозже — что он жив, но все-таки был мертв. За ним охотились кровожадные светлые, а за стеной сейчас спит на бабулином диване язвительный темный.

Хотя вряд ли спит: сначала я слышала шаги и какие-то шорохи. Потом и вовсе скрипнула дверь, и колдун протопал по коридору на кухню. Хлопнул дверца холодильника, звякнула ложка об тарелку. Проголодался. Я бы не стала в чужом доме хозяйничать, постеснялась бы. Но этому-то стыд неведом. Перекусил по-быстрому, в две минуты уложился, и назад пошел. И снова что-то бормочет.

Стало любопытно, и я, накинув поверх рубашки халатик, выскользнула из спальни. Сережка, которого я перед сном напоила мамиными настойками, даже не шелохнулся.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Видеть я ничего не видела, кроме боковой

стенки стоявшего сразу у входа шкафа, зато отчетливо разбирала слова. Но голос принадлежал совсем не колдуну!

— Благодарствую, ваше благородие, — лебезил кто-то пискляво. — Только стоило ли утруждаться? Я бы и так вышел, свистнули б только, ваше превосходительство. Мы правила знаем. Чтим. Вы бы только позвали, ваше сиятельство...

— Хватит. — А это темный, его насмешливый тон. — Этак ты меня до императорского величества повысишь. Этикет соблюли, теперь можно просто поговорить.

— Можно, — уже без заискивания пропищал незнакомец. — Только сметанки я все же наверну, с вашего позволения.

— Не балует тебя хозяйка?

— Настасья? Ну, как бы... да. Не балует. Но вы не подумайте, девка она неплохая. Хорошая даже. Не пьет, не курит, дом в порядке содержит... когда не ленится. Находит на нее бывает, она и в комнатах приберет, и вкусностей наготовит... А кому оно надо? В доме ж только она, да жаб ее, Жорка. К тому у меня тоже никаких претензий: животное смирное, мух ловит исправно, в тапки не гадит. Вот они тут вдвоем с Настасьей и обитают. Да еще сегодня она мертвеца привела...

— И что скажешь? Как он тебе?

— Покойничек? Ничего так, живенький.

— А вы что скажете, Анастасия? — повысил голос колдун, и у меня сердце в пятки ушло. — Не стыдно подслушивать? То есть, я хотел сказать, не скучно там, в коридоре? А то заходите к нам, посидим, пообщаемся.

Позорно бежать с места преступления я не стала. Да и какое преступление: я у себя дома, между прочим! Запахнула халат, решительно толкнула дверь и тут же замерла с открытым ртом. На ковре, рядом с креслом, в котором развалился темный, сидело странное существо с полметра ростом, серое, мохнатое. В лапках это чудо держало блюдце. На столе стояла принесенная мамой банка сметаны, уже наполовину пустая.

Я закрыла глаза, а когда открыла, диковинное создание уже превратилось в миниатюрного старичка в длинной серой рубаше. На лице, по самые брови заросшем косматой седой бородой, влажно блестели черные глазки.

— Так-то лучше, Настюшка? — спросил старичок ласково.

Я кивнула.

— Вы что, не знакомы? — с недоверием посмотрел на меня колдун. — Не знакомы с хозяином?

— Вообще-то я тут хозяйка! — напредила ему я.

— Не верит она в меня, — вздохнул дедок.

— Ведьма, не верящая в домового, — возведя очи горе, пожаловался темный люстре. — Куда катится этот мир?

Лохматик скорбно высморкался в рукав:

— Она и в себя не слишком-то верит.

Я снова зажмурилась. Все, стоп. Домового мне только не хватало для завершения этого «чудесного» дня.

— Звать-то тебя как? — услышала я обращенный к деду вопрос колдуна.

— Вам и-ик... имя сказать? — В тоненьком голоске явственно звучал страх, и я все же открыла глаза, подспудно ожидая, что темный взял домового на прицел своей зажигалки.

Ничего подобного, сидит, как и сидел, скрестив руки на волосатой груди. Я на чудика засмотрелась и не сразу заметила, что темный разделся до пояса, повесив пиджак и рубашку на спинку стула. Здоровый бугай. И на плече какая-то татуировка...

— Не бойся, — непривычно добрым голосом сказал он домовому. — Имени не требую. Скажи, как тебя люди зовут.

— Так это, — оживился дедок. — Петровичем.

— Оригинально, — угрюмо заметила я.

— Традиционно, — назидательно поправил косматый старикан.

— У нас тут одна проблема, Петрович, — доверительно сообщил ему темный. — Надо бы, чтоб ты за квартирой присмотрел.

— Дык я и так того, присматриваю...

— А ты получше присматривай. Мало ли. Вдруг гости какие странные объявятся или еще что.

— Ага, — понимающе мигнули глазки-бусинки. — Пригляжу, не извольте беспокоиться.

— Спасибо.

Вот бы он и с людьми был такой же обходительный, как со всякой нечистью. Домовые — это же нечисть? Хотя вроде как добрые духи. Но бывает, душат во сне. Мне девочка одна на работе жаловалась, а я отмахнулась тогда: мол, сказки все это, а ты лучше щитовидку проверь...

— Анастасия, вернитесь в реальность, — окликнул меня колдун.

— Реальность? Что-то не похоже.

Темный поднялся, подошел ко мне.

— Сметану ему отдай, — прошептал одними губами.

— А?

— Сметану отдай, говорю.

— А. Ладно.

Я взяла со стола ополовиненную банку и протянула ее дедку:

— Вот. Это вам. Угощайтесь.

— Спасибо, Настюшка, — едва ли не прослезился он.

И что теперь? Я обернулась к колдуну.

— Не сложно, да? — скривился тот. — Ему же немного надо. Чуть-чуть уважения. Блюдце молока, кусочек колбаски. Неужели это так тяжело? Он же следит за вашей квартирой, заботится о вас.

Естественно, домового уже и след простыл.

— Чего вы на меня орете? — огрызнулась я громким шепотом, вспомнив, что в соседней комнате спит Сережка. — Я понятия не имела, что он тут... водится. Я же его до этого дня в глаза не видела!

— Не верю! А если и так? Вы воздух видите? Нет? Но чем-то же вы дышите!

Колдун перевел дыхание и продолжил уже тише:

— Это же надо, чтоб из всех ведьм в этом городе мне попалась самая... самая...

— Какая?

— Да никакая! Самая никакая ведьма. Поздравляю, в этой номинации вы побеждаете с огромным отрывом.

— Да потому что я не ведьма, — вспылила я. — Согласна, не все сказки врут. Убедилась сегодня. Только я к этим вашим сказкам никакого отношения не имею!

И вообще, все это от кабачков! Перевела, блин, старушку через дорогу!

— Знаете, Ася, вам действительно надо поспать.

— Что?

— Вам нужно отдохнуть.

— Нет, вы назвали меня...

— Асей? — сощурился он. — Я так услышал.

— Бабушка меня так звала. — В глазах вдруг зашипало. — Это ее комната. И квартира была ее. И домовая тоже.

— Ложитесь спать. Завтра поговорим.

— А в корзинке у тебя что?

— Пирожки.

— Пирожки-и? Ха! Ты прямо как Красная Шапочка! А я Серый.

— Волк?

— Не, просто Серый. Сережа. Я в первом подъезде живу.

— А я Настя.

— Пойдешь к нам? Мы там халабуду строим.

— Пойду. Только пирожки занесу. Тут для бабушки с вишней и один с творогом — для Петровича...

Первые секунды после пробуждения я была уверена, что все случившееся вчера — дурной сон. Я лежала в своей комнате, в своей постели, а на соседней подушке вальяжно и так привычно расположился Жорик. Можно было вздохнуть с облегчением... Но я и этого не успела.

— Умный гад!

Серый, чье место успел занять жаб, изучал аквариум.

— Тут сетка в одном месте отходит, — сообщил он, — сразу и не заметно. Он, видно, подпрыгивает, отодвигает и так выбирается. Но ничего, я потом проволокой прикручу.

Я отнесла Жорика на место, а традиционный утренний поцелуй сегодня достался Сережке. Хоть что-то приятное во всей этой истории.

— Ты не сердись? — Он обнял меня, прижимая к груди.

— За что?

— За то, что я тебя во все это втянул.

— Я сама втянулась.

— Нет, это я виноват. — Серый опустился на кровать и усадил меня рядом. — Понимаешь, я знал обо всем. С самого начала знал. И что умер, и что воскрес. Не рассказывал никому, чтобы за психа не приняли, но знал. И что следят за мной, тоже знал. Чувствовал. Потому и старался особо не высовываться, из квартиры от силы раз пять за все два месяца вышел. А вчера... Вчера ты пришла. Такая красивая, такая... — Горячие губы коснулись моего лба, а по коже мороз прошел. — Помнишь, как я ногу сломал? — прошептал, не отстраняясь, Сережка. — Больше месяца дома просидел. А когда стало можно наступать и потом во двор выйти — не ходил, летал! И это всего лишь после болезни. А представь, каково это после смерти. Я не сразу почувствовал, как и с ногой тогда. Но ты пришла, и... Жить захотелось. На всю катушку...

Я понимала. Гладила серые волосы, вдыхала запах кожи — его запах, тонула в темноте глаз. Его желания жить с лихвой хватало на нас двоих, и меня, как и вчера, накрыло с головой.

— Прости. Я не хотел тебя впутывать, Насть. Только не тебя.

— Прорвемся, — пообещала я ему.

Не для того я ждала его столько лет, чтобы найти и потерять в один день.

— А этот, — я кивнула на стену, — еще дрыхнет?

— Нет его.

— Нет? — Я испугалась, что темный бросил нас или вообще сдал конкурентам.

— Сумка на месте. — Сережка успокаивающе погладил меня по плечу. — Шмотки, ноутбук, книжка. Документов никаких.

— Ты рылся в его вещах?!

— И что? Он в моей жизни роется, в душе у меня копошится — ему можно?

В повисшем молчании утешало лишь то, что он по-прежнему не отпускал моей руки.

Так и сидели до тех пор, пока не щелкнул замок входной двери.

— Дорогой, я дома! — прокричал из коридора темный. Заглянул в комнату. — Сергей, не нервничайте, это я не вам. Мобильник в пиджаке забыл, а он у меня действительно дорогой. Кстати, никто не звонил?

Внешне он теперь ничем не напоминал вчерашнего солидного джентльмена. На смену шикарному костюму пришли джинсы и ярко-зеленая безрукавка, волосы спрятались под бейсболкой, а глаза — за темными стеклами солнцезащитных очков. Осталась только насмешливая полуулыбка и шрам на виске. Да еще татуировка на мускулистом плече, которую я заметила, но не рассмотрела ночью: щит, меч, какие-то буквы.

— Это не знак тайного общества, Ася. Память об армии. Пограничные войска.

— Ася? — подозрительно поглядел на меня Серый, но мне в этой фразе не понравилось отнюдь не обращение.

— Вы и мысли читаете?

— Только если они так явно написаны на вашем лице.

Усмешка колдуна частично развеяла мои страхи. Мало приятного находиться в обществе человека, запросто копающегося в твоей голове.

— Где вы были?

— Ходил за продуктами.

— Спасибо. Но мы вроде бы не бедствуем.

— Не для вас. — Нимало не смущаясь того, что я еще в ночной рубашке, колдун прошел

в спальню и поставил на подоконник какой-то пакет. — Решил Георгия побаловать.

Благодетель, блин! Ночью домового подкармливал, сегодня Жорику гостинцев принес. Еще пара дней, и мне какой-нибудь пряник перепадет.

— Георгий — мужчина взрослый, хватит ему червями да мухами перебиваться. — Он достал из пакета картонную коробочку и отодвинул с аквариума сетку. — Пора попробовать настоящей еды.

Встряхнул коробку и за тоненькие хвостики вытащил из нее двух маленьких белых мышат.

— С ума сошли?! — закричала я, увидев, что он собирается бросить их на съедение жабу. — Не смейте!

— Он их реально сожрет? — любопытно спросил Серый.

— И ты туда же? — Я стукнула его кулаком по колену. — Никого мой Жорик жрать не будет! Иди на кухню и принеси банку. Под мойкой стоят трехлитровые. А вы...

— Что я? — Колдун сдвинул очки на лоб и невинно захолопал голубыми глазками. — Я же как лучше хотел.

Сережка принес банку, и под моим строгим взглядом темный аккуратно опустил в нее мышек.

Жорик обиженно квакнул.

— Спокойно, Георгий, я это предвидел. — Мужчина вытащил из пакета еще одну коробочку. — На сверчков ваша доброта, Анастасия, я надеюсь, не распространяется?

Я промолчала, и он запустил под сетку штук пять живых насекомых. Жаб алчно выпучил глаза, не зная, на которой из жертв сосредоточиться.

— А с ними что делать? — Серый потряс банкой с мышами.

— Сейчас тоже покормим, — решила я. — Хлебом, или сыром, или еще чем-нибудь.

— Это я тоже предвидел, — вздохнул темный, раскрыл свой волшебный пакет и протянул мне упаковку корма для мелких грызунов. — Сами, кстати, перекусите, и поедем. Я уже поел... Если это кого-нибудь волнует.

— Куда поедем? — насторожился Сережка.

— К вам домой. Хочу взглянуть на вещи, которые вы привезли с буровой. Заодно маму успокоите. Скажете, что уезжаете с девушкой на море недели на две. По-моему, достоверное объяснение предстоящего отсутствия.

Серый ответил благодарным взглядом. Колдун пожал плечами:

— Да, я милый и добрый. Бываю. Но не стоит злоупотреблять моей добротой.

Я сделала нам с Сережей бутерброды, заварила чай в пакетиках. Темный вызвал такси.

— Вы не нервничайте, но на лавочке у подъезда сидит вчерашний охотник. Правда, сегодня без кола.

— Сидит? — растерялась я. — А мы просто так выйдем?

— День на улице. — Мужчина пожал плечами. — Дети, дамы с собачками. Вряд ли он кинется убивать вашего приятеля.

— Да я его сам сейчас убивать буду! — сжал кулаки Сережка, когда, выйдя на улицу, рассмотрел своего несостоявшегося убийцу при свете дня.

На скамеечке скромно сидел парнишка лет двадцати, в шортах и клетчатой рубашке. Безволосая голова-яйцо, бледное личико, тощие плечи. На шее — шина-воротник, видать, здорово ему вчера прилетело.

— Не нужно, — придержал Серого колдун. Но, проходя мимо светлого, не сдержался: — Присылают стажеров с неокрепшими костями, а меня пусть совесть мучает, да? — обронил он, не глядя на парня.

Тот непроизвольно коснулся гипсового ошейника.

— Мы все равно доберемся до вместилища, — негромко произнес парень нам вслед.

Темный сбился с шага, но тут же двинулся дальше, к ожидавшей нас машине. Распахнул заднюю дверцу для нас с Сережкой, а сам устроился рядом с водителем.

— О каком вместилище он говорил? — спросил Сергей.

— Понятия не имею. Видимо, я слишком сильно его ударил.

Наверняка врал.

У дома Серого тоже дежурил светлый. Наш сопровождающий указал на высокого старика с окладистой белой бородой, выгуливавшего жирную таксу. Тот и не таился: поклонился, приподняв над головой соломенную шляпу, и ощупал Сережку недобрый взглядом.

— По лестнице пойдем, чтобы без сюрпризов. — Темный первым вошел в подъезд.

Я не заметила, откуда в его руке появился пистолет, но сразу поняла, что это точно не зажигалка.

Он так и шел до седьмого этажа, словно герой голливудского боевика, держа оружие наготове и вслушиваясь в каждый звук. Позволил себе расслабиться, лишь когда тетя Вера открыла дверь и мы оказались в прихожей Линкевичей.

— Мам, тут такое дело, — слишком бодро начал Сережка, и заметивший тревожный взгляд его матери колдун перехватил инициативу:

— Здравствуйте. Вы мама? Сергей о вас много рассказывал.

— Да? — растерялась женщина.

— Конечно же нет, — тут же огорошил ее темный. — Но так принято говорить при знакомстве. А вы должны ответить, что тоже слышали обо мне много хорошего. И кому какое дело, что ваш сын сам меня не знал до вчерашнего дня?

До чего же обаятельный, гад! Теть Вера уже расслабилась, улыбается.

— Я Настин дядя, — продолжал напропалую врать колдун. — Заскочил к племяшке проездом, тогда и познакомился. Вы уж простите, что я его на ночь задержал. Настюха, она, конечно, умница, но в мужской компании время коротать веселей. Футбол посмотрели, выпили по рюмочке. Честно, по рюмочке, не больше. Видите, с утра оба, как огурчики. Особенно Серега — зеленый и в пупырышках. Поражаюсь этой молодежи: у моря живут, а моря и солнца не видят.

— Какое море?! — замахала руками женщина. — Он и из дому-то не выходит. Спасибо Настеньке, вчера хоть погулять вывела.

— Настеньку бы кто почаще выводил, — вздохнул в ответ «дядя». — Но у меня есть предложение по этому поводу. Я ведь на море приехал, думал с семьей отдохнуть, путевку в пансионат взял на две недели. А жену с работы непустили. Что ж теперь, пропадать добру? Решил молодежи подарок сделать, пусть отдохнут. Может, и вы захотите поехать. Место хорошее, тихое. В прошлом году там же отдохали, жене очень понравилось.

Переиграл все-таки! Сейчас как согласится...

— Мама не может, — проямлил Серый. — Я же говорил.

— Да, у меня уколы в поликлинике, — с сожалением вымолвила Вероника Николаевна, — пропускать нельзя. А ребята пускай едут! Чего в этом городе сидеть?

— Талант, — усмехнулся Сережка, когда мы оказались в его комнате. Тетя Вера благословила нас на морской отдых и умчалась на кухню собрать чего-нибудь на дорожку. — Я сам почти поверил, что на пляже две недели проваляюсь.

— Еще и жену какую-то сочинил, — прибавила я.

— Почему сочинил? — серьезно поинтересовался темный. — Я что, не человек? У меня, что, и жены быть не может?

— Конечно может, — смерил его оценивающим взглядом Серый. — И жена, и девушка, которую ты на лимузинах катаешь.

— В мою личную жизнь лезть не советую, — мрачно предупредил колдун. — Сам сначала до свадьбы доживи. И давай вещи показывай. А заодно и собирайся. Море ждет.

Одежда темного не заинтересовала. Но складной нож, который Сергей достал из рюкзака, он чуть ли не на зуб пробовал. Потом с сожалением отложил в сторону. Взял со стола обтянутую брезентом фляжку, свинтил крышку, понюхал и тут же бросил назад.

— Что еще? Кольца, цепи, кулоны?

— Цепочка с крестом, вот эта. — Серый вытащил из-за ворота футболки серебряную цепочку с крестиком.

— Нет, — махнул рукой темный. — Вчера еще видел. Думай. Вилка, ложка, открывалка... Часы! Часы же у тебя были?

— Да. Вот. — Парень вынул что-то из ящичка стола и подал колдуну.

— Это часы? — скривился тот, брезгливо откладывая простенькие часики с электронным табло. — Давай считать, что ты пошутил.

— Ну извини, — окрысился Сережка, — хотел швейцарский хронометр купить, как у тебя, да пяти баксов не хватило.

— Верю. Как раз столько ты днем раньше потратил на этот образец народного китайского творчества.

— В глаз хочешь? — без обиняков предложил Серый.

— Не хочу, — спокойно, как от чая с плюшками, отказался колдун. — Вспоминай, что еще у тебя было.

— Больше ничего.

— Точно? — Мужчина снова взял со стола нож, открыл, пальцем проверил остроту лезвия и со щелчком закрыл. — Что ж, бывает и так.

Уйти сразу же не получилось. Вероника Николаевна настояла, чтобы мы покушали горяченького. Темный рассыпался в комплиментах хозяйке, попутно обругав неумеху-племянницу, сутки пичкающую его бутербродами, и сожрал две тарелки борща. Тетя Вера млела и наверняка внимания не обратила на то, что гость «забыл» представиться.

— Был рад познакомиться, — сказал он ей, задержавшись на выходе. — Я знаю, что именно так говорят, прощаясь, но это совершенно искренне.

— И взаимно, — улыбнулась женщина.

Она вдруг покачнулась, схватившись за грудь, и колдун, опередив Сергея, придержал ее за локоть. Лицо его на миг искривилось, словно от боли.

— Мама? — встревожился Серый. — Сердце? Опять?

— Да нет, — проговорила она медленно, прислушиваясь к себе. — Кольнуло и отпустило. Вы идите, милый, идите. Хорошо вам отдохнуть.

В дверях темный оступился, но не упал, ухватившись за косяк. Вышел на лестничную площадку и подошел к лифту.

— Не по лестнице? — удивилась я.

Он повернул к нам побледневшее лицо, неопределенно махнул рукой.

— Пойдем, — подтолкнул меня в спину Сережка.

В лифте он молча смотрел в спину отвернувшегося к стене мужчины, а на первом этаже, выйдя и оглядевшись, заступил направившемуся к двери на улицу темному путь:

— Спасибо.

Колдун посмотрел на протянутую руку и усмехнулся. Усмешка вышла кривой и болезненной.

— Не за что. — Он откашлялся и сплюнул себе под ноги розовой пеной. — Это временный эффект. Как раз на пару недель. Твоей матери нужна операция, и чем скорее, тем лучше. Иначе за год загнетса.

Он оттолкнул парня с дороги и вышел из подъезда. Когда приехали ко мне, резко, без обычных своих эквивоков, потребовал чаю:

— И не эту бурду в пакетиках. Там у тебя пачка крупнолистового стоит.

Выкать он тоже перестал и вообще превратился в натурального хама, и если бы не Сережка, черта с два я стала бы готовить ему чай, даже «бурды в пакетиках» не дождался бы... Но он никакого не дождался — уснул в бабулином кресле.

А пока я была в ванной (забралась на пару минут под душ), куда-то исчез Серый.

ГЛАВА 3

Разбуженный всего через полчаса сна колдун являл собой страшное зрелище — как говорят, не для слабонервных. Но если я и нервничала, то не из-за него, а из-за Сережки. И плевать мне на злобные взгляды и косые ухмылки: надо же, мокрая женщина в полотенце посмела потревожить их темнейшество! И да, я знаю, что ему нужно было отдохнуть, не дура и не слепая — поняла, на что ушли силы. Но Серого там, может быть, прямо сейчас убивают!

— Чай заварился?

Вопрос был неуместен настолько, что я даже не возмущалась, только кивнула в ответ.

Он прошел на кухню, заглянул в фарфоровый чайничек, достал из шкафа чашку и налил себе остывшей заварки. Разбавил кипятком и опять пошел в комнату. Вернулся с пачкой сигарет. Закурил.

— Нужно что-то делать!

— Вам нужно одеться. — Колдун устало провел рукой по лицу. — А мне побриться.

Поняв, что ничего другого от него не услышу, я ушла в спальню. Натянула шорты и футболку, зачесала назад влажные волосы. Потом долго смотрела, как прыгают на стеклянную стенку мышки, пытаюсь выбраться из банки, слушала, как шумит в ванной вода и ходит туда-сюда по квартире темный. Комнаты наполнились табачным дымом, и в какой-то момент я пожалела, что не имею этой дурной привычки, — даже руки занять было нечем.

Наконец на втором часу ожидания щелкнул дверной замок.

Выскочив в коридор, я безо всяких расспросов бросилась Серому на шею.

— Инцидент исчерпан? — спросил из-за моей спины колдун. — Тогда извольте не мешать мне хотя бы час. И если еще кто-нибудь решит покинуть квартиру, пусть сразу оставит записку: «В смерти моей прошу никого не винить».

Он закрыл за собой дверь, и я слышала, как заскрипел старый бабушкин диванчик.

Сережка обнял меня за талию и, легко приподняв, внес в комнату. Опустил на пол. Ткнулся носом в макушку.

— Насть, я тут...

В руках у него был точно такой же пакет, с которым утром вернулся с прогулки темный, и я нервно хихикнула:

— Мышей принес?

— Нет. Вот.

Он принялся выкладывать на постель аккуратные пачки денег. Одна, две, три...

— Ты что, банк ограбил? — Я присела на кровать рядом с этими несметными богатствами и недоверчиво ткнула стопку купюр пальцем: авось растает в воздухе.

Не растаяла.

— Нет, но в банке был. Счет закрыл.

Он сгреб деньги и положил мне на колени.

— Спрячь пока куда-нибудь. А потом... Ты же слышала, что он сказал? Про маму, про операцию? А мне, так вышло, кроме тебя и доверить это некому. Друзей не нашёл — так, приятели. А Светка... Безалаберная она. Да и своих проблем хватает: с бывшим судится, мелкий нервы мотает. Затянет еще, а надо срочно.

— Сереж...

— Мы же палочку-оживлялочку не нашли, значит, никакие темные силы за меня не вступятся. Придет задохлик с колом, или в святой воде утопят — и плевать им, что я не шиплю...

— Дурак! — Я рассерженно стукнула его ладонью по лбу.

— Может быть. Но лучше перестраховаться.

Едва он это сказал, в дверь позвонили.

Сбросив деньги на постель, я кинулась в коридор. Сережка за мной. А из второй комнаты с пистолетом в руке вышел темный, остановился у вешалки и передернул затвор.

— Думаешь, они? — спросил Серый.

— Без разницы, — отозвался колдун хмуро. — Просто пристрелю того, кто мешает мне спать.

— Не нужно никого стрелять, — попросила я, посмотрев в глазок. — Это ко мне.

Сначала в приоткрывшуюся дверь просунулась рука с пожухлым букетиком ромашек, потом загорелая физиономия Игорька.

— Здорово, Вербицкая.

Ввалившись в прихожую, он поставил на пол прикрытое газетой алюминиевое ведро и только тут заметил стоявших по обе стороны от меня мужчин. Озадаченно почесал затылок, сдвинув на нос соломенную ковбойскую шляпу.

— Это Сергей, мой... парень. А это...

— Я Настин дядя. — Темный проворно упрятал пистолет за спину.

— А это Игорь, мы вместе работаем.

— С кем вместе? — обиделся на такое представление Игорек. — Я с тобой ни в каком месте не работаю, Вербицкая.

Я мысленно надавала себе по губам: вай-вай, поставила продвинутого хакера в один ряд с убогими ламерами.

— Игорь — наш сисадмин, — исправила я свою оплошность.

— Он? — не поверил Серый.

— А что, не похож? — оскорбленно спросил с высоты двух метров приятель, пожимая широкими плечами. — Должен быть тощий, сутулый и с грязными пасмами? Типа, если чел программер, у него ни воды, ни мыла, ни абонеента в спортзал?

— Это стереотипы, молодой человек, — утешил его «дядя». — Не расстраивайтесь, темные маги страдают от них еще больше.

— Не знаю, я не геймер, — отмахнулся Игорек.

— А к нам вы по какому вопросу?

— Да я не к вам вообще-то. — Парень повертел в руке пучок цветочков и, подумав, сунул его под мышку. — Я к ней.

Если он считал, что после этого заявления нас оставят одних, ошибся. Ни Серый, ни колдун уходить не собирались.

— Короче, Вербицкая, хреновый у меня выдался уик-энд: водки, прикинь, не было, баб тоже. Грибы собирали. Ну и я вот... Ты же вроде разбираешься, да?

— Вроде разбираюсь.

— Так глянь, чтоб я это... не того...

Ведро оказалось доверху наполнено грибами. Я расстелила на полу газетку и пересыпала на нее добычу приятеля. Разворошила, разглядывая грибочки, и в итоге выловила-таки выбивающийся из общего ряда экземпляр. Отложила в сторонку.

— Это ядовитый, да? — в священном ужасе округлил глаза админ.

— Это съедобный. — Я протянула ему чудом затесавшуюся в компанию поганок рядовку. — Держи, с лучком пожаришь.

— А я бы еще вот эти два прихватил. — Темный вынул из общей кучи пару подозрительно голубеньких грибочков.

— Их тоже с лучком? — просиял Игорек.

Три гриба вместо одного — это в корне меняло ситуацию. Оптимист, блин!

— Нет, — не стал врать колдун. — Высушить, истолочь и заваривать, как чай. «Контр страйк» с эффектом присутствия гарантирован.

— Он же сказал, что не геймер!

Я сцапала волшебные грибочки, пока их не успел перехватить странно оживившийся программист, и бросила к остальным. Завернула поганки в газету и унесла на кухню. Потом сама выброшу от греха подальше.

— Как жаль, что вы уже уходите. — Сережка протянул Игорю пустое ведро.

Похоже, манеры темного уже передаются по воздуху.

— Игорь, подожди, — остановила я друга. — Ты вовремя зашел. У меня тут... родственники понаехали, хочу пару недель в счет отпуска взять... Черт! Не получится, я же только в мае была. Тогда я «без содержания» напишу, передашь заявление?

— Передам. Только Владиславич не пропустит. Ты что, не слышала, как он в четверг на планерке разорялся? Лето, работать некому.

— А, ну и черт с ним, — решила я. — Пусть увольняет за прогул, но завтра я не выйду.

— Очень надо? — Программист оглядел моих понаехавших родственников. — Тогда есть варианты. Помнишь, я в апреле паховую грыжу лечил? В Анталии. Короче, есть один хирург, что хочешь тебе нарисует.

— А можно? — обрадовалась я.

— Без проблем. Айболиту — пару сотен и мне — ночь безудержной страсти... — Вспомнил про Серого, отступил на шаг. — В смысле, пива мне купишь... Подходит?

— Подходит. Только, Игорек, что угодно, но не паховую грыжу!

— Заметано.

Он достал из кармана мобильник, набрал номер.

— Виктор Сергеевич, день добрый. Не заняты? Тут хорошему человеку помощь нужна...

Разговор занял не больше минуты.

— Поздравляю, Вербицкая, две недели отдыхаешь — у тебя геморрой!

— Спасибо, Игорек, — поблагодарила я душевно.

Серый давился неуместными смешками, колдун сохранял непроницаемую физиономию.

— Да не за что. Обращайся, если что.

Когда он ушел, бросив в опустевшее ведро единственную рядовку и усопшие... усопшие ромашки, темный развернулся к нам с Сережкой.

— Мне. Нужен. Всего. Час, — произнес он отдельно. — Это ясно? Отдохну, а потом обсудим, что делать дальше с этим... геморроем.

Он проспал не час и не два. За окнами уже темнело, а мы с Серым сидели в спальне и — на всякий случай шепотом — разговаривали.

Деньги я спрятала в ящик с документами, и к ним мы больше не возвращались. Не хотелось даже думать, что мне придется выполнить Сережкину просьбу. Да и нужно ли будет? Если с ним что-нибудь случится, операция его матери может уже не понадобится. Хотя с ним и так уже случилось... Но об этом мы тоже не говорили.

Наверстывали упущенные годы. Он рассказывал, чем занимался, где успел побывать. Я — о себе. Благо, много времени это не заняло: институт, работа, какое-никакое продвижение по служебной лестнице, от сметчицы до ведущего экономиста. Личная жизнь? Тут мы умолкали оба. Затронь эту тему, и окажемся по разные стороны баррикад. Он разбивал сердца, мне разбивали. Не вдребезги — так, откалывали понемножку. А в сердце всегда был только он... Так странно. Откажись я тогда от вина, и не приснился бы мне тот сон, не рассказала бы о нем маме, не услышала бы, что Сережка умер, не поехала бы к нему домой, чтобы узнать, что он жив. И всего, что произошло потом, тоже не было бы. И светлого с колом, и темного с его зажигалками-пистолетами. Даже не знаю, имеет ли ко всему этому какое-нибудь отношение бабка с кабачками, но ощущение такое, словно все это лишь для того и случилось, чтобы мы с Серым опять встретились. И я обязательно сказала бы это вслух, не опереди меня трель звонка.

— Пстой, — придержал меня за руку Сережка. — Пусть еще позвонят, разбудят этого.

— Этот уже проснулся, — донеслось из мрака коридора. — Ася, посмотрите, кто там. Не хотелось бы пугать очередного грибника.

Я глянула в глазок: на площадке стояла какая-то женщина.

— Я ее не знаю.

Темный отодвинул меня от двери, посмотрел сам.

— Я знаю, — вздохнул он. — Включите свет и... поставьте чайник, что ли. У нас гости.

Гостя напомнила Игоря с его ведром: сначала в коридоре оказался небольшой чемодан на колесиках, а только затем его хозяйка, стройная брюнетка в обтягивающей высокую грудь майке и узких джинсах, облежавших соответственно все остальное. Броский макияж не позволял определить возраст фигуристой дамочки: ей с одинаковым успехом могло быть и двадцать, и тридцать, и сорок, пожалуй, тоже.

Мазнув по мне равнодушным взглядом, незнакомка прочно сфокусировалась на темном.

— Здравствуй, милый. — Голос у нее чувственный, глубокий, с легкой хрипотцой. — Скучал?

— Не успел.

Брюнетка хмыкнула и развернулась ко мне.

— Натали, — с ударением на первый слог представилась она. — Можно Наташа. Он вас не слишком стесняет?

— Ну... нет.

— Прекрасно. Значит, и я не помешаю.

— Тут вообще-то не гостиница, — напомнила я.

Мое замечание осталось без ответа, внимание женщины уже переключилось на Серого.

— А это наш мальчик, — оценивающе пригляделась она к парню. — Прекрасный экземпляр. Будет очень жаль...

— Натали, ты, наверное, устала с дороги? — прервал ее колдун. — Давай я покажу тебе комнату, а Анастасия пока приготовит чай.

— Что? — попыталась возмутиться я.

— Чай, — не терпящим возражений тоном приказал он. — Нормальный. И что-нибудь перекусить.

Кошмар! Меня сделали служанкой в моем же доме! Однако спорить, глядя на его каменную физиономию, не хотелось.

Сразу пойти на кухню не получилось: едва за колдуном и странной гостьей закрылась дверь бабулиной комнаты, Серый утянул меня в спальню. Заговорщически подмигнув, вытащил из-под подушки похожую на детскую игрушку рацию с короткой толстой антенной.

— Радионяня. У Светки забрал. Она ею все равно уже не пользуется.

— А передатчик где?

— На шкафу, там. Хотел послушать, о чем он по мобиле треплется.

Поняв, что к чему, я прикрыла дверь.

— Давай, — скомандовала шепотом.

Сережка прокрутил включатель.

— ...я уже понял, — раздался громкий голос темного, и парень спешно убавил звук. — Но что ты тут делаешь?

— Али ты не рад мне, Финист, ясный сокол? — с усмешкой пропела Натали.

— Я слишком хорошо знаю, в каких случаях к делу привлекают баньши. Кому ты должна прокричать смерть, Нат?

По спине проползли мурашки. Баньши? Смерть?

— Пока мне не давали таких указаний. Но из брюссельской конторы пришла официальная нота...

— Что? — недоверчиво оборвал ее мужчина. — На меня наябедничали светлые?

— Светлые, темные... Я думала, только молодняк играет в эти игры. Но если тебе так нравится, да, на тебя пожаловались светлые. Ты мешаешь им делать их работу.

— Когда пришло письмо?

— Сегодня утром.

— Быстро же вы отреагировали.

— Я была поблизости. К тому же я слишком многим тебе обязана, Сокол, чтобы остаться в стороне. Но ты зря все это затеял. Наши недовольны. Ты исказил данные отчетов, ни слова не написал о вместилище. Если бы пилигрим не догадался, с чем имеет дело, мы бы до сих пор ничего не знали.

— Недооценил я мальчика, — еле слышно пробормотал колдун. — Так что ты собираешься делать?

— Все зависит от того, что собираешься делать ты. Если хочешь совет: собирай вещи и уходи. Мне тоже неприятна эта ситуация, но не в моих и не в твоих силах что-то

изменить. А тебя ждут в Лионе. Подготовка к Олимпиаде идет полным ходом, твои способности пригодились бы.

Какое-то время слышны были лишь какие-то шорохи, затем колдун спросил:

— Нат, ты серьезно считаешь, что наш дар существует лишь для того, чтобы играть на бирже и подтасовывать результаты спортивных прогнозов?

— Надеюсь, это риторический вопрос, — со смешком ответила женщина. — Кого интересует, что я думаю? Есть система. Она работает. Почему тебе вдруг захотелось чего-то другого?

— «Я изнемог от мук веселья, мне ненавистен род людской, и жаждет грудь моя ущелья, где мгла нависнет над душой».

— Что? — Баньши изумилась такому ответу не меньше моего.

— Это Байрон. А вот еще. «Ласкаемый цветущими мечтами, я тихо спал, и вдруг я пробудился, но пробуждение тоже было сон...»

— Лермонтов, — узнала я.

— Но это уже Лермонтов, — подтвердил темный. Судя по тому, что его голос становился то тише, то громче, мужчина непрерывно ходил по комнате. — Я на Творца роптал, страшась молиться, и я хотел изречь хулы на небо, хотел сказать... Но замер голос мой...

Его голос действительно замер на миг.

— ...и я проснулся!

Мы с Сережкой одновременно подпрыгнули на кровати: последние слова колдун буквально прокричал в рацию.

— Очень умно, Сергей, — продолжил он в трубку. — Но я отключусь, с вашего позволения. Анастасия, не забудьте про чай.

Чай и что-нибудь перекусить. Слушаю и повинуюсь.

Достала большой бабушкин заварник. Вымыла, обдала кипятком. Сыпанула пригоршню сухих, свернувшихся трубочками листьев. Потом, поддавшись странному наитию, достала из шкафа мешочки и баночки с травами, которые приносила, хоть ее об этом и не просили, мама. Мята, малина, липа, смородина. Еще что-то, не помню, что, но пахнет приятно: летним лугом, медом...

— Колдуешь? — улыбнулся Сережка.

— Надо же оправдывать наследственность, — пробурчала я, кидая в заварник все подряд. И это непонятное, но душистое, тоже.

Залила смесь горячей водой, накрыла чайничек тряпичной куклой-грелкой. Совсем как у бабушки. На вид, по крайней мере.

Закончив с приготовлениями и оставив Серого трудиться над бутербродами, я подошла к двери, за которой уединился со своей гостьей темный, и прислушалась.

Говорила баньши:

— ...закрыть каналы. Это можно сделать лишь в день дарения. Опасно, Сокол, слишком опасно. И ты не знаешь точной даты.

— Догадываюсь. На Громобой — других подходящих дней в ближайшее время не будет. Но мне нужен предмет.

— В этом могу помочь.

Дверь передо мной неожиданно распахнулась.

— Вам еще не надоело подслушивать? — На пороге, скрестив на груди руки, стоял колдун.

— Я пришла сказать, что чай готов, — заявила я, не отводя взгляда. — Или подать вам в апартаменты, сударь?

— Ты права, Нат. — Он развернулся к брюнетке. — Лучшим решением было бы бросить эту парочку, и пусть сами разбираются. Но я не уйду.

— Темная совесть не позволяет? — предположила я.

— Чай очень вкусно пахнет. Это таволга?

Точно, таволга! Вот как оно называется.

— Нет. Синенькие грибочки.

— Таволга, — ставшая рядом с темным Натали повела носом. — Таволга, смородина, Melissa и черный чай. И еще лимонник, кажется.

Она успела переодеться в простое белое платье до колен и стереть макияж. В таком виде и с распущенными по плечам длинными иссиня-черными волосами, она выглядела моей ровесницей или даже моложе, но я была уверена, что лет ей намного больше, чем кажется.

Женщина прошла на кухню, посмотрела на стол, потом на Сережку.

— Раздевайся, — скомандовала она коротко.

— Что?! — вознегодовала я.

— Прямо тут? — смутился Серый.

— Зачем же? — Баньши обернулась на меня через плечо. — В спальню пойдём.

Устроить сцену мне не позволили. Когда Натали утащила парня в комнату, темный придержал меня за плечо, не позволив пойти следом:

— Лучше не мешать. И что за неуместная ревность?

Действительно, с чего я так завелась?

— Или не ревность? — Металл в его голосе неприятно царапнул слух.

— О чем вы?

— Если верить матери Сергея, вы не виделись несколько лет. И вдруг ты приходишь к нему домой, зазываешь к себе, а потом приводишь в парк, где вас поджидает вооруженный пилигрим. Или там был еще кто-то?

— Конечно, был! Один наглый тип с зажигалкой! Подозреваете меня в чем-то?

— А есть в чем? Согласитесь, все это очень странно.

Меня пугал его тон, но еще больше раздражала манера перескакивать с вежливого «вы» на пренебрежительное «ты». Определился бы уже.

— Не вижу ничего странного. Мы с Сережей знакомы с детства, мы...

Я не знала, как объяснить свои чувства к Серому и нужно ли объяснять. Смутилась и умолкла.

— Ха, — сказал вдруг темный. Не засмеялся, а просто выдохнул это «ха». Посмотрел на меня и добавил: — Ха-ха.

— Я сказала что-то смешное?

— Вы ничего не сказали, Ася. Но это действительно смешно. Точнее, было бы смешно, когда бы не было так грустно.

— Вы любите Лермонтова? Это, конечно, расхожее выражение, но вы же знаете, что это Лермонтов?

Колдун поглядел на меня, как на полоумную.

— Вы читали сегодня, и я подумала...

Черт! Черт, черт, черт! Зачем я это сказала?

Слава богу, вернулись Натали и Сережка.

— Это нож, — от двери сообщила баньши. — Тебе нужен нож, Сокол. Покажи руку, — толкнула она в бок Серого.

Тот протянул правую руку, продемонстрировав пересекающий ладонь тонкий белый шрам.

Интересно, зачем нужно было раздеваться? Что, так порез не видно?

— Что за нож? — набросился колдун на парня. — Почему утром ничего не сказал?

— Так не мой нож. Левый какой-то. В ящике с инструментами валялся, я проволоку искал и порезался об него.

— Случайно? — недоверчиво уточнил темный.

— Да.

— Это было на платформе? А тот ящик с инструментами был общий или только твой?

— Мой вообще-то. Но если нужно было, любой мог заглянуть, взять, что надо.

— А чей нож, узнал потом?

— Нет. Я спрашивал — все молчат. Себе оставил. Он неказистый такой, самодельный: железяка заточенная, а один конец изолейкой обмотан — типа, рукоятка. Провода им было удобно зачищать. А потом я его Мишке Фирсову отдал.

— Отдал. — Колдун нервно забарабанил пальцами по столу. — Он тебя об этом попросил?

— Да нет. Он свой нож потерял где-то, а у меня нормальный складень был. Вот я ему и подарил ту самоделку.

— Дурак, — угрюмо изрек темный. — Такую вещь невозможно потерять. Даже если бы ты его выбросил, все равно он вернулся бы к тебе. Но подарить, отдать по доброй воле... И где теперь искать этого Мишку? В России? По всему бывшему Союзу?

— Нет, здесь он, в нашем городе живет. Если только опять никуда не уехал.

Колдун и Натали переглянулись.

— Сергей, — не спеша, обдумывая каждое слово, начала баньши, — а где бы ты сам сейчас был, если бы не та авария?

— Тут и был бы. То есть не у Настюхи... Ну, может, и у Настюхи тоже, но в любом случае уже вернулся бы. Вы же об этом?

— Об этом, об этом, — продолжал отстукивать по столешнице темный, задумчиво глядя прямо перед собой. — Может, чаю наконец-то попьем?

— А может, наконец-то поговорим начистоту? — неожиданно жестко спросил Серый, усаживаясь за стол напротив колдуна. — Я все-таки лицо заинтересованное, да, Сокол, или как тебя там? Не мышка лабораторная: разденься-оденься, покажи-расскажи. Я хочу знать, что происходит.

— Хорошо, — сдался темный. — Но чая себе я, с вашего позволения, налью.

Не скажу, что объяснения Сокола (пусть теперь будет Соколом) внесли ясность в происходящее. Это были лишь предположения. По его словам, на буровой платформе к Сереге попал артефакт непонятного действия. Как попал — тоже вопрос. Колдун сказал, что его могли подбросить специально, но я не понимала, зачем кому-то разбрасываться подобными вещами. Более логичным казалось то, что нож очутился в ящике случайно или даже остался на платформе с предыдущей смены — это объясняло бы, почему никто не признал себя его хозяином. Но так или иначе нож оказался у Сережки, тот поранился им, и пролитая кровь запустила механизм работы артефакта. Поэтому, когда спустя время случилась авария, Серый ненадолго умер... Мм... нелепо-то как звучит. Скажем так, должен был умереть, но нож не позволил душе расстаться с телом. Даже учитывая то, что сам нож на тот момент был уже не у Сережки, а у Мишки Фирсова, парня, с которым Серый познакомился, подражаясь на эту работу.

Теперь темный хотел отыскать этот нож, чтобы передать его своему руководству, а то в свою очередь походатайствовало бы за Серого перед конкурентами: мол, артефакт у нас, больше никаких внеплановых чудес с его помощью, а этот пусть живет, раз уж так вышло.

В принципе то же самое, за исключением домыслов о ноже, о котором он тогда не знал, колдун говорил нам и вчера. Только сегодня в его объяснения почему-то совсем не верилось.

— А что это за вместилище, о котором все говорят? — спросил Сережка.

— И день дарения, — добавила я. — И Громобой.

— Громобой? — удивленно переспросила банши, развернувшись к темному. — Она не знает, что такое Громобой?

— Знаю. Фильм с Джеки Чаном.

— Сокол, я не поняла, она же... — Натали казалась растерянной.

— Потомственная ведьма, — кивнул колдун. — Видишь, с кем приходится иметь дело?

Женщина подошла ко мне, положила ладонь на лоб, заглянула в глаза.

— Ой, как все запущенно, — пробормотала она.

— Уж как есть. — Я тряхнула головой, отбрасывая ее руку. — Так что за Громобой?

— Перунов день, — ответил Сокол. — Или пророка Илии, как вам будет угодно. Надеюсь, об адаптации языческих праздников к новой религии с приходом христианства вы слышали?

— Второго августа?

Дату я знала. Один из немногих церковных праздников, запомнившийся с детства. Илья в воду налья.

— Бабуля говорит, после Ильи нельзя в море купаться.

— Почему?

— Говорит... Смеяться не будешь? Говорит, Илья в море пописял.

— Ха! Тоже мне запрет! Я вот тоже, может быть...

— Фу, Сережка!

— А что? Все так делают. Думаешь, почему море соленое?

Мы с Серым переглянулись, улыбнулись общим воспоминаниям, но быстро поняли, что разговор в общем-то невеселый.

— И что же будет на Илью? — спросил друг у колдуна.

— Если вернем нож, ничего. Контакты этого Михаила у тебя есть? Телефон? Адрес?

— Телефон был где-то записан, сейчас уже не вспомню. Адреса не знаю. Но где живет, могу показать, был у него однажды.

— Вот завтра и покажешь.

— Ты еще не на все вопросы ответил, — напомнил Сергей.

— Для твоего же блага. — Темный с Натали обменялись взглядами. Баньши укоризненно покачала головой, но промолчала. — Меньше знаешь, крепче спишь. И кстати, о сне. Вам не кажется, что это то, чем следует заниматься ночью вместо того, чтобы разговоры разговаривать?

— Не кажется, — грубо буркнула я.

— Тогда не буду мешать. — Сокол поднялся из-за стола, прошел к раковине и ополоснул чашку. — Общайтесь на здоровье. Но завтра в семь подъем. Нат, ты идешь или поддержишь беседу?

Женщина виновато пожала плечами и пошла вслед за колдуном.

— Как они там разместятся? — задумался Сережка.

— Тебе не все равно?

В шкафу лежал матрас, который можно было постелить на пол, но черта лысого я буду обеспечивать этой скрытной парочке комфорт!

ГЛАВА 4

Не знаю, как они устроились на ночлег, но с утра оба выглядели не в пример лучше нас с Серым, бодрыми и свежими.

— Сергей, — темный с ухмылкой наблюдал, как парень, протирая слезящиеся глаза, насыпает в чашку уже третью ложку растворимого кофе, — вам мама не говорила, что ночью нужно спать?

— А тебе мама не говорила, что завидовать нехорошо? — огрызнулся Сережка.

Завидовать, если честно, было нечему: мы до утра просидели в Сети, пытаюсь отыскать информацию о светлых и темных магах, дарениях в Перунов день и вместилищах. По первым пунктам данных было хоть отбавляй, но все предлагаемые сведения уходило корнями в фантастику и компьютерные игры. Перуну же полагалось не дарить, а приносить жертвы. О вместилищах, в связке с прочими словами для поиска, вылезала всякая чушь.

Зато теперь я знала, что собранная на Громобой дождевая вода снимает сглаз, а суровый, но справедливый бог древних славян в свой праздник может наказать нечистого душой человека молнией. Попутно нашла несколько сайтов «настоящих ведьм», предлагающих исцеление по фотографии с оплатой услуг через «Яндекс-деньги». Подумала, не завести ли такой для мамы. А что? Пасьянс она уже освоила, пора двигаться дальше.

— Анастасия, — колдун щелкнул перед моим носом пальцами, — когда проснетесь окончательно, вызовите такси. Мы с Сергеем навестим его товарища.

— Сокол, — окликнула его из комнаты Натали, — выгляни в окошко.

Выгляни в окошко, дам тебе горошка...

— Что там? — заинтересовался Серый.

— Иди, сам увидишь.

— Ни фиги себе, — присвистнул Сережка. — Это что, по мою душу?

— Вряд ли. — Сокол потянулся за лежавшей на холодильнике пачкой сигарет, вынул одну и прикурил от конфорки. — Душа твоя им не нужна. Тела хватит.

— Да что там такое? — Я вскочила с места и, оттолкнув мужчин, прорвалась к окну.

У подъезда собирались светлые. Лысый в гипсовом воротнике. Пожилой хозяин таксы. И еще человек пять. На подъездной дорожке стояли микроавтобус с тонированными стеклами и ярко-красная легковушка.

— Что делать будем? — нахмурился Серый.

— Выйти, как вчера, вряд ли получится. Но надо. Нат, свяжись с нашими, пусть объяснят товарищам из брюссельского ведомства, что нарушать конвенцию и вламываться в жилище ведьмы не есть хорошо, не в темные века живем.

— Они и не вламываются, — вошла в кухню баньши. В голубеньком халатике, с распущенными волосами и без косметики. — Они на нейтральной территории, Сокол. А о нарушении конвенции тебе самому вот-вот напомнят.

— То есть помогать нам не будут, — сделал вывод темный. — Ладно. Лишь бы не мешали. План такой: мы с Сергеем незаметно покидаем дом — только придумаем, как это сделать, а вы с Анастасией...

— Анастасия идет с вами, — заявила я. — И это не обсуждается.

— Зачем? — удивился Сережка. — Насть, ты и так помогаешь, а к Мишке мы сами съездим. Если бы не эти, — он кивнул за окно, — я и один мог бы.

— Один ты вчера уже прогулялся. — Колдун сделал глубокую затяжку, и сигарета на глазах сотлела до фильтра. — Видимо, это заметили и теперь только и ждут, пока ты решишься на очередную глупость. Но намерений вашей подруги я тоже не понимаю.

Если б я сама понимала! Но что-то говорило, что нужно ехать с ними. Предчувствие? Воображение? Дурь в голову стукнула?

— Я с вами, и спорить бесполезно!

— М-да... — Темный достал еще одну сигарету. — Полагаю, Сергей, спорить, действительно, бесполезно. Ваш тезка, князь Трубецкой Сергей Петрович, тоже имел несчастье связаться с подобной женщиной. Так она увязалась за ним аж в Сибирь.

— Угу, — промычал парень. — И испортила ему всю каторгу. Насть, ну зачем?

— Затем, что без меня вы из дома не выйдете.

Натали взглянула на меня с недоверчивым любопытством:

— Сможешь отвести глаза? Всем?

— Легко. Или я не ведьма в седьмом поколении?

Дождалась, пока такой же, как у Натали, интерес разгорится во взглядах мужчин, и закончила:

— Через крышу пойдем. Спустимся по пожарной лестнице в торце дома.

— А почему мы сами этого не сможем? — поинтересовался темный.

— Потому что ключ от чердака у меня.

Сначала в подъезд вышла Натали. В рекордные сроки, всего за пять минут, банши облачилась во вчерашние джинсы и майку, собрала волосы в высокий хвост и нанесла на лицо боевую раскраску. Прошлась, стуча каблучками до пятого этажа, спустилась вниз и встала у закрытой на кодовый замок двери. Позвонила на мобильный темному и сбросила, как условились, — чисто. Мы поднялись к ведущей на чердак лестнице, и я, никому не доверяя, сама открыла и сняла висячий замок с крышки люка. Миновала низкий пыльный проход и через небольшое окошко выбралась на покатую крышу. Страшно не было: это в девять лет я боялась спрыгнуть с конька деревянной избушки, а в четырнадцать уже без опаски сидела тут вместе с повзрослевшими мальчишками. Тут, на крыше, я впервые поцеловалась. Совсем не с тем парнем, о котором мечтала, назло. Только он вряд ли заметил.

Пожарная лестница заканчивалась на уровне второго этажа.

— Прыгай, — как когда-то, махнул рукой соскочивший на землю Сережка, — я тебя поймаю.

Повиснув сначала на руках и болтая в воздухе ногами, я разжала пальцы и оказалась в сильных объятиях, которые так не хотелось покидать...

— Не торопитесь, — негромко сказал сверху колдун. — Я могу еще часок повисеть.

Спохватившись, мы отступили на несколько шагов, и он спрыгнул на асфальт. Огляделся, поправил на голове бейсболку и пошел к стоявшему у обочины такси. Сел рядом с водителем, а мы с Серым устроились на заднем сиденье.

— В центр, — скомандовал Сергей, — до драмтеатра, а там я покажу.

Белый автомобиль с ярко-желтым «петушком» и номерами службы вызова на дверцах мягко тронулся с места и влился в поток машин.

Я сидела позади темного и звонок мобильного услышала едва ли не раньше его.

— Да? Что?

Сокол обернулся, но не на меня — выглядывал что-то за задним стеклом.

— Что-то не так? — забеспокоился Серый.

— Это Нат. Говорит, наши светлые друзья засуетились. Похоже, все-таки засекли. Видишь, красный «пежо»?

Я оглянулась: машина, которую я заметила у подъезда или точно такая же, следовала за нами на расстоянии десяти метров.

— Сверните направо на следующем светофоре, — велел Сокол таксисту.

Тот недобро покосился на пассажира, но повернул. «Пежо» повторил наш маневр.

— Теперь налево.

Ситуация повторилась.

— Оторваться сможем? — спросил у водителя темный. — Сотня сверху.

Таксист вдарил по тормозам, и нас с Сережкой бросило вперед.

— Зеленых американских денег, — уточнил колдун.

Красный «пежо» остановился прямо за нами. Теперь можно было рассмотреть сидевшего за рулем крупного мужчину в белой футболке и худощавого очкарика рядом с ним. Задние сиденья тоже не пустовали.

— Выходите, — раздраженно приказал нам водитель. — Мне ваши шпионские игры не нужны.

— Да ладно тебе! — протянул примирительно Сокол.

— Вышли из машины, я сказал!

— Ну ты чего, братуха? — Темный панибратски хлопнул водителя по плечу. — Тут делов-то! Покатаемся немножко...

Он вел себя так, словно был навеселе. С глуповатой ухмылкой обнял чертыхающегося мужика за шею и вдруг притянул к себе, стукнувшись с ним лбами. На миг оба замерли, а после таксист распрявился и, глядя перед собой, медленно положил одну руку на руль, а вторую — на рычаг переключения скоростей. Вжал педаль газа в пол, и машина с ревом сорвалась с места.

Светлые немного замешкались, но тронулись следом.

Движение на улицах спального района нельзя было назвать оживленным, и, легко лавируя в транспортном потоке, такси набирало скорость. Преследователи не отставали. Поворот, еще поворот. Первый светофор мы пролетели на красный, чудом проскользнув между двумя маршрутками, но это не помогло избавиться от хвоста, и стрелка спидометра продолжала ползти вверх.

Отведя взгляд от приборов, я посмотрела на водителя: тот сидел, неестественно выпрямив спину, похожий больше на манекен, чем на живого человека. Его руки и ноги существовали будто бы сами по себе, а на окаменевшем лице живыми оставались лишь нервные, настороженные глаза, следившие за дорогой и время от времени косившие в зеркало заднего вида.

— Что с ним? Что ты с ним сделал? Эй!

Я протянула руку, чтобы толкнуть сидящего впереди мужчину, но Сережка перехватил мою ладонь.

— Не мешай ему. Он ведет.

— Что?

Вплотную придвинувшись к парню, я смогла увидеть колдуна. Стиснув побелевшие губы, он повторял каждое движение таксиста... точнее, как уже догадался Сергей, делал эти движения за него: левая рука крутит невидимый руль, правая — рывками переключает передачи. Ноги на педалях. Глаза закрыты.

— Он же ничего не видит... — прошептала я.

— Он смотрит через него, — кивнул на водителя Серый. — Я так думаю...

На подъезде к рынку машин на дороге стало больше, но темный не замедлил хода, продолжая попытки оторваться от преследования. Мне даже показалось, что ему это удалось, когда впереди, как назло, вырос затор: ремонтники перекрыли половину проезжей части, и автомобили медленно просачивались в прореху между заграждениями. Сокол притормозил, но лишь немного: проехав десяток метров, такси подпрыгнуло на бордюре и вылетело на тротуар. Я зажмурилась, чтобы не видеть перекошенных лиц разбегающихся в стороны прохожих, и открыла глаза, лишь ощутив еще один прыжок. Автомобиль снова несся по дороге, но светлые не желали отставать и повторили наш путь, огибая затор по пешеходной дорожке.

Теперь такси летело по центральному проспекту города. Машины, автобусы, троллейбусы... Но Сокол умудрялся не сбавлять скорости. Меж тем автомобиль преследователей уже сократил разделявшую нас дистанцию. Обернувшись, я видела, как оживились сидевшие в красной машине люди. Что они будут делать, когда догонят? Начнут таранить? Прижмут к обочине? Достанут автоматы и расстреляют в упор, как в каком-нибудь гангстерском фильме?

Когда светлые нагнали нас настолько, что я смогла бы разглядеть время на часах водителя, Сокол резко вывернул воображаемый руль, заложил вираж и вылетел на встречную, чудом ни с кем не столкнувшись. Машину повело, но темный сумел выровняться, а оставшийся в своем ряду «пежо» несся в противоположную сторону: наверное, светлые не могли улучшить момент для разворота. Колдун использовал полученное преимущество на полную. Машина пролетела еще пару кварталов по прямой, не перестраиваясь во внешний ряд, свернула в узкий проезд и понеслась по кривой улочке, подсакивая на разбитом асфальте. Миновав анфиладу смежных дворов, Сокол притормозил у кирпичной трансформаторной будки. Водитель-манекен, повторяя движения кукловода, откинулся на спинку, а потом испуганно заморгал и завертел головой.

— А... — только и смог сказать он.

— Спасибо, братуха, — тяжело выдохнул колдун. — Хорошо покатались.

Он открыл дверцу, швырнул на колени таксисту обещанные доллары и, пошатываясь, вышел наружу. Выскочивший следом Серый подал ему руку, но темный сделал вид, что не заметил. Присел на лавочку рядом с детской площадкой.

Дождавшись, пока я покину салон, таксист резко тронул с места. Помнил он то, что произошло в эти десять — пятнадцать минут или нет, но у человека был шок, и, понимая, кто тому виной, он стремился убраться от нас подальше.

— Не много ты ему дал? — спросил у темного Сережка, видимо просто чтобы не молчать.

— Нормально. — Сокол потянул из кармана пачку сигарет, закурил. — Ему еще штраф за превышение скорости придет и за двойную сплошную... Тормозни пока какую-нибудь тачку, через службу вызывать не надо...

Он неопределенно махнул рукой, но Серый понял, огляделся и пошел к ведущей на улицу арке.

Колдун проводил его взглядом. Затянулся, закашлялся, как и вчера, сплюнул на землю кровью. Но сигарету не бросил.

— Ты... Вы как? — приблизилась к нему я.

Мужчина поднял на меня глаза и вдруг улыбнулся счастливо и беспечно:

— Здорово. Три года за руль не садился, представляешь?

— Ты и сейчас не садился.

— Так еще интереснее.

Видимо, высшие силы решили, что приключений с нас на сегодня хватит, и к дому, где, по словам Сережки, жил его товарищ по работе, мы добрались без новых осложнений. О том, что они все-таки могут возникнуть, Серый вспомнил, когда уже подошли к подъезду панельной пятиэтажки.

— Вот черт! — ругнулся он негромко. — И куда мы приперлись? Понедельник, десять утра — вдруг он сейчас на работе?

Сокол равнодушно пожал плечами. После погони его словно подменили: колдун стал угрюмым и молчаливым. Не то чтобы он до этого был особо жизнерадостным, но чтоб за полчаса ни единого слова, ни подначки, ни издевки — это уж слишком. Снова выдохся. Были бы сейчас у меня, уже требовал бы чая и грозился пристрелить любого, кто его разбудит.

Попасть в подъезд оказалось непросто: на закрытой металлической двери красовалась панель домофона. Темного это задержало ровно на секунду. Затем он приложил к считывателю ладонь вместо электронного ключа, устройство радостно запищало, и дверь открылась. Значит, не до конца еще выдохся...

— Ты же все равно номера квартиры не знаешь, — проворчал он в ответ на удивленный Сережкин взгляд. — Этаж помнишь?

— Пятый... или шестой. Там дверь такая старая, дерматином обита.

Нужная квартира отыскалась на пятом этаже. К моей огромной радости, вслед за звонком за дверью раздался шаг.

— Серега? — удивился выглянувший на площадку мужчина лет сорока, невысокий, сбитый, до черноты загоревший блондин с уже наметившимися залысинами. Судя по наряду — трусы и тапочки, — на работу по понедельникам Михаил не ходил.

— Здорово, Мишаня, — протянул ему руку Серый. — Был тут поблизости с друзьями, дай, думаю, заскочу. Заодно вещицу свою у тебя заберу.

— К-какую вещицу? — Под решительным напором парня хозяин испуганно попятился обратно в квартиру.

— Ножичек. Помнишь?

Фирсов замотал головой.

— Нет? — переспросил Сережка.

Мужчина закивал.

— Так да или нет?

Мне вдруг подумалось, что, пока я не видела, Сокол стукнулся с Серым лбами, как с тем таксистом, и теперь говорит с Михаилом через него: настолько интонации друга напоминали сдержанно-пугающие манеры темного.

— Нож, — повторил он. — Очень он мне, Миша, нужен. Так что либо сразу отдашь, либо я даже не знаю...

Колдун протянул руку за спину и вытащил из-под футболки заткнутый за пояс пистолет. И как он его прячет, что со стороны вообще не заметно? Фирсов в ужасе отшатнулся.

— Дело-то серьезное, Мишаня, — ласково до дрожи уверил Серый.

Сокол потянул из пачки сигарету и прикурил от черного дула. Михаил судорожно сглотнул.

— Мужики, вы это... чего?

— Да ничего, Миша, ничего, — Сережка хлопнул приятеля по плечу. — Ножик заберем и уйдем. Вспомнил, где он?

— Да... Нет... Нет его у меня! Потерял где-то, честно!

— Честно? — прищурился Серый. — А мне говорили, подобные вещи не теряются.

Он обернулся на темного, тот с одобрительной ухмылкой выпустил в потолок струйку дыма.

— Не теряются, Миша. Так что давай вспоминай, куда сунул. Мне самому искать не с руки, но если надо будет...

— Совсем ополоумели?! — не выдержала я. — Набросились с порога на человека!

— А почему во множественном числе? — с ленцой уточнил Сокол. — Я что? Стою, курю...

Он демонстративно отряхнул пепел на пол прихожей.

— Михаил, — вежливо продолжила я, обращаясь к перепуганному хозяину, — нам очень нужен нож, который Сергей вам когда-то подарил. Самодельный, рукоятка обмотана изолентой — помните такой? Отдайте нам его, пожалуйста, и мы вас больше не побеспокоим.

Моя речь произвела странный эффект: вместо того чтобы успокоиться, человек затрясся еще сильнее.

— Нож... он... Он не здесь, — выдавил он наконец.

— А где? — Я поймала себя на том, что начинаю говорить тем же вкрадчивым тоном — однозначно, это заразно!

— Я его... отвозил ерунду всякую, инструменты... и его...

— Куда отвозили?

— На дачу. Домик у меня от бабки остался, под Старобешево...

Сокол вопросительно вскинул бровь.

— Пару часов на машине, — пояснил Серый. — Машина у тебя на ходу, Мишаня?

Фирсов икнул. Потом кивнул. Затем замотал головой:

— Я сегодня не могу. Мне на работу... через час. Не могу...

— Надо, Миша, надо, — проникновенно заверил его Сережка. — Позвони, отпросись. А если вдруг не отпустят, мы тебе больничный организуем.

Подозреваю, он имел в виду Игорька и его связи среди местных эскулапов, но у Михаила наверняка появилась своя трактовка этих слов. Не задавая больше вопросов, он кинулся к лежащему на полке мобильнику.

— Без глупостей, да? — с улыбкой попросил Серый. — Мы ж свои люди, Мишаня. К тому же сам, помню, на дачу зазывал. Говорил, хорошо у тебя там. Вот и поглядим.

— А бензин оплатим, не волнуйтесь. И сверху добавим за беспокойство, — неожиданно произнес Сокол, без пугающих ноток, совершенно по-деловому.

Еще бы он при этом не стал тушить сигарету о ладонь!

Машина Михаила, новенькая серебристо-синяя «Шкода Октавия», была припаркована на стоянке рядом с домом. Пока шли к ней, Фирсов нервно озирался по сторонам, как мне показалось, ища удобный момент, чтобы сбежать.

— Так дело не пойдет, — заметил эти метания темный. — Ася, вы не могли бы мне помочь?

— Конечно. А что нужно делать?

— Вам — ничего. — Мужчина коснулся моей руки.

Пошедший от его пальцев холод пробрался под кожу, в глазах потемнело. Я пошатнулась, и колдун придержал меня под локоть.

— Что вы со мной сделали? — Голова кружилась, как недавно от выпитого вина.

— Всего лишь позаимствовал немного силы. У ведьмы нельзя взять ни капли без ее согласия — вы согласились.

Продолжая поддерживать меня, он обернулся к Сережке:

— Купи подружке шоколадку, вон ларек.

Сокол отпустил мою руку и шагнул к замершему, словно спортсмен на старте, человеку.

— Все хорошо, Михаил? — Он положил ладонь ему на плечо. — Не нужно нервничать.

Трата сил не была напрасной: Мишаня выровнялся, расправил плечи и огляделся уже без панических огоньков в глазах.

— Так поехали? — спросил он у нас. — Чего ждем?

Ждали только отбежавшего к ларьку Сережку. Когда он вернулся и вручил мне плитку черного шоколада, загрузились в «шкоду», как обычно, мы сзади, колдун рядом с водителем — и машина выехала со стоянки. Что думал при этом Фирсов? Может быть, ничего. А может, считал теперь, что об этой встрече давно условились, как и о том, что он отвезет нас на свою дачу под Старобешево.

Была я там. Не на даче, конечно, а в самом поселке: ездили как-то с классом в музей Паши Ангелиной. Время было странное, первые годы независимости. Спешно правились учебники, и героев социализма отодвинули в сторону, а то и вовсе задвинули куда подальше. Историю Советского Союза, еще не пересмотренную и не переосмысленную, пролетели на выдохе. В голове осталась лишь пара дат, несколько имен, Великая Отечественная война и полное непонимание вопроса, кто был неправ, а кто — не виноват. А еще музей Ангелиной, куда возила нас историчка. Где-то дома должна быть моя фотография рядом со старым трактором, ставшим теперь памятником, — я с косичками и агрегат, словно сошедший с иллюстраций к какому-нибудь роману в стиле паропанк.

— Серый, а ты в музее Паши Ангелиной был? — спросила я негромко.

Мы учились в разных школах, может, их туда и не возили.

— А кто это?

— Ну... — растерялась я. — Была такая женщина. Давно. Знаменитая трактористка. Герой труда...

— И как она связана с нашим делом?

— Никак. Просто вспомнилось. Думала, ты слышал.

Дались мне эти трактора, когда у Сережки своих проблем хватает!

— Молодежь сейчас не знает этих имен. — Сокол опустил стекло и закурил. — Вы редкое исключение, Анастасия.

— Можно подумать, пока Настыка не сказала, ты сам знал, кто такая эта Анг елина, — скептически скривился Серый. — Старичок.

— Я настолько древен и настолько хорошо учился в школе, Сергей, что помню даже, кто такая Мамлакат Нахангова. И Анг елину тоже знал.

— Не удивлюсь, если лично.

Ответить на эту колкость темный не успел — вмешался Фирсов.

— В музей вы сегодня не попадете, — проговорил он, крутя руль и сосредоточенно глядя на дорогу. — У меня ж не в самом Старобешево дом, а не доезжая немного. Но если очень надо...

— Не надо, — успокоил его Сережка. — К тебе заедем и назад.

— Хорошо, — кивнул Михаил все в той же задумчивости. — Ты бы хоть с девушкой познакомил.

— А, да, — спохватился парень. — Это Настя моя.

— Настя? — отстраненно переспросил водитель. — Не Алена? Ты вроде говорил Алена.

Я сделала вид, что не расслышала ни этих слов, ни того, как хмыкнул, раскуривая очередную сигарету, темный, и не заметила быстрого, виноватого взгляда Сережки. Отвернулась к окну и вгрызлась зубами в подтаявший шоколад. А потом и вовсе уснула, восполняя проведенную за компьютером ночь и отданные колдуну силы... И знать не хочу, что это за Алена!

Проснулась я от того, что Серый тряс меня за плечо. Машина медленно ехала через какое-то село. Зеленые палисадники, любопытные взгляды, гуляющие по улицам гуси. Запах сена и навоза.

Дом, к которому подвез нас Михаил, стоял на самой околице. Дальше — только поля, расчерченные полосами посадок, а почти вплоты к Мишкиному огороду, судя по разросшемуся камышу, — маленькая запруда. Хозяин вышел из машины, отворил ворота и загнал «шкоду» на небольшой дворик. Ворота были новые, металлические, забор заменяла не так давно натянутая на вколотенные по периметру участка столбики сетка рабица, а вот все остальное здесь выглядело старым и утлым. Приземистый кирпичный домик как будто врос в землю, и трава у стен доставала до спрятавшихся за деревянными ставнями окошек. Черепичная крыша пошла волнами, в одном месте провалилась, а в другом опасно выехала вперед и даже странно, что до сих пор не осыпалась. У крыльца скучала осиротевшая кривобокая будка с огрызком цепи. На такой же цепи, продетой в толстые металлические кольца, болтался на входной двери здоровенный амбарный замок. А на замок смотрел теперь Сокол, видимо, как и я, прикидывая в уме, возможно ли открыть насквозь проржавевший запор ключом или нужно искать лом.

— Нам в дом не надо. Вон вагончик. — Михаил махнул рукой в глубь двора, где в кустах малины спрятался маленький трейлер. — Там ночую, когда приезжаю. А инструмент весь в сарае.

Пристроенный к дому сарай выглядел не лучше. Разве что замка на двери не было. Как, впрочем, и самой двери. Я с опаской заглянула в темный проем, потом посмотрела на трейлер, потом на окружавшую его малину... Выбор был очевиден.

— Вы ищите свой нож, а я погуляю пока, — предупредила я мужчин.

В отличие от дома, огород у Фирсова был ухоженный. Должно быть, ради него и держали дачу. Ровные грядки помидоров, болгарский перец, картошка, кабачки. Кроме малины обнаружили крыжовник и смородина.

Из малинника я видела, как Михаил вынес на двор большой фанерный ящик. Сокол заглянул внутрь и махнул рукой, отгоняя Фирсова и Сережку, а сам принялся разбирать железки.

Стало интересно, не каждый же день видишь артефакты, способные возратить человека с того света, и, набрав про запас горсть спелых ягод, я осторожно приблизилась и встала рядом с Серым. Колдун аккуратно вытаскивал из кучи старья то старый паяльник, то моток проволоки, то еще какую-нибудь рухлядь и выкладывал все это на землю рядом с ящиком. К тому времени, как малина у меня в ладони закончилась, на этом импровизированном прилавке антиквара набралось не менее двадцати экземпляров первобытных орудий труда. Даже нож был, но, увы, не тот: здоровенный тесак с зазубренным, покрытым ржавчиной лезвием. Интересно, что или кого им рубили? А если это и не ржавчина вовсе...

— Может, просто высыпать все? — подал здравую мысль Серега. — Ножик небольшой, наверняка на дно завалился.

— Я тебе сейчас высыплю, — прорычал темный. — А лучше всыплю.

Он продолжал методично извлекать из ящика древности.

— Так вот же он! — радостно закричал Серый, когда созерцание груды старья мне окончательно наскучило и я уже собиралась вернуться к ягодкам. — Вот!

— Этот? — недоверчиво скривился Сокол, вертя в руке маленький нож.

Короткое лезвие, обмотанная изолентой рукоять — описание совпадало. И что ему не нравится? Я тоже не так себе артефакты представляла, так я и о темных магах была лучшего мнения... точнее, худшего... В смысле, мужик в футболке, джинсах и найковских кроссовках мало смахивает на какого-нибудь ведьмака...

— Ты уверен, что это тот самый нож? — с нажимом спросил колдун.

— Ну-у... — Сережка опасливо протянул руку. — Вроде да... Точно! Точно он. Видишь, царапина? Я его в эпоксидке вымазал, отдираю потом. И осталось немного, вот... А что не так?

— Все.

Он сжал нож так, что пальцы побелели. А лицо у него стало такое... потерянное, что ли? Не знаю, даже слов не подберешь. Но малины мне совсем расхотелось.

— Наташка-Наташка... — Сокол разжал кулак, и нож упал на землю. — М-да...

— Не понял. — Серый озадаченно глядел на брошенный артефакт.

— Зато я понял, но поздно. Это просто кусок железа. И порезался ты им случайно, и... Поехали отсюда.

Его негромкий голос перекрыл новый звук: кто-то методично колотил кулаком в калитку. Бамс-бамс-бамс... После очередного удара дверца не выдержала и распахнулась.

— Сосед, а сосед, — припадая на одну ногу, во двор вошла худая тетка в годах. — Коза моя к тебе в огород влезла.

— Какая коза? — Михаил оглядел натянутую под два метра металлическую сетку. — Летает она, что ли?

— Коза в огород влезла, — монотонно повторила тетка, приближаясь.

— Да какая еще коза?!

Фирсов решительно шагнул навстречу гостье, но Сокол вдруг схватил его за руку и рывком оттолкнул назад.

— Коза...

Руки у тетки висели плетьюми, глаза, не мигая, смотрели вперед, а изо рта тонкой ниточкой стекала слюна.

— Сосед, — донесся глухой басок от калитки, — коза к тебе в огород влезла...

Судя по количеству собравшихся у ворот людей, все местные козы повадились лазить в фирсовский огород.

ГЛАВА 5

— В машину.

Отданный негромким голосом приказ темного опоздал на каких-то пару секунд. Зомби (по-другому лишенных собственной воли людей и не назовешь) уже ввалились во двор и облепили «шкоду». На нас они, слава богу, не бросались, но что-то говорило мне, что это ненадолго.

— Народ, вы это чего, а? — продолжал недоумевать Михаил.

— Коза, — требовательно повторила пришедшая первой женщина.

На несколько мгновений ее взгляд обрел осмысленность, скользнул по нам и остановился на колдуне. Тонкие губы скривились в недоброй усмешке.

— Коза!

Подняв руки и растопырив пальцы, она кинулась на Сокола, сиюсь вцепиться ногтями в лицо, а за ней ринулись другие.

Меня оттолкнули к сараю. Слишком быстро и целенаправленно, чтобы думать, что это был кто-то из зомби. Наверное, Сережка. Но теперь я с трудом могла разглядеть его в толпе. Тесный дворик заполнился людьми, и даже если бы я хотела бежать, бросив своих, мне это не удалось бы. В воротах застыла троица мордovorотов, как специально, а может, и специально отобранных для этой миссии, а остальные, всего человек двадцать, навалились на колдуна и стоявшего рядом с ним Сергея. К счастью, управляемые невидимым кукловодом марионетки не могли похвастаться ловкостью. Застывшие лица, смазанные, неестественные движения. То и дело кого-то из них отшвыривали в сторону оставшиеся в эпицентре драки мужчины, но выбывший вновь поднимался на ноги и в исступлении пер обратно, размахивая кулаками. Это продолжалось минут пять, и за все это время я не услышала ни визга, ни криков — только сдавленный рев напиральной орды и сопровождающую каждый удар ругань Серого.

— Ах ты ж тварь... Получи, урод...

Колдун отбивался молча. Вжавшись спиной в стену, боясь пошевелиться лишней раз, я видела, как он методично уклоняется от ударов, перехватывает чьи-то руки, бьет по ногам и просто отталкивает от себя очередного противника. А потом следующего. И следующего. Но их было слишком много.

Из разноцветной ворочающейся кучи вдруг выскочил кто-то и с жутким воем бросился ко мне. К несчастью для Михаила (а это оказался он), рефлексы меня не подвели, и едва вырвавшийся из потасовки Фирсов был возвращен на поле боя ударом ноги. Мае-гери, однако. Полгода в секции карате.

Видимо, воспоминания о пацанском детстве придали уверенности, и я смогла отлепиться от потрескавшейся штукатурки. На глаза мне попала длинная отполированная палка, черенок от лопаты или еще что-то в этом роде, и, вооружившись этой дровенякой, я кинулась на помощь товарищам. Не била, скорее расталкивала людей. Толку от этого было немного, и зомби все так же рвались в бой, но злополучный Мишаня успел отползти на карачках и скрыться в сарае. Поняв, что впустую трачу силы, стала лупить нападавших по ногам. Это было более эффективно: они спотыкались, сбивались с шага и меняли направление. С нескольких ударов удалось завалить потрепанного мужичка с харизмой записного пропойцы. И тут же сама его пожалела. Наконец-то дошло, почему дерется вполсилы Сокол: это же люди! Обычные люди, и вся их вина в том, что они живут тут поблизости...

Воспользовавшись моим смятением, невинные люди сбили меня с ног. Хорошо, что тут не было асфальта, но утрамбованной земли, о которую я стукнулась затылком, хватило, чтобы в глазах потемнело. Болезненный удар носком ботинка в живот избавил от остатков гуманизма, но было поздно: чьи-то пальцы вцепились в щиколотки, и меня поволокли по заросшему травой двору. В ответ на попытку лягнуться последовал пинок, и, перестав корчить из себя героиню, я завизжала что было мочи.

Сразу же вслед за этим раздались выстрелы. Один, второй, третий...

Бабка в цветастом платке и молодой прыщавый парень, за ноги тащившие меня к воротам, остановились и обернулись на звук. Значит, не все чувства у них отключены.

— Хватит игр, — громко произнес Сокол.

Повернув голову, я увидела его, стоящего посреди застывших селян с пистолетом в поднятой руке.

— Правильно, — поддержал Серый, — вали их.

— Вали их, — насмешливо повторил возвышающийся надо мной усатый мужчина в тельняшке. Снизу мне плохо было видно его лицо, но поклясться могла бы, что, за исключением оживших глаз и шевелящихся губ, оно являло собой застывшую маску. — Давай, перестреляй тут всех.

— Зачем всех? — Темный направил оружие на Сергея. — Одного хватит.

На шутку это не походило.

— Блефуешь, — сказал усатый.

Колдун покачал головой:

— Ни капли. Отпусти девушку.

— Ведьму, — устами зомби уточнил управлявший им невидимка.

— Ведьму, — согласился Сокол. — Или я стреляю.

— Блефуешь, — прозвучало снова.

Я и моргнуть не успела, как темный нажал на курок. Грянул выстрел, и Сережка, тихо вскрикнув, схватился за плечо.

— Продолжать? — Голос колдуна сочился желчью.

Мои освобожденные ноги упали на землю, но я была слишком ошеломлена случившимся, чтобы сообразить, что теперь делать. Он стрелял в Серого! Зачем?!

— Вставай, — велел мне Сокол. — Сюда.

Он пистолетом указал мне место рядом с Сережкой. Вспомнилась наша первая встреча в парке...

— А теперь пусть люди уходят.

— Нет. — Кукловод переключился на полную женщину в желтом сарафане. — Иначе в чем смысл?

— Ты уже понял, что я не шучу. — Колдун снова держал Серого под прицелом. — Если нас не выпустят, я его убью.

— Если ты его убьешь, вас точно не выпустят. — На симпатичном веснушчатом лице злобная ухмылка смотрелась особенно пугающе.

— В сарай! — Темный махнул нам с Сережкой в сторону выбитой двери. — Быстро!

Внимательно взгляделся в глаза женщины, как будто мог рассмотреть того, кто говорил через нее.

— Убери людей и дай нам уйти. Я подожду. А когда надоест ждать, пристрелю его.

После яркого солнечного света в сарае было темно. Но потом глаза привыкли, и двух маленьких грязных окошек и дверного проема оказалось достаточно, чтобы все здесь

рассмотреть. Старый кухонный шкаф, ящики, чудом не сгнившие картонные коробки. Между шкафом и коробками сидел на земляном полу Фирсов: обхватил руками голову и несильно раскачивался вперед-назад, что-то невнятно мыча. Жалко его. Жил себе, никому не мешал...

Сережка, по-детски обиженный, замер посреди захлавленного помещения, зажимая ладонью рану.

— Давай гляну? — предложила я робко.

Хотя что толку? Ни промыть, ни перевязать... Разве что, как в фильме про войну, начну героически рвать на себе футболку.

— Там не на что смотреть, Ася. — Темный устало сполз по стене на пол, вытянул ноги и тут же полез в карман за сигаретами. — Царапина в самом прямом смысле. Пуля прошла по касательной. Но можете подуть, чтоб быстрее прошло.

Серый недоверчиво отнял руку от плеча и досадливо сплюнул: действительно, царапина, дырка на рукаве и немножко крови.

— А если бы... если бы ты его убил?! — Боевой запал окончательно сошел на нет, и мой голос срывался на плач.

— Не убил бы. — Прикрыв глаза, Сокол с наслаждением затыкнулся. К запаху пыли и сырости добавился табачный дым. — Я знал, что делаю.

— Если бы еще я знал, что ты делаешь, — сказал Сережка. В его словах не было злости. Может быть, это шок. А может, он, в отличие от меня, уже начал что-то понимать. — Объяснить не хочешь?

— Позже, — покачал головой колдун.

— Позже, это когда по-настоящему убивать будешь? — Серый присел у противоположной стены.

Ответа он не дождался — у Сокола зазвонил мобильный. Полонез Огинского, красиво и грустно. Кто ставит такие мелодии на входящие?

— Легка на помине.

Он положил телефон со светящимся экраном на землю рядом с собой. Несколько секунд слушал музыку, дирижируя дымящейся сигаретой, а затем включил громкую связь.

— Сокол! — послышался из динамика взволнованный голос Натали. — Сокол, вы где? У вас все в порядке? Уже три часа прошло...

Мне вдруг подумалось, что он сейчас разобьет телефон — вот так ударит кулаком со всего размаха... Но он просто отключил связь, а потом и сам мобильник.

— Надо в милицию позвонить! — осенило меня.

— И дать этим, — Сокол кивнул на двор, — кукол с табельным оружием? Увольте, Анастасия Валерьевна.

— И что предлагаешь? — спросил Сережка.

— Ждать.

— Чего?

Наверное, меньше всего на свете темному сейчас хотелось говорить, но он сделал над собой усилие:

— Возможно, кто-то слышал стрельбу. Возможно, это кого-то заинтересует или встревожит, и сюда придут новые люди, на которых у него не хватит сил.

— Возможно, — усмехнулся Серый. — Но маловероятно. На стрельбу народ не сбегается,

а как раз наоборот.

— Значит, будем ждать, пока он отпустит этих.

— А если не отпустит? — Парень начинал терять спокойствие. — Пристрелишь меня, да?

— Как вариант. Или ты сам застрелишься.

Не сдержавшись, я хихикнула. Бред! Вот что было бы самым логичным объяснением сложившейся ситуации. Галлюцинации. Лежу я где-нибудь в комнате с мягкими стенами и пускаю слюни на подушку после дозы галоперидола. А всего этого — грязного сарая, подвывающего в уголке Мишани, Сережки и серьезного брюнета с пистолетом просто нет.

— Насть, — обеспокоенно позвал меня Серый, — иди сюда.

Я послушно уселась рядом.

— Как знал, что не надо тебе ехать.

— Вообще не нужно было ее в это втягивать, — вклинился Сокол.

— А кто втягивал? Я? Ты сам сказал, что лучше у Настюхи пересидеть.

— Не помню, чтобы ты отказывался, — ухмыльнулся колдун. — Я бы сначала подумал, чем это может грозить девушке. Но у меня-то нет привычки прятаться за женскими юбками.

Сергей вскочил на ноги:

— А ну повтори, урод!

Темный лениво погрозил ему пистолетом.

— Не нужно, Сереж. — Не вставая, я погладила парня по ноге. — Он специально тебя злит.

Потому что сам злится из-за Натали.

— Ты же хотел, чтобы он согласился, да, Сокол? Предложил остаться у меня, чтобы присматривать за обоими?

— Браво, Анастасия, — скривился колдун. — Садитесь, пять. И ты сядь, — рыкнул он на Серого. — Не мельтеши.

— Зачем присматривать? — Сережка вернулся на место.

— Он решил, что я заодно с этими, — указала в сторону выхода я.

— А что я должен был подумать? Сидит человек дома, никого не трогает. И его никто не трогает, что, замечу, важнее. И тут вдруг появляется девица, к тому же ведьма, и объект выбирается из берлоги на радость светлому воинству. Проверяю девицу — и ничего. Ведьма не ведьма. Не была, не состоялась, не замечена. Разве не подозрительно? Пришлось спешно корректировать планы.

— Бедненький, — язвительно пожалела я. — С планами-то не перемудрил?

— Есть немного.

Он отложил в сторону пистолет и достал второй такой же — зажигалку, прикурнул и снова спрятал.

— Ты и Мишку подозревал, — догадался Серый, посмотрев на затихшего Фирсова. — Из-за этого ножа, да? Так какого мы сами сюда приперлись, стратег недоделанный?!

— А кто должен был сюда, говоря твоим языком, припереться? — поинтересовался колдун, выдохнув облако дыма. — Я один, если ты не заметил. И это не кино, поддержки

с воздуха не будет.

Он откинулся на стену и закрыл глаза.

Сережка ободряюще пожал мою руку и вдруг бросился вперед, подхватил лежавший рядом с отключенным мобильником пистолет и направил его на Сокола.

— Надоело, — выдохнул он тяжело. — Выкладывай.

— Что тебе выложить? — осклабился темный. — Бумажник из кармана?

— Все. С начала и до конца.

— Ну... В начале, как известно, было слово. Или тебе не с этого начала?

— Не с этого. — Серый зло пнул его ногу. — Те, во дворе, что им нужно? Кто их послал? Понятно, что не светлые, — убивать не спешат. Твоя контора? Или еще кто-то?

— Не умеешь ты допросы вести, — сокрушенно покачал головой колдун. — Ладно, давай, я сам.

Он затушил сигарету о пол и не торопясь поднялся. Сергей отступил, но продолжал удерживать мужчину под прицелом.

— Итак, кто там? — Темный указал пальцем себе за спину. — Там люди. Аборигены. В настоящее время они находятся в подчинении у заклинателя, который управляет их действиями. Далее: упомянутый заклинатель не из светлых, как ты догадался, и не из моей конторы. Потому что в твоём случае моя, как ты изволил выразиться, контора солидарна с конкурентами. Слышал о принципе меньшего зла? Так вот, твоя смерть в течение ближайших двенадцати дней будет меньшим злом, Сережа. И единственного, кто решил с этим поспорить, ты сейчас держишь на мушке. Так, может, успокоишься и отдашь игрушку?

— Отдам. Когда все объяснишь. И... ты можешь нормально разговаривать, по-человечески?

— Для тебя все что угодно. Если надо, даже включу в свою речь жаргонизмы и нецензурную лексику.

— Не нарывайся, — пригрозил парень. — Рассказывай. Почему меня хотят убить светлые и кому я нужен живым? И зачем? В этот раз честно.

— Хорошо, — перестал ерничать Сокол. — Но учти, на пальцах всего не объяснишь. Придется верить мне на слово.

Он взглянул на жмущегося к ящикам Михаила, теперь прислушивающегося к нашему разговору, недовольно поморщился, но все же продолжил:

— Началась эта история не с тебя. Тебя тогда даже в проекте не было. Да и меня тоже. Лет пятьдесят назад в нашей организации работал один голландский специалист, Хендрик Ван Дейк. Имя, думаю, не настоящее — Ван Дейков в Нидерландах, как Ивановых на просторах бывшего нерушимого, — но другого, если оно и было, никто не знал. Работал он себе, лишнего внимания не привлекал, звезд с неба не хватал. Выбил, правда, однажды грант на исследование вопросов одержимости, но тогда это никаких подозрений не вызвало. Ван Дейк как раз специализировался на экзорцизме, но не на практике, а в теории. А еще, как потом выяснилось, неплохо владел техникой ментального воздействия. Да и кой-какие таланты в других областях у него имелись. И в один прекрасный день этот талантливый и вовремя не оцененный господин разнес в пух и прах хранилище конкурирующей фирмы, в котором на тот момент сберегалась одна занимательная штука, этакий аналог кольца всевластия. Ну, не то чтобы совсем уж всевластия, но достаточно мощный артефакт, энергию которого Ван Дейк всосал. Не знаю, о чем он думал, когда это делал. Может, действительно хотел стать властелином мира, может, крыша поехала — в здравом уме на такое никто не решится. Это... Сложно объяснять, но работа с артефактами сильно отражается на людях, а сделать то, что сделал Ван Дейк, — в каком-то смысле то же самое, что покончить с собой особо изощренным способом. Личность человека претерпевает настолько сильные изменения,

что... Ладно, черт с ним. В общем, то ли он изначально был чокнутый, то ли тронулся после того, как взломал артефакт, но полученной силы ему оказалось мало, и он выкачал недостающую из своих же ассистентов. Подчистую. Полностью выпил. Убил пять человек.

— Да понял я, понял, — махнул пистолетом Сережка.

— Слава богу, — выдохнул колдун. — А то я рассказываю тут сказки, рассказываю... Ты бы хоть кивал.

— Продолжай.

— Продолжаю. Только пушкой не маши, нервирует. И так, когда Ван Дейк разошелся не на шутку, обе конторы объединились и объявили на него охоту. Кому нужен полоумный маг девяностого левела? Нашли его быстро и так же быстро прихлопнули. Списали успех на удачу и объединенную мощь. Только старик — а он был уже старик — оказался не так прост. Он заранее просчитал вероятное развитие событий и позаботился о том, чтобы его дух не устремился к свету в конце тоннеля, а подзадержался у границ тварного мира. А еще он приготовил своей душе новое вместилище.

— Вместилище? — одновременно переспросили мы с Серым.

— Да. Выбрал молодого парня из числа своих бывших коллег, открыл астральные каналы в его тело... Потом нашли дневник голландца, немного разобрались с механизмом. Он же занимался одержимостью, помните? Вот и придумал такую штуку. Но старикану снова не повезло. Полноценное вселение требовало проведения специального ритуала, а для этого нужны были помощники. Ван Дейк сумел установить контакт с несколькими старыми друзьями, но накануне решающего события у одного из них сдали нервы, и он пришел к стражам дня. Да, это полуофициальное название, кстати. А то мы все светлые да светлые...

— А официальное какое? — заинтересовался Сережка.

— Лысого встретишь, спросишь.

— А темные, значит, стражи ночи? — предположила я.

— Мы вообще не стражи, — передернул плечами Сокол, но названия своей конторы, ни официального, ни полуофициального, не сказал. — Дальше рассказывать? Так вот, пришел он к светлым, выдал все, и те, естественно, решили сорвать обряд. Ван Дейк еще при жизни с катушек съехал, а каким он стал после того, как немножко умер, даже предположить страшно. И в день проведения ритуала усиленная бригада воинов-пилигримов накрыла всю компанию и освободила несчастного юношу, чье тело предназначалось голландцу. Светлые выходят на поклон, бурные аплодисменты, занавес... Только получилось все совсем не так. Парня освободили, но каналы остались открыты, и несмотря на то, что ритуал не был проведен, после дня дарения дух Ван Дейка получил доступ к телу... в тело, в смысле. Вжиться он не мог, но на какое-то время подчинил себе хозяина. Устроил ряд шумных диверсий... Если коротко — перебил кучу народа и разрушил несколько зданий. Носителя локализовали, но изгнать дух не удалось. Лучшие спецы светлых оказались бессильны, наши, к которым обратились за помощью, тоже. Меньше чем за месяц Ван Дейк свел с ума хозяина тела, выпил его энергию и просто ушел. А потом история повторилась. С тех пор как голландец лишился тела, он предпринял восемь попыток заполучить новое. Но и наши и конкуренты уже были начеку. Мало того что ритуал требовал определенных условий, вроде благоприятного расположения светил и специфического сочетания дат, так и старик оказался слишком предсказуем: всегда выбирал мужчину, молодого, привлекательного — наверное, страдал от каких-то еще прижизненных комплексов — и непременно обладающего даром и способностями в области телепатии. Во времена Ван Дейка генетика была еще не настолько развита, но о том, что тело играет немаловажную роль в управлении силой, догадывались задолго до этого. В общем зная требования к вместилищу и держа это дело под контролем... более или менее под контролем, долгие годы удавалось не допустить возвращение Ван Дейка. Не то чтобы старик представлял собой вселенское зло, но все-таки зло. А вместилища после третьей попытки решено было уничтожать.

Колдун выдержал долгую паузу, давая нам возможность осмыслить услышанное.

— Хочешь сказать... — Сережка задумчиво почесал лоб пистолетом и выпалил: — Врешь!

Темный пожал плечами.

— Врешь, — повторил Серый. — Сам же прокололся. Наличие дара, телепатия... Я не из этих ваших.

— Не из наших, это точно, — усмехнулся Сокол. — Иначе от тебя давным-давно избавились бы. Видимо, голландец сделал выводы из прошлого опыта и решил использовать невыявленного одаренного. Если бы не та авария, на тебя вряд ли вышли бы.

— Невыявленного?

— Невыявленного, необученного. Но способности у тебя есть, в том числе и к телепатии. Можно сделать специальные тесты, а можно просто мозги включить. Мозги, я подозреваю, у тебя тоже есть. Вспоминай. Проявляется это, как правило, уже в детстве. Захотел ты, к примеру, чтобы тебе на день рождения подарили велосипед. Очень захотел. Думал об этом и день и ночь, ныл мысленно: «Ну купите мне велосипед, ну купите...» И в положенный день получаешь не конструктор, не ролики, а именно велосипед. Было такое?

Парень задумался, а темный тем временем продолжал:

— Или в школе. На уроке сидишь, знаешь, что задание не сделал или стих не выучил, и начинаешь про себя молить: «Только не меня, только не меня». Вызвали к доске хоть раз? Или... Тьфу ты! — Он махнул рукой. — Да мало ли что еще? Женщины часто отказывают?

«Никогда», — мысленно ответила я за Серого.

— *Может, погуляем?*

— *Давай. А куда пойдём?*

— *Не знаю. Туда, где народу поменьше.*

— *Если хочешь, можно ко мне...*

— Ладно. Предположим, — кивнул Сергей. — Но как этот твой голландец меня нашел? Как это связано с аварией? Откуда обо всем знают светлые? Ты? Кто управляет этими, во дворе?

— И еще два десятка вопросов, на которые я сейчас отвечать не настроен, — хмуро прервал его Сокол. — А кто удерживает людей, вообще не знаю. Ван Дейк умеет взаимодействовать с живыми: ищет медиумов, способных слышать, насылает сны. Кого-то прельщает обещаниями поделиться силой, кого-то использует вслепую.

— Но почему...

— Хватит. Потом поговорим... если выберемся.

— Нет. — Серый снова навел на него пистолет. — Сейчас.

— Сейчас? — раздраженно ощерился Сокол. — Типа, ты крутой мужик с пушкой, а я, значит, боюсь-боюсь и все тебе выкладываю?

— А что, не боишься?

— Нет. — Колдун достал из кармана помятую пачку, вытащил сигарету. — И у меня на это две причины.

Он вдруг подался вперед, одной рукой перехватил и вывернул Сережкину руку с оружием, а второй легко, как отбирают игрушку у ребенка, вырвал пистолет. Отшагнув было назад, но не сдержался и ударил ошеломленного парня кулаком под дых. Серый согнулся пополам от боли.

— Это первая, — зло бросил колдун. Поднес ствол к сигарете, и вместо выстрела из дула вырвался огненный язычок. — А это вторая.

Я бросилась к Сережке, а темный стоял в сторонке, раз за разом жадно затягиваясь и выпуская дым из хищно раздувающихся ноздрей.

— Дурак, — процедил он, взглянув на опершегося на мое плечо парня. — У зажигалки цельный корпус, и по весу она легче. Как можно перепутать?

— Как будто я настоящее оружие в руках держал, — зло пробурчал Сергей.

— Тем более дурак. Не берись за то, в чем не разбираешься.

Он снова уселся на пол, а мы — на свое место у противоположной стены. Несколько минут сверлили друг друга взглядами и молчали, потом одновременно, и он и мы вдруг обернулись к притаившемуся в уголке Фирсову, который сидел ни жив ни мертв, и опять уставились друг на друга. Вопросов было хоть отбавляй, но Серый заговаривать с колдуном уже не решался.

— А вы? — отважилась я. — Почему вы нам помогаете?

— Вам? — переспросил он насмешливо.

— Сереже. Если и ваши и светлые считают, что достаточно уничтожить вместилище, чтобы избавиться от проблемы, почему вы так и не поступите? Значит, вы не согласны с таким... решением, да?

Вспомнилось, о чем он говорил с Натали до того, как начал цитировать Лермонтова, о том, что его не устраивает существующая система. Получается, он пошел против этой системы, чтобы помочь совершенно незнакомому человеку?

— Ася, взгляните во двор, — предложил он мне вместо ответа.

— Зачем? — насторожился Серый, сжав мою руку.

— Затем, что если я действительно добрый волшебник, там должен стоять голубой вертолет, груженный мороженым. На нем и улетели бы. Нет? Тогда не стройте пустых иллюзий и не слишком уповайте на мою доброту. Смерть вашего приятеля не входит в мои планы, но и возвращение Ван Дейка — тоже. Поэтому, если ничего из задуманного мной не выгорит, я сам его пристрелю. И если он не законченный идиот, успеет поблагодарить меня перед этим.

— А что вы задумали? И зачем вам...

— Потом. Все потом.

— А что же сейчас?

— Я уже сказал — ждать.

ГЛАВА 6

Ждать пришлось долго. Мой рюкзачок, в котором лежал мобильный, остался в машине, и время я сверяла по часам Сокола. Когда минутная стрелка описала полукруг, не выдержала и нарушила гробовое молчание:

— Если им нужен Сережка, зачем они схватили меня? — Это был далеко не главный вопрос, но единственный, который мне удалось сформулировать.

— Возможно, чтобы заставить его выйти. Но вряд ли им известна ваша роль в этой истории. Предположу, что тому, кто управляет спящими, просто понадобилась батарейка. Поэтому я и рассчитываю на то, что он скоро выдохнется.

— Батарейка? Это в смысле, как вы... ты тогда? — Я наконец определилась и решила, что выкать ему теперь ни при каких обстоятельствах не стану. Даже если выяснится, что ему лет столько, что он был лично знаком не то что с первой советской трактористкой, но и с последним динозавром. — Силу одолжить, да? Но ты же сказал, что без согласия у ведьмы ничего не возьмешь.

— Не возьмешь, — подтвердил колдун. — Но просить можно по-разному, Анастасия. Поверьте, вы недолго отказывались бы.

От тона, которым были сказаны эти слова, кожа покрылась мурашками, и я умолкла, зябко обняв себя за плечи.

Правда, надолго молчание не затянулось — в тишине я чувствовала, что нервы вот-вот не выдержат, и готова была говорить о чем угодно, включая не самые приятные для меня темы.

— Сереж, а кто такая Алена? — Вот как раз такая тема.

— Девушка, — произнес он, не глядя мне в глаза.

— Логично. Парню с таким именем нелегко бы в жизни пришлось.

— Девушка, с которой я встречался до крайней вахты, — с неохотой пояснил Серый. — Мы... расстались...

Прозвучало это так, словно он сам не уверен в том, что их отношения закончились. И меня это не радовало. Какое-то убогое село, пыльный сарай, толпа зомби во дворе. А теперь еще выясняется, что у парня, из-за которого я, собственно, и влезла во все это, есть девушка! Шикарно. Тогда почему я сейчас сижу на земляном полу, а не эта Алена?

— Я звонил ей пару раз оттуда... Потом перестал. Другая страна, дорого. Роуминг и все дела. Мужики посоветовали на нового оператора переключиться. Ну, я симку вытащил вообще, а там ее номер был, и она сама меня набрать уже не могла. Потом позвонил, когда приехал, предложил встретиться, думал, зайдет... А она трубку бросила. Наверное, обиделась.

Наверное?! Вот уж точно, хоть плачь, хоть смейся. Полгода о нем ни слуху ни духу, а потом удивляется, отчего девушка трубку бросает, вместо того чтобы радостно примчаться на первый же свист... Хотя дур хватает. Знаю я одну, та и без свиста примчалась.

— Насть, вот оно сейчас надо? — Голос у него был такой, словно я уже закатила истерику.

«Не надо», — подумала я и целых тридцать пять минут просидела молча, не сводя глаз с часов Сокола и стараясь вообще ни о чем не думать. Не скажу, что это мне удалось, но мысли были настолько путанные, что сумбур в голове практически ничем не уступал полной пустоте. Лишь в висках пульсировало: «Выбраться, выбраться, выбраться. А дальше видно будет».

— Сокол, радость моя, ты там жив?

Многokrратно усиленный с помощью громкоговорителя голос заставил меня вздрогнуть.

И не только меня.

— Это Натали? — узнал Серый.

— Да, — глухо подтвердил колдун. — И у нее мегафон.

Естественно, появлению баньши, чьей милостью мы оказались здесь, он был не рад, но наличие у Нат мегафона, кажется, удручало его больше всего.

— Сокол, вы здесь?

Он ответил, как сумел: поднял пистолет и выстрелил в потолок. Уши заложило, а на голову посыпалась штукатурка.

— Вот и ладненько, — громогласно возрадовалась баньши. — Дамы и господа, — продолжила она церемонно, — сейчас для вас прозвучит моя любимая композиция. Эдвард Григ, «Пер Гюнт»...

— Только не Сольвейг. — Мне показалось или темный действительно испугался?

— ...песня Сольвейг!

Сокол тихо выругался.

— А почему не Сольвейг? — непонимающе спросил Сергей.

— Завышает безбожно. — Колдун бегло огляделся, очевидно, не обнаружил того, что искал, и махнул рукой. — На землю, лицом вниз и закрыть уши.

Натали откашлялась в мегафон.

— Уши! — Сокол ничком упал на землю, обхватив руками голову.

Юморист он, конечно, еще тот, но подобные шутки не в его духе, поэтому я решила не искушать судьбу и последовала его примеру.

Она действительно запела. Прижатые к ушам ладони не заглушали всех звуков, и хоть слов было не разобрать, мелодию известного произведения я узнала. Мелодию, но не темп. Уж не знаю, что она там завывает, но ускоряет — это точно. В пыльном воздухе вдруг запахло грозой. В дверной проем ворвался со двора не по-летнему холодный ветер, а тучи, неизвестно откуда взявшиеся на еще недавно ясном небе, заслонили заглядывавшее в окошки солнце, и в сарае сделалось совсем темно. В довершение ко всему грянул гром. Я не слышала его за пением баньши, но ощутила вибрацию стен. Раздавшийся совсем рядом крик на миг перекрыл голос Натали — Фирсов, о котором мы забыли и который не слышал или не понял указаний темного, катался теперь по полу, с воем сжимая виски. На мгновение мелькнуло перед глазами его перекошенное лицо, испачканное текущей из носа кровью, а затем я зажмурилась, потому что сверху посыпались пыль и куски штукатурки. Один, достаточно тяжелый, ударил меня по спине. Я инстинктивно потянулась к ушибленному месту рукой, но тут же что есть силы снова прижала ее к уху — никогда не думала, что звук может причинить боль. Казалось, еще немного, и голова разорвалась бы на куски.

Больше я так не рисковала. Лежала, уже не силясь оглядеться, не открывая глаз, не отнимая от ушей ладоней и не зная, что происходит вокруг. Если бы вспомнила хоть одну молитву, то молилась бы.

Сколько все это продолжалось, неизвестно. В себя я пришла, лишь когда кто-то перевернул меня на спину и рывком усадил на пол. С опаской приоткрыв глаза, я увидела перед собой Сережку. За его спиной Сокол пытался привести в чувства Мишаню. Я не сразу сообразила, отчего так хорошо теперь могу разглядеть и сидящего на корточках колдуна, и свернувшегося в позе эмбриона и не желавшего реагировать на пощечины Фирсова. Только встав на ноги, увидела, что у сарая напрочь снесло крышу. Не обрушило на нас, слава богу, а просто снесло... У Михаила, боюсь, тоже. Поднявшийся с пола человек огляделся и, улыбнувшись, что-то замурчал себе под нос. Прислушавшись, я узнала мотив недавно звучавшей песни.

Но колдуна состояние и самого Фирсова, и его сарая беспокоило мало. Сокол достал пистолет... нет, все же зажигалку, закурил. Сигареты хватило на три затяжки.

— Держитесь за мной, — велел он.

— Может, не стоит пока выходить? — предложил почувствовавший его настроение Серый.

— Стоит. У Нат большой репертуар, а так есть шанс.

Судя по его голосу, шанс был очень незначительный.

Как ни странно, дом почти не пострадал. И трейлер не улетел ни в какую страну Оз. И машина осталась на месте. С людьми было хуже: выглядели сидевшие на земле или отрешенно бродившие по двору селяне так, что Михаил на их фоне смотрелся бодрячком — потрепанные, в разодранной одежде, с исцарапанными руками и всклокоченными волосами.

Не повезло и новеньким, обитым рифленым железом воротам. Они попросту рухнули, открыв Натали широкий проход во двор. За плечом баньши блестела на солнце лысина давешнего светлого.

— Ну и чего ты ждешь? — с вызовом спросила она у вышедшего ей навстречу мужчины.

Идя сзади, я видела, как он болезненно поежился. А когда заговорил, голос его звучал сдавленно и хрипло:

— Нат... Может, мы для начала обсудим ситуацию?

— Обсудим?! Сокол, тебя что, приложило? Я же предупредила!

Колдун замер, и мы с Сережкой тоже.

— Потом обсудим, — махнула рукой Натали. — А сейчас в машину, и рвем отсюда, пока они не очухались!

подавая пример, она вскочила в стоявший у забора автомобильчик — ярко-зеленый «Фольксваген Жук» с красными надписями «Цирк» на дверцах. Этот «жук», или точь-в-точь такой же, уже несколько дней курсировал по нашему району, пугая жителей транслируемыми через мегафон песенками и призывами посетить представление заезжей труппы. Светлый в гипсовом ошейнике неловко, будто извиняясь, пожал плечами, но тоже решил оставить объяснения на потом, заняв место водителя.

Сокол обескураженно развернулся к нам.

— Едем, — решил за него Серый.

Это подействовало как сигнал. Колдун встряхнулся, распахнул дверцу «шкоды», впихнул на заднее сиденье глупо улыбающегося Фирсова и кивнул мне, чтобы забиралась следом. Сам он сел за руль, Сережка рядом, и автомобиль выехал со двора прямо по лежащим на земле воротам. «Фольксваген» тронулся следом. Обернувшись, я заметила, что зомби начали собираться в кучки, но что бы они, а точнее, те, кто ими управлял, ни задумали, было уже поздно.

За окнами мелькали дома и огороды, гуси чудом успевали убраться с нашего пути, и уже через пару минут машина вылетела за околицу так и оставшегося для меня безмянным села. Еще минут десять мы мчали по шоссе, а затем темный неожиданно резко взял вправо: «шкода» соскочила с асфальта на какую-то проселочную дорогу, пролетела, вздымая пыль, до ближайшей лесополосы, и Сокол опять вывернул руль, одновременно ударив по тормозам. Машину круто развернуло, меня швырнуло на дверцу, а с другой стороны навалился не удержавшийся при маневре Мишаня. Автомобиль прошел юзом еще несколько метров и остановился, перегородив дорогу. Прижавшись лицом к стеклу, я видела, как на нас мчится цирковой «фольксваген», но испугаться не успела: видимо, и светлых и темных обучают вождению в одной автошколе — лысый лихо притормозил метрах в трех.

Ни слова не говоря, колдун вышел из машины. Достал из кармана сигареты и пистолет-зажигалку. Из «фольксвагена» выбралась Натали. Недовольно скривилась, когда тонкие шпильки увязли в земле, но кое-как подошла к темному. О чем они говорили, я не слышала, лишь видела, как меняется выражение их лиц. Мужчина все больше и больше сникал, а баньши разъярялась. Когда я, не выдержав, все же вышла наружу, она уже дошла до предела.

— Что?! Да ты... — расслышала я возмущенный шепот. — Как ты вообще?

— А что оставалось думать? — огрызнулся он.

Натали на мгновение застыла с открытым ртом, а очнувшись, вlepила темному пощечину.

— Сволочь ты, Сокол! — выдала она горько. — Мизантроп и параноик.

— Он и меня подозревал, — зачем-то сказала я.

Они оба обернулись и одарили меня такими взглядами, что я тут же пожалела о том, что влезла в дружескую беседу.

— Подставить вторую щеку? — желчно предложил темный.

Я пристыженно отвела глаза и встретилась взглядом со стоявшим у «фольксвагена» светлым.

— А этот что тут делает? — спросил вышедший вслед за мной Сережка.

— Это Антон. — На Серого баньши даже не глянула, говорила она только с Соколом. — Брюссель дал добро на проверку твоей теории. Но их люди будут присматривать.

— Когда ты успела?

— Как только вы ушли. Кое-кому позвонила, подергала за нужные ниточки... Позже расскажу. — Она все еще была зла на него.

— Как вы нас нашли? — Паранойя темного, очевидно, передалась Сергею.

— Запеленговали его мобильник, — вместо баньши ответил светлый, глазами указав на Сокола.

— А как нас нашли те, другие?

— На тебе метка, — хмуро проговорил темный. — Я это упустил.

— Метка? — встревожился парень. — Какая метка?

— Потом, — отмахнулся от него колдун. — У нас сейчас другая проблема: люди в селе и еще один гражданский у нас в машине.

— А почему вы его там не оставили? — удивился лысый.

— Потому что это его машина. Нужно вернуть и человека и транспорт туда, где взяли. Но он слишком много видел и слышал... Включая твою песню, Нат.

— Сольвейг — это не Тоска, — хмыкнула баньши. — Отойдет. А остальное плохо.

— Я мог бы помочь, — несмело предложил светлый.

— Ты псих? — спросил у него Сокол. Прозвучало это отчего-то очень уважительно.

— Не профессиональный, — скромно признался лысый.

А я вот, чую, со всей этой историей скоро в профессиональные психи подамся.

— Могу обработать, но сначала нужно его вырубить.

— В каком смысле? — забеспокоилась я за Фирсова, тот и так ни за что ни про что

пострадал.

— Я не могу воздействовать на человека, пока он в сознании, — развел руками Антон. — Так что...

— А поделикатней у вас методов нет? — поинтересовалась я с надеждой. — Ну, артефакта какого-нибудь? Нейтрализатора, как в «Людах в черном»? Палка такая светящаяся — память ему засветите, потом лабуды наговорите...

— А это идея, — согласился светлый. Обернулся к Соколу. — Найди палку какую-нибудь и засвети ему. А я лабуды наговорю.

Меня от его предложения передернуло.

— Без палки обойдемся, — пообещал темный, заметив мой испуг. — Давай в нашу машину. Антон, верно? Ася, поедете с Натали.

— Я тоже. — Сережка хотел остаться со мной.

— Ну уж нет, — ухмыльнулся колдун. — Ты, Сережа, теперь будешь при мне денно и ночью, пока все это не закончится. Или пока смерть не разлучит нас.

После этой фразы не очень хотелось оставлять Серого в обществе представителей обеих «конкурирующих фирм», но выбора у меня не было.

Направление и темп по-прежнему задавал Сокол. На шоссе, вопреки моим ожиданиям, мы не вернулись, а продолжили бороздить пыльные проселочные дороги. Вряд ли колдун был знаком с местностью, вел наобум, и один раз мы даже выехали к какой-то ферме. Грунтовка заканчивалась, упираясь в ворота пустого загона. Пришлось разворачиваться. Натали держалась ровно за «шкодой», вцепившись в руль и не сводя глаз с бампера впередиидущей машины. Выражение лица у нее было такое, будто она вот-вот решится на таран. А когда мы вырулили на ровную, уходящую далеко в поля и неизвестно куда ведущую дорогу, женщину, что называется, прорвало.

— Как он мог?! — выпалила она. — Вот ты мне скажи, как он вообще мог такое подумать?

Вопрос был явно риторический, и я удержалась от ответа.

— Я была в Риге, должна была лететь в Висбаден. А тут звонок... Я все бросаю и мчусь сюда. Ты знаешь, что в вашу глушь нет прямых рейсов? Осталось заказывать чартер, оплачивать официально и неофициально, чтобы разрешили вылет немедленно...

Вспомнилось, как вчера она появилась на пороге со своим чемоданом и легкомысленно заявила, что была неподалеку.

— Сегодня обзваниваю всех знакомых, выхожу на незнакомых... А он? Ладно, я ошиблась с ножом. Но кто не ошибается? Так что же сразу делать такие выводы?

Она вдруг резко затормозила, и я возрадовалась, что догадалась пристегнуться.

— Что-то я совсем... Как истеричка какая-то. — Натали тряхнула головой. — Забудь.

— Нет, оно понятно, — проямлила я. — Если близкий человек перестает доверять...

Баньши развернулась ко мне и неожиданно рассмеялась:

— Близкий человек? Ты что, решила, что мы любовники?

— Нет, — тут же соврала я.

— Мы друзья, — сказала она серьезно. — Не просто друзья, а именно друзья. И Сокол действительно очень близкий мне человек, но не в том смысле, в котором ты подумала.

Машина вновь тронулась и очень скоро нагнала вырвавшуюся вперед «шкоду». Выговорившись, Натали успокоилась, а мое предположение, очевидно, здорово ее позабавило, и от плохого настроения баньши не осталось и следа. Она даже начала что-

то негромко напевать, чем испугала меня не на шутку.

— Не волнуйся, — улыбнулась Нат, заметив, как я вжалась в кресло. — Я могу позволить себе петь в ванной и не вызвать цунами. А в молодости даже солисткой в рок-группе была. Недолго, правда.

— Значит, это не всегда так проявляется? — осмелела я.

— А как думаешь, позволили бы мне спокойно разгуливать по миру, если бы я не контролировала свои способности? — вопросом на вопрос ответила женщина.

— Не знаю, — сказала я честно, чем вызвала еще одну ухмылку. — А какие у тебя способности? Ну, кроме... вот этого? Если не секрет, конечно. Я думала, что баньши только смерть предсказывают...

— Могу и смерть предсказать. Но тут так же, как со светлыми и темными, — условные обозначения, не более. Все, что связано со смертью, такие, как я, чувствуют очень остро. Иногда у нас случаются приступы в присутствии потенциального покойника: резкая боль до слез, даже истерика. Плач баньши. Наверное, отсюда и название. Но это можно контролировать, как и все остальное.

— А все остальное это...

— Голос. Звуковые колебания — страшная сила. Баньши может кричать, чувствуя чью-то смерть, а может сама ее вызвать своим криком. Главное, настроиться на нужную частоту, и посланный импульс остановит сердце.

Значит, вот что имел в виду Сокол, спрашивая, кому она должна прокричать смерть.

— Это сложно и используется нечасто, — по-своему успокоила меня Натали. — Нужен четкий вектор. А с волнами работать проще, и эффект варьируется в зависимости от силы воздействия. Некоторые просто кричат, но мне удобнее петь. Песня изначально задает тональность и частотный диапазон. К тому же чувствуешь себя дурой, когда стоишь и орешь как потерпевшая. А так ничего, даже весело.

Обхохочешься.

— Вообще способности любого одаренного — это очень индивидуально, — лекторским тоном продолжила она. — Есть нечто общее, основа специализации, а все остальное зависит уже от личных данных. Вот Сокол, например...

Или Натали действительно такая общительная, или скармливала мне заведомо ложную информацию, или же делилась не слишком секретными данными в расчете на ответную откровенность. Но так или иначе услышать о талантах Сокола мне не довелось: вслед за машиной Фирсова «жук» свернул с дороги и притормозил на отлогом берегу какой-то речушки. Увидев, что колдун и Сережка вышли из автомобиля, баньши открыла дверцу и выбралась наружу:

— Что вы задумали?

Чтобы расслышать ответ темного, пришлось выйти следом.

— Хочу снять метку.

— А смысл? — пожала плечами женщина. — Долго прятать его все равно не получится.

— У меня есть опыт.

Отповедь колдуна вышла короткой и жесткой, но не настолько, чтобы смутить и заставить опустить глаза, — а именно так и повела себя Натали.

— Давай попробуем, — кивнула она.

Мужчины, очевидно обсудив дальнейшие действия еще в машине, принялись раздеваться.

— В воду полезут, — шепотом пояснила Нат. — Живая вода — это хорошо: и знак смое,

и след запутает. Да и вообще полезно...

Я потянулась, разминая затекшие мышцы, огляделась кругом. Место было тихое, уединенное — людского жилья даже на горизонте не видать. Клонившееся к закату солнце еще достаточно высоко висело над землей, лишь немного порозовев и окрасив нежным румянцем половину небосвода. Другая половина неба оставалась безоблачно-синей, лишь цвет стал темнее и насыщеннее. На противоположном берегу реки густо росли ивы. Их длинные ветви свисали до самой воды, необычайно чистой, прозрачной и даже на вид холодной, невзирая на тепло летнего вечера.

— Красота, — тихо выдохнула над ухом Натали.

— Красота, — согласилась я, любуясь развевающимися ивовыми косами.

— Не туда смотришь.

В отличие от меня, живописный уголок природы баньши не интересовал, ее внимание занимали разоблачившиеся до исподнего мужчины. На миг вспомнилось, что я еще сержусь на Серого и из-за той Алены, и из-за собственной глупости, в первый вечер после долгой разлуки толкнувшей меня в объятия парня, уже мало чем похожего на мальчишку, в которого я была влюблена когда-то, но подозревать, что виной этому какие-то его скрытые способности, наверное, смешно. Нужны ли чары, когда и гормоны прекрасно справляются? И кто бы устоял перед таким — высокий, стройный, чуть худощавый, но тем четче просматривается мускулатура. Узкие бедра и широкие плечи, крепкая грудь, к которой так и хочется прильнуть, провести ладонью, царапнуть ноготками и скользнуть ниже, к рифленным кубикам пресса... Чтобы отвлечься от неуместных фантазий, я переключилась на Сокола. Внешне темный тоже был неплох, хотя, как по мне, несколько грузноват. До этого мне казалось, что он выше Сережки, но теперь, увидев их рядом, я поняла, что ошибалась, — колдун был даже пониже, просто за счет общей массы смотрелся великаном. Спина у него, а он как раз развернулся к нам спиной, была дрябловатой, как это бывает у людей, занимающихся сидячей работой, но когда он, собираясь войти в реку, потрогал воду ногой и непроизвольно напрягся, ощутив холод, под кожей, загорелой или от природы смуглой, разгоняя обманчивую вялость, вздыбились упругие мышцы.

— Таких бы в бронзу, — мечтательно протянула Нат.

— Точно. И проблем бы не было.

Я досадовала, поймав себя на том, что вновь пожираю Сергея глазами, но ничего не могла с этим поделать. Только отвернуться. Подошла к «шкоде» и заглянула в окошко. На заднем сиденье безмятежно спал Фирсов, а устроившийся рядом светлый сжимал двумя руками его ладонь. Михаил улыбался во сне, и это наводило на мысль, что об этом дне у него останутся не самые плохие воспоминания.

От реки слышался плеск, и я не смогла побороть любопытство.

Сережка с колдуном стояли всего в метре от берега по пояс в воде. Темный положил ладонь на затылок парню, заставляя того наклониться вперед. Второй рукой он зачерпнул воду и медленно вылил ее Серому на голову. Потом еще. Вспомнилось, как мама купала меня в детстве, так же поливая из ладошки-ковшика, неизменно приговаривая: «С гуся вода — с Настюшки худоба. Вода текучая — дите растучее». Губы Сокола шевелились, только вряд ли с них слетали те же слова. Я смотрела на Сергея и видела, как он морщится, когда в лицо ему брызжут холодные капли. Вдруг он скривился, как от боли, дернулся и попытался выпрямиться, но темный не позволил, с силой сдавив его шею. Стекая с седых волос вода показалась мне кроваво-красной.

Выбравшийся из реки колдун выглядел изнеможенным. Присел на глинистый берег и потянулся к своей одежде, но лишь за сигаретами. Пачка оказалась пустой.

— Пора возвращаться в город, — решил он.

ГЛАВА 7

«Шкода» притормозила у первого же киоска. Мы остановились рядом.

— Машина в угоне? — спросил у Нат подошедший к дверце водителя Сокол, дымя вожделенной сигаретой.

— Обижаешь. — Баньши посмотрела на часы. — О ней еще и не вспомнили.

— Все равно оставь. Вызывай такси и... Бумага и ручка есть?

Натали протянула ему блокнот.

— Вот адрес. — Темный быстро черкнул пару строк. — Забирай Антона, и ждите там. А мы съездим за нашими вещами. И за твоими заодно.

— Может, не будете рисковать? Езжайте на квартиру, а все, что нужно, мы с Настей привезем.

— С Настей? — Он наклонился к окошку и посмотрел на меня. Не выдержав этого взгляда, я отвернулась. — Нет. Мы сами. Только потерпевшего домой доставим.

Светлый рокировке не противился. Я бы на его месте заподозрила Сокола в желании смыться, прихватив вместилище, но лысый безропотно пересел в цирковой «фольксваген», уступая мне место.

Михаил еще спал. Колдун разбудил его, лишь когда припарковал машину на стоянке. Да и то, разбудил — громко сказано. Поднял. Вручил ключи, и Фирсов походкой сомнамбулы побрел к своему подъезду.

— Что ему внушили? — любопытствовала я.

— Он приболел, отпросился с работы и весь день проспал.

— А раскуроченная дача? Грязная одежда? Он же исцарапанный весь!

— Царапин уже нет, — заверил колдун. — А остальному он сам найдет объяснения. Людской мозг — занятная штука, а то, что вы называете логикой, работает лучше любого внушения. Какие бы версии ни возникли у Михаила, все они будут далеки от неправдоподобной правды, простите за неловкий каламбур.

Когда такси остановилось у моего дома, уже почти стемнело. И сразу бросилось в глаза светящееся окошко кухни.

— Стоять.

Темный достал мобильный, переключил на громкую связь.

— Да? — ответила после двух гудков Натали.

— Ты свет выключала, когда уходила?

— Я его и не включала. День же был. А что...

Но Сокол уже отключился.

— Либо светлые влезли, либо пособники Ван Дейка вконец обнаглели, — произнес он раздумчиво.

— Что делать будем? — встревожился Серый.

— Мы с тобой ничего. А Ася сейчас позвонит в милицию. Это будет самый разумный ход.

— Не нужно милиции, — попросила я.

У меня была еще одна версия.

Дверь я открыла своим ключом, уже не сомневаясь, что не ошиблась. Вошла в квартиру и включила свет в коридоре.

— Настенька? — выглянула из кухни мама. Увидела стоявших за моей спиной и схватилась за сердце. — Ох, Сережа...

Пока Сережка собирал вещи, Сокол увел маму в бабулину комнату. Сказал, поговорить. Подслушивать под дверью было бы глупо.

Я досыпала корма мышкам, изловила опять сбежавшего из аквариума Жорика, поправила книги на полке. Никто ничего не говорил, но я понимала, что сейчас они уйдут, а я останусь.

— Насть, — позвал меня присевший на постель парень, — я тут подумал, давай встретимся третьего?

Еще несколько дней назад я ничего не знала ни о темных, ни о светлых, ни о взбесившемся духе мертвого голландца. Почти не вспоминала о Сером. И не верила в сказки. А потом сказка сама пришла в мою жизнь. И пусть это была не та сказка, в которую мечтала бы попасть любая девочка, но все-таки...

— Насть?

Ничего не ответив, я подошла к шкафу. Достала два сарафана, те, которые гладить не нужно, джинсовые шорты и пару футболок. Сменное белье. Теперь бы вспомнить, куда я сумку дела. Но если что, можно и в пакет сложить.

Да, дура. Не живется мне спокойно. Свербит в одном месте... И ладно, у меня, между прочим, и справка от врача есть! Точнее, будет. Нужно же оправдывать?

— Вы голодные, наверное? — спросила от двери мама. — Я там голубцов принесла.

Я покачала головой: не хочу.

— Ну мальчики-то пусть поедят.

Мальчики, Сережка и маячивший за плечом родительницы темный, переглянулись и одновременно сглотнули слюну. Мужчины! Война войной, а для голубцов всегда время найдется.

— Я еду с вами, — сообщила я Соколу.

— Хорошо, — кивнул он равнодушно, очевидно в большей степени волнуясь о том, чтобы не сорвался наметившийся ужин.

— Сами на кухне разберетесь?

Мама укоризненно покачала головой, но мне сейчас не хотелось изображать радушную хозяйку. И ее не отпущу.

Выпроводив из комнаты Серого, прикрыла дверь и усадила маму на кровать. Опустилась рядом, обняла.

— О чем вы говорили?

— О разном.

Она помолчала немного, взяв меня за руку и пальцем вычерчивая на моей ладони таинственные линии, а потом вздохнула:

— Врут, значит, сказки?

— Конечно.

Где принцы? Где кони? Где добрые феи, в конце концов? Из всего набора только злой колдун наличествует... И это я не о Ван Дейке.

— Выручать Сережу надо. Так что отговаривать я тебя не буду. Есть у меня чуйка...

— Какая?

— Да размыто пока все — дело-то непростое. Но ты иди. Трудно будет, но и присмотрят за тобой. И я помогу, чем смогу.

— Мам, а ты знала, что бабуля грозилась Серого в жабу превратить, если будет со мной встречаться?

— Грозилась-таки? — грустно улыбнулась мама. — Нет, не знала. Без толку это, но бабушку нашу разве б кто переспорил?

— Получается, она еще тогда чувствовала, что случится?

— Нет. Про такое — нет. Тут в другом дело, Настюша. Сережа ведь дикий.

— Дикий?

— Не как зверь дикий, а как, к примеру, яблоня дикая бывает. Колдун, хоть и сам того не знает. А мы с мамой видели. От отца это у него. Ты его и не помнишь, наверное. Тоже необученный был, силы своей не ведал. Потому и сгинул молодым. В удачу свою верил, а удачу, как птицу, прикармливать надо. Но даже не в том беда, что Серый твой такой, и с этим люди живут. Просто плохая пара — колдун да ведьма. Как бы вы вместе были? Как силу бы делили? Стал бы один из другого тянуть...

— Разве без спросу вытянешь?

— Умная какая в один день стала. — Мама покачала головой. — Без спросу не возьмешь. Только вы ж один раз друг дружке «да» скажете — и до конца жизни хватит. Трудно это, Настенька. Но, видать, тебе на роду написано. Помнишь, в зеркала на Крещение глядела?

— *Рано тебе, доча, на суженого-то гадать.*

— *Ну ма-ам...*

Зеркало большое да зеркало поменьше, свечи по обе стороны...

— *Только глаз не отводи.*

...и колышущаяся тень в конце длинного коридора...

— *Дядька какой-то...*

— *Глупышка ты моя. Ты ж не завтра под венец собралась? А к тому времени будет уже дядька. Ты лучше гляди да запоминай. Какой он?*

— *Красивый. Большой такой... Высокий. Волосы темные... Сережка мой!*

— *Ты в глаза ему, доча, посмотри.*

— *Черные у него глаза, как уголечки!*

— Не помню.

Детские воспоминания будто разделись: что-то помнила отчетливо, что-то смутно, а что-то и вовсе потерялось в череде пролетевших лет.

— Не помнишь, и ладно. Гадание — дело десятое. Вот ты сама себя ведьмой в седьмом поколении зовешь, а не знаешь, что это означает.

— И что?

— Род-то у нас, Настюша, древний, я тебе всегда говорила. А семь колен — разве древность? И двухсот лет не будет. Но как ведьма ты все же седьмая. А до того сила по мужской линии шла. Тоже до седьмого колена. Мужская сила, она другая. А еще до того — по женской было, как сейчас. А до этого... Ну, ты поняла уже. И тянется так еще от царя Гороха.

— А правда был такой царь? — Теперь я всему готова была поверить.

— Кто ж его знает? А остальное правда.

На кухне зашумела вода.

— Хозяйственные, — с одобрением прислушалась мама. — Посуду моют.

Дверь приоткрылась, и к нам заглянул Сокол. Вода еще шумела, и, стало быть, характеристику «хозяйственный» целиком и полностью заслуживал Сережка.

— Спасибо за ужин, Анна Михайловна.

— На здоровье.

— Я тут список набросал. — Он протянул маме исписанный крупным, ровным почерком листок. — Сможете?

Я протянула руку, но мама перехватила бумажку, одарив меня строгим взглядом.

— Достану, — пообещала она. — Завтра... Нет, послезавтра занесу.

— Приносить не надо. Сюда мы пока не вернемся, да и просто заходить опасно. Там мой номер, когда соберете все, позвоните, договоримся, где встретиться.

— Что там? — спросила я требовательно, указав на листик. Впутывает во что-то мою мать и думает, я оставлю это без внимания?

— Травки кой-какие, — ответила вместо темного мама. — По своим старушкам пройду, соберу.

Травы мама покупала у годами проверенных бабуль, привозивших их из таинственных экологически чистых районов. Но зачем Соколу травы?

Не мое дело — ясно читалось в усталых голубых глазах.

— И еще, Анна Михайловна, у дома, возможно, патруль инквизиции... и еще кто-нибудь...

— Инквизиция?

Еще одно условное обозначение?

— Инквизиция, охотники на ведьм, народная дружина, — кивнула мама. — Как их только не называли.

— Светлые? — поняла я. — Ты что, знала про них? Про этих... и про тех?

— Конечно, знала. Сила — вещь опасная. Должен же кто-то контролировать работу ведьм и знахарей? Инквизиция, ясное дело, не та, о которой вам в школе рассказывали, но тоже приятного мало. Но за нас, если что, профсоюз вступается. — Она с благодарностью взглянула на Сокола.

Профсоюз против инквизиции — беспощадный сюр.

— Вы не волнуйтесь, — успокоила она колдуна. — Я незаметно выйду.

— Глаза отведешь? — вспомнила я утренний вопрос Натали.

— Нет, — насмешливо сощурилась мама, — как вы, через крышу полезу.

— Откуда ты знаешь?

— Петрович рассказал.

Теперь понятно, каким образом родительница узнавала все нюансы моей жизни. Нужно будет потом купить сметаны и провести с домовым воспитательную беседу на эту тему.

А для начала, когда мама ушла, а мы уже были почти в дверях, я достала из холодильника банку сгущенки, открыла и поставила на пол. Подумав, положила рядом чайную ложечку.

Как я поняла, приехав в город, Сокол снял несколько квартир на всякий случай. Теперь как раз представилась возможность обжить одну из них.

Добирались мы в несколько этапов. На такси доехали до круглосуточного торгового центра, попутно затарившись продуктами, вышли через служебный вход, где поджидала следующая машина. На этой добрались до какого-то темного двора, через арку выехали на соседнюю улицу, оттуда еще в один двор... Вряд ли мне теперь будут так же нравиться фильмы про шпионов.

Но к полуночи, соблюдая законы жанра, мы появились на конспиративной квартире.

— Тут мило, — с ходу сообщила открывшая нам Натали.

Для сдаваемого в наем жилья тут было более чем мило.

Просторная трехкомнатная сталинка с балконом и эркером. Неплохой ремонт, не новая, но вполне приличная мебель. На большой кухне — объемный холодильник, в который мы сразу же выложили свои покупки, газовая плита с электродуховкой и микроволновка. В центре — убранный белоснежной скатертью круглый стол. Даже завидно стало: на моей кухоньке этот нужный предмет интерьера сиротливо жался в углу, а над ним, экономя полезную площадь, скрипел расшатанными дверцами навесной шкафа.

— Не знаю, где вы устроитесь, но большая спальня — моя, — по-хозяйски объявила баньши.

В занятой ею комнате стояла огромная двуспальная кровать, на которую мне удалось взглянуть лишь краем глаза через приоткрытую дверь.

— А эта — моя, — возник на пороге следующей спальни Антон.

Сережка оценил цветастые обои и письменный стол под окном:

— Кто бы сомневался, что ты займешь детскую.

Не знаю, о чем они говорили тогда, в машине, но убивать друг друга, судя по всему, уже раздумали.

Нам осталась третья комната, с телевизором и выходом на балкон. Вместо кровати тут был диван-книжка, по обе стороны от которого стояли широкие кресла.

— Отлично. — Сокол развернул одно из кресел к окну и потянул за петлю под подушкой: легким движением руки кресло превращалось в кровать. — Диван ваш.

— Денно и ночью, значит? — скривился Серый. — Я думал, это шутка.

— Я никогда не шучу, Сережа. Чувство юмора мне удалили в раннем детстве вместе с гландами.

Время было позднее, день выдался трудным, но давно обещанный разговор решили до утра не откладывать.

— Рассказываю коротко, — начал колдун, когда мы впятером собрались за столом на кухне. — И теперь честно. По возможности. Восставшими мертвецами, Сергей, я не интересуюсь, в отличие от дела Ван Дейка, поэтому на тебя вышел всего две недели

назад. До этого наши проверяли зафиксированный в момент твоего возвращения всплеск силы, но ничего толком не выяснили: к тому времени, как к тебе добрались, возмущение улеглось, а хозяин платформы потрудился, чтобы скрыть информацию об аварии, а заодно и о чудесном воскрешении одного из рабочих.

— У нас то же самое, — вставил Антон. — Ребята прислали первый отчет только месяц назад и то не были уверены по поводу данных. Мутное дело. Но пару очевидцев нашли, они подтвердили, что ты был мертв.

— И ты решил это исправить, — продолжил за светлого Сережка.

— Работа у меня такая, — без раскаяния произнес тот. — Люди просто так с того света не возвращаются. А если возвращаются, то чаще всего это уже не люди.

— Когда ты приехал? — спросил у лысого Сокол.

— В четверг.

— А в субботу уже опрокинул сто грамм для храбрости, вытесал кол и пошел его убивать? Шустрый. Я здесь уже больше недели. Наблюдал, присматривался.

— И много высмотрел?

Антон держался с темным на равных, хотя был моложе его. Да и не настолько он молод, если присмотреться. Скорее, из тех, о ком говорят: «Маленькая собачка до старости щенок». Морщинки вокруг внимательных серых глаз, спокойный, уверенный взгляд. Может быть, мой ровесник, а может, старше.

— Немного, — ответил на его вопрос Сокол. — Сергей успешно затаился, а без личного контакта подтвердить версию вместилища не получилось бы. Если честно, уже подумывал прикинуться работником ЖЭКа и наведаться к нему домой.

— И у меня похожие планы были, но тут он сам из квартиры вылез...

— А может, кто-нибудь один будет говорить, и по существу? — не выдержал Сережка. — И обо мне не в третьем лице, как о покойнике.

— Хорошо, — согласился темный. — Я буду рассказывать, а Антон дополнит, если что. В общем, ты уже понял, что о происшествии на платформе нам мало что удалось выяснить. Но у меня есть теория, весьма правдоподобная. Думаю, тебя спасло, точнее, вернуло именно то, что каналы были открыты. Конечно, проход готовили для Ван Дейка, но голландцу было еще не время заселяться, а твоя собственная душа без проблем нашла обратный путь. Да и тело не умерло благодаря ранее проведенному посвящению. По идее, за то время, что ты пробыл вне себя, так сказать, должны были уже начаться необратимые процессы разложения, но ничего подобного не произошло. Наоборот — исчезли даже следы травмы, повлекшей смерть. Именно это и навело меня на мысль о том, что тебя успели подготовить под вместилище. От ритуала посвящения до ритуала дарения проходит от трех до восьми месяцев. Голландец заинтересован в том, чтобы сохранить тело, а если нужно, то и подлечить немного. А сам обряд дарения предполагает смерть хозяина тела-вместилища с последующим вселением новой сущности, и на это тоже нужно время. Поэтому Ван Дейк и придумал способ избежать физической гибели тела, а тебе это сыграло на руку... в каком-то смысле.

— Значит, авария с этим делом никак не связана? — спросил Сергей. — Просто совпало?

— Видимо, да. По крайней мере, я никакой связи не обнаружил. Антон?

— Ничего. Старое оборудование, деньги непонятно куда шли... Но этим пускай прокуратура с налоговой занимаются.

— Получается, если бы меня не превратили во вместилище, черта с два я бы тогда выжил? А если бы не... не умер, — слово далось Сережке с трудом, — вы бы меня и не засекли? А в положенный срок голландец беспрепятственно вытряхнул бы мою душонку из родного тела?

— Кому-то в жизни везет, а кому-то в смерти, — философски изрек темный.

На несколько минут воцарилось молчание, и я испуганно вздрогнула, когда в полной тишине вдруг загудел движок холодильника.

— Ясно, — подытожил Серый.

Я думала, теперь он спросит о дальнейшем плане действий, но он задал совсем другой вопрос:

— Мне вот что интересно, Сокол, если ты уже знал, что я такое, к чему был весь тот цирк, который ты устроил в первый вечер? Чуть какую-то порол, святой водой облил, если, конечно, в самом деле святой, — развлекался?

— И в мыслях не было, — серьезно ответил колдун. — На контакт выходить пришлось спонтанно, спасибо нашему воинственному другу, и достойную речь я не подготовил, прости. А с ходу выкладывать все не хотелось. Отчасти из-за Анастасии. Она могла быть связана с Ван Дейком, и не в моих интересах было оповещать ее о том, что мне известно о вместилище. А в то, что меня заинтересовал воскресивший тебя артефакт, могла и поверить, тем более после эффектного выхода Антона. К тому же меня эта вещь действительно интересует, так что не все сказанное тогда было ложью. Кстати, Ася, — обратился он ко мне, — заявление, которое я предлагал вам написать, чем вызвал бурю негодования, тоже не было шуткой. Я бы даже настоял на нем, чтобы избавиться от наблюдения со стороны Брюсселя. Но, к сожалению или к счастью, Антон тоже понял, с чем имеет дело.

— А вода? — повторил Серый, словно это было сейчас важнее всего.

— И вода была святая, без обмана. Антон был очень убедителен, называя тебя упырем, и я не удержался, чтоб не проверить.

— То есть ты всегда на лимузинах разъезжаешь и с бутылкой святой воды на всякий пожарный?

— Не всегда, — усмехнулся Сокол. — Но в тот вечер у меня и правда была встреча: нужно было оправдываться перед руководством, объяснять цель пребывания в вашем чудесном городе, поэтому взялся проверить жалобы на суккуба. Святая вода и серебро — необходимая предосторожность в общении с подобными существами.

— Ты его завалил, да? — кровожадно любопытствовал Сережка.

— Во-первых, Сергей, суккуб — это не он, а она. А во-вторых, зачем? Встретились, поговорили. Очень милая девушка, зовут Мариной. Претензии частично признала, впредь обещала вести себя хорошо.

— Может, ближе к делу? — зевнул светлый. — Суккубы, конечно, тема интересная, но ты обещал рассказать, как собираешься решать проблему с вместилищем.

— Если без лишних деталей, хочу попробовать закрыть каналы и не впустить голландца. Я работал с делом Ван Дейка. Ты ведь наверняка проверял, знаешь, что у меня был доступ к его записям. Думаю, кое в чем я разобрался. Но осуществить свою задумку я смогу только в день дарения, то есть предположительно второго августа, а до этого неплохо было бы найти ключ — предмет, с помощью которого провели посвящение. Судя по предыдущим попыткам, это должна быть небольшая вещь, которая долгое время находилась в пользовании у предназначенного на роль вместилища человека. Привязка всегда осуществлялась на крови. Первое вместилище Ван Дейк готовил лично, используя наливную ручку с золотым пером, которую подарил своему ассистенту. Парень не расставался с ней почти до самой смерти. Вместилище номер два, Англия, — часы. Объект якобы случайно нашел их на улице и с тех пор носил, снимая лишь на ночь. Кровь в обоих случаях брали открыто, под видом обязательных анализов для сотрудников. Дальше Ван Дейк переключился со штатных сотрудников нашей организации на провинциальных колдунов, поняв, что так будет меньше шума. Вместилище номер три, Италия, — кожаный ремень с медной бляхой, купленный на распродаже. Номер четыре, Чехия, — очки. Номер пять, снова Италия, — швейцарский нож. Ключи не обнаружили только в двух случаях. Это не доказано, но подозреваю, что все использованные предметы когда-то принадлежали самому Ван Дейку и, так сказать, настроены на своего предыдущего владельца. Чтобы укрепить привязку, они должны

некоторое время, а в идеале — до самого вселения, находиться у вместилища. Среди вещей, которыми Сергей регулярно пользовался последние полгода, ничего похожего не было. Нож на эту роль подходил идеально, он расстался с ним уже после смерти, но...

Идеально подходил, а как же! Мне сразу не верилось в то, что кто-то мог подбросить артефакт в ящик и ждать, пока Серый им порежется.

— Почему ты берешь в расчет только последние полгода? — уточнила Натали.

— Просто ляпнул. Вообще-то максимальный интервал между посвящением и дарением — девять-десять месяцев. Минимальный — три. Если провести посвящение раньше, привязка распадется до срока, если позже — будет недостаточно крепкой. Если дату дарения я определил верно, посвящение состоялось в промежутке с октября по февраль.

— Почему по февраль? — не понял Серый, но тут же хлопнул себя ладонью по лбу: в феврале он уже умер... Вернее, умер бы, если бы ритуал на тот момент не был проведен.

— С ножом я ошиблась, — признала баньши, — но меня привлек порез. Даже не сам порез, а рука. Может, ты до этого ее ранил? Или... просто сдавал кровь из пальца?

— Анализы! — подхватил Сокол. — Это не слишком похоже на мистический ритуал, но работает идеально. Ты же должен был проходить медосмотр перед вахтой?

— Я и проходил. Только сдавал не кровь, а шуршащие зеленые бумажки — мороки меньше. И не ранился нигде.

— У тебя на большом пальце шрам, — заметила Нат, — не старше года.

— Так это я дома порезался. Хотел маме на кухне помочь... Вы же не станете еще и мою маму подозревать?

— Не станем, мама у тебя замечательная. — Темный, даже из вежливости не спросив разрешения, придвинул к себе пепельницу и закурил. — Других случаев кровопролития не помнишь?

— Вроде нет. А что, если мы этот ключ не найдем?

— У меня есть запасной вариант. — Уверенность в голосе колдуна вселяла надежду. — Но все же попытаемся отыскать, чем тебя «взломали». И в свете этого у меня вопрос: «Кто такая Алена?» Полное имя, адрес, телефон.

— Аленка? — растерялся парень. — Думаешь, она с этим связана?

— Не исключаю.

— Она не могла. Правда, она совсем... — Он осекся, словно только вспомнил о моем присутствии и о существовании вообще, а я второй раз за этот день почувствовала себя душой.

— Телефон и адрес, — повторил Сокол. — И все, что о ней знаешь. Но на девушке заикливаться не будем, поэтому завтра с утра вспомнишь и напишешь мне список всех, с кем контактировал в период с сентября по январь. А также попытаешься припомнить все раны, включая порезы при бритье и растертые мозоли: где, когда и кто при этом присутствовал. Задача ясна? А сейчас — спать.

Он затушил сигарету и хотел уже подняться из-за стола, но Сережка его остановил:

— Есть еще одна вещь, которую я не могу понять. Точнее, не одна, но эта... Если ваши конторы так боятся возвращения Ван Дейка, почему они не пытаются уничтожить его самого, а просто избавляются от приготовленных вместилищ? И те люди, что ему помогают, — почему их не выследят и не разберутся с ними?

— О людях я рассказывал. Голландец работает на уровне ментального воздействия, то есть проникает в сознание. Человек может сам не понимать причин своих действий, он просто знает, что должен делать. Даже маги, вроде того, который сегодня управлял спящими, не всегда отдают себе отчет в том, что их используют. И выявить их можно,

только когда они сами себя обнаружат. Выявить и изолировать — это единственный принятый способ борьбы с ними, потому что зачастую они такие же жертвы, как и те, из кого сделали вместилище, если, конечно, не пошли на контакт с Ван Дейком намеренно. Достоверно подтверждено только три случая, когда медиумы вызывали дух голландца и предлагали помощь в обмен на обещание поделиться силой. В остальных случаях достаточно было уничтожить вместилище и провести чистку, чтобы люди избавились от постороннего влияния.

— Правда, к серьезной работе их после этого уже не допускали, — добавил Антон. — Отправляли куда-нибудь на периферию, от греха подальше.

— А что с самим Ван Дейком? Его невозможно убить, пока он дух? Что, у вас там нет охотников на привидения?

— Этим вопросом занимались, но решения пока не нашли. — Что-то в тоне Сокола наводило на мысль, что занимались не очень старательно, и следующие его слова это подтвердили. — На фоне глобальных проблем голландец — сезонная неприятность, от которой можно избавиться, обойдясь малой кровью. Я уже говорил, что для мирового зла Ван Дейк мелковат, скорее, пугало европейского масштаба. Он и проявляется только в Европе — видимо, дух как-то привязан к месту его гибели. И занимаются им соответственно европейские филиалы, ограниченные в ресурсах и кадрах...

— Понятно, — угрюмо кивнул Серый. — О принципе меньшего зла я помню. Тогда еще один вопрос, так, просто любопытно: как Ван Дейк взаимодействует с людьми из разных стран? Ты называл Англию, Италию... Я о том, как он с ними говорит? И как он будет общаться с людьми, если вселится в мое тело, — ему же придется прикинуться мной хотя бы на время?

— Ты о языке? — понял темный. — Тут все просто. Есть теория, что для того, кто обретается в горнем мире, языкового барьера не существует. Но в случае Ван Дейка все еще проще: он и при жизни был полиглотом, в совершенстве владел десятком языков, включая русский. Еще вопросы? Нет? Тогда спать.

Легко сказать: спать. А как? Чужая квартира, чужая постель, футболка и шорты вместо привычной уютной пижамки. Плюс комнату пришлось делить с темным. Только-только свыклась с мыслью о том, что по соседству развалился посторонний мужик, как выяснилось, что этот мужик еще и храпит. Не громко, но и не настолько тихо, чтобы полностью это игнорировать. Да и Сережка все время ворочался под боком. А стоило прикорнуть, как тут же проснулась, почувствовав холод и пустоту там, где недавно ощущалось живое тепло. Пошарила рукой, убедилась, что Серый исчез. Нет, вмешательства потусторонних сил не заподозрила: ну встал человек среди ночи попить или еще что. Решила дождаться, чтобы снова прижаться к крепкому плечу. На стене отсчитывали минуты большие круглые часы, и циферблат отблескивал в проникающем с улицы свете фонарей. Храпел колдун. Когда его соло под аккомпанемент размеренного тиканья вконец мне надоело, я раздраженно пнула спинку раскладного кресла, дождалась, пока недовольное ворчание сменится ровным дыханием, и отправилась разыскивать запропавшего друга.

Нашелся Серый на кухне в компании Натали. Баньши увлеченно стучала по клавиатуре компактного нетбука, а сидевший напротив нее парень, зябко ссутулившись, грел руки об чашку. Пахло шоколадом.

— Тоже не спится? — заметил меня Сергей. — Какао хочешь?

— Лучше кофе. Сиди, я сама.

Дождавшись, пока закипит электрический чайник, сыпанула в чашку две ложки темных гранул. Вспомнила, что вечером покупали молоко, и пошла к холодильнику, попутно бросив взгляд на монитор Нат: баньши банально болтала с кем-то в «аське».

— Внеплановое собрание? — Женщина оторвала глаза от экрана, когда я, плеснув в кофе молока, присела рядом с Сережкой.

— Типа того, — буркнул он.

Она пожала плечами и вновь погрузилась в мир сетевого общения. Красивое, аристократическое лицо удивительным образом оживлялось, когда она читала очередное сообщение или с улыбкой обдумывала ответ, и это превращало ее в девочку, совсем юную и немного наивную. Впрочем, может быть, она и была такой где-то в глубине души.

— В комнате стола нет, мне так неудобно, — пояснила она между делом, хоть никто из нас ни о чем не спрашивал.

Мы вообще молчали. Серый пил какао, я — кофе. Медленно-медленно, маленькими глотками.

— Ну, что у вас еще? — не выдержала Натали. Она прикрыла нетбук и требовательно уставилась на нас. — Давайте спрашивайте. Тетя Наташа сегодня добрая, может быть, даже ответит.

— Сокол не сказал, в чем его интерес в этом деле, — произнес, поразмыслив, Сергей. — А на доброго волшебника он действительно не смахивает.

Баньши долго смотрела куда-то поверх головы парня, а потом неспешно, словно обдумывая каждое слово, выговорила:

— У Сокола в этом деле личный интерес, Сережа. И Ван Дейк для него не страшилка из общего приказа номер пятьсот двенадцать би, а личный враг. Так что считай, тебе и в этом повезло.

По тому, как она это сказала, по голосу, по ставшему серьезным и грустным взгляду я поняла, что это на самом деле очень личное, и не только для темного, но и для Натали тоже. Настолько личное, что я не решилась бы на дальнейшие расспросы. Но Сережка не я.

— Подробнее можно?

— Можно и подробнее.

Она открыла нетбук, застучала по клавишам.

Придвинувшись, я поняла, что она листает фотоальбом.

— Да, я сентиментальна, как и все девочки, — улыбнулась она невесело. — Вот.

Сережка обошел стол и всмотрелся в экран. На фотографии — троица молодых людей. В центре Нат, она почти не изменилась с тех пор: те же длинные черные волосы и идеальная фигура. Под руки баньши держала двух парней, один из них был мне незнаком, а во втором, симпатичном, улыбчивом мальчишке, я с трудом узнала Сокола. Даже представить сложно, сколько веков назад у темного не было теперешнего колючего взгляда и шрама на виске. Зато были вьющиеся волосы до плеч и серьга в ухе. Но главное, конечно, улыбка.

— Что же с ним случилось? — Я сама не поняла, как произнесла вслух то, о чем подумала.

— Жизнь, Настя, жизнь. — Нат легонько коснулась пальцем лица второго парня. — Это Кирюшка. Кирилл. Его брат, старший... Вместилище номер восемь.

Они были очень непохожими братьями: один смуглый, темноволосый, широкоплечий, второй — яркий блондин, светлокожий и худощавый. Только глаза — один в один.

— Мы с Кириллом были ровесниками. Познакомились еще на отборе, вместе учились на курсах подготовки, потом нередко работали в паре. Он был телепатом. Высочайшего класса. Еще не забыли сегодняшних спящих? Так вот, это цветочки в сравнении с тем, что мог сделать он. А Сокол пришел позже. Он был на пять лет младше брата, совсем другой характер, другие способности. Ментальное воздействие давалось ему с трудом, требовало обязательного физического контакта и отнимало много сил, зато... Впрочем,

это уже другая история.

Натали встряхнулась, отгоняя приступ ностальгии, и продолжила сухим, деловым тоном:

— Давайте сразу уясним: я не раскрываю вам страшных семейных тайн. Это открытая информация. Антон знает, теперь будете знать и вы. Это случилось пять лет назад. Кирилл позвонил мне, он часто звонил просто поболтать, расспросил, как дела, что нового, а потом сказал, что хочет проститься. Он понял, что его взломали, и знал, что скоро за ним придут. «Наверное, я должен сделать это сам, но мне не хватает смелости», — это были его последние слова, прежде чем он повесил трубку. Но его не нашли, ни наши, ни конкуренты. Он просто исчез. А вместе с ним исчез его брат, а из архива компании испарились все документы по делу Ван Дейка. Даже не знаю, кого или что искали усерднее: Кирилла, Сокола или пропавшие файлы. И не знаю, как долго искали бы, если бы через полтора месяца Сокол сам не позвонил в управление и не сказал, где их найти. Точнее, его. Кирилл на тот момент был уже мертв... Он хотел его спасти. Думал, что найдет решение. Сокол работал с делом голландца еще до этого, сумел что-то раскопать. Но не вышло. Все, что у него получилось, — прятать брата и от своих, и от тех, кто работал на Ван Дейка, но для Кирилла это ничего не меняло. Сокол продержался еще неделю от дня дарения, в одиночку удерживая то, во что превращался его брат. Выложилась вчистую, но в тот раз никто не пострадал. А когда он понял, что ничего уже не сможет сделать...

Она в последний раз взглянула на фото и захлопнула нетбук.

— А что было потом? — спросила я.

— Потом... Разбирательство затянулось на год, но его причастность к краже архивов так и не доказали, а в остальном учли смягчающие обстоятельства. Муж одной его подруги был в то время третьим вице-президентом компании и сумел убедить совет, что такими кадрами не разбрасываются. Вступился еще кто-то из головного управления... В общем, дело замаяли, Сокола убрали с секретных проектов и перевели в восточноевропейский регион, поближе к корням, так сказать, а история стала забываться. Но, видно, не судьба.

Натали поднялась из-за стола и подхватила нетбук.

— Пойду к себе, поздно уже.

Я не смотрела на часы и не знаю, сколько времени мы с Сережкой просидели в тишине, вглядываясь в свои опустевшие чашки так, словно там, на дне, лежат ответы на все вопросы бытия.

— Теперь понятно, почему обе конторы позволили ему эту авантюру, — негромко проговорил Серый, когда я, кажется, уже почти рассмотрела истину в мутных потеках кофе.

— Потому что муж Натали — третий вице-президент компании? — предположила я.

Не думаю, что у Сокола так уж много подруг, а баньши и в этот раз слишком быстро примчалась и слишком лихо разрулила ситуацию, явно не без вмешательства кого-то высокопоставленного. Хотя, признаюсь, моя способность мыслить логически сделала ручкой сразу же после того, как Нат сказала, что Сокол младше ее на пять лет: бывали минуты, когда колдун казался мне древним, как мир, и тогда выходило, что предполагаемый возраст Натали стремится к отметке «столько не живут».

— Не только. — Ответ парня не дал мне утонуть в пространных рассуждениях. — Они знают, что ничем не рискуют. Он родного брата пристрелил, когда ничего не вышло, а меня так и подавно, без лишних сожалений...

— Не пристрелил.

От неожиданности я подпрыгнула на стуле. Определенно, это квартира куда лучше моей: тут ни полы, ни двери не скрипят. Но это не всегда хорошо, как выяснилось.

Сережка вскочил на ноги, но темный прошел мимо него к окну, туда, где оставил с вечера сигареты. Закурил.

— Мне не нужно оружие, чтобы оборвать чужую жизнь, — выдохнул он вместе с дымом. — Но для тебя сделаю исключение.

Серый со злостью стукнул по столу чашкой, которую до сих пор держал в руке — Сокол даже не вздрогнул, — и вышел за дверь.

Стало неловко за них обоих. И перед ними тоже.

— Он не хотел сказать ничего... такого, — прошептала я одними губами. — Просто... ему ведь тоже сейчас тяжело.

— Знаю. — Колдун так и не обернулся. — Он еще хорошо держится. Или до сих пор не осознал, насколько это серьезно. Но в любом случае можешь сказать ему, что в этот раз я уверен в том, что делаю.

— Скажи сам, — попросила я.

Ответа не последовало.

ГЛАВА 8

Удивительно, но после всего этого я смогла уснуть и спала бы, наверное, до вечера следующего дня, если бы меня не разбудили голоса. Открыв глаза, первым делом посмотрела на часы: почти десять.

На диване, уже полностью одетый, сидел Сережка. За столом — Сокол. Может, они продолжили ночной разговор, расставив все точки над «i», а может, предпочли сделать вид, что его и не было, но сейчас ничто не напоминало о том неприятном происшествии — почти дружеская беседа.

— Нашел что-нибудь? — спросил, подавшись вперед, Серый.

— Нашел. — Темный высматривал что-то на дисплее ноутбука. Знала бы, что тут беспроводная сеть, свой прихватила бы. — Вот: «Разыгравшаяся вчера стихия стала причиной обесточивания двенадцати трансформаторных подстанций в Старобешевском районе. Как сообщил нам начальник района электросетей... бу-бу-бу... восстановлению подлежит в общей сложности более километра воздушных линий, необходимо заменить поврежденные ураганом опоры...» и так далее. Я же говорил, что песня Сольвейг — не лучший выбор, перестаралась наша певунья.

— Так вроде несильно потрепало.

— Мы были в центре. По мере расхождения волн эффект обычно усиливается. Но жертв, к счастью, нет. А вот еще: «Несколько жителей одного из сел Старобешевского района были вынуждены обратиться за медицинской помощью. Купленная по дешевке водка чуть было не стала причиной трагедии...»

— Их там и водкой поили?

— У Антона спроси, его люди зачисткой занимались. И еще одна новость: снова обращение к медикам, на этот раз в районный травмпункт. — При этих словах я вспомнила, как размахивала вчера палкой. — «Причиной ссоры, повлекшей за собой драку, стала коза, забредшая на соседское подворье. Разнимать не поделивших животное спорщиков выехал наряд милиции. Как сказали нам в РОВД Старобешевского района...»

— Какой, однако, неблагополучный район. — Я решила, что пора сообщить о своем пробуждении, и выбралась из-под покрывала.

— Что есть, то есть, — ухмыльнулся Сокол. — Зато никаких паранормальных явлений, все объяснимо и даже тривиально: ураган, паленая водка и драка.

Так, эти двое здесь, еще кто-то шумит на кухне — значит, шансы на то, что ванная в данный момент свободна, достаточно велики... Вот черт!

— Ася? — Темный обеспокоенно посмотрел на меня, и Сережка обернулся, проследив за его взглядом. — Что-то случилось?

— Да, — сообщила я убито, — я забыла зубную щетку.

Серый успокоенно выдохнул, а колдун прошел к шифоньеру, куда вчера запихнул свою сумку, порылся в ней, и уже через минуту передо мной на диване лежала россыпь разноцветных щеток в упаковках.

— Выбирай любую.

— Часто путешествуешь? — Я вытянула одну — синюю с белыми полосками.

— Чаше, чем хотелось бы. «Всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге», — процитировал он. — Почти обо мне. До Таганрога ведь тут недалеко?

Ванная комната была под стать квартире: просторная и светлая. Все, до последнего краника, новое и чистое настолько, что у меня, невзирая на врожденную брезгливость в отношении мест общего пользования, общежитий и коммуналок (а что теперь эта квартира, как не коммуналка?), возникло желание влезть под душ или набрать воды и с

полчаса отмокать в благоуханной пене.

Как оказалось, подобные мысли появились не у меня одной: в коридоре, перебросив через плечо широкое банное полотенце, ждал Сокол.

— Дамы, — обратился он ко мне и вышедшей из своей комнаты Натали, — я был бы приятно удивлен, если бы после душа меня ожидал полноценный завтрак.

— Я тоже очень удивлюсь, если это случится, — сообщила баньши закрывшейся за ним двери.

На кухню она пошла, только чтобы взять яблоко, и тут же удалилась к себе.

Как они так могут? Не в плане еды — вообще? Мне до сих пор было не по себе после рассказа Натали, не оставляло странное чувство... Жалости? Вины? Хотя я-то в чем виновата? Но отчего-то все-таки решила приготовить завтрак. Не для темного — себе и Сережке. Ну и Соколу, может быть, останется.

Готовить что-нибудь «полноценное» для меня в любых обстоятельствах было бы слишком, и я подумала, что глазунья с грудинкой и помидорами — уже достаточно удивительно. Нашла большую сковородку, поджарила копчености, томаты, взбила яйца.

— Настюха, ты чудо! — Поплывший по квартире запах не позволил Серому остаться в комнате, и я порадовалась нехитрому комплименту.

Достала замеченную среди кастрюль деревянную подставку и водрузила сковороду в центр стола. Оставалось только нарезать хлеб. А еще сыр есть...

Лишь на несколько секунд кухня была скрыта от меня распахнутой дверцей холодильника, но этого времени хватило, чтобы к Сережке за столом присоединились Натали и Антон, о существовании которого я благополучно забыла, а вспомнив, мысленно попрощалась со своей порцией. Ничего, потом и себе сварганю чего-нибудь.

Разложила на тарелке тонкие ломтики сыра, обернулась к столу... и обалдела.

— Вкусно, но мало, — выдал светлый вместо «спасибо», хлебом подбирая со дна сковородки остатки.

— Мало, — согласился с ним Серый.

— А по мне, так достаточно, — пожала плечами баньши.

Захотелось схватить еще не остывшую сковороду и стукнуть кого-нибудь из них по голове.

— А чем это так пахнет? — с корабля на бал, в смысле прямиком из ванной, заглянул в кухню Сокол: мокрый, взъерошенный и без одежды, если, конечно, не считать таковой обернутое вокруг бедер полотенце.

— Уже ничем, — скорбно вздохнула я.

— Жаль.

Впрочем, особого сожаления в его голосе не слышалось.

— Тут вот еще сыр есть... — Я взглянула на тарелку, которую только-только поставила на стол, и поняла, что правильнее было бы сказать «был». — А в холодильнике колбаса, молоко...

Перечислить все оставшиеся припасы мне помешал звонок в дверь.

Сокол обернулся на звук, а потом снова к нам:

— Кто-нибудь ждет гостей? Антон?

Я тоже заметила, как заерзал на стуле светлый.

— Дело все равно у нас под контролем, — пробормотал он себе под нос. — К тому же начальство...

В коридор, встречать начальство, вывалили все. Сокол взглянул в глазок и скривился, словно откусил за раз половину лимона.

— Ну, открывай, — велел он лысому, отступив в сторону.

Вкатившийся в прихожую средних лет мужчина казался ожившим детским рисунком: короткие ручки и ножки, круглое брюшко, круглая голова и такие же глаза за круглыми же стеклами очков. На незнакомце был молочного цвета костюм и шляпа, а в руке — черная трость с круглым металлическим набалдашником.

— Зачем так долго? — спросил он с не поддающимся идентификации акцентом, а затем оглядел собравшихся. — Антон? — ткнул он тростью. Видимо, раньше они не встречались, но описание коллеги у визитера было.

Парень кивнул.

— Хорошо.

По выражению круглощекой, до красноты выбритой физиономии было ясно, что ничего хорошего он, вопреки сказанному, в Антоне не видит. Тонкогубый рот искривился, приоткрылся, но тут же вытянулся в подобие улыбки: человек заметил Натали и стащил с головы шляпу, продемонстрировав блестящую от пота лысину.

— Фрау Эбель! Их бин зер фро зи цу зэн, — выговорил он старательно, но улыбка явно мешала.

— Оставьте, Ле Бон, — поморщилась баньши, — ваш немецкий еще хуже русского.

— Отчень плохо? Тьерпите. Ви же не знаетье мой язык.

Мне по-прежнему не удавалось опознать его акцент. Похоже на французский, но местами слишком резкое звучание. Разве что он и на родном языке говорит не лучше, чем на остальных.

— А это есть...

Трость указала на Серого, но кто же он есть мы не узнали: из-за вешалки выступил Сокол во всей свежесмытой красе. И в полотенце.

— О-у! — Пузан отпрянул от неожиданности, но быстро пришел в себя и даже усмехнулся. — Теперь я поняль, что значить «Голь, как соколь»! Bonjour, monsieur!

Все же французский.

— Здравствуете, мсье Ле Бон. — Темный оставался невозмутим. — Собираете русские пословицы? Вот вам еще в коллекцию: «Незванный гость хуже татарина».

— Я нье гость, — присанился толстячок. — Я прибиль контролер де мисьон...

— Кого он прибил? — шепотом спросил у меня Сергей. — Контролера?

Создавалось впечатление, что Ле Бон, поняв, что конфиденциальной беседы не состоится, нарочно путает языки и коверкает слова, чтобы их смысл дошел исключительно до Сокола. Но это не помешало и остальным понять, что мсье прибыл издали контролировать дальнейшие действия темного, а для начала хочет узнать, есть ли в этих действиях смысл. С этой целью он требовал у колдуна notes.

— Я не веду записей. Все здесь. — Сокол коснулся пальцем шрама на виске. — Но если необходимы выкладки, я сделаю. Дня за три.

— Три? Долго.

— Время есть, а мне не хотелось бы допустить ошибку в изложении. Эта ошибка может дорого стоить.

Шарообразный мсье достал мобильный телефон и, набрав номер, запричитал в трубку.

— Хорошо, — милостиво согласился он, закончив разговор. — Я ждать.

— Надеюсь, не прямо тут? — поспешил узнать колдун.

Ле Бон огляделся, словно всерьез обдумывал подобную возможность.

— Нет, — решил он наконец. — Но я приезжать!

— Предупрежден — значит вооружен. — С этими словами темный распахнул перед гостем входную дверь, и мсье укатился не попрощавшись.

— Напыщенный идиот, — брезгливо бросила Натали. — До сих пор уверен, что никто не понимает его лепета. «Ви не знать мой язык»! Пусть десять лет назад я не знала французского, но что мешало мне выучить его за это время?

— *Savoir, c'est pouvoir*, — подмигнул ей Сокол. — А недалекость Ле Бона нам на руку. Правда, Ася?

Я безуспешно попыталась сделать вид, что не понимаю, о чем он.

— Даже если бы я не знал, что до поступления на экономический ты четыре года пручилась на факультете иностранных языков, тебя выдали бы господу Бодлер и Гюго.

И еще несколько авторов, чьи книги на языке оригинала стоят на моей полке. С закладками и заметками на полях, и говорить, что они там для красоты, смысла нет. А наблюдательности темного впору позавидовать.

— О подобных гостях, Антон, впредь прошу предупреждать заранее. — При взгляде на лысого голос Сокола изменился, став жестким. — Твоя организация осуществляет контроль, но веду это дело я. И скажи, чего ради мы перебирались на эту квартиру, если ты раздаешь адрес всем желающим?

— Она больше? — втянув голову в гипсовый воротник, предположил светлый.

Колдун раздраженно махнул на него рукой.

— Пойду оденусь, — спохватился он.

— А кто это был? — остановил его Сережка.

— Виктор Ле Бон, — как будто это имя должно нам что-то говорить.

— Француз?

— Бельгиец.

— А чего тогда на французском шпрехал?

— А на каком он должен был шпрехать? — заинтересовался темный.

— На бельгийском.

Сокол страдальчески поднял глаза, но смолчал и ушел в комнату.

— Так кто это был? — спросила я уже у Натали.

— Сами не поняли? Официальный наблюдатель от этих... — Она неприязненно поморщилась, бросив взгляд на Антона.

— А от ваших тоже будет официальный? — предположил Сергей.

— Нет. От наших никого не будет, так как официально управление не имеет к данному делу никакого отношения. Это личная инициатива Сокола, и в случае чего отвечать он тоже будет лично.

— А фрау Эбель у нас тут в каком качестве? — Сережка, как и я, вспомнил ночной

разговор и сопоставил факты.

— Фрау Эбель иногда ездит в гости к своим друзьям. Но это не значит, что она принимает участие в их авантюрах.

Натали захлопнула перед нами дверь своей спальни. Антон пожал плечами и ушел в свою. А мы, чтобы не торчать в коридоре, вернулись на кухню.

— Ты правда поняла, о чем этот мужик по мобилке говорил?

— Ничего интересного: согласовывал со своим руководством отсрочку, которую попросил Сокол.

А еще сказал, что не доверяет темному и дело кажется ему подозрительным. В этом я была с ним солидарна.

Визит месье колобка стал единственным событием за весь день. Если и дальше все пойдет по плану, нам предстоит безвылазно просидеть в квартире вплоть до второго августа, а это почти две недели, и меня такое положение устраивает: приключений уже хватило.

Большую часть времени проводили каждый на своей территории. Сокол, с которым территория у нас была общая, перебрался с ноутбуком в кухню, поближе к сигаретам и холодильнику. Я полагала, что он займется подготовкой требуемых Ле Бонем выкладок, но зайдя как-то, чтобы сделать себе и Сережке чай, увидела, что темный, надев наушники, смотрит фильм о дикой природе: гепард охотился на газель.

Ближе к вечеру, поняв, что накануне мы недооценили потребительскую способность пятерых взрослых человек, обосновавшихся под одной крышей, нас с Антоном отрядили в ближайший гастроном. Антона — в качестве носильщика (и «его не жалко» — формулировка Сокола), меня — как женщину, по умолчанию обязанную знать, что и в каких количествах требуется купить. Серый пытался протестовать — меня ему было очень даже жалко, — но тогда в магазин пошла бы Натали, ратовавшая за здоровый образ жизни, мюсли и йогурты.

На лавочке у подъезда обосновалась компания выпивох: у троицы неопрятных мужиков были грязные, заросшие щетиной физиономии и на диво трезвые и внимательные глаза. Когда мы с Антоном вышли, один из них увязался за нами и вел два квартала до перекрестка, где его сменил уже знакомый старик с таксой. Собачке оставалось только посочувствовать: выгуливали ее часто и долго.

С выбором продуктов я не церемонилась. Нимало не задумываясь, как лысый все это понесет, загрузила продуктовую тележку пельменями, замороженными блинчиками, котлетами и прочими полуфабрикатами. О здоровом питании не забыла и взяла для Натали клубничный йогурт — просто посмотреть, как она станет его есть, когда остальные будут уплетать пельмени со сметаной. Да, сметану тоже купила. Килограмм сыра, две упаковки сосисок... три упаковки, чтоб наверняка. Огурцы, помидоры и зелень на салат, масло для заправки, две пачки чая, кофе, растворимый и молотый, печенье, пять плиток шоколада, яблоки...

— В следующий раз сам с ней пойдешь! — заявил Антон Соколу, втащив продукты на кухню.

Я скромно вошла следом и поставила на стол торт-мороженое. После недолгого отсутствия в город возвращалась жара, и по этому поводу очень захотелось чего-то холодно-кремово-вишневого.

Пока я отлучалась в ванную, чтобы вымыть руки, тортик успели разделить, но обо мне не забыли.

Однако насладиться десертом не получилось: с утра Сережка, как и просили, составил список знакомых, и теперь на телефон Антона пришла собранная «по своим каналам» информация на каждого. Начали конечно же с нее, с Алены.

— Казанцева Елена Дмитриевна, двадцать три года, не замужем, детей нет. Родителей — тоже: отец неизвестен, мать умерла. Место регистрации — село Андреевка Донецкой области... Это где метеорит в шестьдесят девятом упал. В город приехала шесть лет назад, учиться. Два года назад окончила механико-металлургический техникум, специальность «Обработка металлов давлением». Официально безработная, состоит на бирже труда, а по факту до марта этого года работала реализатором на центральном рынке. Во время учебы проживала в общежитии, после — на съемной квартире. В настоящее время... А черт ее знает, где она в настоящее время. С квартиры съехала в январе. Отзывы от хозяйки положительные, но дружбу они не водили, и куда перебралась квартирантка, она не знает. В родном селе у нее осталась тетка, но они не общаются. Номер, который дал Сергей, по сведениям оператора, не активен уже два с половиной месяца. Есть страничка на «Фейсбуке», где она уже полгода не появлялась: без фото, место работы не указано, в графе «семейное положение» значится «все сложно». Три виртуальных друга, проверяем, но вряд ли что-то выясним. С друзьями в реале та же ситуация: знакомые по учебе и по бывшей работе никаких отношений с ней не поддерживают. Есть фотография из личного дела — в архивах техникума порылись, но какая-то она... никакая...

Лысый развернул телефон экраном к нам. Действительно, никакая: темные, залезшие назад волосы, большие глаза, подведенные черным карандашом, плотно сжатые губы и такое выражение лица, словно снимали не живого человека, а прислоненный к белой стене труп. Но с фотографиями на документы так часто бывает, сама в свой паспорт стараюсь лишней раз не заглядывать, нервы берегу. А главное, сходство у этих снимков с оригиналом минимальное — вон и Сережка смотрит, словно впервые увидел. Смотрит, смотрит...

— Не густо, — подвел итог рассказу светлого Сокол.

— Да уж, — не сдержавшись, хмыкнула я. — На меня за час полное досье собрали.

— Не путай. На тебя ничего собирать не пришлось. Ведьмы, даже... такие, занесены в реестр по месту жительства. Позвонил в местное отделение, представился и получил всю имеющуюся информацию. С гражданскими сложнее.

— Значит, Алена не ведьма, — констатировала Натали.

— А если и ведьма, то не выявленная, вроде него. — Колдун указал на Серого.

— Почему она обязательно должна быть ведьмой? — пробурчал парень сердито.

— Потому что воспользоваться ключом может только одаренный. Да-да, я помню, что она не такая, но девушку могли использовать вслепую... Хотя после ее внезапного исчезновения я не очень в это верю. С работы ушла, квартиру сменила, номер тоже. Два с половиной месяца — примерно тогда ты вернулся и позвонил ей, так? Можешь назвать меня параноиком, но у моей паранойи есть основания.

Тем не менее заслушали информацию и по другим Сережкиным знакомым, но никого столь же подозрительного, как эта исчезнувшая Алена, среди них не было.

— Немного у тебя друзей, — ухмыльнулся Антон, закончив разбор. — Странно для природного телепата. Обычно они располагают к себе людей.

— А потом не знают, куда от них деться, — парировал Сергей. — На кой мне это?

— Телепаты со временем становятся мизантропами, — сделал вывод светлый.

— А в вашу контору берут исключительно лысых, — невпопад огрызнулся Серый.

Но если подумать: Антон, Ле Бон, дед с такой все время в шляпе, но не исключено...

— Я не лысый! — обиделся Антон. — Это временно.

— Да, кстати, давно хотел спросить, — включился в разговор Сокол, — что с волосами?

— Оборотень укусил, — буркнул себе под нос светлый.

— Я думал, после этого, наоборот, шерсть растет, — удивился Сережка.

— Растет. И клыки с когтями. А во избежание этого после укуса делаются специальные прививки. Выпадение волос — временный побочный эффект, за полгода все нормализуется, — разъярил колдун, прежде чем спросить у Антона участливо: — Ликантроп?

— Вервольф, — как будто оскорбился лысый.

— Истинный? — Сокол недоуменно вздернул бровь. — А профилактику зачем делали?

— Она в фазе была... — Светлый из бледного стал нежно-розовым.

— Она? — многозначительно уточнил темный.

— Но ты же ее завалил? — хищно прищурился Серый.

Антон из нежно-розового сделался насыщенно-свекольным.

— Не волнуйся. — Сокол ободряюще похлопал его по плечу. — Сергей не собирался лезть в твою личную жизнь. Его интересует, убил ли ты злобную тварь.

— Зачем? — ужаснулся лысый, становясь привычно бледным, а затем, опять багровея, всем корпусом развернулся к темному. — Ты кого это тварью назвал?

До драки не дошло. Темный вежливо извинился, приведя в свое оправдание сакраментальную фразу: «Все мы твари божие», а светлый, спохватившись, ощупал гипсовый воротник и милостиво простил неудачное высказывание. После этого подозрительно миролюбиво настроенный колдун устроил нам с Серым ликбез и разъярил, чем ликантроп отличается от истинного вервольфа. Теперь, если вдруг придется сдавать экзамен по какому-нибудь оборотневедению, я смогу без запинки рассказать, что ликантропия — это сложное заболевание, вызванное проклятием, неверно построенным ритуалом или ошибками при наведении чар, а также передающееся через кровь и слюну другого ликантропа, как правило, во время укуса. Обратни данной категории привязаны к фазам луны, практически не контролируют себя в зверином облике, страдают светобоязнью и имеют аллергию на серебро. Встреча с ними не сулит ничего хорошего, но даже столь опасных существ, что у темных, что у светлых, принято не «валить», как любит говорить Серый, а отлавливать, и если не получается вылечить, их до конца жизни держат в изоляции. К истинным относят врожденных оборотней, принимавших звериную ипостась осознанно и сохранявших при этом человеческий разум. Подобная способность передается исключительно по наследству, но в некоторых случаях укусы вервольфов могут спровоцировать у человека развитие так называемой ложной ликантропии — болезненного состояния, сопровождающегося избыточным ростом волос, расшатыванием зубов и бессонницей. Такое обычно случается, когда организм оборотня находится на пике выработки определенных гормонов.

Стало понятно, из-за чего так смутился Антон. Но с другой стороны, никто его за язык не тянул, и раз уж сказал «а», то изволь сказать и «бэ».

В подобных мыслях я была не одинока, Натали, кажется, была бы не прочь и весь алфавит прослушать. Как бы невзначай заменив опустевшую тарелку Антона остатками собственного изрядно подтаявшего мороженого, баньши задействовала все свое обаяние (а может, какие-то другие таланты) и выпытала у светлого некоторые подробности его личной жизни.

Оказалось, наш временно лысый был отнюдь не стажером, как обозвал его однажды Сокол, — стажеру охрану потенциального вместилища не доверили бы, — а специалистом по темной нежити (тут нам с Серым авторитетно разъяснили, что светлой нежити в природе не существует — только обычная и темная). В обязанности такого специалиста среди прочего входила инспекция состоящих на учете семейств оборотней, которые к нежити вообще-то не относятся, но проверять-то надо, и, как сказал Антон, не ветеринара же к ним посылать? В одну из таких проверок он и познакомился с милой девушкой с романтическим и, очевидно, традиционным для вервольфов именем Ксюша.

— Она из сечевиков, — рассказывал светлый, доедая уже мое мороженое. — Ну, из

запорожских волкодлаков...

И снова Соколу пришлось просвещать нас с Серым, открывая неведомые доселе страницы украинской истории. Рассказывали бы нам такое в школе, успеваемость значительно поднялась бы. Хотя не знаю, многие ли поверили бы в то, что многочисленными победами в сражениях разных эпох, вплоть до последней войны, казаки обязаны оборотням в своих рядах. Но я сейчас в этом ни на миг не усомнилась и увлеченно слушала о ратных подвигах волкодлаков и длаков — медведей. Последних, к сожалению, в настоящее время уже почти не осталось.

— Уймись, Сокол, — оборвала интереснейший рассказ баньши. — Не перебивай мальчика.

«Мальчик», спохватившись, затравленно огляделся и, судя по всему, снова приготовился краснеть.

— Да я уже все рассказал вроде бы... — проямлил он, уткнувшись в пустую тарелку. — Два года уже встречаемся... Вот.

— И часто кусается? — сочувственно поинтересовался Сережка.

Антон все-таки покраснел и через силу выдавил, что она не кусается и вообще очень добрая, а это случайно получилось. За случайность расплачивались теперь оба: он — сверкающей лысиной, она — домашним арестом.

Удивительно, насколько быстро изменилась ситуация и мое отношение к новым знакомым. Светлый теперь не казался кровожадным убийцей, темный не был таким уж ехидным гадом, Натали — та сразу была милашкой, невзирая на неординарные вокальные данные, а теперь и вовсе воспринималась мной почти как подружка. Интересно только, как они воспринимают саму меня? Я же тут вроде как неофициально, да и не нужна, если подумать...

Подумать не получилось: Натали вдруг обхватила голову руками, а в следующий миг согнулась, практически упав на стол, и уши заложило от протяжного воя. Это произошло так быстро, что даже Сокол не сразу понял, что случилось. Кинулся к женщине, а потом, затормозив на ходу, сгреб Серегу за шиворот, рывком поднимая со стула, и вытолкал парня в коридор.

— Мертвечиной несет. Ася, дай ей воды с солью, когда отпустит.

— Почему я?

Отвечать на мой вопрос было уже некому: в кухне остались только я да перешедшая с воя на негромкий плач Нат. Вот оно, значит, как происходит... Блин, хоть бы сказал, сколько соли!

Я сделала слабый раствор, как при обезвоживании, и протянула стакан притихшей баньши. Но Натали словно не заметила.

— Он умрет, — сказала она, выпрямившись. — Умрет.

— Наташ, ты чего?

Я заглянула ей в лицо, но увидела лишь застывшую бледную маску с остекленевшими глазами и едва шевелящимися губами.

— Он умрет. Все уже решено.

— Натали! — Я что было силы затрясла ее, вцепившись в плечо.

— Спаси! — Она резко повысила голос, и я чуть не выронила стакан. — Спасешь, будет твоим. Навсегда.

— Спасу, — пообещала я, с трудом уняв дрожь. — Обязательно. Ты только скажи как.

— Что — как? — непонимающе посмотрела на меня баньши.

— Ты сказала...

— Я что-то сказала? — Она вырвала у меня стакан, сделала глоток и поморщилась. Схватила стоявшую на столе солонку, бухнула в воду все ее содержимое и с удовольствием выпила эту гадость. — Если я что-то сказала, то это предназначалось тебе и только тебе. И никто другой об этом знать не должен.

— Но...

— Только тебе, — повторила она строго. — И не вздумай никому рассказывать, если не хочешь беды.

Ночью Сокол опять храпел. Я несколько раз пинала кресло, это помогало, но ненадолго. После очередной неудачи я решила на более жесткие меры. Встала, подошла к спящему и попыталась тычками перевернуть его на бок. Но разве ж такую тушу сдвинешь? Тогда я зажала ему пальцами нос. Колдун открыл рот — храп стих.

Однако стоило мне вернуться в постель, как этот гад захрапел снова! Я слушала его еще, наверное, час, пока усталость не взяла свое и я не отключилась.

ГЛАВА 9

Отоспаться, как и вчера, мне не дали. На часах еще и девяти не было, когда в дверь позвонили.

Кутаясь в покрывало, я слушала, как колдун в самых искренних выражениях заверяет Ле Бона, которого вновь не пустил дальше прихожей, что только тем и занят, что готовит для него возжеленные notes. Бельгиец недовольно покудахтал и убрался несолоно хлебавши, а темный вернулся в комнату и принялся безбожно шуметь, выискивая что-то в шкафу.

— Лучше бы и правда выкладками занялся, — проворчала я.

— Доброе утро, — беззаботно отозвался Сокол. — А что там заниматься? Сказал, через три дня, вот через три дня и отдам. Или через четыре.

Финальным аккордом громыхнула упавшая полка. Пора вставать. Тем более что проснулся Сережка, протер глаза, огляделся, скользнул по мне чужим равнодушным взглядом, и я сразу же почувствовала себя лишней и ненужной и в этой постели, и в этой квартире, и в его жизни, наверное, тоже. Но это длилось всего лишь мгновение: он улыбнулся, и не успевшее угнездиться в душе мерзкое чувство растаяло без следа. Осталась лишь тревога от вчерашних слов Натали — тревога и надежда, которыми я ни с кем не могла поделиться.

— Держи. — Едва я села, колдун бросил мне на колени толстую тетрадь.

— Что это?

— Рецепты. Не кулинарные, хотя несколько есть. В основном травяные чаи и лекарственные сборы. Сам не знаю, зачем с собой взял. Может, тебе пригодится.

— Зачем?

— Чай заваривать! — взорвался темный. — Зачем-зачем? Не надо, отдай назад!

Псих. Как будто я сама у него эти записи три года выпрашивала, а теперь нос ворочу.

— Не отдам, — заявила я из принципа.

Сокол раздраженно махнул на меня рукой и вышел.

— Что там? — полюбопытствовал Серый.

— Рецепты, как он и сказал.

Тетрадь была исписана почти полностью: красивый разборчивый почерк, ровные строчки. Некоторые названия давались на латыни, а в мерах фигурировали то граммы, то унции, то привычные щепотки и ложки, но при желании можно было разобраться. Только в настоящее время у меня подобных желаний не было.

Чай я заварила. Не «муть в пакетиках», но и не эксклюзив на травах — черный крупнолистовой, который вчера купили. Бутерброды (честь ему и хвала!) приготовил на всех Антон.

Завтрак прошел без поучительных лекций и личных откровений. Но потом, когда Натали и светлый ушли к себе, Сережка вдруг принялся расспрашивать Сокола: не о Ван Дейке, не об обрядах, а в общем — о силе, об одаренных, как это работает, где это используют. Колдун поначалу удивился, но отвечал с готовностью, а после так увлекся, что уже не ждал вопросов и сам объяснял что-то не на шутку заинтересовавшемуся парню.

Я пыталась прислушиваться к их разговору, наверняка это было интересно и познавательно, но почему-то пролетало мимо меня. Из головы не шло предсказание баньши: он умрет, все уже решено... Я смотрела на Сережку и не могла понять, как ему удастся быть таким спокойным, говорить, улыбаться. Может быть, у него тоже есть предчувствия и они говорят ему, что все будет хорошо?

А еще крик Натали: «Спаси!» Так требовательно, словно никто, кроме меня, ничем не сумеет помочь. А я сумею? Я вообще не знаю, что делать! Я даже не знаю, зачем я тут. Бросилась, как в омут с головой. На работу плюнула, квартиру оставила, а у меня там, между прочим, мыши не кормлены, жаб не целован. Правда, мама обещала заходить...

— ...мама... — ворвался в мои сумбурные размышления голос темного.

— Что?

— Твоя мама звонит. Хочешь поговорить?

— Мама? — Я несколько секунд соображала, почему моя мама звонит на телефон Соколу, пока не вспомнила, что он сам оставил ей номер, а наши с Сережкой мобильники по указанию темного отключены и валяются где-то в сумках.

— Так хочешь? — И в трубку: — Сейчас, Анна Михайловна, она, кажется, еще не совсем проснулась.

Я потянулась к телефону, но колдун отдернул руку.

— Я не знаю города, подумай заодно, где можно встретиться. За твоей мамой присматривают ребята Антона, но возможно, следит еще кто-то. Не хочется, чтобы через нее вышли на нас. Не волнуйся. — Он заметил, как я испугалась, впервые осознав, что маме тоже может грозить опасность. — Головой ручаюсь, что с ней ничего не случится. Просто подумай, как можно незаметно забрать у нее пакет. Может, пусть она оставит его в какой-нибудь камере хранения или...

— Вот что фильмы о Бонде с людьми делают, — насмешливо посетовал Серый. — Скажи тетя Ане, чтобы на работу сумку взяла. Она ведь там же работает? А мы зайдем, как раньше.

— Не вы, а мы, — со значением поправил Сокол, когда я, недолго поговорив с мамой, объяснила ему план. — Пойдем мы с Асей, а ты останешься здесь.

— А как же «пока смерть не разлучит нас»? — спросил Сережка, и темный торжественно назначил Натали исполняющей обязанности смерти на время нашего отсутствия.

Времена, когда я стыдилась признаться, кем работает моя мать, остались далеко в прошлом. Мама у меня ведьма — интересное и достаточно прибыльное занятие. А все остальное — для пенсионного фонда. Совсем немного осталось до выхода на заслуженный отдых, а пока можно за символическую зарплату елозить тряпкой школьные коридоры и читать по ночам книжки в каморке сторожа.

— Мамы разные нужны, мамы разные важны, — флегматично заметил Сокол.

На улице уже стемнело, когда мы вышли из дома и, делая вид, что не замечаем плетущегося за нами «алкаша», дошли до автобусной остановки.

— Она не всегда была техничкой и сторожем, — зачем-то сказала я. Да, поторопилась с выводами: задевает меня такое пренебрежение, до сих пор задевает.

— И кем же она была? — Темный придержал меня, не дав тут же кинуться к подъехавшей маршрутке.

— Учительницей. В этой же школе.

В последний момент мы все-таки проскочили в готовые закрыться двери автобуса, оставив у обочины растерявшегося светлого.

— Иностранный язык? — спросил Сокол, расплатившись за проезд.

— Нет. Русский язык и литературу преподавала. Ученики ее любили.

— Верю. А что потом?

— Суп с котом.

Ввалившаяся на следующей остановке компания развязных подростков заставила народ в салоне потесниться, меня вплотную прижали к стоящему рядом колдуну, и он обнял меня за плечи, ограждая от напирющей толпы.

— Прости, — шепнул, извиняясь то ли за вынужденные объятия, то ли за свой вопрос.

— Ничего.

Рядом освободилось место, но я не стала садиться, заметив повисшую на поручне пожилую женщину с тяжелой сумкой. Отступила в сторону, чтобы дать ей пройти, но тут же была отодвинута юным хамовитым созданием, в момент водрузившим на сиденье свой тощий зад. Я онемела от такой наглости и возмущенно воззрилась на прыщавое нечто.

— Че? — спросило у меня оно, лениво чавкая жвачкой.

— Повежливее нужно быть, юноша. — Сокол отечески похлопал пацана по плечу. — Старших уважать.

За спиной заржали приятели нахала, но сам мальчишка вдруг изменился в лице, глотнул — дернулся выпирающий кадык — и смущенно опустил глаза.

— Извините, — пробормотал он, сползая с сиденья. — Садитесь, пожалуйста.

— Ой, спасибо, — просияла, протискиваясь мимо нас, женщина. — Какой мальчик хороший.

Маршрутку качнуло, а вместе с ней и темного, и уже мне пришлось поддерживать его, чтобы не упал. И зачем ему это? Натали говорила, как тяжело дается ему подобное воздействие, вот и не лез бы...

— Выходим. — Он встряхнулся и подтолкнул меня к двери.

— Рано же еще.

— Хвост.

Оглянувшись, я увидела знакомый «пежо». Подстраховались Антошины ребята, хоть Сокол по-хорошему просил отпустить нас без сопровождения.

— Там только водитель.

— Я заметил.

Поэтому и ушли легко: выскочив из маршрутки, пробежали через какой-то двор, потом в маленький скверик и на другую остановку, на другой маршрут. Придется пересаживаться, но зато «пежо» поблизости не видать. А куда именно мы идем, Антону неизвестно. Незачем, чтобы его люди привлекали к моей матери лишнее внимание.

Неподалеку от школы, где работала мама и где когда-то училась я сама, развернулась стройка. Развернулась она, надо сказать, лет двадцать назад. А потом свернулась. Остался длинный забор, бетонная коробка в пять этажей и горы строительного мусора. Строительство пытались возобновить не единожды, забор обновляли, горы разгребали, но всякий раз все возвращалось на круги своя. И отчего, спрашивается, не закончить? Место хорошее, фундамент сработан на совесть, коммуникации уже проложили: подвели тепло, воду, электричество подали к расположенной в подвале щитовой...

— Сюда. — Я указала колдуну на прореху в ограждении.

Если за школой и следят, то за этим долгостроем вряд ли.

Сейчас все здесь снова выглядело заброшенным, не было даже освещения на площадке и, как я надеялась, сторожа. Еще и ночь выдалась темная, безлунная. Практически на ощупь мы добрались до входа, и уже там я включила маленький карманный фонарик и подсветила спуск в подвал.

— Вот.

Мощную, пережившую два десятилетия дверь наискось пересекала толстая полоска металла, венчавшаяся полой трубкой болтового замка.

— М-да... — Колдун почесал затылок. — Постой тут, а я поднимусь, попробую кусок арматуры выломать.

— Ну попробуй... если заняться нечем.

Привстав на цыпочки, я обшарила пыльный выступ над дверью и протянула Соколу ключ. Хорошо, что есть на свете неизменные вещи.

Поднапрягшись, темный выкрутил и спрятал в карман здоровенный болт и со скрипом открыл дверь.

— Дамы вперед?

— Без проблем.

Или он думал, что я испугаюсь?

Туннель был не широкий, но и не тесный. Лампочки на потолке конечно же давным-давно перегорели, и менять их никто не собирался, но фонарика вполне хватало, чтобы видеть ровные бетонные стены, вдоль одной из которых тянулись обернутые стекловатой и рубероидом трубы. А вот кабель уже сперли — только крепления остались. Хороший был кабель, толстый.

— Странно, что бомжи это местечко не облюбовали.

— О нем мало кто знает, — разъяснила я. — А то были бы тебе и бомжи, и наркоманы, и пьяные подростки.

А вот мы с Сережкой про туннель знали. Круг света вырвал у тьмы кусок стены с нацарапанными на ней буквами: «С+Н=Д». Сначала там была «Л», а потом Серый провел внизу еще одну черточку...

— Мило, — хмыкнул за моим плечом Сокол, и я отвернула фонарь от памятной надписи.

Чуть дальше подземный коридор разветвлялся надвое. Один путь вел к насосной станции, второй еще метров через двадцать упирался в глухую металлическую дверь: ни замочной скважины, ни даже ручки — запиралась и открывалась она с противоположной стороны. Взглядом вопросив, туда ли мы пришли, и получив такой же безмолвный ответ, мужчина трижды ударил по двери кулаком.

Долго ждать не пришлось: щелкнул проворачиваемый в замке ключ, и дверь распахнулась.

— Здравствуй, Настенька.

Я обняла маму, порывисто и крепко, словно не виделась с ней уже целую вечность.

— Здравствуйте, Анна Михайловна, — напомнил о себе колдун.

— Здравствуйте. Пойдемте наверх, ко мне. Я там борщик из дому принесла, шанежки. Голодные небось?

Поужинали мы более чем плотно: пельмени, салат, еще и чаю после попили с печеньем, но, вспомнив мамины шанежки с картошкой, я почувствовала, как заурчало в животе.

— Есть немного. — Видимо, Сокол тоже представил себе все прелести домашней кухни. — Только сразу покупки глянем.

В маленькой комнатухе рядом с гардеробом горела настольная лампа с зеленым абажуром. Диванчик у стены, два стула, пестрый коврик на полу и цветы на подоконнике — уютно и очень по-домашнему, язык не повернется назвать это место каптеркой. На столе — электрический самовар (учителя, должно быть, как и раньше, заходят на чай в

мамины дежурства), а рядом уже дожидается нас под вафельным полотенцем угощение.

— Вот. Все, что просили. — Мама протянула темному объемный и по виду тяжелый пакет.

Он с благодарностью кивнул и принялся разбирать заказ, выкладывая на угол стола разномастные свертки. И правда, травы. Травы, травы, травы...

— А это я вам завернула, — смутилась мама, заметив недоумение принимающего к очередному пакету колдуна. — Покушаете там.

Пряный запах защекотал ноздри — сало с чесноком! Сокол сглотнул слюну и продолжил ревизию. Вынул какую-то картонную коробочку.

— С этим проблем не было?

— Да что вы, какие проблемы? — отмахнулась родительница.

Меня никто не остановил, и я заглянула вовнутрь.

— Патроны? — От возмущения дыхание перехватило. — Ты поручил моей маме достать патроны?!

— Все нормально, Настенька. Помнишь Григория Ивановича? Он же в милиции работает — достал, ему несложно.

— Несложно?! У них же под учетом все! А если потом недостача всплывет?

— Ну что ты, доченька. Какой учет? Это же из конфискованного.

— А конфискованное, что, не документируют никак?

И мама и Сокол взглянули на меня с совершенно одинаковыми лицами, на которых ясно было написано, какая же я наивная, жизни не знающая дурочка.

— Нет, но все равно... Все равно ты не должен был ее просить! Пусть бы Антон...

— Ася, — заговорил темный мягко, как с ребенком, — я нечасто пользуюсь оружием, но в случае чего хотелось бы быть уверенным, что мне не подсунули липу. Антону я в этом вопросе, да и в других тоже, пока не доверяю.

— А твои? Ваши? Ты же говорил, что есть какой-то местный отдел.

— Такие же посторонние, совершенно незнакомые мне люди.

А моя мама ему, значит, близкая и родная? Лестно, конечно, но близких и родных так не подставляют!

— Поешьте, пока не остыло, — сменила тему родительница.

— С удовольствием. — Темный по-быстрому просмотрел оставшиеся свертки и сгреб все в пакет.

— Настя?

— Да. Сейчас... Пойду только руки помою, и... мне надо...

— Фонарик возьми. Женский — в том крыле, помнишь еще?

Помнила. Как-никак десять лет тут проучилась. Но бродить по темной школе с фонариком мне не улыбалось. Может, мама настолько щепетильна, что честно тратит время на походы в женский туалет, а я и мужским, который тут, за лестницей, не побрезгую.

Возвращаясь, услышала негромкий разговор и тихо подобралась к приоткрытой двери. Что-то я в последнее время часто подслушиваю. Но интересно же! Не помню, чтобы мама так быстро с людьми сходилась, а к Соколу прониклась прям — секреты у них

теперь, и дома у меня шептались о чем-то.

— ...и мать отговаривала, на роду ему скорая смерть была написана. — Голос мамы звучал тихо и печально. — Сердце слабое. Так любила же. Расписались, дочка родилась. Тянула его, сколько могла, только не такие мои силы, чтоб с *самой* спорить... Я тогда класс на экскурсию повезла, в Донецк, в планетарий. Телефонов мобильных еще не было. А Настюша как раз из школы вернулась... Ей двенадцатый тогда шел. Ой, какая была умница, все лучшее взяла — мы с мамой не нарадовались! До того дня...

Стук сердца на миг заглушил все остальные звуки. Заколело в груди, а потом отпустило — вырвалось наружу вместе с полившимися из глаз слезами.

— ...уж не знаю, что она делала, но в сознании его до приезда «скорой» продержала. «Скорой», да уж... Почти час к нам ехали. А в машину ее не взяли. Ребенок, сказали, не положено. С соседями оставили. И даже до больницы Валеру не довезли. А Настенька... Она у нас умница была, отличница. Ей как раз путевку в «Артек» дали. Давно собирались, а тут, видать, еще и пожалели, и подружки мои в роно подсуетились... Думали, как лучше, чтоб на море съездила, отдохнула, развеялась. Вот и развеялась. Вернулась другая совсем. Старого не помнит, видного не видит. Ерундой, говорит, вы с бабулей занимаетесь, обманываете, на людских суевериях играете. Всему, мол, есть простое объяснение, болезни в поликлинике лечить надо, а сказки ваши врут... Так-то.

— Тогда вы и ушли из школы?

— Да. Трудно учить чужих детей, когда к своему ребенку ключик подобрать не можешь.

Тихонько ступая, придерживаясь за стену, я вернулась в туалет. Отдышалась. Умылась. Выждала еще минуты две и пошла назад.

— Все хорошо, Настюш? Что-то ты долго, и...

— В глаз что-то попало, — успокоила я встревожившуюся маму. — Вроде вымыла, и все равно щиплет.

— Дай-ка я гляну. Да нет ничего. Оцарапала, наверное.

— Наверное. Скоро пройдет. А где там обещанные шанежки?

Выбрались тем же путем. Дошли до пустующей остановки.

— Такси возьмем? — спросил меня колдун. — Автобусы уже не ходят.

— Ходят, одиннадцать всего, только редко. Но если ждать не хочешь, можно такси.

— Что-то случилось? Хмурая ты какая-то.

— Да так, ностальгия. Школа, детство золотое... А есть настоящие феи?

— Что? — растерялся не ожидавший такого вопроса Сокол.

— Феи. Настоящие. Как... как в сказках. Феи, эльфы, единороги?

— Хочешь, русалок покажу? У вас тут водятся, кстати. Настоящие.

Я вспомнила наши речки, в которые годами сливается всякая дрянь с заводов, — город-то промышленный, и попыталась представить, как выглядят обитающие в такой среде русалки. Картинка вышла жутковатая.

— А фей и единорогов нет?

— Грифон есть, — вдруг улыбнулся колдун. — Хочешь прокатиться?

— А... — Я застыла: предложение было более чем заманчивым. — Хочу!

— Тогда высматривай такси, а я пока позвоню. — Он поставил на асфальт пакет и достал

телефон. — Василь Василич, доброго... что у вас там. Свободны? Да мне бы на грифоне полетать. Нет, не по служебным надобностям — по личным. Добро! Я? Я тут, почти на Азовском Лукоморье. Записывайте координаты.

ГЛАВА 10

Машина давно уже выехала за город: направление показывал Сокол, сверяясь с картой на экране телефона. Еще несколько километров — вывернули на грунтовку и притормозили на окраине кукурузного поля.

— Заберете нас ровно в шесть здесь же, — сказал колдун водителю, расплачиваясь.

Тот поглядел на купюру, на колдуна, явно не ждущего сдачи, и радостно кивнул. Показалось, что хватило бы и меньшего, чтобы таксист на неделю сдался в добровольное рабство вместе с авто. А еще подумалось, что полеты на грифоне — не такая уж хорошая идея: темный отзвонился Натали, но причин задержки не уточнял, и Сережка, наверное, будет волноваться...

— Что он подумает?

— Что мы решили наворовать кукурузы на колхозном поле. — Сокол отнес мой вопрос на счет таксиста.

За городом, где не было фонарей и желтых окошек многоэтажек, соперничающих со светом звезд, сбросившее вуаль заводского дыма небо казалось выше и ярче. Если долго стоять и смотреть вверх, голова может закружиться от этой высоты и чистого сияния далеких светил, а лишние мысли утонут в свежем запахе трав. Стоило приехать сюда даже только для того, чтобы вырваться с раскаленных улиц... Подышать немножко, и назад!

— Ложный вызов влетит мне в копеечку, так что и не думай! — предупредил мои намерения Сокол. — Шагай веселей.

Грифон уже ждал. Приземлился посреди поля, безжалостно вытоптав все вокруг: мощное стальное тело, хищный клюв, гордо растопыренные крылья. На округлом боку монстра чернели выбитые трафаретом буквы: «GRIFON».

— Это... самолет? — выдохнула я разочарованно и вместе с тем восхищенно.

Колдун обернулся и пожал плечами:

— Для кофемолки вроде бы великоват.

Я представила, какие при таком раскладе будут феи: модельной внешности девицы в строгих пиджачках, коротких узких юбочках и на высоченных шпильках, бегло отстукивающие наманикюренными пальчиками по сенсорным дисплеям новомодных планшетов, листая прайсы предлагаемых чудес. И чем они лучше резвящихся в сточных водах русалок?

Но сказать ничего не успела: с тихим жужжанием отъехала вверх панель на борту самолета, и в светящемся проеме показался какой-то человек.

— Явились, не забарылись! — прокричал он радостно.

Признаюсь, «аглицкая» речь из его уст смутила бы меня меньше, чем этот веселый украинский говорок.

— Ну шо, Соколыку, политаймо?

— Полетаем, Василь Василич, — с готовностью отозвался Соколик.

Пилот спрыгнул на землю. Коренастый мужичок лет пятидесяти в коричневом летном комбинезоне и кожаном шлеме со сдвинутыми на лоб очулярами — подобные костюмы я видела только в кинофильмах прошлого столетия, и рядом с суперсовременной техникой такая экипировка выглядела несколько неуместно.

— А цэ хто з тобою? — Мужчина оценивающе пригляделся ко мне, а под пушистыми усами расплылась добродушная улыбка.

— Это Ася, она местная.

— Бачу. Тики в нас таки видьмы гарни! Тай взагали. Люблю українську прыроду, — потянувся он, — гарячий борщ, холодну воду и повну пазуху цыцьок...

— Василь Василич!

— А я что? Я ничего, — захлопал глазами дядька, переходя на чистейший русский. — Летим-то куда?

— В заповедник. В третий. Барышня чудес изволит.

Если честно, барышня уже ничего не изволила, но всерьез опасалась взбучки за «ложный вызов». Да и где-то там, в глубине души, под страхом и сомнениями точил зубки червячок любопытства. К тому же, когда еще дождусь, чтобы мне персональный самолет подогнали?

— А может, в шестой? — предложил пилот. — Ближе, и выйдет дешевле. А там тоже чудеса и леший бродит. Русалка на ветвях, избушка на курьих ножках. Бутылку местной медовой с перцем прихвати, так кот ученый тебе столько сказок порасскажет!

— Да нет, просили фей и единорогов.

Я смущенно опустила глаза.

— К единорогам сейчас не сезон, — авторитетно заметил Василь Васильевич. — Кобылы жеребые, кусаются, сволочи! А к феям примчу. Расплачиваться как будешь? Наличкой или...

— Или. — Сокол достал из бумажника пластиковую карту.

К моему удивлению, в кабине «Грифона» нашелся портативный платежный терминал. Колдун чиркнул кредиткой по магнитной ленте, пилот ввел сумму, и терминал, помигав дисплеем, выплюнул длинную полоску бумаги.

— Ну что, в добрый путь? Экипаж желает вам приятного полета.

Отделенный от кабины перегородкой салон был уютным и светлым, но очень тесным: всего два кресла, разделенные узким проходом, да и заходить пришлось согнувшись. Иллюминаторов не наблюдалось, стены были обшиты бархатной бежевой тканью в тон чехлам на сиденьях, а пол устлан мягким ковром, таким же светлым, и мне неловко было ступать по нему в грязных после прогулки по полю кроссовках. Но, странное дело, следов от обуви на пушистом ворсе не оставалось.

Умостившись в кресле, я с наслаждением потянулась, забывая все страхи. Реальность вновь сделалась похожей на сон, а во сне я редко задаюсь вопросом, что же случится дальше.

— Перелет займет пару часов, можно вздремнуть, — предложил Сокол.

— Может, расскажешь, куда мы направляемся?

— Не хочу портить сюрприз.

— Тогда расскажи что-нибудь еще. Об этом самолете, например.

Спать мне не хотелось, провести несколько часов в молчании тоже, а придумать тему для разговора не получалось.

— О самолете? Ну что ж... Это самолет. Секретный проект департамента военных исследований: сверхскоростной, невидимый для всех известных систем оповещения, практически не уязвимый для средств противовоздушной обороны. Удобный и, как уже доказано временем, безопасный транспорт. В распоряжении компании пять таких. Есть еще «Виверна» и «Дракон», но на них мне летать не приходилось. А «Грифон» может вызвать для рабочих полетов или для личного использования любой сотрудник с уровнем доступа не ниже третьего.

— А у тебя какой, если не секрет?

— Сейчас уже третий.

Он ничего больше не добавил, но почему-то и так было понятно, что «уже третий» — это не повышение, а как раз наоборот.

— А компания, что она собой представляет?

— Компания — это компания.

Потрясающая точность формулировок! Самолет — это самолет, компания — это компания.

— Хорошо, — кивнул в ответ на мою усмешку Сокол. — Слушай. Еще на заре эпох войны дня и войны ночи разделили между собой власть над миром и его силу. Одни избрали Свет, другие поклоняются Тьме. Рыцари дня добры и великодушны, их помыслы чисты, а жизни свои они отдают служению людям. Адепты ночи хитры и коварны, власть их зиждется на крови, а силу они черпают, принося в жертву Тьме невинных дев и новорожденных младенцев...

— Стоп, — прервала я его. — У меня, кажется, провалы в памяти. Я упустила тот момент, когда попросила тебя рассказать сказку.

— Хочешь правду? — Колдун растянулся в кресле. — Она тебе не понравится.

— Хотя бы попробуй.

— Ну-у... Если вкратце, то одаренные существовали всегда. Им завидовали, их боялись. А люди очень не любят бояться и стремятся избавиться от источника своих страхов. Поэтому в какой-то момент, было это очень давно, одаренные пришли к тому, что им нужно объединиться для защиты своих интересов и самих себя, естественно. А объединившись, поняли, что вместе они способны не только противостоять этому миру, но и управлять им. И по мере того, как разрасталось объединение, росла их власть. В настоящее время существует две, скажем так, всемирные организации, разделившие между собой сферы влияния. В каждом регионе имеются отделения обеих организаций, представленные отдельными промышленными и финансовыми группами, банками, консалтинговыми компаниями, спортивными комитетами, ассоциациями медиков... и далее по списку. Европейский филиал, на который работаем мы с Натали, — это в первую очередь металлургический концерн, связанные с ним банки и юридические фирмы. Управляет этой махиной совет патриархов, или, как сейчас принято говорить, совет акционеров. Во главе компании стоит Алек Ройс — педант и мизантроп, но отличный финансист. Ты могла слышать о нем в новостях, если следишь за событиями в мировой экономике. В этом случае тебе могут быть знакомы и имена его замов — Ричарда Кейна и Франца Эбеля. Кресло третьего вице-президента вакантно уже три года, с тех пор как откинулся старик Крушницкий и Франц пошел на повышение. Чтобы стать патриархом, мало быть акционером — карьера в нашей организации зависит от уровня силы, и пока достойных на высочайшую должность не нашлось. Но Кейн и Эбель вполне справляются без помощника.

— Кейн и Эбель — это забавно, — зевнула я. — А все остальное похоже на институтскую лекцию: скучно и невразумительно.

— Такова жизнь. Люди, обладающие силой, не носят по миру в масках, трико и ярких плащах, бескорыстно помогая всем нуждающимся. Они сидят в просторных кабинетах, ездят на дорогих машинах и заняты упрочением своей власти и материального положения. Что светлые, что темные. Иногда в душе просыпается что-то, в широких кругах именуемое совестью, и зудит, что дар дан для чего-то большего. Но всегда можно бросить ей кость, чтобы не сильно грызла: выйти на улицу, кинуть нищему в шляпу пачку купюр, исцелить калеку, избавить наркомана от зависимости, а исстрадавшуюся девчонку — от мук первой неразделенной любви... А потом — опять в кабинет. Ты права, это скучно.

— Значит, я ничего не потеряла. — Я отвернулась туда, где должен был быть иллюминатор. — Единственное, что мне непонятно, если это деление на светлых и темных — чистая формальность, отчего организации все-таки две?

— Об этом ты должна знать лучше меня.

— Конечно. Я же ведьма в седьмом поколении.

— Ты экономист, насколько мне известно, — усмехнулся мужчина. — И помнишь, наверное, что для развития бизнеса нужна здоровая конкуренция. Помимо этого обе конторы, как их называет наш друг Сергей, контролируют деятельность друг друга и сами себе антимонопольный комитет.

— Не ахти какой контроль.

— Ну, есть еще Наблюдательный совет. Эти тебе понравились бы: идеалисты-бессребреники, следящие за равновесием сил. В совет входят пресытившиеся жизнью одаренные и обычные люди из числа тех, кому известно о нашем существовании... Слава богу, сталкиваться пока не доводилось.

Я уже жалела о том, что начала этот разговор, и откровенность Сокола меня не радовала. Нужно было удовлетвориться сказкой о кровавых ритуалах.

— Когда взлетаем?

Колдун посмотрел на часы:

— Уже пятнадцать минут, как летим.

«Врешь!» — едва не выпалила я. Не было ни разгона, ни толчка, да и уши не заложило на высоте, как обычно бывает.

— Летим-летим, — уверил меня Сокол. — Спи.

Не собираюсь я спать!

И салон самолета погрузился во тьму...

Пробуждение было таким же внезапным. Открыла глаза, огляделась. С опаской потянулась, ожидая ломоты в суставах, но не почувствовала ничего подобного. Напротив, ощущение было такое, словно я не пару часиков передремала в кресле, а целую ночь проспала в удобной кровати.

Колдуна в салоне уже не было, на сиденье остался пакет, который он забрал у мамы, а из-за приоткрытой двери слышались негромкие голоса.

— Отака халэпа, — жаловался на что-то вновь переключившийся на рідну мову Василь Василич.

— Ничего, утрясется, — успокаивал его сидевший в кресле второго пилота Сокол.

— Авжеж...

Мужчины заметили меня, и разговор стих.

— Ну что, готова к чудесам?

— А... который час? — За стеклом была сплошная тьма.

— Здесь скоро полночь.

— Где это, здесь?

— Как любил говаривать наш ротный, — Сокол подтолкнул меня к выходу, — здесь — это вам не там! Здесь вас быстро научат... кхе-кхе... в сказки верить.

Самолет стоял посреди поля, на этот раз не кукурузного, а поросшего густой, стелющейся по земле травой. Впереди, там, куда указывал клюв «Грифона», темнела под звездным небом стена живой изгороди. Высокая, давно не видевшая садовых ножниц,

она казалась бесконечной. От кособокой арки ограда просматривалась в обе стороны метров на пятьдесят, а затем терялась в густом тумане. Такой же туман подползал со спины, словно отрезая нас от всего мира, оставляя единственно возможный путь.

— Смелее.

Вариантов у меня все равно не было. Сама, можно сказать, напросилась. Хотя, признаюсь, не ожидала, что мой невинный вопрос вызовет такую реакцию и самолет в неведомое.

Предоставив колдуну право первым шагнуть в темный проем, я пошла следом.

Темнота лишь вначале казалась непроглядной. Небо, еще чище и выше того, что виделось мне у нас, за городом, сияло мириадами звезд, и их света вполне хватало, чтобы различать извилистую тропинку, начинавшуюся за изгородью и скрывавшуюся в зарослях деревьев. Поблизости ухнула какая-то птица, но прозвучало это не пугающе, как бывает в ночном лесу, а скорее обиженно — потревожили бедняжку. Белая футболка ускорившего ход и оказавшегося шагов на десять впереди Сокола служила мне хорошим ориентиром, а еще привлекала летучих мышей: крылатые зверьки, нарезая воздух рваными зигзагами, несколько раз почти касались плеча мужчины.

Фей не наблюдалось.

Пропетляв между деревьев, дорожка вывела нас на отлогий берег то ли озера, то ли огромного пруда. В черном зеркале воды отражались звезды.

— Нам на другой берег. — Темный указал на деревянный причал, к которому была привязана качающаяся на волнах лодочка.

С веслами сложилась та же ситуация, что и с феями, — их не было. Но стоило мне присесть на скамеечку на корме, а Соколу — занять место на носу и отвязать канат, как челнок поплыл сам по себе, медленно и плавно. Опасно наклонившись к самой воде, я свесилась за борт, чтобы разглядеть закрепленный под днищем трос или расслышать урчание мотора — ничего.

Наблюдавший мои изыскания мужчина ухмыльнулся и взглядом указал вперед. Там, в прорезавшем толщу воды круге подводного света, поднялась над поверхностью тонкая женская рука. Бледные пальцы сжимали рукоять длинного меча.

— Это... — У меня перехватило дыхание. — Э-э...

— Эскалибур, — услужливо подсказал темный.

Лодка поравнялась с державшей меч рукой и замерла.

— Наверное, это тебе.

— Мне? — Я инстинктивно попятилась. — Зачем?

— Не хочешь, не бери.

— Хочу! — Я кинулась вперед, выхватила Эскалибур из холодных пальцев и в следующую секунду чуть было не упала за борт под тяжестью подарка: весил легендарный меч немало.

Рука помахала прощально и медленно ушла под воду. Свет погас, и лодочка поплыла дальше.

А меч остался у меня! Это же надо — Эскалибур! А вот эта, под водой, — владычица озера, да? Значит, это то самое озеро? Зажав клинок между коленями, я завертелась, разглядывая все кругом. На берегу, к которому мы приближались, виднелись возвышающиеся над кронами деревьев башни. Замок? Камелот?!

Колдун, которого я не забросала вопросами лишь потому, что их было слишком много, насмешливо хмыкнул, заметив, как я ошалела от удивления и радости, и вынул из кармана пачку «Мальборо». Умеет, блин, сбить настроение! Волшебное озеро, Эскалибур

и Сокол с сигаретой — именно о такой сказке я и мечтала всю жизнь.

— Можно здесь не курить?

— Можно. — Он щелкнул зажигалкой. — Не кури.

Слава богу, ему хватило такта не выбросить окурочек в воду. Но ничто не помешало ему втоптать его в песок, когда мы причалили и выбрались из лодки. Ну и черт с ним! Зато у меня Эскалибур!

Я нежно поглаживала меч, любуясь отблесками звезд на отполированном клинке и соперничающими с ними в сиянии камнями на рукояти. У самой крестовины были выгравированы какие-то символы.

Всмотревшись, я смогла разобрать надпись.

— Made in Taiwan?! — взревела я, оскорбленная в лучших чувствах.

— А чего ты хотела? — развел руками колдун. — Сувенирная копия. Оригиалов на всех не напасешься. Но размер, вес и прочее — один к одному.

Заметно. Особенно вес.

— И да, вместо алмазов в лучшем случае циркон. Зато можешь себе оставить. А если не нужен, вон, в камень воткни.

Ха-ха. Меч в камне. Очень смешно.

Но он и не думал смеяться. Отобрал у меня оттянувшую руку фальшивку и с силой ткнул острием в прибрежный валун. Клинок вошел как в масло. Я знаю, что это избитое выражение, но иначе и не скажешь. У них тут и камни поддельные?

Ухватившись за рукоять, я попробовала расшатать меч, но тот, как оказалось, засел прочно.

— Это сможет сделать лишь избранный! — изрек темный с пафосом.

Он взобрался на камень, поплевав на ладони, выдернул лже-Эскалибур и воздел его над головой. «Пара-па-па!» — пропели невидимые фанфары, и к небесам взметнулся столб света.

Цирк, да и только!

Заметив мою недовольную гримасу, Сокол спрыгнул на землю, раскрутил меч и зашвырнул его обратно в озеро. Послышался громкий всплеск, и появившаяся над водой рука показала нам кулак.

— Идем дальше?

За небольшим лугом начинался сад, не по сезону цветущий и благоухающий до одури, словно кто-то обрызгал каждый цветочек сладкими духами. От этого запаха немного кружилась голова, но не болезненно, а как-то даже приятно... как от того вина, что я попробовала на юбилее шефа. Так вот что значит «пьянящий аромат»!

Сокол опять шагал впереди, приподнимая нависшие над тропинкой ветки и время от времени оглядываясь, не отстала ли я. Когда у его ладони вспыхнул алый огонек, я решила, что колдун снова закурил, но спустя мгновение такой же огонек появился над его головой. Потом у плеча. А потом... Разноцветные светлячки слетались к нему, будто давешние летучие мыши, кружились, касались волос и одежды и испуганно отлетали в сторону, чтобы снова вернуться. Он замер, позволив им облепить себя, и подманил меня пальцем. Я осторожно приблизилась и услышала мелодичный звон тысячи колокольчиков, нежный и манящий.

Огоньки порхали теперь и вокруг меня, яркие и живые. Их теплый свет обволакивал, а дивный звон гнал прочь все мысли. Осталась лишь одна, совершенно нелепая. Вдруг подумалось, что, если я сейчас поцелую стоящего рядом со мной мужчину, эти огоньки окружают нас, формируя рамочку-сердечко, словно в каком-нибудь мультике... Нет, я не

собиралась его целовать! Но гипотетически...

— А... — Я подалась вперед. — А... апчхи!

До чего же приторный запах!

— Будь здорова, — мрачно пожелал темный, утирая ладонью лицо.

— Спасибо, — в том же тоне ответила я, отгоняя от себя приставучих светлячков. Звон сменился возмущенным стрекотанием. — А теперь объясни, куда ты меня притащил. Что за диснейленд?

— А что не так? — Он поднял руку, золотистый огонек опустился на его ладонь, увеличился в размерах, и миниатюрная танцовщица сделала несколько па, звеня стрекозиными крылышками. — Ты же хотела чудес?

— Чудес, да. Но не спецэффектов!

— Не понимаю, о чем ты. Тут все настоящее. Никаких муляжей, скрытых ниточек и продвинутой электроники. Ни анимации, ни голографических проекторов. Лодка, которая плывет сама по себе, меч в камне, эти вот... забыл, как они называются, — это тебе не чудеса?

— Чудеса, — сникла я. — Но...

— Ты еще и половины не видела.

— Верю. Но давай лучше вернемся.

Заслышав мои слова, светлячки в ужасе кинулись врассыпную.

— Уверена?

— Да. Мне здесь не нравится.

В сгустившейся в отсутствие волшебных огоньков тьме я не видела, но чувствовала его испытывающий взгляд. Мужчина достал сигареты — теперь я и не думала возражать, и табачный дым разогнал удушливые ароматы сада.

— Сюда привозят новичков, — произнес он с расстановкой. — Что-то вроде проверки. Не официальный тест, но многое может сказать о человеке. Около тридцати процентов доходят до конца экскурсии и улетают счастливыми. Работа в компании таким не светит. Так что ты не настолько безнадежна, как можно решить на первый взгляд.

— Значит, это всего лишь проверка?

— А ты как думаешь?

«Грифон», двухчасовой перелет... Не много ли мороки ради того, чтобы я подержала в руках тайваньскую подделку?

— Думаю, что тут есть что-то еще, — сказала я наугад. — Как в ящике с двойным дном.

— Я бы скорее сравнил это с ширмой.

— Да? И что за ней?

Тлеющий окурок улетел в кусты.

— Идем. — Сокол протянул мне ладонь.

Недолго колеблясь, я взяла его за руку, и колдун рывком сдернул меня с тропинки. Перед глазами промелькнуло что-то большое и искрящееся, и цветущий сад сменился странно знакомыми деревцами. Ощущение дежавю усилилось, когда мы вышли на берег: деревянный причал, лодочка на волнах. Но сейчас в ней уже были весла.

Теперь все по-настоящему.

Весла с тихим плеском погружались в темную тягучую воду, скрипели уключины. Темный греб молча, без видимых усилий и в мою сторону не смотрел, скользя рассеянным взглядом по поверхности озера.

Когда до противоположного берега оставалось совсем немного, он вдруг остановился и без слов кивнул куда-то в сторону. Там, метрах в десяти, пробивалось из-под воды слабое мерцание: нежно-зеленый свет сменялся розовым, потом желтым и голубым. Я прождала несколько секунд, опасаясь очередной руки с тайваньским подарком, но свечение лишь сместилось немного, так и не обнаружив своего источника.

— Значит, сегодня не выйдут. — Сокол снова взялся за весла.

— Кто?

— Они.

Пояснять что-либо он был не настроен.

Берег, к которому мы причалили, сейчас был другим. Сохранились лишь общие очертания да черный абрис замка за высокими кронами, а в остальном все было иначе: вместо утоптанной дорожки едва различимая тропка, вместо благоухающего сада — густой лес.

Правда, знакомые огоньки появились, едва мы ступили под сплетенные ветви деревьев. Но теперь они не окружали с чарующим звоном, а прятались в кустах, следя за нами издали. Один осмелел и вылетел на тропу передо мной. Завис в воздухе, и я смогла рассмотреть крошечную крылатую фигурку и умильную рожицу под золотыми кудряшками. Но когда я, не удержавшись, потянулась к дивному созданию рукой, кукольное личико сменилось сморщенной мордочкой, и феечка раззявила полную игольчатых зубок пасть, намереваясь вцепиться мне в палец.

— Ой! — Руку я в последний момент отдернула, но крылатых монстриков передо мной было уже трое, и настроены они были совсем не дружелюбно.

— Не бойся, они только поначалу такие.

Пока я опасливо таранилась на угрожающе жужжащих летунов, колдун вынул из-под футболки небольшой сверток. Внутри оказалось сало, которое передала мама. Сокол достал нож, нарезал угощение тонкими ломтиками и положил на камень у дорожки.

— Это отвлечет их ненадолго. А потом, сытыми, они покажутся тебе милее.

Злобные созданыца еще немного покружили перед моим лицом, но, заметив, что их товарищи уже ринулись к еде, решили не тратить на меня драгоценное время.

— Кто это такие? — спросила я шепотом, когда мы отошли от жадно чавкающих светлячков.

— Э-э... Пикси? Я не уверен, но, кажется, кто-то придумал называть их именно так.

— А кто это на самом деле?

— Думаешь, они нам сказали?

Он достал сигареты и пистолет-зажигалку.

— Как ты это делаешь? — не вытерпела я.

— Что?

— Это. Откуда ты все вытаскиваешь? Я уже давно заметила: не может столько всего поместиться в карманах и за поясом. А если бы поместилось, выпирало бы под одеждой!

— Ремень, — коротко бросил Сокол, закуривая. И продолжать, похоже, не собирался.

— Насос, — ляпнула я.

— Какой насос? — переспросил мужчина ошарашенно.

— Помповый. Мы же в слова играем? Ты сказал «ремень», я — «насос». Тебе на «с».

Темный внимательно посмотрел на меня и вдруг расхохотался.

— Ремень, — пояснил он, отсмеявшись, — неоартефакт ограниченной мощности и срока действия. Входит в стандартное обмундирование наших бойцов. Мне достался по дружбе. Создает дополнительное пространство вместимостью до полутора кубических метров.

— Настоящий артефакт? — уточнила я недоверчиво.

— Неоартефакт. Искусственно созданный предмет с конкретными свойствами.

Он задрал футболку, демонстрируя мне чудо магической науки, но в темноте я смогла заметить только тускло блеснувшую пряжку.

— Разве не все артефакты создаются искусственно?

— Изначально нет. Древнейшие и сильнейшие артефакты были просто вещами, которые использовали в процессе волшбы, и так они впитали силу своих владельцев, приносимых во время обрядов жертв или природных эманаций. То есть создавались ненамеренно.

Предвидя очередную лекцию, я решила умерить любопытство и ни о чем больше не спрашивать. Сложно верить в чудеса, когда каждое из них имеет нуднейшее объяснение. Вот малышки-пикси, улетающие соленое сало, — совсем другое дело. Они настоящие, живые. Не слишком добрые, но, несомненно, волшебные, пусть даже единственное волшебство, на которое они способны, — какая-нибудь мелкая пакость.

— Идем. — Сокол приподнял тяжелую ветку, открывая уходящий влево от тропы проход. — Василич верно заметил: не сезон. Но хоть издали посмотришь.

Никогда еще короткая стрижка не радовала меня в такой степени — низкие ветви так и норовили вцепиться в волосы и заставить свернуть с выбранного пути. Но мы не желали сдаваться, продираясь сквозь чащу, и вскорости были вознаграждены за упорство: лес закончился, и взору открылась широкая долина, озаренная светом кривобокой, нереально большой луны.

Высокая густая трава в этом свете была похожа на ленивые волны темного моря, а над этими волнами плыли, перекатываясь и меняя очертания, крупные капли расплавленного серебра. Семь или восемь. Иногда они расплывались блестящими пятнами, иногда приобретали вполне отчетливые формы, но даже в такие мгновения, когда ясно можно было рассмотреть длинные ноги, изогнутые шеи и мускулистые туловища, язык не повернулся бы назвать этих животных лошадьми. Да и слово «животные» тут было неуместно. Дивные существа неспешно бродили по лунному лугу, время от времени склоняя увенчанные витыми рогами головы, вместе с травой отщипывая упавшие с небес звездные искорки. Впереди вышагивал... самец?.. вожак? Рог у него был больше, чем у остальных, и напоминал воинственно поднятый меч, а свечение вокруг головы образовывало высокую корону. Рядом с ним шествовала подруга: тяжелый раздувающийся живот не портил ее красоты, и она знала это, величаво и гордо демонстрируя свое будущее материнство. Еще две кобылки, поскромнее, тоже пребывавшие в интересном положении, брели следом. А поодаль от остальных стояла, светясь стократ ярче других, тоненькая красавица с ниспадающей почти до копыт гривой. Когда ее силуэт таял, оборачиваясь капелькой ртути, он нежно сливался с такой же каплей поменьше, которая, вновь обретая четкость, превращалась в крохотного малыша, доверчиво лънущего к боку матери и пошатывающегося на слабеньких пока еще ножках.

— Наверное, вчера ожеребилась, — сказал Сокол. При всем желании его тон не вышел ни сухим, ни деловитым. Видно было, что колдун, как и я, поддался очарованию волшебных существ.

— Они восхитительны, — прошептала я. Ради одного взгляда на них стоило лететь сюда, и я была благодарна темному за подаренную возможность. Но так же, как и он, не

собиралась признаваться в своих чувствах. — А правда, что...

— Что единороги подпускают к себе только девственниц? Нет. Может, когда-то так и было, но сейчас девственность перешла в разряд технических характеристик и не имеет ничего общего с духовной чистотой. А они сами выбирают себе друзей.

По промелькнувшей в этих словах грусти стало понятно, что сам Сокол в друзья к единорогам так и не попал, хотя пытался, видимо, не раз.

— Пойдем. Не стоит их беспокоить.

Я с радостью провела бы остаток времени, наблюдая за серебряными пятнами на темном лугу, но вынуждена была подчиниться. К тому же ночь действительно становилась волшебной, и возможно, у колдуна есть, что еще мне показать.

Пришлось вернуться в лес. Деревья теперь пропускали нас беспрепятственно, а затем и вовсе выстроились стройными рядами вдоль узкой тропинки, удивившей в заросли боярышника. Из-за кустов слышались голоса и смех.

— Ты же просила фей? — подмигнул Сокол. — Только поосторожнее с этими дамами. Они не злые, но чувство юмора у них своеобразное.

Он раздвинул ветки, пропуская меня на широкую поляну, и в тот же миг грянула музыка. Веселая плясовая закружила в хороводе сорвавшиеся с деревьев листья, головки ярких цветов и десятков сытых и по этой причине довольных светлячков-пикси. Яркий вихрь носился над травой, забавляя рассеявшихся по краям поляны девушек.

Какие там фотомодели! Феи походили на глянцевого красоток не больше, чем единороги на лошадей. Нереальная красота, чистый восторг! Блестящие, скорее светящиеся волосы, у кого-то золотистые, у кого-то серебристые, а у кого-то черные, как небо над головой, и так же искрящиеся звездами. Глаза тоже звезды. Кожа даже на вид нежная, словно лепесток розы... Я и не подозревала, что мой захлащенный цифрами балансов и статотчетности мозг способен рождать подобные ассоциации.

Едва мы с Соколом вышли из тени, феи обступили нас, заинтересованно разглядывая и негромко переговариваясь на незнакомом мне языке, сопровождая эти перешептывания лукавыми улыбками. Пока я очарованно смотрела по сторонам, пытаюсь сосчитать, сколько же их тут (десять? двадцать?), одна из них подхватила темного под руку и утащила в цветной хоровод. Другая, златовласая красавица, вся такая тоненькая и воздушная, что, казалось, ночной ветерок колышет не только подол ее прозрачного платья, но и невесомую фигурку, задорно сверкнув изумрудными глазищами, протянула мне ладонь:

— Идем.

Голос у нее был удивительный, певучий и завораживающий.

— Идем. — Я несмело коснулась изящных пальчиков. Музыка звучала теперь в моей голове, а ноги уже отбивали незнакомый, но совсем не сложный ритм.

Фея рассмеялась, и я ответила таким же счастливым смехом. Промелькнула перед глазами хитрая мордочка пикси, закружились цветочные лепестки... Но тут что-то с силой сдавило мое плечо и вырвало из волшебного вихря.

— Она не танцует, — заявил Сокол.

Так ревнивый муж отшивает в кабаке подвалившего к его жене нетрезвого кавалера.

— Почему? — Я сердито топнула ногой и попыталась вырваться.

— Не надо, — скорее попросил, чем приказал мужчина. — Это серьезное испытание, Ася. Боюсь, ты к нему еще не готова.

Что-то вспомнилось о танцах с феями, что вроде бы можно доплясаться до смерти или потерять счет времени и задержаться в волшебном лесу лет на сто. То ли из сказок, то ли из какого-то фильма... Или я сама это придумала после его слов?

Хотела расспросить темного, но он вдруг отстранился и отпустил мою руку, уставившись, не мигая, туда, где среди деревьев мелькало чье-то белоснежное платье.

— Сокол, — позвала я обеспокоенно.

— Подожди, — отмахнулся он. Потом как будто взял себя в руки и даже обернулся на меня мельком. — Подожди здесь. Я сейчас.

Я могла поклясться, что он не видел ни меня, ни цветочного хора, ни фей, расступающихся перед ним, когда, словно под гипнозом, шел к остановившейся у края поляны девушке. Она появилась, и все вокруг померкло в сравнении с ее красотой. Белое платье, белые волосы, белая кожа... Я знаю, что у этого цвета море оттенков: снежный, молочный, лилейный, алебастровый, но все это не то. Сияюще-белый. Звездно-белый... Она сама была звездой, спустившейся с ночного небосклона, а я... Я не пошла вслед за Соколом лишь потому, что понимала, что девушке-звезде сейчас не до меня. Как он глядел на нее неотрывно, так и она смотрела лишь на него, не отводя больших, бездонно-черных глаз.

Златовласая фея осторожно коснулась моей руки и улыбнулась, отвлекая от таинственной незнакомки. Поманила пальцем, но звала уже не в круг танцующих, а в сторону, к поросшему мхом пню, похожему на трон лесного царя. Несколько ее подруг проводили нас любопытными взглядами, о чем-то шушукаясь, и их шепот был похож на шелест теплого моря.

— Ты в первый раз здесь, — заговорила фея. — А может, и в последний. И я хочу сделать тебе подарок. На память.

Как будто кто-то в здравом уме может их забыть!

— Что ты хочешь получить?

— А что... Что можно?

— Все! — рассмеялась она, обводя рукой поляну. — Хочешь музыку, которая будет с тобой всегда? Веселье? Крылышки пикси, чей звон прогоняет беспокойные сны?

Мне бы ума побольше. Я вздохнула, не к месту вспомнив события последних дней и свое в них участие. Конечно же после встречи со светлым в парке я не могла просто бросить Серого на произвол судьбы и двух конкурирующих организаций, но увязнуть в этом настолько, самой напроситься, тогда как от меня ни пользы, ни помощи... А я даже не уверена, что нужна ему...

— Теперь я знаю, что тебе пригодится, — улыбнулась златовласка.

На ее ладони появился маленький флакончик, наполненный бесцветной жидкостью.

— Что это?

— То, что избавляет от сомнений. В любви. Вы же зовете это любовью?

— Любовное зелье? — Я отдернула уже потянувшуюся к подарку руку.

— Нет. Я же сказала: то, что избавляет от сомнений. Не рождает новых чувств, а освобождает те, что уже есть. Или избавляет от иллюзий, если чувства — всего лишь обман. Добавь несколько капель в питье того, чье сердце хочешь открыть. Если он действительно любит, он это поймет... Но если не любит, тоже поймет. Так что подумай хорошо, нужен ли тебе подобный дар.

Я обернулась на Сокола. Он что-то говорил Звезде, и та задумчиво кивала в такт словам. Потом обвила руками его шею, заставляя мужчину наклониться, коснулась губами его лба и вдруг развернулась ко мне. Я не успела отвести взгляда и на несколько мгновений утонула в глубоких черных глазах. А Звезда, продолжая обнимать темного, чуть заметно кивнула. Наверное, хотела, чтобы я взяла зелье.

Флакончик нырнул в карман джинсов, и златовласая дарительница беззаботно засмеялась, словно враз забыла о нем.

— Пойдем! — Шелк нежных пальцев обвил мое запястье, а голова вновь наполнилась звуками музыки. — Не бойся, потанцуй с нами...

Цветочный вихрь закружил нас и, на мгновение показалось, оторвал от земли. Звезды упали с небес и, смешавшись со светлячками-пикси, заплясали в ярком хороводе, раскрашивая ночь дивными красками. Не было сил противиться нарастающему ритму. И я не противилась, даже наткнувшись на укоризненный... нет, скорее встревоженный взгляд темного. Пара-ра-ра-пам-пам! Это же просто танцы, Сокол. Всего лишь танцы...

ГЛАВА 11

В себя я пришла уже в салоне «Грифона», промычав спросонья крепко засевший в голове мотив. Отделенный от меня проходом колдун обернулся на звук, и я приготовилась к упрекам.

— Извини, — шокировал он меня первым же словом. — Мне не нужно было тебя оставлять.

— Ну, я... это...

— Ты неплохо справилась для первого раза.

А может, и последнего. Я вспомнила слова феи и нащупала в кармане подарок.

— Только Нат не рассказывай, — попросил темный. — А то еще устроит мне разнос за то, что бросил тебя там одну. Правила все-таки.

— А кто это был? Та девушка, к которой ты отошел? — Поняв, что он и не думал сердиться за мое непослушание, я позволила себе немного любопытства.

— Девушка? — удивился Сокол. — А, королева... Ты видела ее девушкой?

— Кем же еще? А это была королева? Королева фей? Правда?

— Правда. — Мужчина откинулся на спинку и закрыл глаза. — Древняя старуха, седая и сморщенная.

Я растерянно заморгала, не уловив в его словах шутки. Звезда — старуха? Но темный ничего больше не добавил.

— А о чем вы говорили?

— О жизни, — ответил он коротко.

— Она тебя поцеловала.

— Пожелала удачи.

— А...

— Все. — Он рывком поднялся. — Прилетели.

Таксист не подвел. Хронометр Сокола показывал без пятнадцати шесть, а автомобиль уже ждал у обочины. Темный как всегда галантно распахнул передо мной дверцу, дождался, пока я устроюсь на сиденье, и занял место впереди.

— Давай в город, а там...

Мужчина на миг запнулся и громко скомандовал:

— Ася, из машины!

Я пулей вылетела наружу, стукнувшись головой, а затем оступившись и подвернув ногу, но от страха перед неведомой опасностью пробежала, наверное, еще метров десять и спряталась в высоких зарослях кукурузы.

— Что там? — прошептала я, наконец остановившись. — Сокол...

Колдуна рядом не было.

— Сокол!

Широкая ладонь накрыла мой рот, и я в ужасе заколотила ногами по воздуху... и по коленям сграбаставшего меня в охапку мужчины.

— Уф-ф... — прошипело мне в ухо. — Не брыкайся. Я это, я. И не ори.

— Сокол... — вцепилась я в него, едва темный поставил меня на землю. — Что там? Что с водителем?

— Вырубили. Но жив.

— Кто?

— Да тише ты! — шикнул он на меня. — Как раз это я и пытаюсь выяснить.

— Помощь нужна? — вежливо поинтересовались со стороны, и я испуганно вытарасилась на зависшую над полем полупрозрачную фигуру.

Мамочки! Это же... Это...

— Ван Дейк!

Не удержавшись на ногах, я шлепнулась на зад, а просвечивающийся мужик в костюме, галстук, с аккуратной стрижкой и даже при часах, но невесомый и полностью, полностью просвечивающийся, злорадно заржал:

— Где ты откопал такую идиотку, Сокол?

Колдун смерил привидение уничижительным взглядом и протянул мне руку, помогая подняться.

— Не бойся. Это не голландец. Всего лишь проекция.

Он неуважительно швырнул в прозрачную физиономию ком земли, пролетевший зависшую в воздухе картинку насквозь.

— Какого черта ты тут разлетался, Алекс? И как вообще...

— Как я тебя нашел? — ухмыльнулось привидение. — Отследил по карте. Ты оплатил полет, а Василич, как положено, сдал в бюро координаты. У меня ведь по-прежнему первый уровень доступа, в отличие от некоторых.

— И? Чего ты хочешь?

— Для начала поговорить.

Теперь, когда я перестала трястись и взяла себя в руки, стало ясно, что это действительно не Ван Дейк. Тот, по рассказам, был стариком, а этому не больше сорока пяти. Да и не голландец, однозначно, скорее армянин, но речь чистая, без акцента.

— Александр Акопян, — словно поняв, о чем я думаю, представил прозрачного Сокол.

— Акопян? Как знаменитый фокусник?

И похож, усики такие же...

— Фокусник, да, — обидно захохотал невесомый. — Сим-салабим, ляськи-масьськи!

— Ближе к делу, Алекс, — раздраженно прикрикнул темный.

— Ближе к делу, ближе к телу... Кстати, где тело, Сокол? До меня доходят интересные слухи — первый уровень, ты же помнишь? Поговаривают, ты снова взялся за проект Ван Дейка и опять решил меня кинуть.

— Проект закрыт уже пять лет.

— После того как ты присвоил наработки, я помню. В итоге у тебя сейчас вся информация по седьмому вместилищу, по восьмому и непосредственно вместилище номер девять. А я, как всегда, остался ни с чем.

При упоминании о восьмом вместилище Сокол заскрежетал зубами, и, думаю, Алекс, присутствуй он здесь во плоти, уже получил бы в ухмыляющуюся морду. А так колдун лишь сплюнул да потянулся к карману за сигаретами.

— Чего ты хочешь? — повторил он свой вопрос.

— Долю. Официальное признание и дивиденды конечно же. Доступ ко всем материалам эксперимента и возможность участия на равных. Согласен?

— Нет. Проект закрыт, Алекс. То, что я делаю сейчас, не имеет к нему никакого отношения и не предполагает дивидендов. С первым уровнем ты должен был знать об этом.

— Я знаю, — скривился прозрачный. — А еще я знаю тебя. Ты можешь обмануть Брюссель, можешь навешать лапши Францу и его прелестной женушке, но меня ты не проведешь.

— Думай что хочешь, — ответил колдун невозмутимо. — Или пиши официальное ходатайство, чтобы тебе разрешили присоединиться. Но лучше не трать время. С нашей стороны дело курирует Эбель, а от бельгийцев приехал Ле Бон. И ни тот ни другой тебя отчего-то не любят... Даже не знаю, отчего.

Послав привидению прощальную и едкую ухмылку, Сокол, уже не глядя на него, спокойно взял меня за руку и повел к краю поля.

— Не переживай, за нами он не проследит. Проекцию вывел по координатам «Грифона», так и будет тут висеть — объемная картинка с радиусом передвижения в сто метров.

— То есть он сейчас где-то далеко, а это вроде как голограмма? — Я вырвала у темного руку и остановилась.

— Да.

— А кто же тогда вырубил водителя?

Ответом на мои слова прямо перед нами, вновь напугав меня до чертиков, возникла треклятая проекция.

— Я предвидел твой отказ, — сообщил Акопян колдуну. — Так что... без обид, да?

Не успел он растаять в воздухе, как что-то ухватило меня за щиколотку. От неожиданности я завизжала и вцепилась в футболку стоявшего рядом мужчины, но неведомое что-то с силой дернуло, ткань выскользнула из пальцев, и я завалилась на спину. Зажмурилась, когда по лицу хлестнули длинные жесткие листья, а открыв глаза, закричала снова: надо мной, дохнув в лицо трупным смрадом, нависла жуткая рожа.

Зомби — в этот раз самый что ни есть настоящий, уже не первой стадии разложения труп — провел распухшими, сочащимися гноем пальцами по моей щеке, и к горлу подкатила тошнота.

— С-сокол... — выдавила я, борясь со спазмом.

Мужчина не отозвался: я слышала лишь какую-то возню в стороне и чье-то злое хрипение.

Мертвец наклонился, и из приоткрывшегося рта вывалился черный язык.

— Сокол!

— Хр-р-ра! — в ответ на мой крик рыкнул мне в лицо зомби.

— С-со...

Что-то хрустнуло, и оскалившийся труп покачнувшись и плашмя упал на меня.

— Вставай!

Темный стащил с меня неуспокойника, но в следующий миг протянувшаяся из зарослей рука вцепилась мне в волосы. Я вскрикнула, и колдун с силой втоптал в землю костлявую конечность.

— Поднимайся! На дорогу, быстро!

Как?! Путь преграждали восставшие мертвецы: двое мужчин в официальных черных костюмах, женщина и мальчик лет десяти... Господи, мальчик! Меня согнуло пополам...

— Шевелись! — грубо ткнул в бок Сокол, поднимая пистолет.

Первым выстрелом мертвой тетке разнесло голову. Вторым — отбросило назад одного из мужчин. А затем он опустил оружие:

— Бесполезно.

На смену выбывшим из игры зомби пришли новые. Примерно по десятку за каждого. Продирались с хрипением через высокую кукурузу. Окружали. Перекошенные синюшные лица, вылезшие волосы, у кого-то уже проглядывали из-под сползшей кожи кости...

— Приготовься, — толкнул меня Сокол, сбивая оцепенение. — Я сниму вон тех двоих, и сразу беги. Беги, не останавливайся, поняла?

— А ты?

Не ответив, он выстрелил.

Тычок в спину, и я лечу в сторону дороги, в страхе и панике недоумеваю, что же мне делать на пустынной грунтовке, рядом с оставшимся без водителя такси. Перепрыгиваю лежащий на пути труп... А тот вдруг вскидывает руку, в последний момент успевает сцапать меня за ногу, и я снова лечу, но теперь уже лицом прямо в рыхлую землю...

— От халэпа! — послышалось над головой.

Неведомая сила подняла меня в воздух, перевернула и бережно усадила, поддерживая под мышки до тех пор, пока я полностью не оправилась от падения, не отплевалась и не открыла глаза, чтобы тут же зажмуриться от яркой вспышки.

Когда мне все же удалось разлепить веки, зомби, все до единого, лежали неподвижно. Над ними замер с пистолетом в опущенной руке Сокол, а рядом смущенно переминался с ноги на ногу Василь Василич.

— Ты ж цэ... чэк забув, Соколыку, — помахал он бумажной лентой.

Темный поглядел на него, на мертвецов, на меня, грязную и перепуганную, и вдруг рассмеялся, громко и так искренне, что я не смогла сдержать улыбки.

— Тю, дурносмих, — покачал головой пилот.

— Василич, — колдун от души пожал усачу руку, — ну ты даешь...

— Та шо я? Я ж ничего, — пожал плечами летчик. Строго оглядел из-под насупленных бровей трупы, и земля задрожала, начав медленно всасывать в себя тела.

— Идите уже! — переключился он на русский. — А я тут приберусь малеха. И на кладбище, откуда их черт принес, прогуляюсь. Недалеко должно быть, километра два. Не дело ж это: придет родня на могилки, а там...

— Василь Василич, спасибо тебе. — Темный, как в тиски, зажал его ладонь, не позволяя сделать и шага. — По гроб не забуду. Только ты, если можно...

— Можно, — кивнул тот серьезно. — Дальше меня не пойдет, не боись. Сам с этим тараканом разберешься, когда время придет.

Подкрутил седой ус и хмыкнул:

— Ще политаймо, Соколыку. Ще политаймо.

С таксистом, слава богу, все было в порядке. Очнулся, когда Сокол потрепал его по плечу, протер глаза.

— Всю ночь катаюсь, разморило что-то, — извинился он перед нами. То ли темный что-то с ним сделал, то ли он и правда не помнил нашествия зомби... То ли в арсенале у Акопяна были не только ходячие мертвецы, но я не хотела об этом думать.

Ни об этом, ни о чем другом.

— Алекс — некромант. И удаленное управление всегда давалось ему без труда, хоть я и не думал, что он сумеет поднять за раз больше десятка. — Темный изменил привычкам и сидел теперь на заднем сиденье рядом со мной. Вынул из-за волшебного ремня упаковку влажных салфеток и, словно заботливый папаша трехлетку, оттирал меня от грязи, попутно объясняя недавнее происшествие: — Наверное, узнал координаты, нашел поблизости кладбище и приготовился к встрече.

— Зачем? — только и смогла спросить.

Шофер сосредоточенно следил за дорогой и, казалось, не слышал нашего разговора.

— Не знаю. Честно, Ася, понятия не имею. Вряд ли хотел убить. Напугать, возможно. Заставить принять его условия. Отказаться от участия, чтобы дело перепоручили ему.

— Зачем?

— Мы с ним работали над делом Ван Дейка. Давно. Не только мы, конечно, там много народу участвовало, но мы были — как бы это назвать? — ведущими специалистами, что ли. Его и мои способности неплохо сочетались и как нельзя лучше подходили для этой работы. Потом... потом проект свернули, но Алекс вбил себе в голову, что я продолжаю исследования, которые мы начинали вдвоем, вот и...

— Зачем? — Меня просто заклинило на этом слове. — Зачем исследования? Зачем ему нужно снова в это влезть? Зачем травить нас мертвецами? Зачем...

— Все-все. — Он обнял меня за шею, крепко прижимая к своему плечу. — Не нервничай. Все уже позади. Успокойся. Вспомни фей. Единорогов...

Единороги. Я уткнулась носом в его когда-то белую футболку и закрыла глаза. Серебряное на черном. Длинные гривы, гордая поступь, направленные в звездное небо рога...

— Не рассказывай никому о том, что случилось, ладно?

— Почему? — Я растерянно отстранилась, чтобы взглянуть в его глаза.

— Если Ле Бон или кто-нибудь еще узнают, что в деле возникли осложнения, меня могут отстранить, а Сергея...

— Не расскажу, — пообещала я. — Никому.

«Алкашей» на лавочке сменила степенная дама с собачкой. Дама была мне незнакома, а собачка — все та же, за последние дни уже немного похудевшая от частых прогулок такса. Увидела нас и радостно завиляла хвостом.

Квартира встретила тишиной, и я, пользуясь тем, что все еще спят, с порога заскочила в ванную. Сбросила грязную одежду и влезла под душ. Долго стояла, подставив под теплые струи лицо, и думала о феях и единорогах... Потом еще дольше топталась на влажном кафеле и думала о том, что стоило все же заглянуть в комнату и взять чистые вещи или хотя бы полотенце.

— Ася. — Тихий шепот из-за двери. — Полотенце. Я на ручку повешу...

Он точно мыслей не читает?

Сереежка спал. Лежал, раскинув руки, пользуясь тем, что никто не занимает вторую

половину дивана. Сопел тихонечко. Заворочался, когда я, шелестя пакетами, доставала из сумки сарафан, но глаза не открыл. Обидно. Я там, значит, с зомби воюю, а он тут дрыхнет!

Но, с другой стороны, не только он ведь. Нат с Антоном тоже спят. Да я и не знаю, что Натали ему наговорила. Может, сказала, что мы с Соколом где-нибудь в другом месте заночуем, чтобы он не волновался... И все равно не должен был спать! Сидел бы до утра, ждал меня и... и страдал от ревности, вот! Я же не с подружкой ушла, а с другим мужчиной, между прочим. И не с уродом каким-нибудь. И не просто ушла — у нас, можно сказать, свидание было. Да! Романтическое! Что может быть романтичнее фей и единорогов?

Только толпы зомби. М-да...

Прошла на кухню, поставила чайник. Пока закипала вода, сделала себе бутерброд и съевала всухомятку. В голове все перемешалось, как в цветочном хороводе на волшебной полянке. Единороги, зомби, прозрачный Акопян, обстоятельный Василь Василич... и загадочная девушка Алена, неизменно появляющаяся в последнее время в моих мыслях без каких-либо предпосылок и без предупреждения...

— О, Настюха! — заглянул в кухню Серый. — Встала уже?

Я открыла рот, но не смогла и слова выдать — так и сидела, как дура, с отвисшей челюстью.

Встала?! Меня всю ночь не было, а он и не заметил?!

— Будешь себе чай делать и мне завари, ага?

Чай. Ну да, конечно. Все, что я могу, и все, что я по сути тут делаю. Завариваю чай.

Даже Сокол тетрадку с рецептами всучил. А она мне нужна? Спросил бы для начала. Хоть кто-нибудь спросил бы, что мне надо и чего я хочу!

Чего?

Утопила пакетики в кипятке — чайные церемонии пусть темный разводит, если ему так нравится — и смотрела, как окрашивается в золотисто-коричневый цвет вода. Красиво.

Открыла шкафчик, чтобы взять сахарницу, и удивленно уставилась на стоящий среди баночек со специями флакончик. Откуда он здесь? Он же в кармане был, в джинсах. А джинсы под ванной валяются: запихнула, а о подарке фей и не вспомнила. Или вспомнила, переставила и сама забыла? Немудрено после бессонной ночи и утра в компании восставших мертвецов.

— Настюх, — снова показался в дверях Сережка, — ты мне еще бутербродик сваргань. А я в душ пока.

Разбежался! В душе их темнейшество отмокают, извольте ждать.

Сокол появился на кухне минут через пять. Влажные волосы, майка с надписью «AC/DS» и потертые джинсы. Мэйд ин восьмидесятые. Серьги в ухе не хватает, как на том фото.

— О, чаек! — тут же потянулся он к чашке. К *той самой* чашке.

— Нет! — Я перехватила его руку.

Темный удивленно приподнял бровь.

— Это... Это нам с Сережей. Из пакетиков. Я тебе сейчас нормальный заварю.

Удивления на смуглом лице лишь прибавилось.

Чего спрашивается? Могу же я сделать для него что-нибудь приятное? За фей. За единорогов. За то, что защищал меня от зомби.

— Снова принесла его нелегкая, — проворчал он за миг до того, как раздалась трель

звонка.

Антон уже проснулся, он и впустил начальство. Но на этот раз Ле Бон прихожей не ограничился и вкатился в кухню, разгоряченно пыхтя и обмахиваясь шляпой.

— Жарко? — сочувственно спросил Сокол. — Может, стоит сменить костюм на наряд попроще?

Мсье колобок брезгливо оглядел колдуна и пренебрежительно крикнул. Темный вольготно потянулся напоказ.

— Тьерпеть жар легче, чем тьерпеть ваши недоговорилки, — высказал ему бельгиец.

— Недомолвки, Виктор. У нас говорят «недомолвки».

Но мсье его не слушал. Потянул носом и вдруг — я и сделать ничего не успела! — сграбастал со стола чашку и залпом опрокинул в себя.

— C'est magique!

Ой, мамочки!

Магия не заставила себя ждать. Я еще приходила в себя, безмолвно, словно рыба, разевая рот, Сокол, насторожившись, глядел то на меня, то на Ле Бона, а пузан покраснел, стал похожим на спелый помидор, на котором вдруг проклюнулись перепуганные глазки, схватился за живот и маленькими шажочками попятился в коридор.

— Pardon, madam, — простонал он, столкнувшись с Натали, и хлопнул дверью туалета.

— Что это с Ле Боном? — озадаченно спросила баньши.

— Что было в чае? — прошипел темный, до боли стиснув мой локоть.

— 3-зелье ф-фей...

— Что?! — воскликнули одновременно Сокол и Нат.

— Зелье, — пролепетала я. — Фей.

— О господи! — Колдун схватился за голову. — Ты взяла у них что-то? Я же тебя предупреждал! Я говорил, что им нельзя верить!

— Ничего ты не говорил! Только...

— Ну?

— Только про чувство юмора что-то, — вспомнила я.

Вот и верь после этого в сказки! Феи, прекрасные феи — и те туда же!

— О чем ты думала? — шепотом, чтобы его не услышал ни кряхтящий в уборной бельгиец, ни занявший ванную Серый, разорвался Сокол. — О чем вообще думает женщина, когда решается использовать приворот?

— Это не приворот! — едва не заплакала я. — Это... Это чтобы разобраться. Если любишь, то любишь. А если не любишь...

— Увы, Настя, — усмехнулась Натали. — Мсье Ле Бон, судя по всему, тебя не любит.

Темный выглянул в коридор и прислушался.

— Я бы даже сказал, он тебя ненавидит! — вывел он и скомандовал: — Мою сумку. И пакет, который дала твоя мать.

Чуть было не сбив с ног Антона, я в секунду приволокла все затребованное.

Сокол достал чистый стакан, налил воды и разворошил пакетики с травами. Быстро, что

я и следить не успевала, брал из них по щепотке, пальцами растирал в труху и кидал в стакан. Напоследок добавил несколько капель из маленькой бутылочки и накрыл получившееся нечто ладонью. Пуф! Из-под его руки повалил пар, а мутная взвесь превратилась в прозрачный желтоватый напиток.

— Ле Бон, — постучал он в дверь, за которой страдал мсье. — Выпейте, это должно помочь.

Вынырнувшая на миг пухлая ручка ухватила стакан, и дверь снова захлопнулась.

Потянулись томительные секунды ожидания. Одна, вторая, третья... Ровно через пять секунд колобок, сияя счастливой и немного смущенной улыбкой, вошел в кухню.

— Ви настоящий волшебник! — со щенячьей благодарностью в блестящих влагой глазках заявил он Соколу.

— Знаю, — равнодушно бросил тот. — У меня и справка есть.

Он подхватил бельгийца под руку и покатил к входной двери:

— Послушайте моего совета, Виктор, смените одежду. Жара плохо на вас действует. Не пейте воды из-под крана и не налегайте на местные овощи. И отдохните.

— Но...

— Отдохните, Ле Бон. — Щелкнул открываемый замок. — Заварите себе ромашкового чая. Отлежитесь. А завтра будут вам записи.

— Кто приходил? — спустя пару минут зашел в кухню Серый.

— Ле Бон, — проямлила я.

— А чего свалил так быстро?

Антон, пропустивший все самое интересное, включая мое признание, пожал плечами, Нат хмыкнула, а Сокол дружески похлопал парня по плечу:

— Везунчик ты, Сережа. Ох и везунчик!

После случившегося я весь оставшийся день старалась не попадаться на глаза соседям по квартире. Сначала завалилась спать, выставив из комнаты мужчин. Потом нашла в шкафу какую-то детскую книжку и до самого вечера делала вид, что увлечена чтением.

— Бианки? — заглянула через плечо неслышно прокрадываясь в комнату Натали. — Мило. Зайчики, белочки... Ужинать будешь?

Я бы сказала, что буду, если бы не догадывалась, что в таком случае мне придется самой готовить и для себя, и для оголодавшей магической компании. Перебьются. А себе я потом бутерброд сделаю.

— Нет.

— Зря, — пожалала плечами баньши. — Сережа спагетти приготовил. С сыром. Еще и соус сделал из свежих помидоров с чесноком — вку-усно!

Лишь после ее слов я почувствовала доносящиеся с кухни ароматы, и пустой желудок укоризненно заурчал. Но откуда мне было знать?!

— Пойдем, — дала мне второй шанс Нат. — Не убегут твои зайчики.

Пах приготовленный Серым ужин действительно потрясающе. Но было бы куда лучше, если бы к пряным ароматам не примешивался запах табака: Сокол, как всегда, курил у окна.

— На балкон выходить нельзя? — спросила я недовольно. — Или вообще из квартиры?

— Из квартиры в целях безопасности — категорически нет, — спокойно ответил он, продолжая пыхтеть сигаретой. — А на балконе грязно.

Типа мешаю — тряпку в руки и организовывай мне место для курения. Размечтался! Недолго осталось, потерплю как-нибудь.

— Не так уж там грязно, — вклинился Сережка. — Только пыль смести и пол вымыть. Займись завтра. А то и правда неприятно, когда...

Темный развернулся к нему. Больше удивленно, чем сердито, но парень все равно стусевался.

— Я-то привык, у меня в бригаде почти все курили — на мороз же не выгонишь? А Настюхе зачем этой дрянью дышать?

Колдун поглядел на него, на меня, на притихшего за столом Антона, уже вооружившегося вилкой, на остановившуюся в дверях Натали и, ни слова не говоря, растер сигарету в ладони. Сдул оставшийся от нее пепел в окно, покосился на стол и пошел к выходу.

— Приятного аппетита, — пожелал он почти из коридора. — Я не голоден, так что можете и мою порцию разделить. А вот от нормального чая, который мне еще утром обещали, не откажусь.

Пока мы молча жевали спагетти, он шумел в ванной, набирая воду, а после гремел чем-то на балконе. Принципиальный какой! А выход на балкон — как раз из нашей спальни. Будет теперь ходить туда-сюда, в комнату дыма натянет, по ночам станет дверьми хлопать...

— Пойду помогу ему там, — поднялся из-за стола Серый.

Антон быстро расправился с макаронными изделиями и смылся, видимо опасаясь, что и его привлекут к внеплановой уборке, а Нат, прихватив яблоко, привычно и без спешки ретировалась к себе, и плевать она хотела и на балкон, и на грязную посуду.

Вот я сейчас тоже уйду читать Бианки, и делайте что хотите!

Но вместо потрепанной книжки взяла отчего-то тетрадку Сокола. Нет, не собиралась я им чай заваривать — так, посмотреть хотя бы.

Сборы там были самые разные. Какие-то показались мне знакомыми. Кажется, бабуля что-то похожее готовила. Какие-то — совсем новыми, а перечисленные в рецепте травы на первый взгляд и вовсе не сочетались между собой. Одни были простые и назывались так же просто: «Липовый», «Ромашковый», «Противопростудный», «Желчегонный». А другие помимо описания приготовления содержали слова заговоров и носили длинные названия-аннотации. Например, «Волшебный сон в летнюю ночь». Судя по ингредиентам, волшебство основывалось на лепестках дурман-травы и конопляной пыльце. М-да, маги-травники, феи-единороги!

А то еще «Для душевной беседы». Мята, душица и зверобой — один к одному. Листья и сушеные ягоды земляники или лимонник — для вкуса. Казалось бы, отмерь да заваривай! Ан нет! Там еще нужно сперва на север поворотиться, потом на восток поклониться, у матушки-земли силы попросить, дунуть, плюнуть... Тьфу ты! Попыталась представить Сокола, проделывающего все эти манипуляции, и не смогла. Видимо, собирал он этот фольклор, собирал, а потом и отдал за ненужностью.

— Настюх, а мне тоже чаю сделаешь? — выглянул с балкона Серый.

— Угу. — Я отложила тетрадку. — И тебе нормального?

— А можно? Ты у себя тогда вкуснющий такой заварила.

Да без проблем! Я прошла на пустую кухню, проигнорировала заполненную грязными тарелками мойку и поставила чайник. Будет вам вкуснющий! Сейчас, как тогда, намешаю листиков-веточек — вон, у темного одолжу, у него много — и будет вам эксклюзивный чай, никто больше такого не сделает.

Так, что тут у нас? Мята? А душица, интересно, есть? О, зверобой!

А где тут север?

— На север поворочусь, кликну ветра холодные... — От души забавляясь игрой в ведьму, я кинула в заварник щепотку мяты. — На восход, где живет солнце красное... — Восход у нас в этой стороне? Нет? Без разницы! — Ой ты, мать-земля, травы растила, соком-силой поила...

Главное не смеяться. А то плюхну кипятком на ногу — не до веселья будет.

— Со мною сила твоя, покуда ветра веют, покуда солнце светит...

— А что это так пахнет? — материализовалась за спиной Натали.

— Чай. Будешь?

— И я буду. — Антон уже сидел за столом.

Да пожалуйста! Мне не жалко.

Достала чашки и разлила ароматный напиток. Поставила в центр стола сахарницу и банку с медом — кто чем хочет, пусть тем и подслащивает. А я и так попою.

Сокол появился в кухне последним. Принюхался от двери. Удовлетворенно кивнул.

— Расслабляющий сбор? Нам не помешает.

Расслабляющий? Так бы и писал в своей тетрадке. Сказочник, блин!

Темный взял со стола чашку, принялся уже к ней...

— Настюх, а бутербродик... — Серый развернулся ко мне, неловко взмахнул рукой, и чай Сокола в мгновение ока оказался на полу.

— Не судьба, — хмуро заключил колдун, глядя в опустевшую чашку. Часть напитка попала ему на джинсы, но это не так его беспокоило, как то, что он в очередной раз пролетел с обещанным. — Как я понимаю, больше нет?

Я кивнула.

— Извини... — промямлил Сергей. — Ты это... На! — Он подал Соколу свою чашку, но тот отмахнулся. — Бери-бери. Я могу и обычного заварить. А лучше какао сделаю. Я вечером больше какао люблю, еще с детства...

Скрипнув зубами от досады, я поплелась к холодильнику за молоком.

— Насть, ты садись, — остановил меня Серый. — Пей, пока горячий. Я себе сам сварю.

Чай, вопреки словам темного, расслабляющего действия на меня не оказывал. Скорее наоборот. Все вокруг раздражало: Сокол с его ухмылками, многозначительное молчание Нат, показная скромность Антона. Даже Сережка, внезапно ставший таким заботливым.

Может, оттого, что выпила залпом? Остальным, похоже, помогло. Отхлебывали по чуть-чуть и наслаждались дарованной кондиционером прохладой. Натали мурчала что-то себе под нос, Антон с мечтательным выражением лица вычерчивал на скатерти таинственные знаки, а Серый сделал себе какао и опять принялся расспрашивать Сокола о его работе.

Темный отвечал уклончиво и в общих чертах, но все же отвечал.

— Опасно это, наверное? — спросил Сережка.

— Нет. Дела, вроде твоего, выпадают нечасто. В основном — скука кабинетная.

— Не, ну я смотрю... — парень смутился, — шрам вот у тебя...

— А, это? — Колдун поморщился, коснувшись виска. — Бытовая травма. Жена попросила помочь люстру вымыть. Влез на стремянку, оступился и улетел вниз вместе с грудой

чешского стекла.

На несколько секунд воцарилось гробовое молчание.

— Так ты это... правда женат? — совсем по-детски удивился Серый.

— Был когда-то, — негромко произнес Сокол.

Он оглядел притихшее общество и вновь остановил взгляд на Сером.

— Первая любовь, Сергей, должна оставаться прекрасной и несбыточной мечтой. Навсегда. Так легче.

— Ты не прав, — заговорила внезапно Натали. — Не прав, Сокол. Мечты должны сбываться, пусть даже и так. Потому что в противном случае они ложатся камнем на сердце, и тебе уже до конца своих дней не избавиться от этого груза. Как бы ты ни жил после, плохо или хорошо, даже очень хорошо, все равно будешь вспоминать и думать. Думать, думать, думать... Как бы все сложилось, если бы вы были вместе? И сожалеть. Потому что раз за разом станешь приходить к мысли, что с тем человеком все было бы иначе — намного лучше. И если жизнь даст трещину — плакать ночами. А когда его не станет, поймешь, что мечта так и останется мечтой. Прекрасной и несбыточной, как ты говоришь. Но легче от этого не будет — только хуже...

— Нат, — темный коснулся ее дрожащей руки, — ты никогда...

— Не рассказывала? — скривилась она горько. — А то ты не знал! Все ты знал, Сокол. Все знали. Даже Франц. И он тоже вынужден жить с этим, с моей несбывшейся мечтой!

Мне захотелось сбежать подальше от этих разговоров, спрятаться в комнате, а еще лучше — влезть в шкаф и закрыть дверцы. Но Антон вдруг улыбнулся, словно все только что сказанное прошло мимо него, и протянул мечтательно:

— А я, когда все закончится, возьму Ксюху и рвану с ней в Коктебель. Там хорошо...

— Что было в чае? — как утром зашипел на меня подскочивший колдун.

— Ничего. — Я испуганно замотала головой. — Ничего такого. Травки. Мята, душица...

— Ты по моим записям делала?! — дошло до него. — С приговорами? На волне?

— Н-на какой волне? — оторопела я. — Ну ерунду там всякую говорила, что запомнила... Я же даже не знаю, где тут север!

— Да какая разница! — заорал он, впервые на моей памяти опустившись до такой неприкрытой грубости, и мне сделалось страшно. — Какая разница, где тут север?! Какая разница, что ты говорила?! Ты могла хоть «Наша Таня громко плачет» читать! Неважно! Важно, кто и с какими намерениями! Ты ведьма, веришь ты в это или нет! И ты только что опоила нас... Что там было? «Душевная беседа»? Замечательно! Ты только что накачала нас гомеопатическим аналогом сыворотки правды!

Натали, судя по взгляду, убить меня была готова. Антон ограничился укоризненным покачиванием головы. И только Серый, как ни в чем не бывало, цедил свое какао.

— Выходит, ты не безнадежна, — сказал, переведя дыхание, Сокол. — Но чай с этого дня завариваю я, и только я!

Он вышел из кухни, громко хлопнув дверью, а я подумала, что пить его чай мне, наверное, не стоит. Хотя бы первое время.

Через минуту на кухне остались только мы с Сережкой.

— Не расстраивайся, Насть. Ты же не специально?

— Не специально, — вздохнула я. — День у меня сегодня... неблагоприятный для чайных церемоний.

Собравшись с духом, я постучала в комнату Нат. Она не ответила, и я тихонько

приоткрыла дверь.

Баньши сидела на кровати, спиной ко мне. Держала на коленях раскрытый нетбук, на экране которого застыла фотография, которую она показывала нам недавно, и тонкий пальчик с длинным ярко-алым ногтем с нежностью касался улыбающегося лица под светлой челкой.

— Наташ, можно?

— Заходи, — ответила она равнодушно.

— Нат, прости, пожалуйста. Я не думала, что так получится, честно.

— Мне-то что? — Женщина захлопнула нетбук. — Перед Соколом вон извиняйся. Зацепила ты его, каменного нашего. Не помню, чтоб когда-то так разорвался.

— Извинюсь, — пообещала я, присаживаясь рядом с ней. — Пусть только отойдет немного.

— Боишься? — хмыкнула Нат. — Не бойся. Уже отошел. А даже если и нет, второй раз уже виду не подаст. Отшутится, как всегда, рукой махнет... Полпачки за раз выкурит — и дело с концом.

— Я понимаю...

— Да черта с два ты понимаешь! — высказала она мне сердито. — Еще ему об этом скажи! Пожалей, ага. Не тот это человек, Настя. Да и плевать ему по большому счету на твое понимание. И на мое тоже. Он с Кирюшкой только делился. А тот мне рассказывал, мол, ты же женщина, может, подскажешь что-нибудь... А что тут подскажешь?

Я вдруг поняла, что и слова от нее не услышала бы, если бы не действие волшебного чая. Натали еще не отпустило. А мне, наверное, не стоило слушать чужие секреты...

— Сокол сразу после школы в одесский мед поступил. Там с ней и познакомился. Первая красавица, спортсменка, комсомолка. Дочка какого-то царька областного масштаба. А он кто? Никто. Цыганчонок без роду-племени...

— Цыганчонок?

— Да нет, просто дразнили так. Они с Кирей с юга Бессарабии — в роду кого только нет: болгары, румыны, гагаузы, хохлы... В любом случае не пара он был царевне. Весь первый курс страдал, а со второго его отчислили. Не сошелся с деканом во взглядах на современную медицину, да так, что сессию завалил с треском. А там и повестка из военкомата прилетела. Кирюша уже работал на компанию, мог бы помочь. Но Сокол — птица гордая. От помощи отказался и отправился отдавать долг родине, н-да... Вернулся через два года, но не в Одессу, а к брату, во Францию. В Лионе перед начальством засветился. Диплом все-таки получил... А потом, даже не скажу, сколько лет прошло, вдруг сорвался, как почувствовал что-то, и к ней, к царевне. А ее тем временем уже из больницы выписали...

— Как выписали? — переспросила я, не поняв, где и что упустила.

— А как у нас выписывают, Настя? Умирать. Рак не помню чего в последней стадии. Ни папины связи, ни деньги не помогли. Все, финита. Заказывайте музыку, пеките пирожки. Только Сокола это, естественно, не устроило. Подогнал машину к подъезду, растолкал скорбящих родственников, сгреб свою царевну со смертного одра и увез, никому ничего не объясняя. К тетке в село, под Измаил. Кирюшка тогда к нему ездил. Говорил, заперся он с ней в комнате и неделю не выходил. Не ел, не спал, силы, сколько было, все в нее вбухал. Но на ноги поднял. Потом к морю повез, к дельфинам. Есть такая терапия, не помню, как называется. Потом в Татры, домик у них с братом там был. А помимо лечения, наверное, цветами-подарками заваливал, дифирамбы пел, стихи читал... Как он читал, Настя! Это слышать надо было. Вацлав Крушницкий, земля ему пухом, при каждом случае Сокола к себе в кабинет зазывал. Коньяк по бокалам разольет, вроде как за жизнь поговорить, а сам обязательно на стихи свернет. Есенин, Пастернак... И ведь что странно, по-русски же не бельмеса, но слушает, чуть ли не плачет...

— Кто? — окончательно потерялась я.

— Крушницкий. Сокол в его ведомстве работал.

— А царевна?

— А что царевна? Выходил он ее. Привез домой живую-здоровую и сделал официальное предложение. Естественно, она согласилась. Только согласилась не от внезапного большого чувства — элементарно из благодарности.

Натали умолкла, наверное, действие чая постепенно сходило на нет, но я уже поняла, чем закончилась эта история.

— В один прекрасный день она решила, что отблагодарила сполна?

— Нет, — усмехнулась баньши. — В один прекрасный день он решил, что сыт по горло этой благодарностью, и подал на развод. Оставил ей квартиру в Одессе и домик в Татрах. Звонит на каждый день рождения, Новый год и Восьмое марта. Бросает все и мчится по первому зову: когда папу-царя турнули с поста со всеми вытекающими, когда у ее второго мужа случилось прободение язвы, когда при родах у нее возникли осложнения, и потом, когда ее дочка вдруг начала заикаться...

Внезапно потянуло от двери, сквозняком шевельнуло волосы, и мы с Нат одновременно развернулись — в темном проеме мелькнула какая-то тень.

Господи, что за дом — все подслушивают, подглядывают... Выпытывают чужие тайны.

Сережка гремел на кухне посудой — взялся-таки помыть. Антон затаился в своей комнате. Значит, Сокол. Я чувствовала себя еще более неловко, чем после того, как он наорал на меня за чай, но сделала над собой усилие и вышла на балкон.

— Я... Мне...

— Здесь есть телевизор, Ася, — сказал он не оборачиваясь. — Если захочется слезливых историй, посмотри какой-нибудь сериал, их на каждом канале полно.

— Я не хотела.

— Верю. А любопытство не порок.

Права была Нат, снова шуточки, насмешки. К утру и не вспомнит. Или сделает вид...

— А Серый твой все-таки везунчик, — хмыкнул мужчина, взглянув на меня через плечо. — Два раза за один день подфартило твоего чайку не попробовать.

— Один раз, — выпалила я и тут же зажала рот ладонью. Похоже, чай начал действовать и на меня.

— Один? — требовательно переспросил темный, развернувшись.

— Я... Он... — Правда рвалась наружу, как ни старайся! — Тот, утром, который с зельем фей, был не для Сережки... Он...

— Ну? — хищно усмехнулся колдун.

— Для меня, — выдохнула я и закусила губу.

— Запущенный случай.

Сокола мало интересовали мои откровения, куда меньше очередной сигареты, и я, так и не извинившись, позорно сбежала, покуда не сказала еще чего-нибудь, о чем потом обязательно буду жалеть.

ГЛАВА 12

Ночью Сережка снова ворочался, колдун храпел, а я никак не могла уснуть, не только из-за этих двоих, но и из-за собственных мыслей. Мысли, по-хорошему, нужно было гнать сразу, как это делают Сокол и Нат и как уже, кажется, научился Серый: ведь на кону его жизнь, репутация темного, возможно, положение в компании мужа Натали и ее самой. И об Антоне забывать не стоит — если что случится, светлое начальство по лысой головке не погладит.

И только я одна маюсь дурью, завариваю волшебные чаечки и мечтаю о сказке. Поверила уже, да. Только эту, с вонючими зомби и зловредными фейками, заберите, пожалуйста, и дайте мне нормальную, с прекрасными принцами на белых конях и добрыми магами. Или с добрыми принцами и прекрасными магами на конях. На прекрасно-доброе принца-мага тоже согласна. Даже если он будет наполовину конь...

Примерно такое счастье мне и приснилось. Брр!

Открыла глаза за миг до того, как увенчанный короной жеребец (и это не иносказание) успел облобызать меня пухлыми слюнявыми губами, и возрадовалась пустой комнате и пробивающемуся из-за штор утру. Ладно жабы — дело привычное, но принцы-кони! Погорячилась я с вечера.

Сережка, наверное, был в ванной, а Сокол возился на кухне: вспомнил все же свое обещание — заварил чай. Выполнил, как говорят, и перевыполнил. Стол выглядел так, словно тут затевалось знаменитое кэрролловское чаепитие.

— Я присяду, пока Безумный Шляпник не подошел? — указала я рукой на стул, с опаской и любопытством поглядывая на два ряда чашек, от которых шел пар.

— Это место Мартовского Зайца, — усмехнулся темный. — Но он тоже задерживается, так что располагайся. Только чай пока не трогай.

То же самое — не трогать чай — он велел и пришедшей вслед за мной Натали. Зато Сережку встретил с радушием хлебосольного хозяина:

— Доброе утро! Угощайся, пока не остыл.

Серый озадаченно поскреб в затылке:

— А какая моя?

— Выбирай любую! — щедро разрешил Сокол.

Заподозрив подвох, я хотела крикнуть Сереже, чтобы никакую не брал, но колдун так поглядел на меня, что я чуть было в прямом смысле язык не проглотила.

Парень взял первую попавшуюся и осторожно, чтобы не обжечься, сделал глоток.

— Ну? — выжидательно уставился на него темный. — И как?

— Вкусно, — сказал Сережка. Подумал и добавил: — Спасибо.

Сокол расплылся в улыбке, словно всю жизнь ждал этого комплимента.

— Угощайтесь, дамы.

Я взяла одну из чашек, отхлебнула и тут же закашлялась: в море вода и то не такая соленая!

Натали поморщилась, сделав глоток:

— Нормального чая в этом доме больше не будет, как я понимаю?

— Будет, — уверил ее темный. — Сливайте этот в раковину, сейчас новый заварю. А ты пей, Сережа, пей, не стесняйся.

— И сколько тут было с сахаром? — деловито поинтересовалась Нат, что-то смекнув.

— Одна, — ответил ей Сокол. — Что и требовалось доказать.

— Что требовалось доказать? — спросил Серый.

Я уже начала кое-что понимать, но решила дождаться объяснений от Сокола. К счастью, тянуть и ходить вокруг да около тот не стал.

— Везунчик ты, Сережа. Я давно это говорил, а сегодня, путем нехитрого эксперимента, подтвердил. Везунчик, и это твой дар. Телепатия, телекинез, целительство и прочее — это способности, их выявлением мы займемся позже. Но помимо способностей у каждого из нас есть свой особый дар. Вот у Анастасии, например, дар попадать в несуразные ситуации или самой их организовывать. — Я опустила глаза. — А твой дар — это невероятная удачливость. В лотереях никогда не учувствовал? Нет? Зря. Имел бы уже счет в Швейцарии и домик на Мальдивах.

— Где ты раньше был со своими советами? — Серый отставил чашку.

Настроение у него неожиданно испортилось, и темный это почувствовал. Посмотрел на меня, на Нат и выразительно скосил глаза на дверь. Сложно было не понять.

О чем они говорили, да и говорили ли или просто сидели и молча пили чай, я не знаю, но пробыли они на кухне полчаса, не меньше. Я успела застелить диван и пролистала тетрадку с рецептами. Нашла один «Для жаркой ночи» — вряд ли подразумевалась душная летняя ночь, вроде тех, от которых мы спасались кондиционером. Подумала, что случилось бы, реши я вчера опробовать этот сбор, выходило совсем не весело.

— Насть, идем завтракать. — Сережка, все еще хмурый, заглянул в приоткрывшуюся дверь. — Мы яичницу пожарили.

За столом не хватало Антона, но никого, кроме меня, этот факт не смущал, и я не стала ни о чем спрашивать.

Появился светлый, когда мы уже поели и даже вымыли посуду. Разулся в прихожей и втащил в кухню большой цветочный горшок. Водрузил его в центр стола, выдохнул и развернулся к темному:

— Подходит?

— То, что надо.

— Для чего? — заинтересовался Сережка, рассматривая увядшие листики и поникшие цветочки на длинных стебельках.

— Сейчас объясню.

Я подошла поближе, коснулась пожухшей зелени.

— Спатифиллум.

— Что? — переспросил Серый.

— Спатифиллум. Цветок так называется, — пояснила я.

— Ясно. А я подумал, это слово какое-то... волшебное. Так зачем нам этот сорняк, Сокол?

— Ну-у... — Колдун потянулся, занимая место за столом и взглядом предлагая нам последовать его примеру. — С даром твоим мы разобрались, на очереди способности. Телепатию не трогаем намеренно, даже глушим по возможности, да, Антон? — Светлый кивнул. — Эта способность у тебя наличествует, раз уж ты привлек внимание Ван Дейка, а спонтанные всплески могут выдать твое местонахождение. Поэтому разберемся в общих чертах с остальным.

— Зачем? — спросил Сергей угрюмо.

— Затем, что тебе еще жить, — резко ответил колдун. — А жить, не контролируя

собственную силу, опасно и недальновидно, Сережа.

Вспомнились мамины слова о Сережкином отце: у того был тот же дар, удача, но в трудную минуту она от него отвернулась. Промелькнула еще какая-то мысль, но продолжившийся за столом разговор не дал ей оформиться.

— И что надо делать?

— Видишь, цветочек чуть живой? — Сокол постучал по глиняному горшку. — В углу стоял, поливали нерегулярно... Твоя задача попытаться это исправить.

— Полить?

— Считаешь, для этого нужно обладать особой силой? — усмехнулся темный. Он достал из кармана сигареты и уже собирался закурить, но спохватился, вспомнив о негласном уговоре выходить теперь на балкон, и с сожалением отложил пачку. — Попробуй оживить его так.

— Как?

— Посмотри на него. Потрогай. Попытайся нащупать с ним связь и отдать немного силы.

Мне подумалось, что Серый сейчас пошлет его куда подальше, но друг внял рекомендациям. Сначала долго, минуты две, не моргая, глядел на болезный спатириллум, а когда это не дало никаких результатов, потянулся рукой и схватился за один из уныло висящих листиков.

— Ни хрена себе! — вырвалось у Антона.

Сокол и Натали переглянулись, а я ошалело пялилась на изменившийся на глазах цветочек.

— Кажется, это не совсем то, о чем ты говорил, — пробормотал растерянно Сережка.

Если до его вмешательства у спатириллума был шанс, хотя бы та же поливка, то теперь его вряд ли что-то спасло бы: в горшке передо мной стояло... нет, лежало, прижавшись к сухой земле, чахлое, не поддающееся идентификации растение с иссохшими до прозрачности желтыми листьями.

— Это... хм... — Сокол усиленно искал подходящие слова. — Это тоже неплохо, кстати. Способности, они же разные бывают.

— Точно, — поддакнула баньши.

— Ася, попробуй теперь ты, — велел мне колдун.

Я проворно упрятала руки за спину.

— С какой стати?

— Просто так. — Что-то в его голосе наводило на мысль, что если я и дальше стану отказываться, меня ждет участь спатириллума.

Участь была незавидная, и я старательно вытаращилась на цветочек.

— М-да, — скорбно вздохнул темный. — Боюсь, я не проживу так долго, чтобы увидеть, чем это закончится.

— Курить меньше надо! — бросила я, не отвлекаясь от созерцания упокоившегося с миром растения.

— Нат... Нет, Антон, — ткнул в лысого Сокол. — Давай, для чистоты эксперимента, ты. Прямой канал с сохранением полярности сработает?

— Без проблем, — отозвался светлый.

Он положил руку мне на плечо, а второй потянулся к цветку. Не дотронулся, а просто

накрыл ладонью. Пальцы кольнуло, будто током, на миг заломило виски, и в глазах потемнело. Я зажмурилась, а когда вновь разомкнула веки, под рукой Антона пышно цвел спатифиллум. Сочные темно-зеленые листья, белоснежные цветы на прямых, как стрелы, стеблях.

Сережка восхищенно присвистнул.

— А бывает и так. — Склонив голову к плечу, Сокол оценивающе разглядывал плод наших с Антоном совместных усилий.

— Интересно, — проговорила Нат. — У нас тут потенциальный собиратель и источник. Идеальная пара, я бы сказала.

— Угу, — отрешенно согласился колдун. — Как садист и мазохист.

— Нужно сообщить Ле Бону, — решительно заявил светлый. — Собиратель — это серьезно. Ван Дейк и без того опасен, а если он всосет еще и его способности...

— Антоша, — проникновенно начал Сокол, и лысый испуганно схватился за гипсовый ошейник, — никому и ничего мы сообщать не будем. Тем более Ле Бону. Месье — как бы помягче выразиться? — трусоват и, боюсь, захочет вернуться к привычному решению данной проблемы. А этого я допустить не могу. Понимаешь?

— Понимаю. — Антон бросил виноватый взгляд на Серегу. — Я и сам против... такого решения.

— Да ладно вам! — вскипел Серый. — Задолбали уже щадить мою хрупкую психику! Надумаете убивать — я в спальне. Только предупредите заранее, если не сложно: маме позвоню и с Настюхой вон попрощаюсь.

Он ушел, хлопнув дверью.

Бедные-бедные двери, как же им достается в последние дни. Бедный-бедный Сережка. Бедная я...

— Не волнуйся. — Антон присел передо мной на корточки, заглянул в глаза. — Никто его убивать не собирается. Доведем дело до конца, как и планировали, а там... На свадьбу позовете? Мы бы с Ксюшкой пришли, она у меня такие вещи любит — это ж наряды, букеты... Букеты она завсегда ловит. Вервольф все-таки, реакция — куда там остальным девицам!

Я улыбнулась его добрым шуткам, но тревога осталась.

— Чем так опасны Сережкины способности?

— Вообще? Или в нашем случае? — уточнил светлый.

— Опасность, Ася, — вмешался в разговор Сокол, — в том, что собирателю не требуется разрешение, чтобы позаимствовать силу у одаренного. Помнишь, я говорил, что без спроса не возьмешь ни капли? Так вот, Сережа — счастливое исключение. Или несчастливое, как посмотреть. Пока он может немного, цветочки, так сказать... — Темный покосился на спатифиллум. — Но если его тело получит Ван Дейк и впитает эту способность, опыта и сил голландца хватит, чтобы превратить ведьм вроде тебя в основное блюдо своего меню.

— Почему сразу вроде меня? — насупилась я.

— Потому что со мной или с Антоном, к примеру, ему придется повозиться. Да и Натали так просто не дастся. А ты... Ты источник. Мощный. Чистый. Природные ведьмы изначально настроены на отдачу, в этом специфика их дара, но ты...

— Это плохо, да?

— По цветочку не скажешь, — ободряюще улыбнулась Натали.

— Это всего лишь способности, Ася. Как ими пользоваться, во благо или во вред себе или другим, решать только вам.

Жаль, Сережка всего этого не слышал.

— Ну, с основным мы разобрались, — поднялась со стула Нат. — Думаю, я тут уже не нужна. Пойду к себе. Договаривались с Ником списаться.

Последняя фраза адресовалась Соколу, и никто, кроме него, ее не понял.

— Привет передавай, — улыбнулся он.

— Кто это — Ник? — спросила я темного после ухода Нат.

На ответ не рассчитывала — мало ли, какие у них тайны, но из этого колдун секрета делать не стал.

— Николас — Наташкин сын, — обронил он будничным тоном. — Большой уже, оболтус, девятнадцать осенью будет.

Скажи он, что Ник — какой-нибудь там архимаг или даже демон (если они вообще бывают), я и то меньше удивилась бы. А девятнадцатилетний оболтус-сын... Не знаю. Как-то это... Нормально, что ли?

— Сокол, а...

— Что?

— Прости за любопытство. — Я заранее смутилась. — Сколько Натали лет?

Антон с интересом прислушался. Хотя что ему — наверняка ведь ознакомился с досье временных соратников, и возраст Нат ему прекрасно известен. И не только возраст.

— Ася, ты знаешь, что о таком нельзя спрашивать? — замогильным голосом спросил колдун. И тут же легкомысленно закончил: — У женщин. Но поскольку я не женщина, а сама Нат этой информации не скрывает, отвечу: ей сорок три года, два месяца и одиннадцать дней.

Значит, ему самому тогда тридцать восемь лет, высчитала я мысленно. И сколько-то там месяцев. И дней.

— Когда женщина так шикарно выглядит, ей возраст скрывать ни к чему, — тоном знатока изрек светлый. — Вот Ксюшка у меня...

Сокол поглядел на него, как мне показалось, с легким сочувствием и покачал головой:

— В спортзал тебе надо, Антоша. Истинные оборотни до тридцати-сорока лет пребывают в стадии взросления, молодость у них длится приблизительно до шестидесяти. Вот повзрослеет лет через десять твоя Ксюшка и найдет себе кого покрепче, пока молодая.

Лысый скулчился, поджал обиженно губы и гордо удалился.

— Я же из лучших побуждений, — пожал плечами колдун.

Он посмотрел на оживший спатифиллум и, подумав, переставил цветок на подоконник.

— Поговори с Сергеем, — попросила я его. — Ты же видишь, как ему тяжело.

— Вижу. Но я не психотерапевт, Ася. Если кто ему и поможет, то это ты.

Я вздрогнула, вспомнив крик Натали: «Спаси!» И чуть раньше обреченное: «Он умрет. Все уже решено...»

— И знаешь что? — разогнал наваждение Сокол. — Завари ему чай. Есть там один рецепт. «Спокойствие, только спокойствие» — как в мультике про Карлсона. Как раз для таких случаев. Хотя, если честно, у меня таких случаев еще не было.

За тетрадью пришлось идти в комнату.

Сережка лежал на диване, отвернувшись к стене, и на мой приход, как и на то, что

колдун протопал мимо него на балкон, никак не отреагировал. Может, уснул, а может, не хотел ни с кем разговаривать. Мне сложно было представить, что он пережил в эти дни и какие чувства испытывал, но еще сложнее было понять, чем я, именно я, могу ему помочь. Только чай заварить.

Рецепт с забавным названием отыскался в самом конце записей. Несложный сбор и снова слова-приговоры. В этот раз я постаралась отнестись к ним серьезно. Волновалась до дрожи в руках, с запинкой читая с листа и просыпая на стол травы, хоть Сокол и говорил, что неважно как, а важно кто. А я же ведьма. Потомственная. В седьмом поколении...

Оставалось только залить смесь кипятком, накрыть и произнести последний стих-заклинание, когда я вдруг вспомнила то, о чем вскользь подумала сегодня, размышляя о Сережкиной удачливости, унаследованной им от отца. Вспомнила и чуть было не испортила волшебный, хотелось бы верить, напиток. Выдохнула, взяла себя в руки и довела дело до конца. И только потом заглянула в комнату.

Серый все так же лежал, уткнувшись в стену, а темный устроился за столом с ноутбуком. Дождалась, пока он меня заметит, и поманила пальцем. Колдун лишь удивленно сдвинул брови.

— Иди сюда, — зашипела я, видя, что он и не думает вставать, — нужно поговорить.

В кухне Сокол первым делом принялся к укутанной в полотенце чашке и одобрительно кивнул. Видимо, получилось.

— Так в чем проблема?

— Проблема? Проблема в том, что Сережку превратили в вместилище для полоумного голландца. И кажется, я знаю, кто это сделал.

Ни одна женщина не завладевала вниманием мужчины так быстро и безраздельно: колдун даже дышать забыл.

— Помнишь, он сказал, что порезался дома? Так вот...

Говорила я медленно, стараясь не запутаться в собственных рассуждениях, но тем не менее уложила всего в пару минут.

— Нужно обсудить с Антоном, — решил Сокол.

К светлому мы с ним вломились без стука. Сначала колдун, за ним — я. Перешагнула порог и застыла, испуганно схватившись за сердце: Антошка распростерся на полу, со стоном упершись ладонями в такой же цветастый, как и обои, ковер, а на раскрасневшемся лице застыла мученическая гримаса...

— Похвально, — прокомментировал темный. — Но для начала попробуй отжиматься от стола.

Фух! Нервы уже ни к черту!

Лысый покраснел еще больше и неловко поднялся, предварительно встав на четвереньки.

— Ох, ты ж горюшко, — по-стариковски вздохнул Сокол.

Он встряхнул Антона за шиворот, поставил ровно перед собой, схватился обеими руками за гипсовый воротник и неожиданно разломил его пополам, как какой-то бублик. Пока светлый не опомнился, толкнул того ладонью в лоб, на миг задержав руку, и тут же отступил на шаг, любуясь результатом.

— С-с... — Охотник на нечисть опасно склонил голову к плечу, потом к другому. — Спасибо...

— Не за что, — хмыкнул темный, очевидно припомнив, кому Антошка был обязан этим украшением. — А теперь о деле. Свяжись со своими и скажи, что нам нужен судья. И

чем скорее, тем лучше.

Он коротко пересказал Антону мои догадки, и тот согласился, что следует проинформировать бельгийского босса.

— А что это Ле Бон сам сегодня не появился? — спохватилась я, когда мы, оставив светлого созваниваться с начальством, вернулись на кухню. — Ты же ему записи обещал.

— Месяе до сих пор нездоровится.

— Но ты же его вылечил.

— От последствий твоего чая — да, — растянул он кровожадно.

Ясно. Не знаю и знать не хочу, что еще было в том снадобье, которым он напоил несчастного колобка.

— Собирайся, — скомандовал темный. — Я пока предупрежу Нат.

Можно было отказаться, ситуация была мне неприятна, но, с другой стороны, не поехать я не могла. Из-за Серого. Неизвестно, как поведет себя Сокол и чего ждать от таинственного судьи стражей дня.

— Сереж... — Он все-таки уснул, и пришлось потрясти его, чтобы заставить открыть глаза. — Сережа, проснись.

— Настюха, — узнал он, открыв глаза. — Что там еще?

— Чай. Выпей, пока горячий.

Парень встрепенулся, сел, но чашку, которую я ему протягивала, брать не торопился.

— Чай? — переспросил он подозрительно. — Специально для меня?

— Нет, мы все пили, — соврала я.

— А, — ухмыльнулся он, — ему заваривала.

И его слова, и эта ухмылка, не ревность — другое, неприятно царапнули, но я напомнила себе, что обижаться на Серого сейчас — все равно что обижаться на тяжелобольного. В его положении можно позволить себе капризы и недовольство.

— Сереж, мы с Соколом сейчас уедем ненадолго. Он города не знает, а нужно кое-что для его работы прикупить, ну для дела. В общем...

— Надо так надо, — буркнул друг равнодушно, залпом выпив чай от Карлсона.

Спокойствие, только спокойствие...

— Настя, — окликнул он меня уже на выходе из спальни. — Ты там... осторожнее, хорошо?

Вид у него при этом стал до того несчастный и потерянный, что я поспешила отвернуться:

— Хорошо.

На детской площадке в маленьком скверике в центре спального района царила радостная суета: скрипели качели, стучали мячи об асфальт, лепились песочные куличики. Счастливый смех время от времени сменялся горестным плачем очередного упавшего или обиженного малыша, но длилось это недолго, и утешенный заботливой мамочкой ребенок, утерев сопли и слезы, мчался назад, к друзьям и игрушкам.

Сами мамочки обретались в сторонке. Были, конечно, такие, что рвались ежесекундно опекать ненаглядное чадо, страхуя на горках и вмешиваясь в баталии, но остальные

облюбовали скамейки в тени и оттуда наблюдали за наследниками.

— Максимка! Макс! — Молодая женщина в легком розовом сарафане подозвала к себе чумазого карапуза, отобрала конфетную обертку, оттерла от шоколада улыбающийся рот и легким шлепком пониже спины благословила на продолжение игр.

Я дождалась, пока мальчишка убежит к товарищам, и подошла к ней.

— Здравствуй, Света.

Видимо, Сережка внешностью пошел в отца, которого я если и видела когда-то в детстве, то совершенно не помнила, а его младшая сестра удалась в мать. Такая же рыжая и зеленоглазая. Некоторые именно так и представляют себе настоящих ведьм.

— Настя? — удивилась она мне. — А вы разве не на море?

— Как видишь.

Я подумала о ней, вспомнив слова Сокола о том, что взлом вместилища мог провести и не выявленный одаренный. Ведьма — это ведьма, независимо от того, верит она в это или нет. А иногда не только верить, но и знать не обязательно. И если Серый унаследовал дар от отца, то вполне вероятно, что и Светлана получила свою часть наследства.

— Свет, зачем ты так с Сережей?

— Как? — Она попятилась. — Не понимаю, о чем ты.

— Понимаешь. Ты же помнишь, кем была моя бабушка? И знаешь, кто я. Я чувствую такие вещи. — Я врала напропалую, уже уверенная, что не ошиблась, — ее испуг был лучшим тому подтверждением. — Зачем же ты с ним так? Он ведь твой брат.

Зеленые глазища вмиг наполнились слезами.

— Брат, — всхлинула она. — Такой вот брат... Все ему. Всегда. А у меня... вот.

Неделю назад я кинулась бы ее утешать, а то и сама расплакалась бы, просто из женской солидарности, но за эту неделю слишком многое изменилось.

— Успокойся. — Порывшись в сумочке, я достала бумажные салфетки и протянула ей одну. Посмотрела на следившего за нами издали Сокола и чуть заметно покачала головой: не подходит, сама разберусь. — Рассказывай.

— Это осенью было. В октябре, кажется... Я же не думала, Насть, я правда не думала! А тут женщина какая-то на улице подошла. Не цыганка. Обычная такая. Одета прилично. Говорит: «Порча на тебе». Я в такое вообще не верю, а она прицепилась и давай рассказывать. Все, как есть, Насть, я б ее иначе и слушать не стала. И про развод, и про работу, и про Максимку, он тогда болел сильно... Сказала... Сказала, что проклятая я. Из-за Сережки. Что ему вся удача досталась, а мне — ничего. А скоро он, мол, женится, из дома уйдет, и все, останемся мы с Максиком ни с чем. А Серый тогда правда с Аленкой... Ну была там одна...

— Дальше, — поторопила я хмуро.

— Короче, говорит, женится он, уедет, деньги давать перестанет... А мне как жить, Настя? У меня же ребенок!

Малыш подошел и стал рядом, с тревогой поглядывая то на Светлану, то на злую тетку, доведшую маму до слез. Глазенки у него были черные-черные — в дядю.

— Дала она мне одну штуку... Как будто обложка какая-то, кожаная вроде. Сказала, что нужно немного Сережкиной крови в середину капнуть и веревочкой такой специальной завязать, и ко мне немножко удачи от него перейдет, и сам он уже никуда не денется и помогать нам будет. А он дня через три как раз порезался. Сам порезался, я и не делала ничего! Только кусочек бинтика с кровью потом в эту обложку завернула, завязала... И вроде подействовало: он на следующий день мне денег дал, ну, на разное там, Максику сладостей накупил...

— А раньше он что, не давал ни разу? — прорвало меня. — И конфет племяннику не покупал? Да ты же со школы у него на шее сидишь! Он для тебя по полгода на севере горбатился! Для тебя и для Максика твоего!

Светка испуганно сжалась, а Максимка вдруг разревелся, уткнувшись ей в колени, и мне стало стыдно: хотела ведь спокойно поговорить.

— Где эта обложка?

— Дома...

Она подхватила сына на руки, и тот притих, прижавшись к ее груди.

— Она должна была быть у Серого все это время.

— И была. — Светлана опустила глаза. — Она тоненькая, я ее в сумку, с которой он на буровую ездил, вшила, в днище. А потом случилось все это... Насть, скажи, это же не из-за меня? Ну не из-за меня же?

— Нет, не из-за тебя, — выдавила я. — Просто... Нельзя из других удачу силой тянуть. У Сережи теперь голова болит, и спит он плохо.

Она вздохнула с облегчением и, кажется, даже улыбнулась.

— Я думала, вдруг из-за нее все. Когда Сережка приехал, первым делом эту дрянь вытащила, только выкинуть побоялась. Спрятала у себя, подальше, чтобы Макс не нашел. Может, ее сжечь надо?

— Не надо. Мне отдай, я сама разберусь.

— А ты сможешь? Правда?

— Смогу.

Или я не ведьма в седьмом поколении?

Я не хотела подниматься с ней в квартиру, чтобы не попадаться на глаза тете Вере и не тревожить ее лишний раз, но Света сказала, что мать сейчас на процедурах в водолечебнице.

Дома Светлана первым делом умыла заревавшего, но уже успокоившегося сына и усадила его перед телевизором, включив какой-то детский канал. Пока я с ужасом смотрела на порожденных забугорной анимацией уродцев, с тоской вспоминая кота Леопольда, она сходила в свою комнату и принесла небольшой бумажный сверток. Надорвав старую газету, я увидела уголок кожаной обложки.

— Насть, — робко обратилась она ко мне уже в прихожей. — А ты... Ты можешь и с меня порчу снять?

— Да нет на тебе никакой порчи, — отмахнулась я. — Дури только много.

На площадке топтался мужичок в засаленной робе с пластиковым чемоданчиком ремонтника.

— О, хозяйшка! — обрадовался он открывшей дверь Светке. — «Горгаз», плановая проверка.

— Какая проверка?

— Как какая? Объявление вторую неделю на подъезде висит! Вентиля в порядке? Запаха нет?

Размахивая какой-то бумажкой, он уверенно направился в квартиру, продолжая нести какую-то чушь про вентиля и вентиляцию, а я пошла к лифту.

Дверь распахнулась до того, как я успела нажать кнопку вызова.

— Достала? — Сокол протянул руку.

— Да. — Я отдала ему сверток. — А это был судья? И что... Господи, там же ребенок!

— Спокойно, — встряхнул меня за плечи темный. — Ничего страшного не произойдет ни со Светой, ни с ее сыном. Мальчик и не заметит.

— А она?

— Все зависит от приговора. Максимум, что ей грозит, — страж свяжет нити силы, и она уже не сможет ею воспользоваться, ни случайно, ни специально. Думаю, это будет правильно. А память он ей сотрет в любом случае, в том числе и о том, как она использовала ключ.

Вот и хорошо. Светка дура, конечно, но незачем ей до конца жизни страдать от угрызений совести. Ведь страдала же — по глазам видно. А Сережке обо всем этом знать тем более не стоит.

— Прогуляемся? — предложил колдун.

Сюда мы приехали на машине светлых, она и сейчас ждала нас с другой стороны дома. Да и бродить по городу в самый солнцепек не очень хотелось. Но Сокол не романтичный юноша, чтобы без весомых причин предлагать подобные прогулки.

— Не хочу везти ключ на квартиру, — пояснил он. — И не хочу, чтобы люди Антона, точнее, Ле Бона знали, где я его спрячу.

М-да, влипла ты по самое некуда, Настя. Вот уже и их темнейшее посвящает в свои коварные планы.

— Помощь мне не помешает, Ася. А после Сергея ты самое заинтересованное лицо в этой истории.

— Я думала, если ты кого и попросишь о помощи, так это Натали.

— Правильно думала. Но с другой стороны, никому, кроме Наташки, я не могу доверить охрану твоего друга. Так что...

— Прогуляемся, — усмехнулась я. Поняла уже, не дура. — И как от хвоста уходить будем?

— Пока никак. Пройдемся, в пару магазинов заглянем. У меня пена для бритья закончилась, Нат просила кефира купить... Ну а там — по ситуации.

И мы неспешно, стараясь держаться в тени, пошли по улице. Следом так же медленно катил синий «форд». Минут через пять до светлых дошло, что так они привлекают к автомобилю ненужное внимание, и машина укатила далеко вперед, предварительно выплюнув на тротуар увязавшегося за нами долговязого очкарика.

Сокол молчал, задумавшись о чем-то, и я, как ни хотелось, не стала донимать его расспросами ни о могущественном судье из «Горгаза», способном блокировать чужой дар, ни о ключе, который темный спрятал за свой волшебный пояс, ни о том, почему нельзя отнести этот ключ Ле Бону. Просто шагала рядом.

Зашли в продуктовый и купили для Натали кефир. Потом заглянули в парфюмерный: крем для бритья, две бутылочки средства для снятия лака, дешевый одеколон — все ушло под ремень-артефакт. Поплутав по улочкам старого города, вышли на центральный проспект: самое время было оторваться от очкарика и запрыгнуть в одно из припаркованных на обочине такси.

— Подожди, сигарет еще куплю.

Сокол отошел к киоску, а я остановилась перед вывеской какого-то туристического агентства. Яркий плакат обещал незабываемый отдых на морском побережье, прогулки по ночному Парижу и знакомство с девственной природой Новой Зеландии. Внутри, за огромным окном, сидела на диванчике парочка, уже, наверное, присмотревшая для себя

симпатичное бунгало где-нибудь на Мальдивах: худенькая блондиночка и обнимавший ее темноволосый красавчик с интересом внимали прохаживавшемуся перед ними джентльмену в шикарном костюме, очевидно расписывавшему влюбленным прелести океанского побережья. Везет же!

Я с сожалением отвернулась. На высоком крыльце агентства сидела, подперев ладошками щеки, девочка. На вид не старше семи и хорошенькая, как куколка. Золотисто-каштановые кудряшки спадали почти до самых ступенек, а ярко-карие глаза, когда она посмотрела на меня, вспыхнули звездочками. Показалось, что я снова вижу одну из фей...

— Привет, — сказала девочка.

— Привет.

Она поднялась со ступенек, поправила юбочку и подошла ко мне. Быстро огляделась и заговорщически подмигнула:

— Все будет хорошо, ты не бойся. Хочешь, подарю тебе... что-нибудь?

Я растерялась и не нашлась с ответом: девочка была еще маленькая, но все же уже не в том возрасте, когда с милой непосредственностью пристают с разговорами к незнакомым взрослым.

— Подарю, — решила она. Порылась в карманах, не нашла ничего и попросту оторвала от своей блузки маленькую синюю пуговку. — Держи.

— Лара! — позвал вышедший на крыльцо мальчик лет десяти, одетый, несмотря на жару, в спортивную курточку с капюшоном. — Идем, пора.

Он взглянул на меня лишь мельком, но я отчего-то смутилась и спрятала подарок за спину.

Девочка еще раз подмигнула мне напоследок и скрылась за массивной деревянной дверью. Странная. Оба они странные. Но пуговку я не выкинула — положила в карман. А через миг увидела Лару в окне агентства. Она смотрела на меня, прижавшись к стеклу, и что-то говорила, но уличный шум мешал разобрать слова. Кажется, что-то...

— Приготовься, — расслышала я вдруг четко.

Приготовиться? К чему?

Возмущенные возгласы и визг тормозов за спиной заставили резко обернуться. Вылетевшая на тротуар машина прижала меня к стене, распахнулась дверца, и меня, не успевшую ничего толком понять, втащили в салон. Лицо уткнулось во что-то влажное, и в нос ударил приторный аромат лжеволшебного сада...

ГЛАВА 13

Боже, до чего же странная девочка. Почему она сказала мне приготовиться? Почему не бежать? Не прятаться?

Я лежала на холодном линолеумном полу незнакомой комнаты. Обшарпанные стены, заклеенные газетами окна, с потолка свисала на длинном шнуре грязная лампочка. Наверное, здесь собирались делать ремонт — вон, и корыто с цементом приволокли, — но так и не успели. Или цемент не для этого? Вспомнились старые фильмы про гангстеров...

— Здравствуйте, Анастасия, — послышалось... откуда-то.

Я огляделась, но не смогла определить источник звука.

— Здравствуйте, — настойчиво повторил голос, показавшийся мне теперь знакомым.

— Здравствуйте, — проворчала я, поднимаясь с пола. Голова еще гудела, и я не решилась встать на ноги, лишь села, обхватив руками колени.

— Простите, что пришлось пригласить вас таким... оригинальным способом. И простите, что вынужден принимать вас в столь непрезентабельном месте.

— Снимите номер в «Европейской», я подожду.

В ответ раздался тихий, но такой мерзкий смех, что я сразу вспомнила его обладателя.

— Так и не покажетесь, господин фокусник?

— Отчего же?

Акопян шагнул мне навстречу из разверзнувшейся в пространстве дыры, но не прозрачной проекцией, а вполне материальным человеком. Я отшатнулась от неожиданности, но быстро взяла себя в руки.

— Телепортация? — спросила заинтересованно.

— Иллюзия. Она скрывает от вас часть помещения.

— Иллюзионист, — процедила я сквозь зубы, и карой мне стал тот же гаденький хохот.

Когда он не парил над кукурузным полем, некромант не выглядел столь пугающе. Вполне обычный мужчина в расцвете сил, как говорится, невысокого роста и чуть полноватый. Черные с проседью волосы блестели от геля и были тщательно зачесаны назад (очевидно, чтобы скрыть плешь), усы аккуратно подстрижены, все остальное тоже строго по канону: черный костюм, белоснежная рубашка, дорогие запонки и отполированные туфли. Не хватало только гвоздики в петлице. А еще лучше: переодеть Алекса в спортивный костюм, всучить ему целый вазон этих самых гвоздик и поставить на рынке, так будет естественнее, потому что весь этот внешний лоск ему не шел совершенно — подуй, и слетит, как шелуха.

— Зачем вы меня похитили?

— Похитил? Я всего лишь хотел поговорить, Анастасия. Без свидетелей. А после этого вы вольны идти, куда пожелаете.

— Тогда говорите быстрее.

«Что ему нужно? — пульсировало в висках. — Чего добивается? Хочет узнать, где прячут Сережку? Что-то еще?»

— Сокол рассказывал вам о своей работе в проекте Ван Дейка? — Первый вопрос оказался полной неожиданностью.

— В общих чертах.

— И что именно, позвольте полюбопытствовать?

— Ну, он... То есть вы... Вы вместе искали способ остановить голландца...

— Ложь! — Обличительный выкрик получился похожим на истеричный взвизг. — Ложь до последнего слова! Целью проекта, Анастасия, было вовсе не остановить голландца, а разобраться с разработанным им механизмом переноса сущности или души, если будет угодно, в новое тело. Спросите зачем? Затем, что это открывает невероятные перспективы. Для избранных, естественно. Коротко говоря, бессмертие, если вы еще не поняли. Вечная жизнь, которую можно было бы продавать за огромные деньги тем, у кого эти деньги есть.

Не знаю, что отразилось на моем лице после этого заявления, но Акопян принял это что-то за недоверие.

— Зря вы так скептически настроены. Деньги правят этим миром с незапамятных времен. Это единственный бог, которого никогда не предадут ради новой веры. Или вы хотели сказать, что Сокол, ваш друг и покровитель и, несомненно, кристальной души человек, не исповедует этой религии? Возможно, за время, проведенное с ним, вы уверились в том, что он не озабочен финансовыми проблемами, — так это и неудивительно. У него попросту нет финансовых проблем. Ведь он давно уже торгует пусть не бессмертием, но здоровьем, красотой, молодостью. Люди не скупятся, оплачивая подобный товар. А ваш Сокол... Целитель. Природник. Даже не Гиппократ — сам Асклепий... По его собственному мнению конечно же. Разве такому тяжело заработать в мире, загибающемся от всевозможных болезней? Это мне с моими способностями нелегко было пробиться. Что я, некромант, мог выставить на продажу? Пообещать скорбящим родственникам, что их горячо любимый и недавно почивший дедушка по-прежнему будет украшать собой семейные ужины? А дня через три появится запах. Предложить промышленникам в качестве дешевой рабочей силы зомби? А как же китайцы? Зомби-китайцы? Право, это смешно. Мне нечего было продавать, а потому я взялся за дело Ван Дейка с радостью и не скрываю этого. Но Сокол, ваш Сокол намного хуже меня. Его действительно не интересовали деньги — его интересовала сама работа. А знаете, в чем она заключалась? Мы изучали вместилище. Вместилище номер семь. Долгих четыре года. Не было полноценного вселения, было тело, в котором Сокол поддерживал жизнь, чтобы не дать голландцу вырваться и отправиться на новые поиски, а сам тем временем проводил тесты, самые безобидные из которых надолго лишили бы вас сна и аппетита. Он жил этим, работой и своей безумной фантазией, позволяющей только состоятельным мечтателям вроде него. Знаете, о чем он мечтал? Он не хотел продавать бессмертие, он хотел раздавать его достойным. Всаживал иглы под кожу парня, когда-то бывшего провинциальным экстрасенсом, и сокрушался о том, что Железны не дописал «Хроники Амбера». Говорил, что, когда мы закончим, ничего подобного уже не случится. Радовался этому и не страдал от мук совести. А что тут такого? Мир потеряет парочку юных раздолбаев, и без того не ценящих свою жизнь, зато получит вечного Да Винчи и долгоиграющего Моцарта.

Долгоиграющий Моцарт — наверное, он счел это удачной игрой слов, а потому повторил еще раз, прежде чем рассмеяться своим противным смехом. И я неожиданно рассмеялась в ответ:

— До чего же ты жалок, Алекс! — Я его раскусила и уже не считала нужным придерживать официально-вежливого тона. — Пытаешься выставить Сокола монстром, а сам просто завидуешь ему до чертиков. Завидуешь, восхищаешься, ненавидишь. Пытаешься копировать его стиль и манеры, пытаешься шутить так же, как он. Костюм, витиеватые речи... — Вспомнилась первая встреча с темным в парке. — Это все не твое, поверь.

— Я? Восхищаюсь? Им? Ты что-то попутала, девочка. — Шелуха все же слетела, и он стал тем, кем и должен был быть. — Алексом... Да каким там Алексом! Шуриком Акопяном, тем самым, которому для полноты образа не хватало спортивного костюма и красных гвоздик. — Кажется, это ты без ума от доктора Франкенштейна. Но погоди, я еще не все тебе рассказал. Мы собрали неплохую базу, но работа зашла в тупик. Ван Дейк бился в неполноценном вместилище, хозяин тела давно съехал с катушек, и ни тот ни другой в таком состоянии не годились для продолжения исследований. И что предложил Сокол? Выпустить голландца. Перестать поддерживать жизнь вместилища, позволить Ван Дейку найти себе новое, опять не допустить нормального вселения и продолжить опыты. По предварительным расчетам, мы могли удерживать голландца еще лет тридцать и, может

быть, разобрались бы за это время и с бессмертием, и с ним самим, но Сокол хотел результатов немедленно. Он прикинул, что благоприятные условия для создания нового вместилища наступят уже в течение года и Ван Дейк, как всегда, не упустит возможности... Ты слышишь, что я говорю?!

Я слышала.

— Соколу отказали. Выпускать голландца было опасно — это понимали все. И тогда он решил все сам. Остановка сердца, и никаких доказательств постороннего вмешательства. Только через год при вскрытии вместилища номер восемь нарисовалась та же клиническая картина. Просто остановка сердца...

«Мне не нужно оружие, чтобы оборвать чужую жизнь», — отдалось в раскалывающейся от боли голове эхо ночного разговора, и я с силой сдавила виски.

— Но прямых улик все равно не было. Никто не смог обвинить его ни в том, что он выпустил голландца, ни в краже результатов нашей совместной работы. Последнее, кстати, замечательно характеризует душку-доктора. Речь ведь не о бумагах — вся информация хранилась на электронных носителях. Соколу достаточно было сделать копии, но он пошел дальше, запустил вирус в систему и стер все файлы. Зачем, если не для того, чтобы больше никто, кроме него, не смог продолжить это дело? Он только в одном просчитался. Раз уж взялся за такое, нужно было идти до конца. Нужно было самому подыскать для Ван Дейка новое вместилище. Но господин целитель чурался грязной работы, пустил все на самотек, и судьба сыграла с ним злую шутку. Ты ведь знаешь, кто стал вместилищем номер восемь? Впрочем, своего Сокол все равно не упустил. — Акопян усмехнулся, и его усы по-тараканьи зашевелились. — Его брат, то, что от него осталось, прожил еще семь дней после дня дарения. И если думаешь, что Сокол просто сидел рядом и держал его за руку, ошибаешься. Я видел тело: следы инъекций, ожоги в местах крепления электродов... Конечно, все решили, что так он удерживал Ван Дейка, чтобы тот не разгулялся, но я-то знаю правду. А теперь и ты тоже.

— И что мне с ней делать?

Была б моя воля, я забила бы эту правду обратно в его глотку...

— Обдумать для начала. — Некромант вынул из кармана часы на длинной цепочке и щелкнул золотой крышечкой, по которой растеклась черная капля. — Твоих куриных мозгов ведь хватит на то, чтобы прикинуть, что ждет твоего приятеля Сережу через недельку? Хочешь дать ему новый образец для опытов?

— Хочешь, чтобы я отдала его тебе? — спросила я в том же тоне.

— Увы, мне теперь без надобности. Разве что принесешь еще и украденные Соколом файлы.

Часы на цепочке раскачивались в такт его шагам, пока Акопян картинно прохаживался передо мной, видимо подсмотрев похожую сцену в каком-то фильме. Блестящая темная капля то уменьшалась, то увеличивалась, на несколько секунд всецело завладев моим вниманием, так что я едва не пропустила следующую фразу некроманта.

— Ты же хочешь спасти своего любовника? А я могу сказать тебе, как это сделать.

С трудом оторвав взгляд от завораживающей капли, я посмотрела в глаза Алексу и поймала себя на мысли, что не могу понять, какого они цвета.

— И как же?

— Хорошая девочка, — усмехнулся он, поднося часы к моему лицу так, что раскачивающийся золотой маятник едва не терся о нос. — Слушай внимательно.

Голос у него стал какой-то странный. Нет, мерзкий, как и раньше, но теперь к этой мерзости добавились интонации завсегдатая психиатрических лечебниц.

— Сергей ведь доверяет тебе? — говорил он, растягивая слова. — Убеди его уехать. Сбежать от Сокола и остальных.

У меня было, что ответить на это предложение, но я решила не спорить с психом.

— Увези его в Артемовск, в соляные шахты. Там Ван Дейк его не достанет. Пересидите день дарения...

Интересно, он курит или колется? Только что рассказывал мне о Соколе, о том, что тот присвоил все открытия по делу голландца, а теперь хочет уверить, что знает больше. Ведь если бы эта чушь о соляных шахта была бы правдой, темный не позволил бы брату умереть...

— Только не тяни, действовать нужно сегодня. Ты справишься. Усыпи всех в доме. Вот, это поможет. — Он сунул мне в руку маленький бумажный пакетик. — Добавь в еду или питье. А потом выведи Сергея на улицу. Там вас будет ждать машина...

Часы все-таки ударили меня по носу, и я наконец-то поняла, что происходит: меня банально пытались загипнотизировать. Усыпи, уведи, увези... Обещанная им машина вряд ли доедет до Артемовска, а я сама могу не дойти и до машины.

— Внизу стоит машина...

Еще одна?

— ...Ты сядешь в нее и забудешь о нашем разговоре...

И к чему было тратить на него время?

— ...Останутся лишь мысли и чувства, страхи и сомнения...

Передо мной появились двое мужчин. На миг стала видна скрытая часть комнаты за их спинами, и я успела заметить сидевшего у окна человека в инвалидном кресле. А потом взгляд намертво приковала черная капля на крышке часов.

— Сокол — враг, — талдычил Акопян. — Виктор Ле Бон — враг. Натали Эбель — враг. Антон Величко — враг. Вокруг одни враги, и только ты сумеешь помочь Сергею. Порошок, машина, Артемовск — это путь к спасению. Запомни это. А все остальное забудь.

Из этого потока ахинеи мне удалось уловить лишь одно более-менее стоящее внимания: фамилия нашего лысого — Величко. Что ж, буду знать.

— Выведите ее и увезите подальше, — приказал Акопян приблизившимся к нам людям, выражение лиц которых внезапно напомнило мне старобешевских козоводов. — За ней придут.

Спящие, слава богу, не кукурузные зомби, подхватили меня под руки и потащили к выходу. Сопrotивляться я не стала. Пока.

Оказалось, квартира, в которой я очнулась после похищения, располагалась на первом этаже девятиэтажки. А у подъезда ждала машина — та самая, в которую меня захихнули у турагентства. Но садиться в нее, чтобы, как обещал некромант, все забыть, я не собиралась. Улучила момент, когда один из находившихся в чужой власти мужчин отпустил мою руку, чтобы открыть дверцу, что было сил толкнула второго и бросилась наутек по улицам смутно знакомого района.

Жара разогнала праздных прохожих, и все же люди навстречу попадались, но ни к кому из них я теперь не рискнула бы обратиться за помощью. Подойдешь, а невидимый кукловод дернет за ниточки, и добродушная тетка фурией вцепится в волосы, а дяденька-милиционер приласкает дубинкой. И я просто бежала. Бежала так быстро, как позволяли то и дело норовившие соскользнуть шлепанцы. А в голове была лишь одна мысль, правильная и неуместная одновременно: «Почему, ну почему, выходя из квартиры, я не обула кроссовки?» Я мчалась через дворы и переулки, не оборачиваясь, но непрерывно слыша у себя за спиной топот двух пар ног. Все же поспешила я сравнить невольных слуг Акопяна с фирсовскими соседями: эти были куда проворнее. Наверное, двоих человек подчинить легче, чем два десятка.

На одном из перекрестков коварный шлепанец все же слетел с ноги, а я пробежала еще

пару метров до того, как споткнулась. Но не упала: в майку вцепились пальцы одного из преследователей, удержав меня на весу, а потом потянули назад. Добегалась.

— Э, мужики, че за дела? А ну отвалили от девушки!

Надеюсь, у меня не галлюцинации — я узнала отдавший это приказание голос.

— Отвалили, я сказал!

Почувствовав, что меня уже не держат, я несмело обернулась. Получившие по пинку для ускорения спящие, спотыкаясь, топали в сторону ближайшей подворотни, а мой неожиданный спаситель глядел им вслед, задумчиво почесывая бритый затылок.

— Совсем нарики оборзели, да, Вербицкая? Среди бела дня на людей кидаются!

— Почему нарики? — спросила я и, не сдержавшись, на ощупь проверила реальность неизвестно как тут очутившегося Игорька.

— Ты зенки их видела? О! — Админ состроил каменную рожу и свел глаза к переносице. — Нарики, кто ж еще?

— Игорь, а ты... Ты что тут делаешь?

— Ну ты даешь, Вербицкая. Сама, часом, не того? Работаю я тут неподалеку. И ты тоже, между прочим.

Я огляделась. И правда, если через дворы пройти, выйдешь к родной конторе. То-то район показался мне знакомым, хоть я на работу обычно с другой стороны прихожу, от трамвайной остановки.

— А чего ты тогда гуляешь? — не желала сдаваться моя паранойя. — Еще два часа до конца рабочего дня.

— Так я картриджи к Васильеву носил заправлять. — Игорек потрянул пакетом, помимо заправленных картриджей отягощенным как минимум двумя банками пива. — А вот ты чего тут шастаешь, да еще в такой компании?

От необходимости отвечать меня избавил затормозивший у обочины автомобиль, из которого с пистолетом в руке выскочил Сокол.

— О, дядя! — узнал его Игорек.

Темный мгновенно сориентировался и спрятал оружие под футболку, но приятель успел его заметить.

— А разрешение на ствол есть? — любопытствовал он, отступив на всякий случай на шаг.

— Конечно.

Сокол вытянул сигарету, достал из-за пояса теперь уже зажигалку и прикурил напоказ.

— Ясно, — усмехнулся успокоенно админ. — Классная штука. Где покупали? Я бы тоже такую взял, хоть и не курю.

— Это подарок. — Колдун несколько раз быстро затянулся и затоптал окурок ногой. — Ася, в машину. Нам пора.

Он нервничал, сильно нервничал, и мне хотелось верить, что из-за меня, а не... Не знаю, но после рассказа Акопяна все так перепуталось и, боюсь, уже никогда не станет прежнему. Но я все равно должна была ехать с ним. К Сережке. Если только...

— Приходите еще, — пробормотал Игорь, глядя, как я сажусь в авто.

— Непременно. — Сокол захлопнул дверцу.

Всю дорогу я молчала, отвернувшись к окну, ничего не видя и даже не поняв, добровольно ли везет нас незнакомый пожилой водитель или это темный управляет через него машиной. Очнулась уже на тротуаре у старой высотки. Огляделась, вспомнила и этот район — все-таки это мой город, мой родной, любимый, вдоль и поперек исхоженный за двадцать семь лет жизни.

— Пойдем.

Мужчина взял меня под руку, вроде бы и осторожно, но в то же время крепко. Чтоб не сбежала? А куда мне от него бежать?

— Очнись! — встряхнул он меня у двери подъезда. — Я понимаю, но... Внутри поговорим, хорошо?

— Где мы?

— Ключ, — напомнил он. — Его нужно спрятать. Тут одна из снятых мой квартир, о которой никто не знает. И не узнает, я надеюсь.

Третий этаж, три комнаты. Опять три. Понятия не имею, сколько всего квартир он снял, но сомневаюсь, что среди них были однушки и малогабаритки. Другой бы пожадничал, но это же не другой — это Сокол, бог Асклепий из-под Одессы, легко соряющий вырученными от торговли здоровьем деньгами...

— Ася, — божество глядело на меня с тревогой, — присядь. Сделать тебе кофе? Чая нет, я не покупал, только кофе, растворимый.

Я опустилась на табурет у кухонного стола. Кивнула.

— Они говорили тебе что-нибудь? Чего хотят? Куда везут? Как тебе удалось сбежать? Как? Извини, я... Просто расскажи, что запомнила.

К сожалению, все.

— Там была пустая квартира, — начала я медленно. — И Акопян. И еще кто-то в инвалидной коляске. Были эти спящие, как вы их зовете...

— Квартира? Акопян? — переспросил Сокол растерянно. — Тебя запихнули в машину, и я тут же рванул следом. Терял вас из вида несколько раз, но потом опять находил. В конце вы оторвались, свернули во дворы... А потом я увидел тебя рядом с тем парнем.

— Не знаю, за кем ты гонялся почти час, но я провела это время в компании твоего приятеля-некроманта, — прорычала я, чувствуя, что еще немного и сорвусь.

— Иллюзия, — пробормотал он. — Обманка. Сделали, как мальчишку!

— Иллюзия. В той квартире тоже была. Покатался бы по улицам, догнал бы, героически спас... Ты же иначе не умеешь, только героически. Потом до ночи ломал бы голову, что это было и зачем. А наутро не нашел бы ни меня, ни Сережку... Хотя меня, может быть, и нашел бы — холодным трупом у подъезда. Если, конечно, Акопяну не понадобилась бы батарейка. Ты же это так называешь — батарейка? Ведьма про запас, да? Небось богатый опыт использования! А севшие потом куда? Просто в утиль или другу Шурику — поиграться?

Нервы у меня все-таки не железные, но начинающаяся истерика была подавлена в зародыше. Старым, безотказным способом.

Я вскочила, схватившись за горящую щеку, и с ходу вlepила Соколу ответную пощечину. Мужчина даже не шелохнулся.

— Полегчало?

— Да. — Хотя стоило для верности ударить его еще раз.

Он прошел к закипевшему электрочайнику, расколотил в кипятке ложку темных гранул и поставил горячую чашку на стол рядом со мной.

— Теперь рассказывай. С самого начала.

С начала я не стала — только с того момента, как Акопян достал часы и принялся размахивать ими передо мной, пытаюсь заставить поверить в чушь о соляных шахтах.

— Действительно, чушь, — вздохнул колдун. — Если бы все было так просто. Часы золотые? С агатовой каплей на крышке, ты уверена?

— Насчет агатовой — нет. Я в этом не разбираюсь. Но черная — факт.

— Брегет Крушницкого. То-то его не нашли после смерти старика. Да и кучу других вещей тоже — Алекс себя при дележе наследства не обидел.

Колдун нахмурился, отобрал у меня чашку и потянул за руку, заставляя подняться со стула. Обхватил ладонями лицо и притянул к себе, словно внезапно захотел поцеловать, но лишь приблизился так, что я ощущала кожей его дыхание, и долго смотрел в мои глаза. А я — в его. Показалось на мгновение, что вот-вот разгляжу в глубине его душу и все пойму... Но если у Сокола и была душа, она надежно пряталась под толщей голубого льда.

— Ты в порядке, — отпустил он меня. — В полном.

— Разве это плохо? — спросила я, уловив странные нотки в его голосе.

— Это необычно. Как минимум. Алекс не спец в ментальном воздействии, но Вацлав Крушницкий им был — самый сильный телепат и медиум из всех, кого я знал. А его брегет — мощнейший артефакт, которым может воспользоваться даже не одаренный. И он всегда, всегда срабатывает. Разве что... На тебе есть защита? Может быть, что-нибудь от матери? Оберег? Крестик?

— Нет, ничего.

— Чудо? — усмехнулся темный. — Я давно не верю в чудеса.

— Пуговица! — вспомнила я. — Возле агентства была девочка, и она дала мне пуговицу.

Рука ощупала пустой карман. Но я же помню, что положила ее туда!

— Там не было никакой девочки, Ася.

— Что? — опешила я.

— Там не было девочки, — повторил Сокол. — Я отошел, но из вида тебя не терял. Ты рассматривала вывеску, а потом подъехали эти... Я не успел лишь на несколько секунд. Но никакой девочки там не было.

— Была. — Я почувствовала, что сейчас расплачусь. — Красивая маленькая девочка, похожая на фею. Она дала мне пуговицу, а потом сказала приготовиться... Еще там был мальчик...

— Феи, — проговорил задумчиво колдун. — Что ж, это бы все объяснило. Они редко вмешиваются, но если им кто-нибудь понравится... А если не понравится...

Он с силой зажмурился, как будто хотел прогнать какую-то мысль, но, видимо, ему это не удалось.

— Феи, единороги... Они сами выбирают себе друзей. Одни получают от них подарки, а другим остается только радоваться, что они вообще пускают их в свой мир и позволяют себя видеть. Но прекрасная, вечно юная королева будет для них уродливой старухой.

Это наказание, и, наверное, Сокол его заслужил. Но мне стало жалко, что он не смог увидеть Звезду такой, какой видела ее я...

— Пусть будут феи, — согласился темный. — Раз уж у нас нет другого объяснения, как тебе удалось не попасть под гипноз. Есть и более важные вопросы. Например, чего добивается Алекс? Твоя девочка об этом не говорила? Жаль. Придется разбираться самому. Все самому. Где тот порошок, что он тебе дал? Не потеряла?

— Нет. — Я протянула ему бумажный пакетик.

Колдун развернул его и принюхался к мелкой белой пыли. Ухмыльнулся недобро.

— Это точно снотворное? — спросила я, заметив эту ухмылку.

— Да. А смерть всего лишь сон...

Он высыпал порошок в раковину и открыл воду. Подождал, пока яд полностью смоеет, и повернулся ко мне.

— Жизнь тоже сон, Ася. Спи.

Как тогда, в самолете... Падаю прямо со стула в бездонную пропасть, но сильные руки подхватывают меня на лету...

Очнулась я на постели в маленькой спальне. Какое-то время разглядывала плакаты на стенах: тот, кто жил здесь раньше, явно любил русский рок и фильмы со Шварценеггером. И девочку Катю — это имя, обведенное сердечком, было написано ручкой на обоях прямо на уровне глаз. Он просыпался утром и видел его...

За окнами был еще день, выходит, я ненадолго отключилась, и Сережка не волновался. Но мне все равно было немного стыдно перед ним. Иногда казалось, что я забываю, ради чего вязалась во все это. Жизнь превратилась в захватывающее приключение, не всегда приятное, но оттого не менее увлекательное, и пока Серый отсиживался под охраной светло-темного воинства, я любовалась единорогами, танцевала с феями, спасалась от зомби. Меня похищали, пугали, пытались превратить в послушное орудие убийства... И ничем из этого я не могла с ним поделиться. Ни с кем не могла.

Я вдруг поняла, что отчаянно скучаю... по Жорику. Вот кто на самом деле мой единственный и самый верный друг, от которого у меня никогда не было и не будет секретов. И когда все закончится, я вернусь в старую бабулину квартиру, достану с балкона лопату, накопаю жабу червей, а себе куплю бутылочку безалкогольного пива и пачку соленых орешков, и будет у нас праздничный семейный ужин.

Поднялась, выглянула в коридор — никого, только в ванной шумела вода. Купается он там, что ли? Нашел время!

Заглянула на кухню. В пепельнице на подоконнике прибавилось окурков.

Во второй спальне какой-то склад. Корзины, картины, картонки, словно в детском стишке. Вряд ли это все вещи Сокола. Наверное, хозяйева свалили хлам в одну комнату. Тогда и сдавать должны были не как трешку, а как двушку, но вряд ли темный торговался.

В гостиной чисто и пусто. Диван, кресло и книжный шкаф — вот и все убранство. Книги старые. Два тома Большой советской энциклопедии. Пушкин, Есенин, Цветаева, Пастернак... Открыла наугад и улыбнулась — в любом издании, даже в сборнике, всегда только оно: «Давай ронять слова, как сад — янтарь и cedру...» Наверное, я все-таки ведьма.

Отложила книгу в сторону, потянула на себя выдвижной ящичек. Снова хлам. В плотные целлофановые пакеты упакована какая-то мелочовка. Старая наливная ручка, оправка от очков, складной нож. А в углу что-то интересненькое: связка ключей, на каждом из которых маленькая бирка, где знакомым по тетради с рецептами почерком написаны адреса. Прежде чем закрыть шкафчик, я мысленно повторила каждый. Запоминала, еще сама не понимая зачем. Олимпийская, Лунина, Металлургов — еще три квартиры в разных районах города. Сокол как к войне готовился. Один против... кого? С кем он воюет? И за что?

— Выспалась? — Легок на помине.

— Зачем ты меня вырубил? — спросила я прямо.

— Тебе нужно было отдохнуть, — сказал он спокойно, как будто и не врал мне сейчас в глаза.

— Отдохнула. Возвращаемся?

— Да. Только дай мне еще минут пять, хорошо?

Темный опустился в кресло у окна, и я только сейчас заметила, как он бледен. Шрам на виске налился кровью, а на лбу блестел пот.

— Тебе плохо?

— Жара, — снова солгал он. — Потому я и выбрал ту квартиру, а не эту — там кондиционеры.

Если темный не хочет говорить правду, он не скажет. А после откровений Акопяна я не была уверена, что хотела бы эту правду знать.

Зашла в ванную, открыла воду. Из зеркала на меня смотрела перепуганная девица. Встрепанные волосы, уже не пепельные, а натурально мышиного цвета, плотно сжатые губы. На щеке полоска грязи — память о пребывании в убежище некроманта.

Схватила за мыло, и то выскользнуло из влажных дрожащих рук, улетело куда-то под раковину. Наклонилась, подняла. Взгляд зацепился за маленькую алую кляксу на светлом кафеле. Кровь...

Когда я вышла, Сокол уже стоял у книжного шкафа, листал отложенный мной томик Пастернака.

— Нравится? — спросил у меня, даже не повернувшись.

— Отдельные вещи. А тебе?

— Тоже. Отдельные.

Он положил книгу на полку. Накрыл ладонью, словно впитывал слова сквозь обложку, и негромко продекламировал:

— «Давай ронять слова, как сад — янтарь и цедру, рассеянно и щедро, едва, едва, едва...»

И впервые за весь этот безумный день мне стало по-настоящему страшно.

ГЛАВА 14

«Ронять слова» не пришлось. Если колдун и хотел поговорить, то не здесь и не сейчас.

Вызвали такси. Через службу. С мобильного Сокола. Меня это насторожило: а как же конспирация?

Как и после встречи с зомби, темный уселся на заднем сиденье рядом со мной. Назвал адрес. Точный адрес, а не точку пересадки, и это тоже было подозрительно.

— Снова посоветуешь никому ни о чем не рассказывать? — решила спросить я, когда машина тронулась с места.

— Нет. Но рассказывать буду я, а ты — кивать в нужных местах.

Интересно, что изменилось?

— Один я это дело уже не потяну. Да и не хочу тянуть. И вопрос, кому можно доверять, а кому нет, весьма кстати решился. Алекс сам расставил точки над «i», когда пытался внушить тебе, что Антон и Ле Бон — враги. Рассуждая от противного, можно сделать вывод, что ни тот, ни тот с Акопяном не связаны. Но с мсье Ле Боном я все равно откровенничать не стану. Виктор не захочет брать на себя такую ответственность, обязательно посоветуется с руководством, о чем-то предупредит подчиненных. А кто-то из его людей между тем работает на Алекса.

— С чего ты взял?

— Ася, включи мозги, — бросил он устало. — Кто нас вел? Кто знал, где мы? Знал, что мы оставили машину и пошли пешком? Кто-то из светлых работает на Акопяна. А тот в свою очередь связан с Ван Дейком или его доверенным лицом.

— С Ван Дейком? А эти выводы откуда?

— Думать ты не желаешь? — вздохнул он. — Алекс заинтересовался бы вместилищем лишь в двух случаях. Первое — хотел бы продолжить исследования по делу голландца. Но теперь ему пришлось бы начинать все с нуля, а он не из тех, кто станет тратить время на работу, которая еще, может быть, не даст результатов. Значит, второе. У тебя есть варианты, кроме того, что предложил я?

Нет. Вроде бы все логично. Некроманта не интересует возрождение проекта «Бессмертие для толстосумов», ведь Сокол забрал все данные предыдущих опытов. Но откуда темному знать, что мне известно об этом?

— Итак, кто-то из окружения Ле Бона, но не Антон, работает на Акопяна, а тот служит голландцу, — подвел итог колдун.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— Спокойно? Да я радуюсь, — ухмыльнулся мужчина. — Врага лучше знать в лицо. Но с другой стороны, радоваться нечему. Алекс действует осознанно. И действует не один.

— Почему...

— Почему я так думаю? — Судя по раздражению в голосе, еще раз спрошу его об этом и до квартиры не доеду. — Потому что мой друг Шурик, как ты его назвала, — некромант. А нас то и дело преследуют спящие — для этого нужен телепат.

— Человек в инвалидной коляске! — осенило меня.

— Браво, — сухо похвалил Сокол. — Может быть, еще скажешь, кто это такой?

У подъезда столпилось светлое воинство. «Алкаши» в полном составе, оба «хозяина» таксы и очкарик, из-под прыщавого носа которого меня увели, обсуждали что-то громким взволнованным шепотом. Увидели нас, дружно и облегченно выдохнули,

достали мобильники и разбрелись, кому-то о чем-то отчитываясь в телефоны. Если Сокол не ошибся, один из них названивал сейчас усатому некроманту или таинственному инвалиду.

Стоило темному повернуть ключ и открыть дверь, в прихожую выскочили все: Антон из своей комнаты, Натали с Сережкой — из кухни. Серый с ходу, даже не дав разуться, сгреб меня в охапку, обнимая так сильно, что, кажется, ребра захрустели, а Нат с лысым молча уставились на колдуна, ожидая объяснений. Интересно, как давно они узнали о том, что случилось? Если сразу же, небось издергались тут уже.

— Что у нас на ужин? — Сокол был в своем репертуаре.

— Пиццу заказали, — удивила его баньши. — Так и знала, что ты с порога потребуешь.

Но темный отчего-то не обрадовался:

— Пиццу — в мусор, а еще лучше — охранников наших угости. С этого дня все продукты покупаем только сами, нигде и ничего не заказываем. Пацанву, что на улице дежурит, в магазины не гоняем, Антон.

Выдержал паузу и соизволил объяснить:

— Отравить не отравят. Из-за него, — ткнул пальцем в Серого, — не рискнут. Но снотворное подмешать могут. А там и глотки перерезать недолго. Короче, кончилась наша спокойная жизнь, мальчики и девочки... Так что у нас на ужин, Нат?

От пельменей он отказался, сказал: долго. Потому нарезали овощи, сыр, поставили вариться сардельки...

— Сваливать отсюда надо, — решил Антон, выслушав рассказ темного, подтвержденный моими кивками в нужных местах.

Если я скрыла от Сокола половину того, что узнала от его приятеля-некроманта, то сам он оставил от истории хорошо если треть, ничего не рассказав о ключе и феях, списав то, что я не поддалась воздействию брегета-артефакта, на оберег, якобы доставшийся мне от прабабки. А на просьбу Натали полюбоваться на амулет и глазом не моргнув заявил, что тот растратил на защиту все вложенные в него силы и, выполнив свое предназначение, рассыпался прахом. То ли боялся, что в фей никто не поверит, то ли хотел оградить Сережку от лишних волнений: парень и без того сильно нервничал.

— Куда сваливать, Антоша? — поинтересовался колдун у светлого. — И как, когда твои коллеги нас круглосуточно бдят?

— Перебдели уже. Вы с Настей то и дело из-под наблюдения уходите.

— Везло до поры.

— Как утопленникам, — вставила я угрюмо, извлекая из кастрюли сварившиеся сардельки.

— Останемся здесь, — неожиданно заговорил Сережка. — Они не знают, что мы знаем. Пересидим еще пару дней, пока все успокоится... А потом уже свалим.

Сокол смерил его долгим задумчивым взглядом.

— Сам придумал или способности телепата тренируешь?

— А я знаю? — нервно передернул плечами Серый.

— В любом случае мысль здравая, — продолжил темный. — Так и поступим. А пока подумаем, как лучше организовать отход. Антон, у тебя есть надежные люди, не связанные с вашим ведомством?

— В Запорожье звонить надо, — сказал, подумав, лысый.

— Ксюше? — предположила я.

— Я что, идиот, ее в это втягивать? Владу, брательнику ее, позвоню. Пусть прикроет со своей бандой.

— А я вот идиот, — вздохнул Сережка, поглядев на меня.

— Без истерик, — предупредил Сокол. — Ася уже поняла и тебе пыталась объяснить: втянул ее не ты, а я. Но извиняться не буду, от ее присутствия здесь пока больше пользы, чем... наоборот.

Мог и извиниться, я не возражала бы.

— В спящих можно превратить только обычных людей или одаренных тоже? — спросила вслух. — Я к тому, не превратятся ли наши охранники в игрушечных солдатиков? Их там немало все-таки, вломятся разом...

— Не вломятся, — успокоила Натали. — Одаренных можно «усыпить», хоть это и сложнее, чем с простыми людьми, но на штурм квартиры Алекс и иже с ним не пойдут. — Она усмехнулась. — Вдруг я испугаюсь и закричу? Да и Антоша...

Баньши умолкла, не зная, стоит ли продолжать. Поглядела на смутившегося светлого, потом на Сокола.

— Думаю, можно им сказать, — решил тот. — Спокойнее будут. В такой ситуации и заваливающий валет не лишний, а тут у нас джокер.

Заинтриговал. То, что Антон умеет не только колом размахивать, можно было догадаться уже по тому, что ему доверили охрану вместилища, но в чем заключаются его основные способности, мы за эти дни так и не узнали.

— Я охотник, — скромно отрекомендовался он.

Это мы уже слышали. И что?

— Наверное, лучше показать, — посоветовал темный.

— Хорошо.

Лампа над столом качнулась, и на стене позади лысого обозначилась тень. Обозначилась и застыла, вопреки всем законам физики в общем и оптики в частности. Потом начала медленно расти.

С одной стороны, это была тень Антона, она тянулась по полу от ног светлого и повторяла каждый жест. С другой — вовсе и не его. Во-первых, у тени были волосы. Во-вторых, тени, в отличие от хозяина, не было нужды в отжиманиях: такой мускулатуре должны были дружно завидовать все бодибилдеры страны. В-третьих, и это главное, но отчего-то не сразу бросившееся в глаза, у тени были крылья. Еще несколько секунд она скрупулезно копировала движения лысого, но потом ей это, по-видимому, надоело. Тень встряхнулась, расправила крылья, растопырив похожие на ножи перья, и подняла руку, в которой возник длинный меч. Прошла по стенам кухни, ломаясь об углы и изгибы мебели, взмахнула мечом, примеряясь, на чем бы использовать его остроту, а не найдя ничего подходящего, вернулась к столу и аккуратно разрезала лежавшую на тарелке перед Антоном сардельку.

— Вот как-то так, — пожал плечами светлый.

Тень отсалютовала мечом и растворилась.

— Синдром Питера Пена, — прокомментировал Сокол. — Чрезвычайно редкое отклонение, встречающееся у одаренных. Заключается в частичной автономности физической и астральной сущностей.

Когда-нибудь я убью его за эту привычку портить объяснениями каждое чудо.

— Неплохо, — проговорил, глядя на половинки сардельки, Серый. — Один вопрос: почему я до сих пор жив? Ты ведь мог тогда в парке...

— Повезло, — хмыкнул охотник. — Я же реально думал, что ты упырь, а против этой

твари ничего лучше осины нет. Но, если что, мог бы и так, если бы он меня не вырубил.

Антон кивнул на Сокола, а мне подумалось, что темный в тот день прекрасно знал, что делает, и случайностями там и не пахло. Да и вообще все в этой истории неслучайно, все по плану. Но это план Сокола, и никто, кроме него, не знает, в чем он заключается и что ждет нас в финале разыгрываемой им партии.

Ночью колдун опять храпел.

Я собиралась поразмышлять о превратностях жизни, посокрушаться о своей судьбе, волею которой оказалась в компании странных магов, поскучать по спокойным дням, по Жорику, впасть в тихую и непродолжительную депрессию, обнять Сережку, решить, что все не так уж и плохо, и наконец-то уснуть... Но уже на первом пункте диван мелко задрожал от мощного храпа темного.

Пнула кресло — никакого эффекта. Зажала ладонями уши — не помогло. Спряталась под подушку... Через час мучений стояла с этой подушкой над постелью Сокола и боролась со страстным желанием оборвать свои страдания вместе с его жизнью.

Еще через десять минут с подушкой под мышкой постучала в комнату Натали.

— Не спишь? — заглянула несмело. Баньши читала, лежа на животе поверх покрывала. — Наташ, можно я у тебя тут... как-то... Кровать большая, я с краешка... Не могу там!

Она отложила книгу, присмотрелась ко мне.

— Это из-за Сокола, да?

— Да, — созналась я.

— Проходи.

Пока я раздумывала, как бы устроиться со своей подушкой, чтобы не сильно стеснить хозяйку, она разглядывала меня, хмурясь каким-то мыслям, а затем нерешительно начала:

— Настя, ты мне очень нравишься...

Я бы сказала, что предпочитаю традиционные отношения, но нетрадиционных мне и не предлагали — что-то другое было в ее словах, и я насторожилась.

— Ты мне нравишься, и потому я тебе скажу... Не стоит. Даже не думай. Я понимаю, как это выглядит: «Грифон», заповедник, феи. Но это не проявление романтических чувств. У Сокола к тебе исключительно профессиональный интерес. Он целитель, врач. А ты для него просто пациентка. Сложный, запущенный случай из тех, которые так любят маньяки-трудоголики вроде него. Да и твоя мама просила его помочь... вылечить тебя...

— Я больна?

Почувствовала себя героиней латиноамериканской мыльной оперы: «Ты умираешь, Хуанита! Тебе осталось три дня, но Педро обещал, что сделает все возможное... И ты проживешь четыре...»

— В общепринятом смысле — нет. Но твое неверие... Даже мне стало любопытно: никогда не встречала природную ведьму, потомственную к тому же, с сильным, развивающимся из поколения в поколение даром, которая бы совершенно не умела им пользоваться. А для Сокола такой случай, как... как... даже не знаю, что. Доза для наркомана? Джекпот в лотерее? Джекпот для наркомана, чтобы хватило на вечный кайф?

— М-да, мне бы твою фантазию, — почти искренне позавидовала я. Джекпот для наркомана — то еще сравнение. — Кстати, о фантазиях: с чего ты взяла, что меня вообще интересуется господин доктор?

— Ну... — Натали немного засомневалась в правильности своих выводов. — Ты пришла, сказала, что не можешь там спать... Ты же с Сережей спишь. Не в смысле, но вы же вместе. А теперь ты ушла из-за Сокола...

Логике тоже можно позавидовать.

— Из-за Сокола, да. — Я прошла к двери, открыла и подняла палец, призывая Нат прислушаться.

Темный, словно дожидался сигнала, тут же выдал одну из своих виртуозных ругад.

— О боже! — Натали закрыла лицо ладонями и зашлась в беззвучном смехе. — Прости, пожалуйста, — выговорила она с трудом. — Это у меня... это... Прости...

Ничего, даже забавно вышло.

— Прости, — повторила она, уже почти успокоившись. — Глупость, конечно. Но вы в последнее время часто остаетесь вдвоем, уходите куда-то. Заповедник опять же. И ты расспрашивала меня о нем...

— Точно. А теперь, по всем канонам, я должна спросить, говорил ли он тебе обо мне и что говорил.

— О да! Естественно! — продолжала веселиться баньши.

— И что же он говорит обо мне? — спросила я без улыбки. — Что со мной не так?

Натали вмиг посерьезнела.

— А, ты об этом. Ну... Сокол думает, что это слом.

— А Сокол не может думать общепонятными терминами?

— Извини. Сейчас попробую объяснить. Когда одаренные перестают использовать свои способности, это, как правило, вызвано одной из двух причин. Первая — перегорание. Чрезмерный расход силы на какое-нибудь действие, вызвавшее полное истощение. Иногда после этого восстанавливаются, иногда нет. А бывает слом. Это больше психологическое. Неудача, неправильные или безрезультатные действия, как следствие — депрессия и проблемы с самоидентификацией... В общем, это очень сложно и очень индивидуально. И лечение подбирается в каждом случае свое. Нужно разобраться, на чем именно человек сломался, вернуть его к тому моменту, помочь признать ошибки, найти решение и заставить двигаться дальше.

Меньше всего на свете я хотела возвращаться к «тому моменту»...

— Настя, я не специалист, просто пересказываю то, что слышала от Сокола. И он говорит, что ты не безнадежна. В чудеса вот уже поверила...

Да уж, не поверишь тут.

— В себя, правда, еще не очень. Но чай же получился?

— Потому он и всучил мне ту тетрадку? — Вопрос был риторический. — Айболит тоже мне! А может, я не хочу выздоравливать? Может, мне и без ваших чудес прекрасно жилось? И не нужен мне никакой доктор. С собой пусть займется. Если он такой крутой целитель, чего храпит, как трактор? И дымит, как паровоз? Или первое не лечится, а второе полезно для здоровья? А сам... Вообще... Разве что жиром не заплыл! Молодой же мужик, сорока еще нет!

Я умолкла, поняв, что с шепота почти перешла на крик и для особы, ни в коей мере не интересующейся господином доктором, свернула куда-то не туда. Но Натали этого не заметила.

— После того, что случилось с Кирюшкой, — проговорила она тихо. — Сокол держался еще какое-то время. А потом сорвался все-таки. Курить стал. По молодости только баловался, а сейчас, сама видишь. Жиром, да, не заплыл. И не спился, слава богу. Но не тот уже... Совсем. Он ведь, Настя, тоже сломленный. Не так, как ты, — может, еще хуже.

Но лечение себе уже назначил. Вытащит твоего Сережку, глядишь, и выздоровеет. А храп... Может, он и не знает, что храпит? Сказать-то некому...

Проснулась я рано. Тихо, чтобы не разбудить Нат, выбралась из-под покрывала, а потом и из комнаты. Совершила традиционное утреннее паломничество по «святым местам» и зашла в кухню.

Сережка стоял у плиты. Обернулся, услышав мои шаги, улыбнулся.

— Иди сюда. Глянь-ка...

Я сделала шаг, второй и обомлела.

— Не бойся. Все нормально.

Ага, конечно. Только с нормами у нас в последнее время что-то странное: рука Серого лежала на зажженной конфорке в лужице голубого пламени.

— Сам придумал, — сообщил парень гордо. — Прикольно, да?

— Что придумал? — Не отводя взгляда от его ладони, я плюхнулась на стул.

— Вот это. Помнишь, в школе рассказывали про энергию? Тепловая там, электрическая, кинетическая... Получается, все вокруг — энергия. И я могу ее брать, откуда пожелаю. Из огня, из текущей воды...

— Сереж, — я сглотнула, — давай лучше из воды, а?

Сказать, что рука на плите нервировала, — ничего не сказать. Еще немножко посмотрю и на веки вечные заделаюсь вегетарианкой.

— Сначала чувствовался жар, — продолжал он, будто и не слышал моих слов. — Я аккуратно так, с расстояния. А потом вроде как настроился, почувствовал струю, и видишь?

— Молодец, быстро учишься, — похвалила от двери Натали. Не знаю, как долго она там простояла, но увидела достаточно. — Только помногу сразу не тяни, а то с непривычки плохо станет. Головокружения нет? Не мутит?

— Не, порядок, — замотал головой Серый, но руку, к моей радости, с огня убрал.

Был один нормальный человек в этой компании, и тот туда же! Завтра застану его у розетки высасывающим электричество через оторванный от торшера провод, как через коктейльную трубочку. Зато, наверное, можно не кормить.

— А потом это все куда? — спросил Сережка у Нат. — То, что насобираю?

— Либо тратить на себя, либо учиться отдавать. Чистая отдача, как у Насти, у тебя не получится, но со временем научишься трансформировать энергию...

И будет у меня не парень, а трансформатор. А что? Удобно, практично. Отключили свет — он палец в розетку, и снова в сети двести двадцать. Мобильник зарядить можно, ужин разогреть. И мило все так: приходишь с работы, а он сидит себе в уголочке, гудит тихонечко.

— Как трансформировать?

— Это у каждого по-своему проходит, — пожала плечами баньши. — Но сам понимаешь, если только брать, и лопнуть можно. А о механизме лучше Сокола расспроси.

— Вернется, спрошу.

— Откуда вернется? — не поняла Нат.

— Он к Ле Бону поехал, записи, который тот просил, отдать.

— Интересно, — протянула баньши. — Сам решил съездить или приходил кто?

— Сам. Говорит, чего, мол, тянуть, еще скажут, что мы намеренно от них что-то скрываем.

— А нам, выходит, скрывать нечего? Ну-ну...

Посчитав, что она уже увидела и услышала все, более или менее достойное внимания, Натали удалилась в спальню, и, как показывала практика, выманить ее оттуда теперь могли лишь ароматы свежеприготовленного завтрака.

— Настюх, а ты чего от меня ночью сбежала?

— А? — Я не сразу поняла, о чем он, занятая своими мыслями.

— Я тебя чем-то обидел, да? — насупился Серый. — Просыпаюсь, тебя нет, подушки тоже. Я понимаю, я в эти дни отмороженный совсем... Блин, только встретились через столько лет, и тут такая фигня! Только, Насть, я же не специально все это затеял. Это вообще не я...

Еще один мастер логических умозаключений на мою голову!

— Сереж, я не обижалась. Просто... Ты там нормально спишь, ничего не мешает?

— Да нет, ничего. А у меня за день от всех этих мыслей так башка распухает, что глаза закрываю и сразу отключаюсь.

Счастливчик.

— Диван неудобный, — зачем-то соврала я вместо того, чтобы пожаловаться на истинную причину бессонницы. — Пружина, наверное, вылезла, ворочаюсь полночи...

Парень, не дослушав, обнял меня, крепко прижимая к груди.

— Спасибо, — прошептал он. Теплые губы ткнулись в висок. — Спасибо, что ты со мной. Сам бы свихнулся уже, Насть...

— Да ладно. — Я провела рукой по ежику серых, как волчья шерсть, волос. — Ты молодец. Видишь, как быстро со всем разобрался? А с твоей удачей тебе вообще ничего не грозит.

— Ты моя удача, — улыбнулся он. — С тобой точно ничего не страшно.

Хотела улыбнуться в ответ, но в глазах вдруг потемнело, а в ушах снова стоял крик Нат: «Спаси!» Крепкие объятия не позволили мне упасть, я лишь пошатнулась, а после, почувствовав, как тяжело стало дышать, отстранилась от Серого — почти оттолкнула его и, придерживаясь за мебель, побрела к окну.

— Насть?

«Спаси! Спасешь, твоим будет. Навсегда...»

— Сереж, я...

— Я понимаю, — вздохнул он. — Все это... так... На кой я тебе такой, да?

О, боже! Ну что еще за мысли?

— Прав Антоха, упырь и есть. Что жил, что сдох — ничего не изменилось. Тридцать лет: ни дома своего, ни семьи, ни работы нормальной — шашки одни, лишь бы платили побольше. Сегодня тут, завтра там... Но это же не навсегда, Насть. Честно. Вот закончится все, устройсь как-нибудь. Только с мамой решу, Сокол мне телефон одной клиники дал, там как раз на таких заболеваниях специализируются... А потом мы с тобой и вправду на море съездим. В сентябре уже получится, ну и что? В Крыму в сентябре хорошо, тепло еще, купаться можно...

Я стояла, прижавшись лбом к оконному стеклу, и ни слова не понимала из того, что он

говорил. Какой Крым? Неужели он не понимает?

— Ты еще из-за Аленки злишься? — Я встрепелась, услышав имя таинственной соперницы. — Не надо, Насть. Забудь. Ну было. Я сам думал, может, серьезно. А потом... Меня по полгода дома не бывает, а она молодая, красивая. Ей же погулять хочется: кабаки, подружки... Все равно не дождалась бы. Вот, думаю, и пусть. Симку выкинул, чтоб не звонила... А когда приехал... В общем, понял, что все я правильно сделал.

— Сереж...

— Короче, забудь, и все, — отрезал он, властно отрывая меня от подоконника и привлекая к себе. — Это прошлое, Насть. А теперь все по-другому будет. И никуда я больше не поеду. Разве что с тобой, на море.

На море так на море. Я положила голову ему на грудь, вслушиваясь в ровное уверенное биение сердца, и закрыла глаза. Главное, что он сам в это верит: в море, в нас. Только стало вдруг жалко незнакомую девушку Алену, так и не узнавшую, что ее не бросили, а отпустили... почти благородно... До чего же странные создания эти мужчины!

— Не помешаю? — Еще один представитель загадочнейшей половины человечества робко протиснулся в приоткрытую дверь.

— Заходи, Антоха, — по-хозяйски позволил Серый. — Чай с бутербродами будешь?

— Буду, — радостно отозвался светлый.

— Тогда и нам приготовь. А мы пока в комнате посидим, да, Насть?

Что-то изменилось в нем, когда он держал руку над зажженной горелкой, вместе с осознанием силы появилось что-то новое, незнакомое, но мне нравились эти перемены.

— Антош, и про Наташу не забудь, — сказала я растерявшемуся от нашей наглости охотнику.

Ничего, мы еще осиновый кол помним. Пусть искупает.

А мы пока просто побудем вдвоем. Без Сокола. Без Нат. Без разговоров о силе, Ван Дейке и вместилищах. Без чужих душещипательных историй о разбитом счастье и несбывшихся мечтах...

Но стоило закрыть за собой дверь, как в прихожей мерзко задребезжал звонок! Я вздрогнула от неожиданности и тревоги, в последние дни этот звук всегда вызывал тревогу, и Серый ободряюще сжал мою ладонь.

— Не волнуйся, — подмигнул он мне. — Сейчас глянем, кого там черти носят.

— Куда?! — грозно шикнул на Сережку выскочивший из кухни светлый. — Сам посмотрю.

Он прислушался и опасливо прильнул к дверному глазку.

— Кто там? — показалась на пороге своей спальни Натали.

— Баба какая-то, — недоуменно пожал плечами охотник.

— Фе, Антон! — баньши сморщила точеный носик. — Не баба, а женщина.

— Не, — затряс он лысой головой, — баба!

— И чего ей надо? — поинтересовалась я.

— Чего вам... Кто там? — через дверь прокричал светлый.

— Любовь! — зычно откликнулись с площадки. — Вызывали?

На Антошку напал приступ кашля.

— Любовь Иванна! Из ЖЭКа. Вызывали же?

— Нет... кхе-кхе...

— Открой, грю! — незваная Любовь забарабанила кулаком по двери.

— Открой, — посоветовала лысому Нат, — а то хуже будет.

Он подобрался — на стене позади обозначилась на миг грозная тень — и провернул ключ.

— Ну не прошло и года! — На пороге, потрясая устрашающего вида молотком, стояла дебелая тетка в рабочем комбинезоне. Глянула сверху вниз на Антона и строго спросила: — Родители дома?

— Конечно. — Натали грациозно выступила вперед. — Чем могу помочь?

— Да чем ты можешь помочь? — свысока фыркнула Любовь. — Это я те помогла. Распишись вот.

Она сунула молоток под мышку и протянула Нат замызганный листочек.

— За что? — полюбопытствовала баньши.

— За выполненную работу, — гордо подбоченилась тетка. — Жаловались, что, когда окно между этажами открывается, у него рама выпадает? Ну вот. Устранили.

— Уже не выпадает?

— Уже не открывается! — взмахнула она молотком. — Распишись, да пойду я. Там еще во втором подъезде стекло разбито.

— Фанеркой замените? — предположила я.

— Умная! — похвалила меня Любовь. — Разбираешься.

— Насть, распишись, раз ты такая умная, — попросила меня Натали, с отвращением глядя на бланк в грязной ручище. — Не будем задерживать... человека.

Кажется, она уже была согласна с Антоном в том, что это не женщина.

— Если вдруг мастер наш с обходом явится, вы ж подтвердите, что я была, — напоследок погрозила нам молотком тетка. — Так и скажите ему: «Любовь к нам приходила».

Мы еще с полминуты тупо смотрели на закрывшуюся за ней дверь, а потом стены затряслись от дружного хохота.

— Слышь, Насть, — толкнул меня в бок Серый. — К нам любовь приходила!

— Какая-то она у вас не слишком чистая и светлая, — ухмыльнулась Нат.

— Зато большая! — заметила я.

— И с молотком, — хихикнул Антошка.

— А что? Любовь такая и должна быть, — заявил Серега авторитетно. — Придет, значит, молотком как зарядит, и враз башню сносит. Настоящая любовь!

Явление Любви (или любви?) задало настроение на все утро. Грустные мысли уступили место беззаботному веселью. Мы шутили, смеялись, сообща соорудили десяток бутербродов и, пользуясь отсутствием Сокола, который не преминул бы высказаться по этому поводу, заварили дешевый чай из пакетиков. Болтали о всякой ерунде...

— У нас праздник? — В радостном гаме возвращение темного осталось незамеченным до самого его появления на кухне.

— К нам приходила любовь, — весело сообщил ему Серый.

— Поздравляю, — улыбнулся колдун, но скользнувший по мне взгляд был абсолютно холоден. — Тогда цветы здесь, думаю, уместны.

Он поднял руку и просто из воздуха вытянул за длинный стебель белую розу.

— Натали, прекрасный цветок для прекрасной женщины.

Баньши растерянно приняла подарок, должно быть, прежде Сокол ее цветами не баловал.

— И... ты пронес ее под иллюзией? Как ты это?

«Друг Шурик научил», — едва не ляпнула я, досадуя на себя за то, что чуть было не потянулась за розой. И с чего бы мысли, будто она предназначалась мне?

— Ты знала, что Виктор коллекционирует монеты? — Мужчина присел у стола и пододвинул к себе тарелку с оставшимися бутербродами. — И некоторые, особо ценные, всегда возит с собой. Кроме экземпляров, являющихся пределом мечтаний нумизматов, там есть пара-тройка интересных... мм... по нашей части. Например, три монетки из кошелька Короля Шутов.

— Ты ограбил Ле Бона? — Нат в ужасе прикрыла рукой рот.

— Фу, как не стыдно? За кого ты меня принимаешь? Месье третий день страдал от несварения, местная кухня вкупе с жарой неблагоприятно отразилась на его нежном желудке. И когда я застал его в столь плачевном виде, то как человек, поклявшийся Аполлоном со товарищи, не мог не предложить свою помощь. За что и был удостоен благодарности.

Он подбросил на ладони маленький медный кругляшок.

Вот жук! Сам же траванул бедного колобка, а потом без зазрения совести принимает благодарности!

С приходом темного хорошее настроение пошло на убыль. Вроде бы и шутки и розы... Но нет, веселья как не бывало, и, по-быстрому закончив с завтраком, все разбрелись по своим комнатам, оставив Сокола заваривать себе «нормальный» чай.

Понимая, что уединиться теперь не получится, мы с Сережкой включили телевизор, нашли канал путешественников и молча завидовали улыбчивому толстячку, чья работа заключалась в том, чтобы колесить по свету и за деньги продюсеров нервировать простых обывателей волшебными видами далеких и недоступных большинству стран.

— Ничего, — обнял меня Серый. — Мы вот с тобой в Крым...

Не договорив, он вдруг привалился к моему плечу.

— Сереж? — Я отстранилась, и, лишившись поддержки, парень упал на диван вниз лицом. — Серый! Сережа! — Я с трудом перевернула его на спину и хлестала теперь по щекам. — Кто-нибудь! Помогите!

В коридоре хлопнула дверь, и тут же что-то тяжелое с грохотом рухнуло на пол.

— Кто-нибудь... — пробормотала я, чувствуя нарастающий ужас. — Кто...

Превозмогая страх, я вышла из комнаты. Антон лежал поперек прохода: глаза закрыты, лицо спокойное — будто он спит, но я знала, что разбудить его, как и Сережку, у меня не получится. В своей спальне упала на кровать Натали...

Господи, что же это? Почему? Кто?

На негнущихся ногах я добрела до кухни... И застыла в дверях.

— Заходи. Садись, — Сокол кивнул на стул. — Чай будешь?

— Т-ты... Это ты их?!

— Они всего лишь спят. Очень крепко.

— Да что ты себе...

— Села! — Злобно сверкнули голубые льдинки глаз.

Колени подогнулись, и, чтобы не упасть, я вынуждена была подчиниться и присесть за стол.

— Умница, — хмыкнул темный, усаживаясь напротив. — Теперь ты ответишь на несколько вопросов, а я решу, что делать с тобой дальше. Первый...

Я в страхе зажмурилась.

— Я очень громко храплю?

— Что? — Я осторожно открыла сначала один глаз, потом другой.

— Нат сказала, — передернул плечами он. — Могла бы сама...

— Что?! — вскочила я возмущенно. Этот... этот — даже названия ему не придумаю — вырубил троих человек, чтобы обсудить свой дурацкий храп? Что он о себе возомнил!

— Сядь! — рявкнул он, и я спешно плюхнулась обратно на стул и прикусила язык. — Это я к тому, Ася, — продолжил колдун уже спокойно, — что некоторые вещи лучше обсуждать сразу, а не доводить ситуацию до критического момента.

ГЛАВА 15

Сокол пододвинул ко мне чашку:

— Угощайся.

— Что это? — спросила я. Руки дрожали, и я спрятала их под столом.

— Чай. Черный, крупнолистовой. Возращен, если верить надписи на упаковке, высоко в горах и заботливо собран трудолюбивым индийским мальчиком... или девочкой.

— Спасибо, не хочу, — отказалась я, прекрасно понимая, что если сейчас он вперится в меня своими льдинками и прикажет: «Пей!» — выхлещу до дна, даже зная, что вместо сахара он сыпанул туда пару ложек цианида.

— Рассказать ты мне тоже ничего не хочешь?

Я замотала головой.

— Хорошо. Тогда я тебе расскажу что-нибудь. Например, по какому принципу работает брегет Вацлава Крушницкого. Это очень интересно...

Чтобы не встречаться с ним взглядами, я опустила глаза.

— Брегет, Ася, это не просто блестящая штукавина, которой гипнотизер отвлекает внимание, проводя внушение. Этот артефакт искажает восприятие и меняет твоё отношение к реальности. Человек, который пускает его в дело, не даёт тебе чётких установок, не зомбирует, тупо ориентируя на выполнение какого-нибудь приказа, — всё куда сложнее. Алекс не решился бы просто запрограммировать тебя на убийство: ты выдала бы себя сразу же. Действия робота лишены логики и подчинены лишь цели. А человек, подпавший под влияние брегета, напротив, логичен и последователен и может идти к цели окольными путями, сам выбирая наиболее удобный. Тебе ведь не говорили, как именно ты должна уговорить Сергея уйти после того, как покончила бы с нами? И тебе, к слову, не говорили, что придется дать нам яд, — твоё сознание этого не приняло бы, здесь нужна была бы более долгая и продуманная обработка. А вот снотворное — пожалуйста. Но прежде... Прежде проводится искажение. Сдвиг во мнении. Ты знаешь, что в каждом из нас заложен некий природный детектор лжи? У кого-то он сбоит, кто-то различает правду и обман безошибочно. Эту способность тренируют в себе судьи дневных стражей, доводя её до совершенства... Но я сейчас не об этом. Все мы в той или иной степени можем отличить правду от лжи. Задача брегета — испортить твой детектор. Заставить верить в ложь или не верить в правду. И для начала тебе дают вводную настройку. Правду, которая заставит сомневаться в другой правде... Прости, это слишком сложно для непосвященных... Представь... Ну, например, представь, что тебя хотят убедить в том, что в мире существуют только синие мячи. Артефактор сообщает тебе, что у него есть синий мяч. И он у него есть. Твой детектор, активированный брегетом, фиксирует правду. Потом тебе говорят, что у твоего соседа тоже есть синий мяч, и ты снова чувствуешь, что это не ложь. Затем артефактор настраивает брегет на искажение и проводит внушение. «Все мячи в мире исключительно синие», — говорит он тебе. Твоё сознание уже готово принять это как истину. А как же: ведь у двоих есть мячи, и они именно синие... Понимаешь?

Я кивнула. Потом замотала головой.

Колдун всмотрелся в мое лицо, а после махнул рукой:

— Я не спец по теории ментального воздействия, но я знаю, что Акопян должен был до проведения внушения рассказать тебе страшную историю о нас с Нат. Историю, которая показала бы, какие мы плохие, чтобы потом ты легко поверила в то, что мы представляем угрозу для вас с Сергеем, что нам нельзя доверять. Было?

— Нет, — выдавила я.

— А это уж точно ложь!

К черту!

— Нет, — произнесла я четко, подняв на него глаза. Выдержала короткую паузу. — О Наташе он мне ничего не рассказывал.

— Ясно. — Сокол достал из кармана сигареты. — Не возражаешь?

Я не ответила, и он закурил, длинно и размеренно затягиваясь горьким дымом и стряхивая пепел в свою чашку.

— Я знаю, что это была за история, — проговорил он, глядя на тлеющий кончик сигареты.

Наверное, в прошлом человека, поклявшегося Аполлоном со товарищи, было не так уж много неприглядных деяний, и выбор у некроманта Шурика был небольшой. Да и история подходила как нельзя лучше...

— И что скажешь? — Темный утопил окурочек в остатках чая.

— Я... Я не отказалась бы услышать твою версию.

От его улыбки сделалось зябко.

— У правды не может быть нескольких разных версий, Ася. Ее можно подавать под разными соусами, но это не...

Мужчина умолк на полуслове. Видимо, устал от иносказаний и витиеватостей, а говорить иначе, да и вообще говорить у него сейчас не получалось.

И мне сказать было нечего.

В тишине я слышала, как отсчитывают секунды стрелки его хронометра. Совсем рядом, словно в сказке, непробудным сном спали трое, и я знала, что они не проснутся, пока этот разговор не закончится...

— Алекс — натура увлекающаяся. — Сокол вытянул из пачки новую сигарету. Задымил. — Ему достаточно было раскрыть тебе суть проекта, над которым мы работали, чтобы ты начала волноваться за судьбу Сергея рядом со мной. Но он ведь рассказал тебе все?

Все или не все — откуда мне это знать? Я не ответила и сама ни о чем не спрашивала. Молчала, позволив ему докурить сигарету и потянуться за следующей.

Кухня утонула в дыму.

— У Кирилла остались жена и сын. Марку уже четырнадцать, София растит его одна, замуж она во второй раз не вышла и, кажется, даже не встречается ни с кем. — Голос его звучал ровно. Слишком ровно. — Я каждый месяц перевожу ей деньги, чтобы они ни в чем не нуждались. Шлю открытки на Рождество. Но со дня похорон мы ни разу больше не виделись. И не созванивались — я сменил номер. На крайний случай у нее есть телефон моего поверенного... Я не знаю, что еще сказать, чтобы ты поняла, как я сожалею о том, что сделал.

И еще одна сигарета...

— Но если бы это не коснулось моего брата, я закончил бы работу, и первые кандидаты на бессмертие уже получили бы новые тела. Наверное, тебе это тоже следует знать.

— Зачем? — решила спросить я.

— Затем чтобы ответить на мой последний вопрос.

— Нужно открыть окно, — пробормотала я, вставая. — Дышать уже нечем.

«Последний вопрос» — звучало зловеще.

Я распахнула тугие створки и полной грудью вдохнула горячий уличный воздух. Все же не дым.

— Ася, мне не нужны осложнения, проблем и так хватает. Либо вы все безоговорочно мне доверяете и выполняете мои указания, либо... Я не могу позволить тебе все испортить.

— И что ты сделаешь? — Спиной я чувствовала, что он смотрит сейчас на меня. — Сотрешь память и отправишь домой?

— Нет. Я не обладаю такими способностями. Но я могу уложить тебя в недельную кому. Выпишут из реанимации третьего.

В его голосе не было угрозы, говорил он спокойно и отстраненно, но мне снова стало страшно: ведь может же!

— Хочешь знать, доверяю ли я тебе? — спросила я. Развернулась к поднявшемуся мне навстречу колдуну. Выдержала его испытывающий взгляд. — Нет. Но и мешать не стану, что бы ты ни делал. Все остальные обещают Сережке или смерть, или кое-что похуже — идти просто некуда и не к кому. Ты единственный предложил помощь, а это... Это как минимум надежда — уже лучше, чем ничего.

С минуту мы просто смотрели друг на друга. Глаза Сокола вновь превратились в колючие льдинки, между нахмуренными бровями пролегла глубокая складка, и мысленно я уже приготовилась провести неделю на больничной койке...

— Возвращайся в комнату, — вздохнул он. — Пора трубить подъем.

Телевизор по-прежнему работал. Передача, на которой отключился Сережка, уже закончилась, и на смену толстячку путешественнику пришел носатый гурман, объезжающий мир в поисках необычных блюд. Этому, наверное, завидовали не так сильно: за возможность повидать свет ему приходилось регулярно давиться жареными личинками и сырыми моллюсками.

Я присела на диван рядом со спящим парнем. Погладила по волосам, улыбнулась: седина была ему даже к лицу. Коснулась губами колючей щеки.

— Настя? — Он открыл глаза. — А что...

— Какого... черта?! — послышалось из коридора: Антон тоже проснулся.

— Что это было? — И Натали. — Все целы? Настя! Сережа!

— Спокойно. — Уверенный голос Сокола перекрыл тревожный гам. — Все в порядке, никто не пострадал... я надеюсь. Антон, ты как? Не ушибся?

Колдун вошел в комнату, а за ним Нат и потирающий затекшую шею охотник.

— Извините за маленькую импровизацию. — Темный оглядел всех собравшихся. — Хотел проверить такую возможность отхода.

— Какую такую? — переспросил еще не до конца проснувшийся Сережка.

— Усыпить наших охранников.

— Можно же было предупредить! — возмутилась баньши.

— Нельзя. Внезапность — главное условие.

— Ну и что? Доволен результатом? — поинтересовался Антон. Если он и собирался «поблагодарить» Сокола за внеплановую сиесту, то не сейчас.

— Не доволен, — и глазом не моргнул колдун. — Сил уходит много, воздействие кратковременное. Придется придумать что-то другое.

— Фантазер чертов! — сердито бросила Натали. Она развернулась и обиженно покинула комнату, но ругаться при этом не перестала. — Снова на кухне курил? Всю квартиру прокоптил! Двери закрыть тоже нельзя было? Тоже часть плана? И пепельницы в этом доме нет? Вы только посмотрите, что он здесь устроил!

Во фрау Эбель внезапно проснулась хозяйка-чистоплюйка, и она, словно безалаберного мужа, распекала Сокола за устроенный им бардак. Это настолько не вязалось с привычным образом Нат, что и Антон и Серый не сдержались, чтобы не помчаться посмотреть, что же такое устроил на кухне темный, чтобы спровоцировать столь волшебное превращение.

Впрочем, Сергей через минуту вернулся. Плотно прикрыл за собой дверь.

— Настя... — Он запнулся.

— Да?

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Еще один. Как же вы все мне дороги!

— Что я должна тебе сказать? — вздохнула я устало.

— Все. — Он крепко сжал мое запястье, притянул к себе. Близко-близко. Глаза-уголки горели обидой и злостью... Но колючий лед обжигал сильнее, и ничего — пережила.

— Серез, тебе загадок в жизни не хватает? Скажи прямо, в чем дело. И отпусти руку. Больно.

— Извини.

Он смущенно отступил от меня, зато решившему укрыться в спальне от гнева Нат Соколу перепало по полной программе.

— Задолбал уже тут шастать! Могу я хоть пять минут поговорить со своей девушкой наедине?!

Он с силой толкнул дверь, но колдун придержал ее ногой, невозмутимо прошел в комнату и взял со стола ноутбук.

— Общайтесь. Больше не побеспокою.

— Что у тебя с ним? — сквозь зубы выцедил Серый, вперившись в закрывшуюся за темным дверь.

— В каком смысле?

— В любом. Насть, я идиот, по-твоему? То вы уходите куда-то вместе, то чаек на кухне попиваете. Сейчас мы все вырубались, а он сидел там, типа один, время воздействия засекал... Только на столе почему-то две чашки, а у тебя одежда и волосы провоняли табачным дымом.

Элементарно, Ватсон!

— Серез, это же не ревность? — не то спросила, не то сказала я.

— Не знаю... Нет. Запутался я, Настюха. Совсем. Не знаю, чему верить, кому верить. Думал, хоть тебе можно, а выходит...

Итак, главный вопрос на повестке дня: обоюдное доверие в нашем маленьком, но очень странном коллективе.

— Ничего не выходит, Серый. — Я обняла парня, спрятав лицо у него на груди. — Да, я не спала. Но тебе не стоит из-за этого волноваться. Сокол совмещает полезное с полезным. Решает твой вопрос, а попутно меня... хм... лечит. Его мама попросила. Хочет, чтобы я поверила в свои силы, стала настоящей ведьмой. Потому и чай-разговоры, рецептики из тетрадки...

«В каждом из нас от природы заложен детектор лжи», — вспомнила я слова Сокола. У одних он сбивает, у других — точен, как швейцарский хронометр. Необученный, но все-таки телепат Серезка с первых слов почувствовал бы обман. И я сказала ему правду. Правду и ничего, кроме правды.

Просто это была не совсем та правда.

— Господи, какой же я дурак, — выдохнул он с облегчением. Прижал меня к себе, уткнулся носом в макушку. — Прости, пожалуйста.

И ты меня...

— Не извиняйся, — сказала я вслух. — Я понимаю. Но это все временно. Еще неделя, и все закончится. И поедем мы с тобой на море.

Все будет хорошо. Иначе и быть не может. Ведь от судьбы, говорят, не уйдешь, а я свою судьбу знаю давным-давно. Пускай сама уже не верю в то, что хочу себе такой судьбы...

Зеркало большое да зеркало поменьше, свечи по обе стороны, и колышущаяся тень в конце длинного коридора...

— Дядька какой-то...

— Глупышка ты моя. Ты ж не завтра под венец собралась? А к тому времени будет уже дядька. Ты лучше гляди да запоминай. Какой он?

— Красивый. Большой такой... Высокий. Волосы темные... Сережка мой!

— Ты в глаза ему, доча, посмотри.

— Черные у него глаза, как угольки!

— Хорошо смотри, Настюша, все примечай...

Утром к нам приходила Любовь, днем мы со спорным успехом выясняли отношения. Вечер, к счастью, прошел без сюрпризов, спокойно и почти по-семейному. Натали с Антоном сходили в магазин, но, вопреки опасениям, вернулись не с йогуртами, а с сумкой картошки и курицей, которую Нат споро разделала, отбила скалкой, залила смесью меда, вина и соевого соуса и отправила в духовку.

— Надоели ваши полуфабрикаты!

Оказывается, может, если хочет.

С гарниром она, правда, возиться не захотела. Заявила, что чистить картошку — исключительно мужская обязанность. Сокол сразу же слинял на балкон, а Сережка заперся в ванной.

Антон был пойман уже в дверях.

— Куда? — грозно выкрикнула баньши. — Даже не думай!

— Я... это...

— Антошка, Антошка, пожарь-ка нам картошку, — негромко пропела Нат, и стены угрожающе завибрировали.

Деваться светлому было некуда, и пока мы с Натали нарезали овощи на салат, охотник и его тень пыхтели над картофелем. Тени было трудней — попробуй-ка срезать кожуру длиннющим мечом!

Но ужин удался на славу.

— Наташ, как ты смотришь, чтобы перебраться ко мне в комнату? — небрежно обронил за столом Сокол.

Нат закашлялась от неожиданности.

— Ты меня пугаешь, — призналась она, отхлебнув воды из заботливо поданного темным

стакана. — Сначала розы, теперь странные предложения. Не боишься, что Франц узнает?

Последнее было сказано уже шутливым тоном, и колдун усмехнулся в ответ:

— Я сам ему об этом расскажу. А мы могли бы уступить Сергею с Анастасией отдельную спальню.

— Спасибо, не нужно, — сказала я, прежде чем Натали успела что-то ответить. — Если Наташа не против, я бы лучше осталась у нее. Ну... мальчики отдельно, девочки отдельно...

По Нат было понятно, что она не слишком верит в такое объяснение, но вслух она меня поддержала:

— Я не против. Действительно, так будет лучше.

Расспрашивать ни о чем, даже оставшись со мной наедине, она не стала.

Вместо традиционного вечернего чая в этот день у нас был арбуз, большой и сочный. Только проснувшись среди ночи, я поняла, насколько это была плохая идея.

Встала, на ощупь добралась до двери, вышла в коридор. На кухне горел свет: кому-то еще не спалось, и мне стало любопытно, кому именно. Может, Сережка снова сидит с чашкой своего любимого какао? Хотя после арбуза...

— Дверь закрой! — сердито зашипел на меня расположившийся за столом Сокол.

Увы, не Сережка.

Я зевнула и послушно исполнила приказ их темнейшества.

— Я имел в виду, с той стороны, — прорычал колдун.

Перед ним в небольших металлических контейнерах были разложены какие-то медицинские инструменты, одноразовые шприцы, ампулы. Рядом лежал странного вида нож: блестящее узкое лезвие и потемневшая, растрескавшаяся от времени деревянная рукоять, пузатенькая в середине и сужающаяся к концу, как... Черт, на что же это похоже?

Мужчина заметил мой интерес к ножу и накрыл его салфеткой.

— Так и знал, что если кто-нибудь вдруг проснется, то это будешь ты. — Раздражение в его голосе мешалось с насмешкой.

— Усыпил бы своей магией, чтобы наверняка, — пробурчала я, разглядывая теперь набор щипчиков и скальпелей.

— Так, иди давай, без магии, — махнул он на меня рукой.

А другая его рука, левая — я только сейчас заметила — неподвижно лежала на столе, на расстеленной поверх скатерти клеенке. И сразу бросился в глаза выбритый на волосатом предплечье квадрат.

— Все-таки иногда любопытство — это порок, — сделал вывод Сокол, поняв, что без объяснений от меня не отделаться. — Хорошо. Смотри, раз так интересно. Только орать не вздумай.

— Чего это я должна орать? — спросила я, а в следующий миг уже зажимала ладонью рот, чтобы и правда не закричать: темный взял один из скальпелей и спокойно, как колбасу на завтрак, разрезал кожу на выбритом участке.

Потекла кровь, а у меня перед глазами поплыли круги.

— Молодец, почти не боишься, — похвалил, продолжая ковыряться в свежей ране,

мужчина. — Не поможешь? А то одной рукой неудобно.

Не отнимая ладони ото рта и не в силах пошевелиться, чтобы сбежать подальше из этого дурдома, я замотала головой.

— Жаль. А я думал, что могу на тебя рассчитывать в трудную минуту.

Он обтер кровь марлевым тампоном и поддел какой-то гнутой лопаточкой вспоротую кожу, на пару сантиметров вогнал железяку в руку (меня чуть не стошнило!) и, кажется, остался доволен. Псих...

— Ася, ты в порядке? Я ничего не чувствую... Если тебя это волнует, конечно.

Когда он подцепил со дна наполненной бесцветной жидкостью баночки выдуренную у Ле Бона монетку и принялся деловито запихивать ее себе под кожу, я поняла, что с меня хватит. Заставила себя отвести взгляд от окровавленной конечности и спокойно, совершенно спокойно вышла в коридор... А там уже — вприпрыжку в спальню!

— Наташ! Наташа, проснись! Наташ...

— Чего? — сонно откликнулась баньши.

— Я свихнусь сейчас. Или уже свихнулась. Или не я... Сокол на кухне, распотрошил себе руку, запихнул в нее эту шутовскую монету...

— У-у, мазохист! — протянула она, но мчаться спасать съехавшего с катушек друга не торопилась. — Зачем, спрашивается? Он в Барселоне уже так делал. Артефакт под кожу, чтоб никто не догадался. Рана за день заживет — он постарается, через два дня шрам будет выглядеть так, как будто ему уже лет десять... Но в тот раз хоть смысл был. А монетка? С ее помощью не больше полкило пронесешь. Может, пистолет?

Ее полусонные рассуждения помогли мне успокоиться и взять себя в руки.

— То есть это нормально? — уточнила я на всякий случай. — И помощь ему не нужна?

— Почему не нужна? — пробормотала она, переворачиваясь на бок. — Нужна. Одной рукой тяжело... Ты шить умеешь?

Вместо ответа я с головой влезла под покрывало.

В туалет я все-таки вышла. Через час или два.

На обратном пути с опаской заглянула в кухню — чисто. Только от мысли, что утром придется есть за этим столом, меня передернуло.

Подошла к двери, за которой спали колдун и Сережка. Прислушалась, а потом тихонько прокралась в комнату. Серый спал, как обычно уткнувшись в стену. Я мысленно пожелала ему светлых снов.

Сокол лежал на спине. Лицо, даже во сне, напряженное, губы плотно сжаты, веки подрагивают... Но он не храпел.

ГЛАВА 16

— Знаешь, что странно в этой истории? — за завтраком спросила у темного Натали.

«Все», — ответила мысленно я.

За стол, поборов брезгливость, я все же присела, но лежавшая на тарелке передо мной политая кетчупом сарделька вызывала тошнотворные ассоциации, и мне то и дело приходилось отворачиваться или закрывать глаза.

— Что? — заинтересовался Сокол. С утра он был спокоен и беспечен, а о ночной операции напоминали лишь скрывавший шрам пластырь на его руке и насмешливые искорки в глазах, когда колдун замечал, как я с одинаковым отвращением посматриваю то на этот пластырь, то на злосчастную сардельку.

— Странно, что наблюдатели еще никак себя не проявили.

Антон трижды сплюнул.

— И по дереву постучи, — посоветовал темный.

— Наблюдатели? — Сережка догадался, что речь идет не об официальных наблюдателях от контор. — Что за звери?

В его вопросе не было тревоги и ставшей уже привычной за эти дни нервозности, и меня это порадовало.

— Разные, — хмыкнула Нат. — Есть белые и пушистые, есть серые и зубастые.

—оборотни?

— И оборотни есть. И не оборотни. И с даром, и без дара. Наблюдательный совет — это как народная дружина, следят за порядком на общественных началах. Вроде и власти, и прав официально никаких, но если прищучат... Хотя я лично не сталкивалась. Но знаю, что Ван Дейк их одно время очень беспокоил.

— Одно время голландец очень беспокоил всех, — отмахнулся Сокол. — А наблюдатели... Наблюдатели наблюдают, будь уверена. Но раз не вмешиваются, то считают, что все идет, как надо.

О Наблюдательном совете он вскользь рассказывал мне по дороге в заповедник, пренебрежительно назвав входивших туда магов и немагов идеалистами-бессребрениками, — это я помнила. А сейчас по настроению собравшихся сделала вывод, что и темные и светлые этих загадочных товарищей немного побаиваются. Значит, уважают.

— А мы не можем обратиться к ним за помощью? — высказала я показавшуюся мне здоровой мысль.

— Обратиться? — задумался господин доктор. — Наверное, могли бы. А что? Они ребята незлые, честные. Ван Дейк опять же им глубоко несимпатичен... Решено! Так и сделаем... Как только найдем хоть одного.

— Это так сложно? Разве они не... — Я запнулась, не сумев сформулировать вопрос.

— Они — «не», — согласно закивал Сокол. — Ты это — тоже «не»? — кивнул он на сардельку и, даже не дождавшись ответа, подхватил мою тарелку и водрузил ее на свою, уже опустевшую. — Как же мне надоело это полумясо, — посетовал темный с набитым ртом, откусив за раз половину. — Как хочется нормального стейка... с кровью. Большого такого, вот прям с руку...

Сволочь!

Злость оказалась сильнее всех остальных чувств, и я, привстав, потянулась через стол и отобрала у темного вилку с нанизанной на нее половинкой шпикачки, чтобы тут же запахнуть ее в рот и, с трудом ворочая языком, заявить:

— Не нвавивфса, не ефф!

С полминуты не ожидавший от меня подобного колдун смотрел, как я ожесточенно работаю челюстями, и вдруг расхохотался. Смеялся так, что даже лед в его глазах подтаял, и капельки талой воды заблестели на ресницах.

— Браво, Ася! Нарращиваешь броню потихоньку.

Если и дальше так пойдет, я не то что броню — я клыки и когти отращу!

Остальные глядели на нас с непониманием. Антон растерянно улыбался, Сережка хмурился, а Натали укоризненно качала головой, как взрослая и серьезная женщина, не одобряющая подобного ребячества.

— Все, пора. — Сокол решительно поднялся из-за стола. — Ведите себя хорошо, пока меня не будет.

— Ты уходишь? Куда? — Нат успела спросить первой.

— Спице дольше, дамы, — с усмешкой порекомендовал нам обоим темный. — Возможно, благополучно проспите и второе августа, и Судный день.

— Влад приехал со своими, — разяснил Антон. — Ксюшкин брат, я говорил, помните? Нужно встретиться, обсудить варианты.

Сам он на встречу с оборотнями, похоже, не собирался.

— Открыто выйдешь? — нахмурилась баньши.

— Открыто, но незаметно, — подмигнул ей колдун. Поглядел на часы. — Нашим охранникам будет немного не до меня.

— В каком смысле?

Мобильный Сокола негромко напел какую-то тирольскую песенку, и мужчина отвлекся, чтобы ответить на звонок:

— Да. Уже на месте? Спасибо, Мариночка. Ты прелесть... Я знаю, что ты знаешь. Встретиться после? Был бы только рад, но боюсь... Хорошо, не будем загадывать. Возможно, успею... Мм, это заманчиво...

Какой ужас! Игривым котом мурчащий в трубку Сокол — это пострашнее любой расчлененки!

— Конечно, радость моя...

Тьфу, мерзость!

— Ася, я бы порекомендовал посмотреть. — Я уже собиралась сбежать подальше от этого кошмара, но закончивший разговор темный меня остановил. — И тебе, Сергей, тоже. Очень, кхм, познавательно.

— Что? — спросил Серый.

— Шоу. В первый раз это весьма... впечатляет.

— А куда смотреть-то?

— В окошко, Сережа, в окошко.

Она бежала через двор, едва касаясь асфальта маленькими ножками в легких белых кроссовках. Коротенькие шортики и спортивный топ. Собранные в хвост русые волосы. Плеер на поясе, наушники. Обычная девушка лет двадцати. Не красавица, как я смогла рассмотреть из окна второго этажа, просто миленькая. И фигурка так себе: небольшая грудь, узкие бедра... Но что-то в ней было. Что-то такое...

— Ясно, — ухмыльнулась, заметив ее, Натали.

А Сережка глядел в окно не отрываясь. И я его понимала...

Девушка остановилась у турников. Перевела дыхание, поправила волосы. Покрутилась на месте, разминаясь. Наклонилась пару раз. Согнула, подтянув к животу, ногу, потом вторую, сделала несколько выпадов... Простая разминка, резкие, лишённые даже намека на плавность и томность движения, но у меня дыхание перехватило. Вдруг, невзирая на расстояние, стала видна каждая, даже мельчайшая деталь ее облика. Вот ноздри трепещут, вбирая в себя воздух. Острый язычок касается губ. Под тонкой тканью размеренно вздымается грудь — округлые холмики с острыми вершинами сосков... Она развернулась, забросила ногу на брус, потянулась рукой к носку. На поясице поверх затейливой вязи тату блестели бисеринки пота...

Я зажмурилась, отгоняя наваждение, но даже так, с закрытыми глазами, продолжала видеть ее: выгнутую спину, упругие ягодицы, стройные загорелые ноги...

Черт! Дыхание сделалось горячим, во рту пересохло, и низ живота налился тяжестью... Я смотрела на девушку у турников и откуда-то точно знала, что губы у нее мягкие и влажные, а тонкие пальчики нежны до умопомрачения... А от следующей мысли кровь прилила к лицу, и случайно сорвавшийся вздох до безобразия походил на сдавленный стон...

Девушка с десяток раз отжалась от перекладины, попрыгала на месте и снова побежала. Через минуту она уже скрылась между домами...

— Ушел, — констатировал Антон.

Его спокойный голос вернул в реальность.

— Отвлекающий маневр, да? — хрипло выговорил Серый. — Отвлекает...

Прелесть-Мариночка с заданием справилась.

— Он же никому не доверяет. А этой... девице позвонил, — сказала я, лишь бы что-то сказать.

— Суккубы, как и инкубы, не люди, Настя. По этой причине им и можно доверять, — пояснила Нат. — Им плевать на голландца, на Алекса Акопяна, на власть, богатство и славу. Их не купить и не принудить. А оказать маленькую услугу симпатичному им человеку они могут... Как видишь.

— Не люди? — Сережка облизнул губы. — А кто?

— Это э-э... некие сущности, обитающие на грани яви и нави. Как феи, например. Но у фей нет необходимости жить в непосредственной близости от людей. А суккубу нужно кушать. Да не пугайся ты! — Лицо у парня стало такое, что Нат не сдержала смеха. — Они питаются чистой энергией. Тянут понемногу, как правило. В процессе... хм... Обоюдovýгодный обмен. Да и вообще от них больше пользы, чем вреда, так что наше ведомство по мере необходимости помогает им устроиться и затеряться среди людей: жилье, документы, работа. Ну и контролируем заодно, чтобы не сильно увлекались.

Кажется, Сокол говорил, что проверял какие-то жалобы на эту Марину. Интересно... он пойдет к ней после встречи с оборотнями?

— Они не видят разницы между мужчинами и женщинами и действуют на всех одинаково. Особенно если хотят подействовать. Вы же не думаете, что она постоянно производит подобное впечатление? И такой эффект можно пресекать...

Оставив Сережку дослушивать лекцию Нат, я пошла в комнату за полотенцем: мне срочно необходим был холодный душ. А о том, как «пресекать», нужно было рассказывать до того, как мы посмотрели в окно...

Серый перехватил меня на выходе из спальни. Буквально втолкнул назад в комнату и захлопнул дверь. Если я и собиралась что-то сказать, мне это не удалось бы... А через минуту уже и не хотелось. Из всех желаний осталось лишь одно, и ни я, ни он не собирались останавливаться на полпути к его осуществлению. И плевать, что в квартире мы не одни, а комната не запирается... Господи, что же я делаю? Оторвалась от его

жарких губ, но лишь затем, чтобы вдохнуть поглубже... Запрокинула голову, подставляя для поцелуев шею и грудь в глубоком вырезе майки...

— Нет. Не надо... — Кто бы знал, откуда взялись силы воспротивиться его напору и собственным фантазиям, но я оттолкнула его и вырвалась из объятий. — Не надо, Сереж. Сам понимаешь, это... Не то, не так...

Душ, однозначно.

А Прелесть-Мариночку я кое-кому еще припомню. Вернется, убью гада! «Очень познавательно»... Извращенец!

Помню, на втором курсе мы с одноклассниками отправились на море. У родителей одного из парней была дача на побережье: небольшой домик, дворик, гамак, мангал — что еще надо? Собирались провести там дня три, отметить успешное окончание летней сессии... А на следующее утро после приезда я сбежала обратно в город, перед этим ночь промучившись бессонницей из-за, казалось бы, сущей ерунды. Вернувшись с пляжа, мы переодевались во дворе за самодельной деревянной ширмой, тут же развешивали на веревке купальники, тут же, всего метрах в пяти, уже накрывался для ужина стол... И вдруг эта дурацкая ширма упала! Именно тогда, когда за ней, в чем мать родила, стояла я. Я вскрикнула конечно же, и полтора десятка человек, большая часть из которых — парни, развернулись в мою сторону... В общем, глупо вышло. Но после я повела себя еще глупее: вместо того чтобы посмеяться над случившимся и выбросить из головы, как поступила бы на моем месте любая из наших девчонок, я весь вечер пряталась от друзей, пытавшихся убедить меня в том, что ничего страшного не произошло, а наутро уехала домой первым же рейсовым автобусом. В эту компанию меня больше не приглашали, и с мальчиком, который в то время мне нравился, тоже не сложилось...

— Настя, ты слишком близко все это принимаешь, — пыталась успокоить меня Натали.

В этот раз возможности сбежать у меня не было, а значит, придется еще несколько дней провести в обществе людей, тихонько посмеивавшихся, пока я, как дура, пускала слюни, плясь в окно на смазливую девицу. На девицу! Ну почему это не мог быть инкуб, а не сукуб? Хоть как-то бы... Господи, кого я обманываю? Что это изменило бы?

— Совершенно нормальная реакция для первого раза, — продолжала уверять баньши. — Почти все мы через это прошли. Неприятно чувствовать свою слабость, но отнесись к этому проще. Пускай это будет... Ну... боевое крещение, что ли. Первая кровь...

— Кровь я кое-кому организую! — пообещала я, яростно кромсая ножом ни в чем не повинную луковицу. — Я же собиралась уйти — нет, останься, говорит, посмотри. Впечатляет! Я его так впечатлю за эти шуточки...

В расход пошла вторая луковица, а по щекам потекли слезы. От лука конечно же — от чего бы еще?

— А если это была не шутка? — задумавшись, предположила Натали. — Ситуация у нас серьезная. Вы с Сережей оба — как бы это назвать? — напряжены в последние дни. Наверное, не мешало бы немного... выпустить пар.

Зря она это сказала — я вскипела еще больше, и невыпущенным паром грозило снести крышку.

— А, так это господин целитель лечение нам выписал?! Ничего, я ему тоже выпишу. Пусть только вернется!

— Хорошо, — смирилась Нат, поняв, что успокаиваться я не желаю. — Только не забудь потом вымыть руки и спрятать труп. Я буду у себя.

Сережка с Антоном смылись еще раньше. Сидели в комнате, смотрели какой-то боевик: грохот взрывов слышно было даже на кухне, невзирая на закрытые двери. Серый безо всяких советов к впечатлению от Мариночки отнесся проще. Когда я вышла из ванной, проведя там без малого час, выкупавшись, высушившись и сменив открытую майку на футболку с узкой горловиной (в которой, к слову, мне теперь было жарко), он уже как ни

в чем не бывало болтал о чем-то с охотником, и я разозлилась еще больше. На него, на себя, на организовавшего этот «отвлекающий маневр» Сокола.

Последний был назначен главным виновником моего испорченного вкупе с жизнью настроения, и я дождалась его с ножом в руках, до встречи оттачивая боевые навыки на овощах.

Когда темный вернулся, боевой запал еще не прошел. Правда, выскакивать в прихожую с криком «ки-йя!» я не стала: дождалась, пока мужчина разуетя, вымоет руки и по общей привычке обитателей этой квартиры заглянет в кухню.

— Где все?

Он выглядел уставшим — и неудивительно, после свидания с суккубом-то.

— Спят, — заявила я со злобной ухмылкой. — Садись, поговорим.

— Ты начинаешь меня пугать, — усмехнулся колдун, но его глаза оставались серьезны и холодны.

Холод отрезвлял.

— Так где все? — повторил он, присаживаясь за стол.

— Нат у себя, Сережа с Антоном телик смотрят, — пробормотала я, забыв все, что собиралась ему высказать. — А я вот... рагу готовлю...

— Луковое?

На столе передо мной рядом с недочищенной морковкой и двумя картофелинами стояла полная миска мелко нарезанного лука. Увлелась...

— Что-то случилось, Ася?

— Случилось? Нет... Да. Надо было предупредить о суккубе... — Я опустила опять заслезившиеся от лука глаза.

— Надо было. Извини.

Это было сказано так просто и спокойно, что я едва не задохнулась от возмущения. Я себя последней дурой чувствую, а он...

Но если бы я сейчас закатила истерику, потом чувствовала бы себя еще большей дурой.

— Как прошла встреча?

— Нормально.

— Оно и видно. — Не сразу, но если присмотреться, то видно было небольшой ярко-красный росчерк. — У тебя помада на воротничке.

— Помада? — Темный попытался сделать вид, что не понимает, о чем я. Потом оттянул в сторону ворот легкой светло-голубой рубашки и скосил глаза. — Застираю потом... А пока знаешь что? Позови-ка мне Сергея с Антоном, поговорить нужно.

— Я тебе секретарь? Иди к ним в комнату, там и поговорите. А я тут пока...

— Что? — спросил он мрачно. — Лучка еще подрежешь?

Черт! Я и не заметила, как взялась за новую луковицу!

Схватила миску, чтобы выкинуть ненужный лук в ведро, но Сокол перехватил меня у мойки.

— Оставь. Можно будет луковые котлеты сделать. У меня тетя готовила, вкусно.

— Я не умею.

От сжимавших мое запястье пальцев шло успокаивающее тепло... Добрый доктор, блин!

— Я умею. Оставь. И позови Антона и Сергея. А сама отдохни.

Я почувствовала, как начинают слипаться глаза, и со злостью вырвала руку из горячей ладони. И после этого он хочет, чтобы я ему доверяла? Запугивает, манипулирует эмоциями... Лезет куда надо и не надо со своей помощью!

В комнату к парням я влетела злобным вихрем. Захлопнула за собой дверь, с размаху плюхнулась на диван и щелкнула подхваченным на бегу со стола пультом: вместо разбитой в кровь физиономии до зубов вооруженного мачо на экране появилась хорошенькая блондинка в купальнике, демонстрирующая полное отсутствие целлюлита и интеллекта. Сияя намертво приклеенной улыбкой, красotka пыталась уверить зрителей, что жирная корова на фото в углу — это она сама до приема неких чудодейственных таблеток.

— Все, кина не будет, — объявила я в ответ на обращенные ко мне недоуменные взгляды. — Сокол вернулся, требует вас пред свои светлы очи.

Сережка задержался на минутку, присел рядышком, обнял за плечи.

— Насть, не злись, пожалуйста. Ну по-дурацкому вышло с девчонкой этой... И потом. Но это же мелочи, да?

Мне стало стыдно: снова обижаюсь непонятно на что, злюсь, а у него между тем судьба решается. Да и с Соколом можно будет потом отношения выяснить, пусть только Серого вытащит из всего этого, а там... А там сядет на своего «Грифона» — только его и видели.

— Конечно, мелочи. — Я поцеловала парня в губы, уже не чувствуя того исступленного влечения, просто и тепло, почти по-дружески. — Все хорошо. Иди.

Блондинка продолжала заливать о том, как «без диет и спортзалов» ей удалось превратиться из гадкой жирной утки в прекрасного лебедя. Захотелось швырнуть в нее пульт... И пусть Сокол платит потом за разбитый телевизор! Но я не стала этого делать. Решила, что лучше будет пойти к Нат и еще раз выслушать лекцию о том, что в ненормальном мире светло-темных магов все нормально и нервничать по каждому пустяку, будь то полуразложившийся зомби или очаровательный суккуб, не стоит.

Правда, в коридоре не смогла удержаться, чтобы не прислушаться к доносившимся из кухни голосам. Говорил Сережка:

— ...Почему мы не можем уйти, как ты сегодня? Прибежит опять твоя спортсменка...

— Мы можем, — ответил ему темный. — А ты — нет. За тобой особое наблюдение, Сережа. Да и Марина второй раз такого не повторит. Так что... Минутку.

Какая минутка? Секунда — ровно столько понадобилось ему, чтобы оказаться в коридоре рядом со мной.

— Когда уже закончится этот детский сад? — спросил он сердитым шепотом и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и впихнул меня в спальню Нат.

В подробности плана отхода нас с Натали так и не посвятили. Сокол лишь вскользь обронил за ужином, что уходим на новую квартиру первого, за день до того, как все начнется.

— Не поздно? — спросила баньши. — Как бы наши таинственные друзья раньше не подсуетились.

— Не подсуетятся, — уверил темный.

Он переглянулся с парнями. Антон уверенно кивнул, Сережка ответил загадочной и, как мне показалось, зловещей ухмылкой. Что же у них за план такой?

— Будешь много знать, скоро состаришься, — щелкнул меня по носу Серый.

Телепат, блин! Или это Сокол наябедничал, что я все время подслушиваю? Точно,

детский сад какой-то.

Кстати, о подслушивании.

— У меня вопрос. — Не зная, как еще привлечь к себе внимание, я подняла руку, автоматически поднимаясь с уровня воспитанницы ясельной группы как минимум до первоклашки. — А ничего, что мы так свободно обсуждаем... или не обсуждаем свои секреты? Магия-шмагия — это понятно, но есть же и другие способы узнать, чем мы тут занимаемся.

Спросила и тут же покраснела, представив, что кто-то в самом деле может быть в курсе наших дел.

— Не волнуйся, — успокоил заметивший мое смущение колдун. — Никто и ничего. Да, Антон?

Лысый стушевался, похоже, не меньше моего.

— Да, — выдавил он, поспешно запихивая в рот луковую котлетку. К моему удивлению, темный не соврал — нажарил. Получилось вполне съедобно.

— Это тоже секрет? — уточнила я, видя, что дальше никто из них объяснять не собирается.

— Уже нет, — усмехнулся Сокол. — Но в первые дни Антон был не в курсе некоторых моих способностей и понатыкал жучков по всей квартире. Оборудование хорошее, недешевое... Начальство, очевидно, очень ругалось, когда передатчики вдруг сломались.

Я вспомнила, как он нашел спрятанную Сережкой радионяню у меня в квартире. Чувствует их, что ли? Вибрация там какая-нибудь, излучение — черт его знает, как они работают. И меня то и дело под дверью ловит. Э-э... Я тоже что-то излучаю? Флюиды любопытства?

Впрочем, развивать эту тему не стали. Ни эту, никакую другую. Разговор заглох, так толком и не начавшись, а после ужина мужчины снова уединились, теперь уже в спальне Антона, и чай мы с Нат пили только вдвоем.

— Нет, они издеваются! — не выдержала баньши. — Мы тут для декора или как?

Она злилась куда больше моего: а как же — лучший друг не пожелал делиться информацией. Того глядишь, побежит отстукивать гневную петицию супругу... Черт! Что-то я шибко «добрая» стала, уже и на Натали срываюсь, хорошо, пока еще не вслух. А ведь ее вполне можно понять.

— Давай я схожу посмотреть, что они там делают? — предложила я в порыве раскаяния.

— Нет уж, я сама.

Вернулась она донельзя удивленная и растерянная. Оказалось, мужчины, запершись в комнате, играют в карты, а вместо чая, от которого они дружно отказались, у них бутылка виски. А нам было вежливо предложено не мешать и, если есть такое желание, открыть «Бейлис», который неизвестно откуда появился сегодня в холодильнике, и сыграть в шахматы.

— Давай, что ли? — вздохнула Нат, не видя иных альтернатив.

— Нет, я лучше спать...

Не хватало мне в довершение всего нарваться на прабабкино заклятье. И так уже нарушила один раз главное семейное правило, до сих пор расплачиваюсь...

Ночью мне снился странный сон. Луна в черном небе, пустая улица, темные окна домов и тонущие в тумане фонари... Между небом и землей раскачивался на длинной и толстой цепи гигантский брегет с агатовой каплей на крышке, и за золотым диском едва различался в густом сумраке силуэт мужчины в инвалидном кресле.

— Подойди, не бойся, — позвал он меня. — Не бойся.

Негромкий голос завораживал, размеренное покачивание маятника успокаивало. К тому же я знала, что это всего лишь сон.

— Ты прекрасна, — вздохнула восторженно темнота. — Ты жизнь. А я... Посмотри на меня...

Я застыла, не дойдя до него всего несколько шагов, когда вдруг узнала этот горький шепот. Узнала и пожелала тут же проснуться. Не вышло.

А он сам выехал мне навстречу из тени, и я отшатнулась, увидев бледное, осунувшееся лицо, на котором живыми, казалось, были только глаза, черные, как угольки...

— Посмотри на меня, — повторил он. — Видишь, как оно, Настюха...

— Нет. — Я затрясла головой. — Ты не он, ты не можешь им быть.

Ноги отказывались слушаться, тело сковал ужас — не отступить, не шевельнуться, когда тонкие холодные пальцы коснулись моей руки.

— Я не могу быть... без тебя. Только ты сумеешь помочь, Настя. Только ты. Ты же знаешь, что нужно делать?

ГЛАВА 17

Больше всего на свете мне не хотелось выбираться из постели, куда-то идти, что-то делать... Но за окном вовсю светило солнце, горланили птицы и скандальные тетки у подъезда, извещая о том, что утро далеко не раннее. Натали уже встала, а с кухни долетали беззаботные голоса и аппетитные запахи. Интересно, кто у нас сегодня решил блеснуть кулинарными талантами?

Потянулась... перевернулась на другой бок и снова закрыла глаза. Хорошо... Только оставьте мне кусочек... Что там у вас так пахнет...

— Просыпайся, соня, — прошептали мне на ухо. В шею ткнулось что-то теплое и колючее.

— Мм, Сережка... — Я попыталась спрятаться под подушку. — Побрился бы...

— А надо? Я думал, брутальная двухдневная щетина — это именно то, что нравится девушкам.

— Вот и иди к этим девушкам, — проворчала я.

— Глаза-то хоть открой, — усмехнулся Серый.

— Не хочу, мне и так хорошо.

— Насть, ну посмотри на меня.

...Посмотри на меня!

Я резко вскочила, испуганно озираясь по сторонам. Голос из сна прозвучал совсем близко...

— Все в порядке? — обеспокоенно спросил Сережка. — Ты так...

— Все хорошо. Действительно нужно вставать.

Он задержал меня на миг, обнял, внимательно взгляделся в лицо, выискивая причину внезапной тревоги... Телепат, угу. От сжимавших мои ладони рук шло живое тепло, такое же тепло было и в черных, как ночь, глазах. Тепло, нежность... Совсем не так, как в том сне.

— Насть, что-то не так?

— Нет. — Я замотала головой, отворачиваясь. — Просто... мне надо...

О чем только думают сценаристы романтических мелодрам? Они сами пробовали целоваться с утра пораньше, даже не почистив зубы? Неужели понравилось?

Коснулась колючей щеки плотно сжатыми губами и выскочила из комнаты... Ох, и чем же это так пахнет?

На раковине лежала вчерашняя рубашка Сокола: замоченный воротничок, судя по всему, долго и усердно терли. Прежде чем зашвырнуть эксклюзив от Gucci в ванну, я со злорадством отметила, что помада полностью не отстиралась.

...Качнулась на длинной цепочке золотой брегет...

Немного болела голова. То ли от недосыпа, то ли наоборот. В последнее время ни о каком режиме и речи не было, и мой бедный организм, за годы привыкший к определенному графику, не слишком хорошо относился к поздним чаепитиям и внеплановым побудкам.

...Темная улица, зыбкий свет фонарей...

Нервы опять же. Как-то не привыкла я к атакам зомби, похищениям и маньякам, режущим себя на кухне среди ночи. Суккубы мне тоже раньше не встречались. К

счастью. Нужно будет тетрадочку господина доктора еще раз пролистать и заварить себе что-нибудь покрепче. Успокоительное... Тьфу ты! Успокоительное конечно же.

...Человек в инвалидном кресле...

Умылась холодной водой. Хорошо. А что до больной головы — в сумочке должен быть анальгин... Пока еще тот чай заварится.

Посмотрела в висевшее над раковиной зеркало...

...Бледное лицо, горящие глаза...

«Ты знаешь, что нужно делать!»

— Настя! Ну наконец-то! — обрадовалась моему появлению Натали. — Мы тут уже слюной захлебываемся.

— Мм... — Я принялась. — Понимаю. И что это?

— Антон приготовил омлет с грибами, гренками... Еще с чем-то. Но пока ты не придешь, даже попробовать не дает!

— Хочу, чтобы Настя первая оценила, — смущенно пролепетал охотник.

— Либо он решил тебя отравить, либо Сергею пора ревновать, — с ухмылкой вывел Сокол.

Сегодня колдун изображал из себя respectable джентльмена, восседая за столом с газетой в руках, в новой отглаженной рубашке, строгих костюмных брюках... и босой. А газетка наверняка прошлогдняя, с хозяйских антресолей.

— Снова куда-то собираешься? — Я проигнорировала его насмешку.

— Была такая мысль. А что, хочешь составить компанию?

— Похоже, Сергею в самом деле пора ревновать, — состроил злобную рожицу Серый.

— Давай ты потом этим займешься, а? — предложила Нат, ерзя на стуле от нетерпения. — Антош, дели уже свой омлетик! Не вынуждай меня повышать голос.

Голос... Далекий и близкий... Голос в моей голове...

— Хлеб забыли нарезать. — Я направилась к шкафу.

— Настя, ну вот же он! — Баньши указала на тарелку, на которой были разложены тоненькие кусочки пшеничного батона.

— Я черный хочу. У нас ведь остался?

Взяла из шкафчика нож. Аккуратно проверила пальцем лезвие — острый.

Обошла вокруг стола, ища доску для резки. Видела же где-то здесь!

— Антон, не заставляй людей нервничать. — Сокол отложил газету. — Накладывай. Обещаю, что не притронуся, пока Анастасия не снимет пробу.

Я стояла как раз за его спиной. Видела сильные широкие плечи, загорелую шею, темные волосы. Вдруг захотелось подойти к нему, прижать к себе, запустить пальцы в густую шевелюру...

— Настюха... — Сережка сглотнул. — Насть, т-ты чего?

Натали испуганно застыла с открытым ртом. Светлый замер с ложкой в руке, а на стене позади него выросла тень и медленно двинулась в мою сторону.

— Антон, не смей. — Голос Сокола звучал негромко, но ровно и уверенно. Даже несмотря на то, что я сейчас одной рукой держала его за волосы, а второй уже прижала к горлу отточенное лезвие кухонного ножа.

По щекам потекли слезы. Пальцы намертво вросли в рукоять. Надавить и резко в сторону...

— Ася, убери нож. Пожалуйста.

— Не... могу...

— Послушай меня. Слушай меня, только меня, поняла? Брось нож.

— Я не могу!

Сделай же что-нибудь, придурок! Усыпи меня, выруби! Иначе — надавить и в сторону. Я и так держу его из последних сил!

— Ася...

Он едва шевельнулся, и рука дрогнула. Вскрикнула Натали, зазвенела в шкафах посуда...

— Не надо... — Я захлебывалась слезами, но понимала, что не могу этому противостоять. Я знаю, что нужно делать: надавить и в сторону. Только так.

— Выйдите все. Антон, Сергей, Наташ, пожалуйста, выйдите.

Зачем он делает это? Зачем велит им уйти? Неужели не понимает, что у него нет шансов справиться с этим в одиночку? И у меня нет. Надавить и...

Я закрыла глаза. Пустая улица, темные окна домов... Фигура человека в инвалидном кресле под фонарем в конце темной дороги. Он ждет. Я должна ему помочь. Должна...

— Не слушай никого, только меня. — Голос Сокола заставляет вернуться в реальность. — Только меня, слышишь? Ты слышишь?

— Да, — всхлипнула я.

Рука уже болела от напряжения. Но если я расслаблюсь, если позволю ей жить своей жизнью...

— Я не могу тебе помочь. — Он сказал «тебе», а не «себе», словно это в мою шею сейчас врезалось лезвие ножа. — Я ничего не могу сделать, Ася. Ты сейчас закрыта для любого воздействия, кроме того, под которое уже подпала. Ты же понимаешь, что это не ты? Тебе ведь не за что меня убивать...

Зомби, спящие, суккубы, страшная сказка, в которую превратилась всего за неделю моя тихая, размеренная жизнь, — разве это не повод?

И человек в инвалидной коляске. У него Сережкины глаза и чужой, жесткий взгляд, Сережкин голос, но с резкими незнакомыми нотками. Он сказал, что я нужна ему. Я жизнь...

— Помнишь, мы говорили о доверии? — Колдун, еще секунду назад напряженный до предела, вдруг расслабился, мягкие волосы выскользнули из моих пальцев, и голова мужчины откинулась назад, уперлась мне в живот. — Я тебе доверяю.

Мгновение замешательства. Для меня, не ожидавшей от него таких слов. Для меня, не понимающей, что же он задумал. Сердце замирает. Рука с ножом неуверенно вздрагивает...

Дальше помню лишь сомкнувшуюся на запястье клешню. Резкий рывок. Помню, как что-то хрустнуло в плече и как тяжело стало дышать, когда лицо уткнулось в пахнущую дорогим одеколоном рубашку. Несколько болезненных ударов о столешницу выбили нож из не желавших разжиматься пальцев, и я почувствовала, что начинаю задыхаться, — никакой магии, только сдавившая горло рука.

— Прости...

Хотела сказать, куда ему пойти с этими извинениями, но воздуха не хватало даже на

стон. А потом — темнота...

Длинная улица и человек в инвалидном кресле под еле светящимся фонарем...

— Что это? — Голос Натали долетал, казалось, с ночного неба.

— Все, что я могу сейчас сделать.

И Сокол. Живой.

Человек под фонарем укоризненно покачал головой. Порыв холодного ветра подхватил с асфальта колючую пыль и швырнул мне в лицо. Я зажмурилась...

Открыла глаза и увидела склонившегося надо мной Сережку. Лишь на миг, прежде чем вернуться на пустую темную улицу.

— Что в шприце? Что ты собираешься ей вколоть? — Серый злился, его пугала неопределенность и, наверное, то, что сам он ничем не может помочь.

А кто может?

Мужчина в инвалидном кресле скривил в ухмылке губы: никто, все бесполезно. Я и сама это понимала. Мне не уйти из этой темноты. Не уйти от него...

— Я не проверил сразу, но, похоже, они успели взять у нее кровь, пока она была без сознания. Теперь пытаются управлять ею и на ментальном уровне, и на физическом. Привязку я не разорву, но если немного изменить состав крови, это ослабит воздействие.

— Алекс стал на диво предусмотрительным. — Нат говорила тихо, но человек под фонарем слышал каждое слово.

— Алекс или тот, на кого он работает. Акопян не смог бы взаимодействовать с Ван Дейком напрямую. Нужен медиум, который призвал бы дух голландца. Мы снова утыкаемся в неизвестного телепата... Придержи ей руку.

Игла вошла в вену, но боли я почти не почувствовала. Куда сильнее болела сейчас голова — просто раскалывалась. Я так и не выпила таблетку, не заварила чай... И Антошкиного омлета не попробовала, а он старался...

— Ася, ты меня слышишь?

— Да.

Не только слышу, но и вижу: побледневшее лицо, глаза, в кои веки не ледяные — живые, взволнованные. А на шее тоненькая алая полоска, и несколько темных капель расплылись на рубашке — снова стирать...

— Отправь меня в кому, — попросила я шепотом.

В кому. В тишину. В пустоту. В стерильную чистоту реанимации. Лучше туда, чем снова на темную улицу к чужаку с Сережкиным лицом.

— Раньше нужно было соглашаться, — натянута улыбнулся Сокол. — Сейчас просто держись.

Держаться. Неплохая мысль. Только за что? За кого? Закрою глаза и снова окажусь на пронизывающем ветру, под блеклыми фонарями...

— Держись, Настюха. — Серый крепко сжал мою руку. — Все будет хорошо, вот увидишь.

Лицо чужака, словно маска, наложилось поверх родного, с детства до последней черточки знакомого лица, день за окном померк, и по комнате заскользили тени. Я не хотела возвращаться во тьму, и тьма решила прийти ко мне...

— Сокол, — негромко окликнула колдуна Натали. — Не похоже, что ей намного лучше

после твоих манипуляций. Нельзя пускать все на самотек, потом может быть поздно.

— Я знаю. Антон, дай мне телефон. У тебя же есть номер Ле Бона?

Держаться. Не поддаваться тьме. Остаться в реальности, на постели в комнате Нат, рядом с Серым... которого почти уже не видно за мрачной иллюзией.

Да, умом я понимала, что это всего лишь иллюзии — и пугающие тени, и искажающие лица маски, и зловещее эхо, сопровождающее теперь каждый звук. Понимала, но не могла избавиться от страха в сердце, и подпитываемые этим страхом мороки обретали силу...

— Антоша. — Когда охотник приблизился (они все подходили ко мне время от времени), я схватила его за руку. — Антош, а зачем ты хотел меня отравить?

Нелепая попытка пошутить провалилась с треском.

— У нее бред, — пролепетал лысый.

— Нет, — сказал уверенно Сережка. — Не бред. Да, Насть? Она спрашивает, почему ты хотел, чтобы она первой попробовала твой омлет.

Милый мой, хороший. Только ты всегда понимал меня с полуслова. Промелькнул перед глазами наш старый дворик, голубятня, теремок в парке, буквы на стене коммуникационного туннеля. «С+Н=Д». Сначала ты выцарапал «Л», а потом навел внизу еще одну черточку, будто расставил все на свои места. А теперь мы снова все перепутали. Зачем?

— Так ты про омлет? — Антон присел рядом с кроватью, прямо на пол. — Ну, понимаешь... — Он огляделся и понизил голос до шепота. — Понимаешь, я готовить не умею. Совсем. А Ксюшка мне после одного фильма говорит про героя: вот, мол, какой мужчина, сам готовит, завтрак любимой в постель подает... А это вообще боевик был! Взрывы, погони, главный герой всю дорогу кого-то мочит — а ей этот завтрак запомнился! Ну и мне, значит, тоже... Короче, я этот рецепт нашел в Интернете, несложно вроде. Попробовал приготовить пару раз — ничего так. А Ксюшке... Вдруг не понравится? А тут как раз случай проверить. Думаю, если Насте понравится... Натали еще есть, конечно, но она... другая какая-то. А вы с Ксюшкой моей чем-то похожи. Улыбаешься ты тоже так...

Последние слова лысого утонули в нарастающем шуме чужих голосов: зловещее перешептывание, ругань, крики, плач. Секундная тишина, ощущение легкости и полной свободы... И стремительное падение. Удар — я вздрогнула всем телом — и боль. Боль заполнила все вокруг, как и тьма. Ни лиц, ни даже силуэтов, ничего и никого... Только вдали, в самом конце длинной улицы, мерцает одинокий фонарь, тускло освещая сидящего под ним человека в инвалидной коляске...

— Сокол! — Сережкин крик звучит тише, чем шепот теней. — Сокол, ей хуже, она...

— Ася! — А этот совсем издалека. — Ася, посмотри на меня, пожалуйста.

Короткая вспышка света. Взволнованное лицо. Шрам на виске. Глаза цвета неба.

— Ася...

И мир опять погрузился во мрак.

Боль.

Холод.

Фонарь впереди, но под ним станет еще хуже.

Не знаю, сколько времени я провела в темноте, — я не считала секунд и уже почти не

надеялась и не думала ни о чем, как вдруг пугающий шум вокруг стих, а мрак начал потихоньку рассеиваться, словно где-то там, невидимое мне, поднималось над миром страшных иллюзий солнце. Стало теплее, и голова уже не раскалывалась: легшая на лоб ладонь прогоняла боль.

Я с опаской открыла глаза, боясь вновь увидеть уходящую вдаль пустую дорогу, и расслабленно выдохнула: надо мной вместо черного неба простерся беленый потолок спальни. Только рядом не обнаружилось ни Сережки, ни Сокола. На краешке постели сидел мсье Ле Бон и довольно улыбался, протирая платочком блестящую от пота лысину.

— Bonjour, mademoiselle, — приветствовал он меня. — Comment vous sentez-vous?

— Desol ee, je ne parle pas francais, — тут же среагировала я.

Но наверное, чтобы он поверил, следовало все-таки сказать это на каком-нибудь другом языке.

Кто-то негромко рассмеялся, кажется, Сокол, и в этом смехе было больше облегчения, чем веселья.

Бельгиец с усмешкой продолжал ждать ответа.

— Je vais mieux. Merci. Но давайте лучше по-русски? Я сейчас не очень...

— Я видеть, что вы не очень, mademoiselle, — закивал пузан и гордо задрал нос. — Я помогаю! Или вы думать, толстый мсье только мочь приходить и смешно топтать ноги?

Если честно, я вообще об этом не думала. Но логично было бы предположить, что занимающий не самый низкий пост в своей организации бельгиец обладает соответствующими этой должности способностями.

— Я выиграть время, — он посерьезнел, обернувшись туда, где замерли в ожидании Натали и темный, — но нье прогнать это совсьем. Сильный связь чьезь кровь. Сильный t el epathe и другой мастьер, тот, кто мочь работать с кровь. Льекарь, как вы, или некромант. Mademoiselle надо иметь свой поручитель за жизнь, чтобы порвать эта связь.

— Поручитель? — переспросила я.

— Человек, который дать свой кровь за вас. Кровь нарушать другая кровь.

— Я могу, — сказал сидевший в изголовье Серый.

— Вы? — прищурился толстяк. — Вы не мочь. Вы свой жизнь не мочь поручаться.

— Тогда я, — с готовностью выступила Нат.

— Вы мочь, — кивнул Ле Бон. — Последний слючай. Два женьщин — пльхой связь. Ньет harmonie.

Я посмотрела на Сокола, но его взгляд был направлен куда-то поверх моей головы, а в глазах сверкали привычные и уже ненавистные льдинки.

— Остается Антон, — бросил он без раздумий. — Ты же не откажешься помочь? Вот и хорошо. Говорите, что нужно делать, Виктор.

Ле Бон велел свернуть ковер и нарисовать на полу какой-то знак. Кажется, показывал его темному на экране мобильного, но мне опять стало нехорошо, и я не особо понимала, что происходит вокруг. Тени не вернулись, но иногда сквозь стену я видела темную улицу и фонарь вдалеке и боялась закрыть глаза, чтобы не оказаться там...

— Вы не все рассказать мне тот раз. Так?

— Я все рассказал вам, Виктор. Анастасию схватили на улице, усадили в машину, усыпили. Я сумел догнать похитивших ее спящих, но не подумал, что они могли взять у нее кровь.

Версия для широкой общественности. Молодец, Сокол. Гни свою линию. Мы же никому не доверяем. Только на словах. Иногда...

— Mademoiselle говорить вам свой сон? Ньет? Я видеть. Она встречать человек с личина ее ami. Он просить помогать. Убивать вас. Она же так дьелать? Но уметь остановиться. Mademoiselle очень нье хотеть ваша смьертъ, monsieur Соколъ. Тот человек хотеть. Ви знать, я думаю, это кто есть?

— Ван Дейк. Уже примеряет новое тело и ищет первую жертву... Уже нашел.

— Oui. Я тоже считать так. Он мочь отпустить mademoiselle, когда видеть, что она нье висьполнить приказ...

— Он никогда и никого не отпускает, Ле Бон. Поэтому я и обратился к вам. Помогите, а на благодарность я не поскуплюсь.

Выковырай из руки монетку и верни ее колобку.

— Ми потом это обсуждать. Пока рисовать схема.

— Я могу чем-то помочь? — вмешалась в разговор Натали.

— Фрай Эбель? Ви тоже хотеть рисовать?

— Если можно.

— Можно. Бьерите бумага, ручка и рисовайте котики. Котики успокаивай ваш ньерв. Идите, madam, рисовайте и нье мешать нам тут.

Хлопнула дверь.

— Браво, Ле Бон, — похвалил насмешливо Сокол. Из-за высокой спинки кровати при всем желании не могла рассмотреть что-то вычерчивающего на полу колдуна. — И долго вы мечтали сказать ей что-то подобное?

— Многие годы, — со вздохом ответил бельгиец. — Но я думать, это быть мне радость.

Иногда мы сами не понимаем своих желаний.

Они еще о чем-то говорили, но я уже не прислушивалась. Снова навалилась тяжесть, заломило виски, а в глазах то темнело, то вдруг хотелось зажмуриться от болезненно-яркого света. И в конце концов я сдалась, выбрав темноту. Слава богу, это была обычная темнота, и я пребывала в ней в счастливом одиночестве.

Мне было почти хорошо.

А потом меня зачем-то подняли с мягкой уютной кровати и уложили на твердый пол. Хотела возмутиться — голос не слушался. Хотя бы взглянуть, что происходит, — глаза отказывались открываться. Откуда-то издалека долетали обрывки разговоров и непонятных слов — возможно, на латыни, но я бы сейчас за это не поручилась, как и за то, что все происходящее не еще один сон.

— ...А теперь надо руку резать?

— Антоша, ты в каком веке живешь?

Запах табака и дорогого парфюма. Сдавившие предплечье пальцы. Игла словно раскаленная. У нас тут не Средневековье: стерильные шприцы и вата со спиртом, прямо как в поликлинике. И добрый доктор Франкенштейн...

— Уходить все! Нечьего видеть. Mademoiselle отдыхать.

Мадмуазель отдыхать на полу?

Слава богу, нет. Теплые руки, знакомые, родные. Едва уловимый аромат активно рекламируемого по всем каналам дезодоранта — того самого, перед которым и ангелы не устоят. Колючая щека, о которую с нежностью трусь носом. Снова кровать...

— Она спать мало. Потом лежать. Час, два, три. Пока голова переставать болеть. Не надо бить одна. Говорить, слушать. Видеть. Вечер бить, как новенький.

— Нас она и старенькой устраивала.

Надо же, темный, я тебя, оказывается, чем-то устраивала. А чем-то, видать, не вышла, раз так резво за Антошкой спрятался...

— Спасибо, Виктор. Я ваш должник. Но я не люблю оставаться в долгу...

Интересно, почему нынче Настя? Смотри не переплати...

Я еще не спала, когда он вернулся. Вошел, негромко окликнул державшего меня за руку Сережку. Глаз я по-прежнему не открывала, но голоса слышала уже отчетливо.

— Идем, пока время есть, обсудим еще кое-что. Влад звонил Антону...

— Знаешь, Сокол, мне уже не очень нравится наш план.

— Есть другой?

— Нет, но Настюха...

— Ты же слышал Ле Бона? С ней все будет в порядке.

— Нужно сказать ей, чтобы она не...

— Нет! — резко и твердо. — Или ты не понимаешь, что на кону? А Ас-с... Настюха твоя все поймет. Потом.

Настюха ничего понимать не желала и попросту отключилась, так и не узнав, чем кончился этот разговор.

Когда я проснулась, в комнате никого уже не было, и меня это даже порадовало. Правда, ненадолго: опять разболелась голова. Но на этот раз боль не сопровождалась пугающими картинками и провалами во тьму — обычная такая головная боль, как после трудного рабочего дня или бессонной ночи.

— О, ты уже не спишь? — заглянул в комнату Антон. — Хочешь... Чего-нибудь хочешь?

— Чего-нибудь — нет. Только пить. А омета, боюсь, мне не оставили.

— Обижает!

Охотник умчался на кухню, а через минуту вернулся со стаканом минералки и тарелкой.

— Ну и-и?

Омет был очень вкусный, несмотря на то что давно остыл. Повезло все-таки Ксюше, да...

— Настя, знаешь, что я подумал?

— Что?

— Ну мы с тобой теперь вроде как не чужие. — Антон смутился, но краснеть не стал. Жаль, у него это так мило выходит. — Ле Бон, конечно, ничего такого не говорил, но... В общем, я решил, что ты мне теперь как бы сестра... Двоюродная. Или троюродная. Дашь мне свой номер? А я тебе свой запишу. Созвонимся потом как-нибудь. Может, в гости к нам выберешься. На Хортицу съездим, там красиво, тебе понравится...

Нет худа без добра: вот я и братом обзавелась.

Хорошо, что Антон решил таким образом трактовать этот кровный бартер, а то Ксюшка-то у него наверняка ревнивая. Искусает еще, а мне не слишком хочется потом прививки от ложной ликантропии делать и полгода лысой башкой отсвечивать.

— Ты чему улыбаешься?

- Ничему, Антош. Просто так. А Серый где?
- Он... Они с Соколом там, в комнате. Разговаривают. Позвать?
- Нет, не нужно, — решила я. — Пусть общаются, раз есть о чем.
- Ле Бон сказал, чтобы ты одна не оставалась...
- А ты со мной не посидишь?
- Я посижу, если не возражаешь, — сказала от двери Нат.

Она неспешно приблизилась к нам, положила руку на плечо охотника:

- Иди, Антоша. А мы тут... О своем, о женском.

Что-то изменилось в ней. Синие глаза уже не казались такими яркими и будто поблекли, веки припухли, заметнее стали тянущиеся к вискам тоненькие лучики морщинок.

- Наташ, что случилось? — спросила я, когда новоявленный братец вышел из комнаты.
- Ох, Настя. — Она не присела — буквально упала рядом. — Настенька...

И вдруг разрыдалась, порывисто прижав меня к груди.

- Спасибо тебе. Спасибо, — слышала ее негромкие всхлипывания. — Милая моя, хорошая, спасибо.

Я оторопело молчала, не понимая, чем вызвала эти слезы и за что удостоена горячих благодарностей. Пусть успокоится, тогда сама объяснит.

- За Сокола, Настя, за него... — Она начала рассказывать еще до того, как иссякли слезы, и я с трудом разбирала слова. Но еще меньше понимала их смысл. За Сокола? Спасибо? — Ле Бон сказал... Сказал, что шансы были минимальные. Ты должна была просто подойти к нему и... А ты сдержалась, смогла. Спасибо.

- Наташ, я...

Я этого не сделала бы. Никогда. Но мне не позволили договорить.

— Жизнь — сложная штука, Настя. — Нат отпустила меня, позволив снова прилечь на подушки. Утерла рукавом слезы. — Слишком сложная, особенно наша. Работа, будь она неладна. Положение. Черствеешь, грубеешь. Перестаешь замечать и ценить что-то важное. Но есть вещи... Я не знаю, как объяснить. Вещи, события, люди... Якоря, которые удерживают тебя, не дают сорваться. И Сокол — мой якорь. Один из немногих оставшихся. Поэтому... Давай я тебе просто расскажу? Это не бог весть какой секрет, но в наших досе тот случай не значит, и известно о нем немногим. А ценен он, наверное, только для нас двоих... А может быть, только для меня. Это давно было. Мы с Францем год как поженились, ждали ребенка. Ты же знаешь, как ведьмы рожают? Ах да, откуда тебе... В общем, смысл сводится к тому, что ведьма — я ведь тоже ведьма в каком-то плане — обязательно должна пройти весь путь до конца, должна родить ребенка самостоятельно, впустить его в мир, поделиться жизнью, поделиться силой. Это не просто приметы — это научная теория, подтвержденная многовековой практикой. Ну а мне с моими, хм, вокальными данными, сама понимаешь... Вдруг закричала бы как-то не так? Не сдержалась бы? Франц за полгода нанял лучших специалистов, оборудовал родильную палату прямо у нас в доме. Какие-то серьезные дядьки осматривали меня, что-то измеряли, записывали, обещали во всем разобраться и найти приемлемый выход... А за три недели до установленного срока Ник решил появиться на свет, и выход нашелся только один — кесарево. И вот представь, меня уже готовят к операции, я реву, как дура, вокруг врачи бегают, и входит Сокол. Кирилл тогда у нас жил, а он просто к брату приехал — я о нем и думать забыла: гуляет себе мальчик по усадьбе, ну и пусть гуляет. А тут зашел: халат, шапочка — до сих пор не знаю, кто их ему дал, — настоящий доктор, и плевать, что только-только на второй курс перешел. Подходит ко мне и вдруг как схватит за горло. «Ты у меня, — говорит, — Наташка, сейчас родишь и не пикнешь», а я смотрю на него и понимаю: и правда не пикну. И так страшно стало: мне же и до этого

предлагали искусственную немоту устроить, только предупреждали, что голос, возможно, полностью уже не восстановится. То есть голос-то восстановится, а способности — уже нет. И тут этот недоросль влез! И хоть бы что ему. Я в панике, а он присел в сторонке и, представляешь, командует оттуда врачам: давайте, мол, начинайте, а я посмотрю. Насть, поверишь, убить была готова. Я мужа не пустила, не хотела, чтобы он это видел, а тут какой-то пацан заявляет, что он посмотрит! Слова сказать не могу, слезы в два ручья, меня чуть ли не силком на родильный стол волокут... А этот нахал еще и ухмыляется: «Гордись, Наташка, ты у меня первая будешь!» А потом... Потом помню, как Ник закричал. Слава богу, не в меня удался. Слышу его и чувствую, что и сама уже могу... Да так могу! А Сокол... Акушерка Ника обтерла, в пеленку завернула и мне несет, а он просто подходит и, ни слова не говоря, забирает у нее малыша и уже сам приносит мне. «Поздравляю, — говорит, — у вас мальчик... Всегда мечтал это сказать». Разворачивается и уходит. Оказалось, у него в тот вечер самолет был домой. И увиделись мы в следующий раз уже почти через три года, когда он насовсем к Кирюшке перебрался...

Натали умолкла, перевела дух, смахнула вновь выступившие за время рассказа слезы и посмотрела на меня:

— Прости, сентиментальные бредни... Только не знаю, как еще объяснить, кто он для меня и что. И сколько у нас потом еще всего было, но тот день...

— Я понимаю, Наташ. Честно, понимаю.

Я действительно ее понимала, как понимала и то, о чем Натали не сказала и что она, возможно, сама не успела обдумать за то короткое время, пока смотрела на нож, готовый обрубить ее якорь: если бы мне не достало сил сдержаться, крик баньши убил бы меня уже в следующую секунду. Хорошенький был бы конец у нашей сказочки, Сокол. Жили они недолго и несчастливо, зато умерли в один день.

Как же здорово, что еще есть на свете настоящая дружба. М-да...

— А хочешь я тебе фотографии покажу? — предложила Нат. — Ника, Франца, дом наш? У нас там хорошо. Может быть, приедешь как-нибудь. А что? Давай, а? Паспорт есть? Я тебе визу за день оформлю...

Угу. Сразу же после Хортицы — к вам.

Прям отбоя от приглашений нет. Сейчас еще Сокол для полного счастья в гости позовет — и все, можно считать, жизнь удалась.

Когда пришел Сережка, мы с Нат рассматривали фотографии. Женщина уже успокоилась, комментировала с улыбкой каждый снимок. Сыном, красивым парнем, таким же черноволосым и синеглазым, как и она, открыто гордилась. О муже говорила с теплотой и нежностью. Иногда попадались старые семейные фото, на которых мелькали то Кирилл, то Сокол, но ни о том ни о другом она больше не заговаривала, пролистывала молча.

— Что у вас тут? — Серый присел рядом со мной.

Натали проворно захлопнула нетбук.

— Уже ничего. Сережа, побудешь с Настей? А я пока придумаю, что бы такого на ужин сварганить. Нужно же отметить первую победу над Ван Дейком?

Темный прошел мимо приоткрытой двери, но даже не заглянул. Мог хотя бы из вежливости...

Щелкнул замок.

— Куда это он? — непонимающе нахмурилась Нат.

— Да ну его, — отвернулся Сережка. — Пусть валит.

Баньши бросилась к окну, с минуту ждала, чтобы увидеть, как колдун выйдет из подъезда, а потом развернулась к нам, озадаченная еще больше:

— Он с сумкой. Сел в такси. Куда? Зачем?

— А я знаю? — взорвался парень. — Твой дружок, сама и спрашивай.

— Вернется, спрошу, — хмуро пообещала Нат.

Она ушла, а Сергей так и сидел, уставившись в пол и крепко сжав мою руку. Левую. А на правой уже потемнели на запястье кровоподтеки от «доверчивого» захвата темного и вдруг заболели спустя несколько часов отбитые о стол пальцы. Боль, уколами сотен иголочек, пробегала до плеча и отдавалась в висках гулким эхом...

— Сереж, что случилось? Вы поспорили? Он... Он же вернется?

— Вернется, куда он денется.

— А зачем он вообще...

Серый сердито стрельнул глазами, и я прикусила язык. Точно, вернется, сама спрошу... у Натали. Если, конечно, Сокол соизволит ей что-нибудь объяснить.

— Серый, ты... Ты мне доверяешь? — Господи, что за дурацкий вопрос! И прицепилось же. — Ты можешь объяснить, что он задумал? Что у вас за план?

— Хреновый у нас план, — выговорил парень, сцепив зубы. — Идиотизм полный. Но другого нет.

— Может, еще появится. До первого еще три дня, вдруг придумается что-то. Получше.

— Может быть, — согласился он без энтузиазма. — Только ты не волнуйся, хорошо? Ни о чем не волнуйся, Насть.

Успокоил называется. Стало страшно, как под тем фонарем. Но я мягко отняла у Серого руку, пока он не наставил мне новых синяков, и пообещала ни о чем не переживать.

А потом мы просто сидели рядом и молчали... Как в тот день, когда не стало отца. Тогда я, дождавшись из больницы маму и только увидев ее глаза, забилась в угол в своей комнате, откуда меня не смогла вытащить даже приехавшая через час бабуля, а потом кое-как добралась до телефона, набрала Сережкин номер и тихо, ничего не объясняя, плакала в трубку. Спустя каких-то двадцать минут, пробежав полгорода, он был у нас, так же сидел около, не зная, что сказать, но от одного его присутствия становилось легче.

Мне очень хотелось верить, что теперь я помогаю ему так же, как и он мне в тот раз.

Сокола к ужину мы не дождались. Празднование не задалось.

Но я смогла выйти к столу, даже помогла немного Нат. Только резать хлеб пришлось Антону.

Посидели. Поели. Поговорили о каких-то пустяках. Попили чая.

Натали еще задержалась на кухне, сначала перемыла посуду, а после снова общалась с кем-то в Сети, то ли с мужем, то ли с сыном, то ли сразу с обоими. А я сразу же ушла в комнату и завалилась в кровать. Хотелось проспать сутки, а лучше — сразу до третьего. Проснуться и увидеть, что все уже хорошо. Но уснуть не получилось даже на час. Наташа уже сопела на своей половине широкой кровати, а я все еще ворочалась. Наверное, ждала.

Когда открылась с тихим щелчком входная дверь и из коридора послышался звук осторожных шагов, вышла из спальни. Остановилась, прислонившись к стене, ничего не говоря и ни о чем не спрашивая.

Колдун прошел сперва в свою комнату, бросил там сумку, затем — в ванную, чтобы вымыть руки, и только потом на кухню, в качестве приглашения оставив за собой

распахнутую дверь, которую я плотно прикрыла, войдя следом.

— Ну? — Он стоял посреди комнаты, выжидающе сложив на груди руки. — Отчего не спишься?

Я выдержала его взгляд и постаралась скопировать косую ухмылку:

— Да вот, снова Ван Дейк является, говорит, что нужно бы тебя добить.

— Так вперед. — Гад неблагодарный равнодушно передернул плечами. — Тебе нож подать или в этот раз душишь будешь?

— Лучше нож. Душить, как у тебя, у меня, боюсь, не получится.

Я вспомнила сдавившие горло пальцы и непроизвольно коснулась шеи. Голубой лед с хрустом пошел мелкими трещинками.

— Ася, ты... молодец...

Точно! А теперь пожми мне руку, раз уж почетную грамоту нарисовать не сподобился!

— Не м олодец, а девица, — поправила я, прежде чем забросать его вопросами. — Что происходит? Где ты был? Почему Сережка снова на взводе?

— Сережка? — скривился колдун. — Сережка твой сидит в уюте и тепле, пока мы с тобой от зомби отбиваемся и с призраками воюем. Видно, уже с жиру бесится.

— Наверное, — не стала я спорить. — Тебе видней. Кирилл так же бесился, пока ты его не успокоил?

Только Богу известно, чего мне стоило произнести эти слова, но другого способа пробиться к нему, настоящему, живому, как в той вспышке света, на миг разогнавшей готовую сожрать меня тьму, я не видела.

Сокол дернулся, словно от оплеухи, зажмурился и резко отвернулся. Медленно прошел к окну и уткнулся лбом в стекло.

— Как тебе Ван Дейк? — спросил он, когда от тишины уже готовы были полопаться натянутые нервы. — Впечатляет, да? Говорили, он совсем обезумел, когда высосал силу Мокоши, но это чушь, Ася, полная чушь. Мы с ним общались, можно сказать, пока я работал с седьмым вместилищем. Очень тесно. Расчетливая, злопамятная сволочь. Угрожал. Уговаривал. Обещал все муки ада или власть и неограниченные возможности. Видимо, Алекс еще тогда купился на эти обещания. А я... Кирилла он выбрал не случайно. И к полноценному вселению не стремился, как сейчас. Создал мне все условия для продолжения исследований — я же сам этого хотел.

Темный умолк. Обернулся ко мне, и я отшатнулась, увидев его глаза.

— Голландец создал мне все условия. И я закончил свою работу.

«Если думаешь, Сокол просто сидел рядом и держал его за руку, ошибаешься, — услышала я голос некроманта Шурика. — Я видел тело: следы инъекций, ожоги в местах крепления электродов... Конечно, все решили, что так он удерживал Ван Дейка, чтобы тот не разгулялся, но я-то знаю правду. А теперь и ты тоже».

Теперь я знала эту правду наверняка.

— Это было последнее, о чем Кирилл меня попросил: разобраться с этой сволочью. В последней просьбе не отказывают. Тем более...

Он не договорил, но я поняла, что он хотел сказать. Сокол винил себя в смерти брата не меньше, чем Ван Дейка, а может, и больше, так как он навлек на себя гнев голландца, а после сам же его и выпустил.

— Ты действительно знаешь, как перекрыть каналы и не впустить его? — спросила я спустя несколько минут молчания, чтобы вернуть его из прошлого в настоящее.

— Мы разрабатывали способы перемещения сущностей, которые не были бы привязаны к определенному времени и астрологическим циклам. — Его голос, ровный и бесстрастный, был похож на автоответчик. — Усовершенствовали формулы Ван Дейка. Взлом можно было произвести уже за сутки до вселения, чтобы заказчику не пришлось ждать. Закрытие каналов рассматривали на случай отсрочки... Да, я знаю, как это сделать, хоть и не проводил тестов на людях. Но эксперименты на крысах и собаках заканчивались успешно в девяти случаях из десяти.

Девяносто процентов — это не сто, а крысы не люди. Но я смолчала.

— Ты забрал все файлы и уничтожил копии. Зачем?

— Зачем? — Сокол задумался. — Наверное, затем, что жизнь дается лишь раз. Очевидно, это неспроста, и не стоит вмешиваться в установленный порядок вещей. А благие намерения: жизнь насильника и убийцы в обмен на жизнь умирающего от СПИДа художника, вечный Да Винчи и долгоиграющий Моцарт... Алекс ведь говорил тебе о долгоиграющем Моцарте? Не мог не сказать — ему редко удаются удачные шутки, и каждую он повторяет раз по сто... Благими намерениями, Ася, я вымостил дорогу в свой персональный ад. И не хочу, чтобы за мной пошли другие.

Если бы сейчас он спросил, доверяю ли я ему...

Но он ни о чем не спрашивал. Молча подошел ко мне и взял за руку, так же без слов накрыл ладонью оставшиеся от его пальцев синяки на запястье. К коже как будто приложили лед, а взволнованно бьющееся сердце успокоилось и вернулось в привычный размеренный ритм...

— Мило.

Я вздрогнула, услышав за спиной Сережкин голос.

— Тоже не спится? — Сокол спокойно отпустил мою руку, на которой теперь не было ни пятнышка. — Тогда составь Анастасии компанию, а я пойду прилягу.

Он прошел мимо Серого, задев того плечом, и скрылся в неосвещенном коридоре. Парень сердито рыкнул и, даже не взглянув в мою сторону, направился за колдуном.

Господи, не хватало сейчас каких-то неуместных разборок!

Но когда я подошла к их комнате, услышала только негромкий и вполне мирный голос темного:

— Держи себя в руках, Сережа. Ты сам нервируешь ее раньше времени...

И конечно же в следующий миг дверь распахнулась.

— Доброй ночи, Ася, — пожелали мне с насмешливой полуулыбкой.

Доброй ночи...

ГЛАВА 18

Наверное, он что-то сделал, когда держал меня за руку, что-то, от чего я спокойно спала всю ночь, без тревог и без снов. Но вот пробуждение никак нельзя было назвать приятным.

Сначала что-то стукнуло в стену, затем с грохотом повалилось на пол. Захлопали дверьми, затопали.

— Да пошел ты...

Я зажала руками уши: маршрут Сережка предлагал затейливый. Кому, интересно?

Хотя вариантов не так уж много.

— Хамить мне не надо, Сережа. Могу и ответить.

— Да черта с два ты что-то можешь! Только стволом размахивать!

— Чего это они? — шепотом спросила у меня Натали.

Я пожала плечами. Видимо, продолжают вчерашний разговор.

— Я тебе, Сережа, и без ствола навешаю — до конца жизни хватит. — Сокол повысил голос, а поскольку делал он так нечасто, знак был недобрый.

— До конца жизни? — рассмеялся Серый. — До конца? Денька на три, да?

— Истерику прекратил! — гаркнул колдун. — Иначе я это сделаю. И мои методы тебе не понравятся.

— Сейчас весь дом перебудят. — Натали встревоженно выбралась из постели. — Совсем с ума сошли!

Часы показывали начало десятого, вряд ли в доме кто-то, кроме нас с ней, спал до этого времени. Но, подойдя к окну, я заметила, что крики из нашей квартиры привлекли внимание караульных у подъезда. «Алкаши» обсуждали что-то, задрав головы, тетка с таксой замерла на дорожке, и даже собака, казалось, посматривает вверх и прислушивается. Точно, с ума сошли!

— Что вы тут устроили? — вылетела я на кухню.

— А, Анастасия, — скривился при виде меня темный. — Утихомирьте своего приятеля, бога ради... Достал уже!

— Чего?!

Не знаю, что сделал бы Серый, если бы я не встала между ним и Соколом, отчего-то вновь перешедшим в обращении ко мне на «вы».

— Сереж, пойдём...

— Насть, не лезь, пожалуйста. Сами разберемся.

— Вы не разбираетесь, вы орете друг на друга. Может, успокоиться и нормально поговорить?

— Нормально, Анастасия, говорят с нормальными людьми, — желчно ввернул от окна темный. — Сергея я к этой категории с недавних пор не отношу.

— Да ты... ты...

Сережка не стал отталкивать меня с пути, чтобы прорваться к обидчику, схватил со стола сахарницу и со всей дури швырнул в раскуривающего сигарету колдуна. Не попал, но оконное стекло разлетелось вдребезги, и Сокола, кажется, задело осколками.

— Ах ты ж гаденыш, — прошипел он. — С-сопляк! Я тебе сейчас...

— А ну прекратили! — Натали встала в дверях, уперев руки в боки. — Иначе сейчас я орать буду. Антон! Антон, ты где?

— Здесь, — как по волшебству появился рядом с ней охотник.

— Антон, как единственный нормальный мужчина в этом доме, можешь мне объяснить, что происходит?

Лысый развел руками.

— Ясно. Тогда слушайте оба сюда...

Провести воспитательную работу Нат помешал звонок в дверь.

— Соседи, — хмыкнула она. — Или охрана наша переполошилась.

Скорее второе. Соседи не слишком торопятся принимать участие в скандалах, чтобы и себе не отхватить.

В выводах я не ошиблась. Антон открыл и негромко уверил кого-то, что у нас все в порядке. И сахарницы у нас сами по себе летают, да. В это, возможно, даже поверили бы, если бы выскочивший в коридор Сережка не накинулся на визитера:

— О, примчался! Кто послал, если не секрет? Ле Бон? Ван Дейк? У вас там как, если по совместительству работаешь, налоговая не сильно прижимает?

— Да заткнись ты уже! — Сокол выбежал следом, отпихнув меня, а потом и Натали, и сгреб парня за грудки. — Визжишь, как баба!

— Кто — баба? — Серый извернулся, вырвался у темного из рук и резко ударил того кулаком в живот. — Я баба? Да ты у меня сейчас...

Ударить второй раз колдун ему не позволил: перехватил кулак у своего лица, с силой оттолкнул и тут же замахнулся сам...

— Сережа!

Парень пошатнулся, но устоял на ногах. Из рассеченной губы по подбородку потекла кровь.

— Все рассмотрел? — выверился Сокол на замершего на пороге светлого, того самого очкарика, что вел нас по городу перед тем, как Акоюн «пригласил» меня на конфиденциальную встречу. — Теперь пшел отсюда!

Он с грохотом захлопнул дверь у него перед носом и повернулся к Сергею:

— Продолжим? Или тебе хватило?

— Хватило. — Серый скривил разбитые губы. — До конца жизни...

Я хотела подойти к Сережке, успокоить, расспросить, что случилось, но он оттолкнул меня, не сильно, скорее просто отстранился, и, бросив недобрый взгляд на Сокола, побрел в комнату. Пойти за ним темный мне не позволил, сжал руку и покачал головой.

— Пусть побудет один. Поостынет. А вы... Приведите себя в порядок, Анастасия Валерьевна. В доме посторонние мужчины, а вы разгуливаете, как... как не пойми кто.

Что? Я вспыхнула и вырвала у него свою руку. Не пойми кто? На мне были майка и шорты, заменявшие мне пижаму с первого дня на этой квартире, и ничего неприличного в этом наряде я не видела. Да и ночью он мне претензий не высказывал.

— Оденьтесь! — велел он приказным тоном. — Нат, тебя это тоже касается!

— Сокол... Ты что, пьян? — обалдела Натали. — Что за...

— Оделись, обе! Причесались, почистили зубы и приготовили завтрак! Десять минут на все! Я понятно говорю?

Наташа оторопело попятилась, в растерянных синих глазах заблестели слезы.

Сволочь ты все-таки, Сокол! Ладно я, но на нее-то зачем орать?

Тем не менее спорить с темным желанием не было. Мы послушно вернулись в спальню, я натянула джинсы и футболку, Нат надела скромное белое платье. Причесались. По очереди сходили в ванную. Уложились в отведенное нам время, только завтрак, конечно, приготовить не успели. И аппетита не было...

— Милиция приехала, — сообщил стоявший у разбитого окна Антон. — Наверное, кто-то из соседей вызвал.

— Прекрасно. — Сокол затушил сигарету.

Никто не рискнул напомнить ему, что курить теперь нужно на балконе, и темный дымил прямо посреди кухни, стряхивая пепел в раковину.

— Настя, — позвал из коридора Серый. — Иди сюда.

Я вышла, и парень тут же сунул мне в руки мою сумочку. Большая сумка, в которой мы привезли сюда свои вещи, стояла у его ног.

— Сереж, что ты...

— Пойдем. Нечего нам тут делать.

— Серый! Да что происходит, в конце концов? Ты можешь мне объяснить?

— Могу. Вот по дороге и объясню. И про Сокола, и про его гениальный план.

— Куда-то собираешься, Сережа? — материализовался рядом колдун. — Не поторопился?

— Нет. Как раз успел.

— Глупостей только делать не надо.

— Не бойся, не наделаю.

Сережка схватил меня за руку и, как я не упиралась, потащил к выходу. За дверью обнаружился расхаживающий по площадке молодой человек в милицейской форме.

— Здравствуйте... — начал он строгим, полагающимся при исполнении тоном.

— До свидания, — буквально отшвырнул его с дороги Серый. — Давай, Настюха, быстрее!

Он волок меня вниз по ступенькам, и я едва успевала переставлять ноги. На выходе из подъезда путь преградил один из «алкашей», но Сережка, не останавливаясь, попросту сшиб его плечом, и мы вылетели на улицу.

— Быстрее, Насть. Быстрее!

— Сережа...

— Сергей! — раздалось за спиной, и мы с парнем одновременно споткнулись от этого окрика и замерли.

Между лопаток пробежал холодок.

Сережка отпустил мою руку и развернулся к догнавшему нас Соколу.

— Я же тебя предупреждал, Сережа?

Темный стоял шагах в десяти от нас, направив на Серого пистолет. Еще метров десять, и мы свернули бы за угол дома. Еще две минуты, и остановили бы одну из проезжающих мимо машин...

— Я тебя предупреждал?

Светлые на лавочке, милиционеры в припаркованном у клумбы «бобике» — неужели никто ничего не делает?!

Никто. Ничего.

Я шагнула вперед, чтобы, как с утра на кухне, встать между ними, но Сережка оттолкнул меня в сторону. А в следующий миг грянул выстрел. И еще один...

Я даже не закричала. Не смогла. Дыхание перехватило, ноги подкосились, и я упала.

А Сережка стоял еще какое-то время, и по белой рубашке расплывались, сливаясь, два алых пятна...

Когда он рухнул на землю, мир вокруг нас ожил. Кто-то закричал, бросился к Серому... Как будто теперь можно было что-то изменить... Бравые ребята в форме, пересилив страх, выскочили из машины и повалили на асфальт и не думавшего сопротивляться Сокола. За их спинами промелькнуло на миг испуганное лицо Нат...

Выгуливавшая таксу женщина неспешно приблизилась к Сережке, положила ладонь на шею. Отрицательно покачала головой, глядя на спешащего к ней очкарика. Но тот решил удостовериться сам и досадливо сплюнул, брезгливо тряхнув рукой, на которую попало несколько алых капель.

— Вы врач? — подбежал к нему молоденький милиционер, тот самый, который поднимался к нам в квартиру. — Здесь есть врач?

До сегодняшнего дня я была уверена, что так кричат только в кино. В глупом кино с погонями и выстрелами...

— Здесь есть врач, — прозвучал, перекрывая суетливый гам, отрешенный, лишенный эмоций голос. — Но ему он уже не нужен.

Господи... Что же ты наделал, Сокол? Пусть тебе плевать было на Серого, на меня... Но как ты сам будешь жить после этого? Снова...

Темного усадили в машину. Натали о чем-то спорила с блюстителями порядка, но в конце концов ей разрешили поехать с ним. Хлопнула дверца, и «бобик» медленно выехал со двора. Мигалки на крыше у них не было...

Потом примчалась «скорая». Быстро, не так, как за папой, всего минут через пять или десять, но все равно поздно. Сережку переложили на носилки, накрыли простыней... Я все это время сидела на земле, не решаясь приблизиться к нему, но когда тело уже собирались погрузить в машину, опомнилась, вскочила на ноги и рванулась вперед.

— Вы вместе? — спросил молодой светловолосый доктор в аккуратной белой шапочке. — Поедете с нами.

Что-то было неправильное в этом предложении, совсем не те слова, не те интонации... Не так, как в кино.

В кино Сережку уже очертили бы мелом, натянули бы ярко-желтые ленты вокруг, и строгие милиционеры отгоняли бы от места преступления праздных зевак. Тут же из людей в форме остался лишь один щупленький парнишка. Он без слов наблюдал за действиями медиков, а затем подхватил с дорожки сумку Серого и забросил в «скорую». Забрался следом, присел рядом со мной и скомандовал:

— Трогаем!

Чтобы не смотреть по сторонам, ни на симпатичного доктора и здоровяка-медбрата, ни на милиционера, ни на накрытое белой тканью тело, я тупо пялилась на свои руки. Разглядывала облупившийся лак на ногтях, чистую кожу на запястье, на котором колдун наставил вчера синяков, а потом сам же и вылечил... Сегодня тоже сможешь все исправить, Сокол?

— Нормально уже отъехали, — сказал спустя несколько минут медбрат.

— Точно, — согласился доктор и вдруг толкнул лежавший на носилках труп. — Подъем, покойничек!

Простыня зашевелилась, и я зажмурилась, а когда открыла глаза, Сережка уже сидел на полу передо мной, грел в ладонях ставшие вмиг ледяными пальцы и виновато улыбался разбитыми губами...

— Насть. Настюха, ты только не нервничай.

Две темные дырки на рубашке и огромное красное пятно...

— Мать вашу! — выругался «доктор», подхватив меня за миг до того, как я должна была оказаться на полу рядом с Серым, воскресшим в очередной раз. — Вы ей не сказали? Охренели совсем! Ромка! Ромка, наштагырь давай!

— Не надо... — выдавила я, боязливо касаясь теплой небритой щеки. — Точно, что охренели...

— Я же говорил, что план идиотский.

— Нормальный план, — обиделся «доктор». — Кто бы вам еще за пару часов такой сценарий расписал?

Он стащил с головы накрахмаленную шапочку, пригладил светло-русые волосы и скромно представился:

— Влад. Режиссер, сценарист и постановщик трюков. А это Ромка, — кивнул он на «медбрата», — гример. И Женька.

— Пиротехник, — отрекомендовался «милиционер». Заметил испуг в моем взгляде и поспешил успокоить: — Взрывать мы сегодня ничего не будем. Разве что в самом крайнем случае.

— Влад, — повторила я, продолжая растерянно гладить колючую щеку. — Антон сказал, Влад с бандой приедет...

— А мы что? — усмехнулся режиссер. — Мы банда! Работы все равно пока нет, реквизит всегда при нас, фантазия работает. Транспорт и гардеробом уже тут разжились. Мне Сокол когда сказал, что его, — он указал на Сережку, — из дома живым не выпустят, я сразу предложил... Блин! — Брат кусачей девушки Ксюши хлопнул себя ладонью по лбу. — Сокол!

Он достал из кармана мобильный и быстро набрал номер.

— Да. Нормально. Ушли... Ведут, в курсе. Но это временно. Вы как? Угу...

Оборотень прикрыл телефон ладонью, оглядел нас с Сережкой и абсолютно серьезно поинтересовался:

— Кто из вас Ася?

Я с полминуты смотрела на протянутый мобильник, прежде чем поняла, чего от меня хотят, и осторожно прижала трубку к уху... Убила бы гада! Был бы сейчас здесь, убила бы!

— Да?

Тишина, а затем почти безразличное:

— Как ты?

— Жива.

— На Сергея не злись, он хотел тебе рассказать, но тогда могло не получиться.

— Почему?

На Сергея не злись... А больше там никого не было, да?

— Потому что ты совершенно не умеешь врать. Да и Наташка тоже. К тому же я не знал всех способностей нашей охраны. Если бы там был телепат или хотя бы эмпат, вас вмиг раскусили бы, а я был занят тем, что прикрывал Сергея: нужно было замедлить сердцебиение, чтобы они поверили в то, что он действительно мертв...

Серый стащил рубашку, отлепил от груди какую-то плоскую подушку с проводками и металлическими впаиками, всю залитую красной краской, с выжженными в центре черными дырками. Видимо, Сокол вчера притащил. С утра набил старыми газетами сумку, чтобы она не выглядела пустой... В одной из газет заметил интересную статью и дочитывал потом за завтраком. Встречу с Владом пришлось перенести, но к вечеру он все же выбрался, сел в такси... Как ему удалось уйти от хвоста? Да никак, скорее всего. Просто сел в машину, выбросил газеты, перемигнулся через зеркало с водителем-оборотнем, а на сиденье уже ожидал приготовленный киношниками реквизит...

Я не могла знать этого наверняка, но отчего-то была уверена, что так все и происходило.

Он покатался по городу под бдительным присмотром светлых и шпионов Ван Дейка. Заехал в пару магазинов или на вокзал. Может, даже озадачил наблюдающих, покопавшись в камере хранения... Несколько раз сменил транспорт, выводя Влада из-под подозрения, и вернулся на квартиру. Прочитал Сережке нотации, чтобы тот не нервировал меня раньше времени... Ха-ха! Держи себя в руках, Сережа, ей еще завтра смотреть, как я тебя убивать буду. Пусть хоть выспится перед этим. Доброй ночи, Ася...

И все же он что-то сделал. Что-то, отчего мы с Натали спокойно проспали почти до половины десятого, когда они взялись за воплощение первого этапа своего идиотского плана. Стук, крики. Сережка орет у распахнутого настежь окна. Сокол, обычно сдержанный до тошноты, отвечает тем же. Караульные у подъезда прислушиваются, но явного интереса не обнаруживают. И тогда — по плану или чистой воды импровизация — летит в окно сахарница. Серый трижды выигрывал районный чемпионат по дартс, он не промахнулся бы... И не стал бы при других обстоятельствах посудой швыряться, словно ревнивая жена, скорее кулаком съездил бы. Да он и съездил. И ему тоже. Но это было уже представление для очкарика. Все рассмотрел? Теперь пшел отсюда! Сережа пока к выходу приготовится, а их темнейшество дам поторопит, а то не учли, что кого-то придется из дома в пижамах вытаскивать. Грубо, но эффективно — вон как засуетились. Успели к тому времени, как Антоша дал отмашку: «Милиция приехала. Наверное, кто-то из соседей вызвал». О соседях тоже не забыли, молодцы. Женя-пиротехник чин чином поднялся на этаж, покрасовался перед прильнувшими к глазкам бабками...

И грандиозный финал!

Если среди присматривавших за нами светлых действительно был телепат, мои мысли и чувства должны были стать для него дополнительным доказательством. Неопровержимым доказательством.

Какой же ты все-таки гад, Сокол! Но... Спасибо. За ту навалившуюся слабость, за полную отрешенность, за то, что я не сошла с ума ни во дворе, сидя на земле рядом с неподвижным телом Серого, ни в машине, когда он вдруг встал с носилок... Встретимся — а мы встретимся, темный, — убью!

— Ася?

— Я в порядке.

— Точно?

— Точно. — Я постаралась, чтобы в голосе не прорезалось лишних эмоций. Совсем никаких эмоций. — А вы с Сережей молодцы. Прекрасно сыграно. «Оскар» обоим.

— И мне, — добавил прислушивавшийся к разговору оборотень. — Как режиссеру и автору сценария.

— И Владу, — согласно добавила я. — Каждому по золотой статуэтке... Не буду уточнять,

в какое место.

— Ты в порядке, — констатировал колдун. Мне показалось, что он улыбнулся.

Щелчок и короткие гудки. Поговорили...

— Сейчас Вован свободную частоту найдет, можно будет нормально общаться, — пообещал Влад. — А в морге уже увидите.

— Где? — Я подумала, что ослышалась.

— В морге! — радостно повторил оборотень. — Скоро все там будем!

Прозвучало это в высшей степени оптимистично.

— Насть, все хорошо? Что он сказал? — Сережка надел чистую футболку, согнал с места пиротехника Женю и уселся рядом со мной.

— Сказал, чтобы я на тебя не сердилась. — Я прислонилась к его плечу. — Я и не сержусь.

Оборотни между тем... А кстати, они все тут оборотни или только Влад? Внешне определить было сложно, потому что у парней не наблюдалось «традиционных признаков»: ни хищного блеска в глазах, ни удлинённых клыков. Но кем бы они ни были, все трое сейчас сосредоточенно и, как мне показалось, не без любопытства смотрели в заклеенное зеркальной тонирующей пленкой окно в задней двери на преследующий «скорую» уже знакомый мне красный «пежо». Светлые не удовлетворились констатацией смерти объекта наблюдения или заподозрили что-то...

— Вовчик! Что со связью? — прокричал кому-то Влад.

— Ща будет! — отозвались из кабины. — Ща... Тут таксисты, но я ща...

— Это Вовчик, — представил Влад невидимого обладателя хриповатого баска. — Спец широкого профиля... Вован, если за две минуты не сделаешь, я те профиль подпорчу, ты меня знаешь! А за рулем Санек — водила экстра-класса. Жаль, в городе не разгуляться, так что верьте на слово...

Если верить ему на слово, то у них не банда, а «Лига экстраординарных джентльменов».

— Есть связь! — отрапортовал Вовчик.

— Прекрасно! — режиссер хлопнул в ладоши. — Работаем.

Он вынул из-под сиденья небольшую картонную коробку.

— Разбирайте.

Женя с Романом тут же выудили какие-то штуковины и прицепили себе на уши. Присмотревшись, я увидела пластиковые клипсы беспроводной гарнитуры для мобильных.

— Берите-берите, на всех хватит. Вовчик, а чего тихо?

— Ща включу! Ща...

— И Вадику маякни, пусть своих пассажиров экипирует. Ну что, где...

В наушнике что-то затрещало.

— О, все! Есть! Ребята, канал наш на час. Вадим, что у вас?

— Порядок, — ответили вместо неведомого Вадима знакомым уверенным голосом. — От хвоста ушли на светофоре. У вас как?

— Пока ведут, но мы уже... Димон, готов? Через три минуты будем у тебя. Красный «пежо» сразу за нами...

— Готов, — коротко бросил кто-то.

Влад с предвкушением потер руки:

— Ну-с, насладимся зрелищем?

Что за зрелище ожидается, он не предупредил, но после того, как у меня на глазах расстреляли Сережку, я была уверена, что переживу любое «кино».

«Пежо» катил за нами в неспешном ритме городских улиц. Светлые не таились, крутой водила Санек не предпринимал попыток оторваться. Просто едем, везем груп, да... Возможно, они и не заподозрили ничего, а просто хотят проследить, куда доставят тело, чтобы потом сообщить руководству. Ле Бон уже в курсе случившегося, я думаю. И Акопян тоже. И Ван Дейк...

Спина вдруг стала влажной от холодного пота: Ван Дейк! Его не обманешь этим спектаклем, он почувствует Сережку, где бы тот ни был, найдет его все равно. Сможет ли он установить его точное местопребывания и сообщить своим пособникам через медиума? Видимо, Сокол уверен, что нет, иначе не стал бы все это затевать... Наверное. Доверяю ли я тебе, темный? Не знаю. До сих пор не знаю. Что-то не так во всем этом деле, что-то еще ты задумал...

Терзаясь сомнениями, я продолжала вполглаза посматривать на ехавший позади «скорой» автомобиль светлых. На перекрестке без светофора мы притормозили, пропуская спешащие по главной дороге машины, и «пежо» прижался почти вплотную. Но когда путь был свободен, Санек резко сорвался с места, увеличивая отрыв, люди Ле Бона замешкались, а спустя секунду, вылетев на перекресток, их автомобиль с грохотом врезался в мчащий им наперерез мотоцикл.

И я все-таки вскрикнула.

— Ася?! — отдалось в ухе встревоженное.

Слава богу, ударом мотоциклиста отбросило в сторону. А машина светлых еще несколько метров протащила застрявший под капотом байк и остановилась. Скоро мы потеряли их из виду.

— Спокойно, — подмигнул мне Влад. — Это Димка. Наш каскадер. Еще тот жук. Не удивлюсь, если он с этих лохов бабла собьет, чтоб миром разойтись, пока гайцы не приехали... Сокол, «пежо» из ралли выбыл. Осталась «волжара», но Жека им на следующем перекрестке взрывпакет подкинет...

— Совсем сбрендили? — прорычал наушник Антошкиным голосом. — В «Волге» я.

— Ой, зятек! — наигранно удивился оборотень. — Прости, не признал. Богатым будешь. А как разбогатеешь, сотку вернешь, что в прошлом году занимал.

— Верну я, верну, — пробурчал охотник. — Забываю просто. Вот сейчас приедем...

— Антон! — вмешалась в переговоры Натали. — Моя сумочка у тебя?

— Да у него она, не волнуйся, — устало и, видимо, уже не в первый раз уверил Сокол.

— А косметичка? Косметичка на столике лежала...

Я стянула с уха клипсу и уткнулась в грудь Серому, давась тихим, но искренним и почти не похожим на истерику смехом.

Дальше добирались уже без происшествий. Въехали на территорию больницы, остановились у дверей морга. Почему морга? Влад объяснил, что это на случай скрытого наблюдения. Если мы все-таки не все хвосты обрубим, прибытие «трупа» в морг отсеет лишние подозрения. А пока мы будем сидеть внутри (в компании настоящих трупов, брр!), оборотень с друзьями и Сокол проверят наличие слежки и подыщут пути к незаметному отступлению.

Сам колдун вместе с Натали, как я знала, уже сменил транспорт, в каком-то пустом переулке пересев в «цивильный» автомобиль, а «бобик» порулил в милицейский гараж, где его, собственно, и ангажировал за выделенные темным средства Влад.

— Жаль, времени мало, — сокрушался постановщик. — Деньги есть, можно было бы такую схему раскрутить...

— Мы ушли, это главное, — осадил его по общей связи Сокол. — И имеем несколько часов в запасе. К вечеру они все равно поймут, что мы их кинули, но уже ничем не помешают.

Говорил ли он о людях Ле Бона или о соглядатаях Алекса, было непонятно, но хотелось верить, что мы избавились и от тех, и от других.

У морга Серого вновь уложили на носилки и накрыли простыней для достоверности.

— Рома, берись аккуратно, — режиссировал наши действия Влад. — Скорбящая вдова рядышком.

Я споткнулась: всюду мерещились зловещие пророчества.

— Не бойся, — попытался успокоить меня оборотень. — Внутри из живых только дежурный врач.

Я и неживых тоже боюсь. Вспомнила кукурузное поле. Если бы Акопян знал, где мы сейчас...

К счастью, дальше приемных покоев идти не пришлось. Доктор, благостного вида седой и сутулый старичок, кивнул на кушетку, негромко переговорил о чем-то с Владом, сунул в карман халата сложенный вдвое конверт и удалился... не хочу даже думать куда.

— Саня, машину отгони. — Оборотень отошел к окну и оттуда координировал действия «банды». — Ром, пройди по аллеям, глянь, что тут и как... Сокол, вы где уже?

— Подъехали, стоим у травматологии, это рядом. Натали сейчас пойдет к Роману, вместе погуляют. Еще кто-нибудь пусть проверит подъездную дорогу со стороны школы.

— Жека, глянь. Заодно Вадика встретишь.

Я слушала эти деловитые переговоры, пока не начала засыпать, прижавшись к Сережкиному плечу. Все-таки сумасшедшее было утро...

— ...Нормально. Иду к вам.

Отставить спать!

Он вошел, и Сережка с Владом тут же кинулись навстречу. Приветствия (как будто с утра друг другу морды не били), рукопожатия. Скупые мужские слезы радости... слава богу, решили отложить для другого случая.

— Были проблемы? — Обеспокоенный голос Серого эхом повторялся в наушнике.

О чем он? Я не сдержалась и все-таки обернулась к колдуну: под глазом у того всеми цветами радуги переливался роскошный фингал.

— Проблемы? Всего одна. Наташкой зовут.

Браво, Нат! Снимаю шляпу!

— Ася, я бы попросил обойтись без злорадства.

Ты это мне? Я вообще молчу, Сокол. И разговаривать с тобой не собираюсь.

— Сейчас посижу немного, передохну. Избавлюсь от этой особой приметы, и выдвигаемся.

А сразу что, силенок не хватило?

Черт! Ладно, извини...

— Насть, ты в норме?

— Да, Сереж. Все хорошо.

Если не считать моих мысленных пререканий с их темнейшеством.

Нервы, все нервы...

Вырваться из морга, пусть мы провели там совсем немного времени и не увидели ничего жуткого, было счастьем. Солнечный летний день, голубое небо, зелень деревьев — красота!

— Знаешь эту больницу? — спросил у Сережки темный.

Тот отрицательно помотал головой.

— Ася?

— В общих чертах. Вон там — детская поликлиника, там — взрослая, а прямо — роддом.

— Роддом через дорогу от морга, — хмыкнул колдун. — Символично. Где травматология, помнишь? Идите туда спокойно. Я сразу за вами. Натали уже в машине. Влад, — это в микрофон оставшемся в помещении оборотню, — подстрахуй со своими. Антон, у тебя все тихо?

Ну точно кино!

Мы с Серым свернули на узкую асфальтированную дорожку и не спеша пошли в сторону двухэтажного кирпичного здания. Ох, скорей бы! Квартира — плевать какая, — ванна и постель. Хотя бы коврик в прихожей. Но перед этим чай. Не муть в пакетиках, а «нормальный». Ни за что не поверю, что Сокол не припас пачку крупнолистового. А там, может, и мамины травки захватил...

Когда до машины, в которой ожидала нас Нат, оставалось уже рукой подать, путь нам преградил глобус на длинных ножках. Натурально глобус. Крупное изображение земного шара на голубеньком платице растерянно замершей перед нами девушки обретало забавную объемность за счет солидного срока беременности. Вот что на самом деле символично, темный!

Я улыбнулась будущей мамочке и уже примерилась обойти ее по газону, а Серый вдруг остановился как вкопанный.

— Аленка?

Я чуть не навернулась с бордюра...

— Здравствуй, Сережа.

Именно такие ему и нравились всегда: высокая, намного выше меня, в недавнем прошлом — стройная и фигуристая. Длинные темные волосы, карие глаза, чуть вздернутый носик и пухлые губки. Все, что надо.

— Ты...

Если бы она могла бежать, побежала бы.

— Я... Я в консультации была... С мужем... Он в аптеку пошел, вон в ту... — Она махнула рукой куда-то в сторону.

Нет там никакой аптеки. И не было никогда.

— Ясно. А я вот... Это Настя...

Идиот.

— Привет. — Во второй раз улыбка получилась не такой искренней, но получилась. — А я... тоже с мужем. Тоже потерялся где-то...

Темный, не будь сволочью, ты же все прекрасно слышишь!

— Нигде я не потерялся. — Крепкие пальцы сжали мой локоть.

Спасибо.

— Вот. Это Вася, — ляпнула я первое пришедшее на ум имя.

— Василий, — подтвердил Сокол, подхватывая и пожимая безвольно обвисшую руку девушки. — Очень приятно.

— Мне тоже... очень. Я пойду. Да... Извините...

Она свернула с дорожки и припустила прямо по траве к просвету между больничными зданиями быстро-быстро. Но догнать еще можно...

— Вы чего это? — непонимающе уставился на нас с Соколом Серый.

Телепат хренов!

— Нет у нее никакого мужа, — сказала я, не глядя на него.

— И срок около тридцати девяти недель, — добавил от себя господин доктор. — Последние деньки бегают.

Сережка громко сглотнул. Обернулся на голубое платье, потом — на меня. И снова на нее.

— Насть...

Ну чего тебе еще? Благословения моего, что ли?

— Там дорога, Серый. Маршрутки ходят. Уедет, потом можешь и не найти.

Не будь придурком. Прав темный: сейчас упустишь, а потом уже поздно будет. Или уже забыл об обязательном условии любого воскрешения? Везунчик ты все-таки, Сережа...

— Сокол? — Парень посмотрел на колдуна.

— Десять минут, — разрешил тот. — Максимум пятнадцать. Влад, у нас тут форс-мажор. Пригляди. Антон...

— Да я слышал, — отозвался охотник. — Бывает же! И правда подфартило, если вспомнить...

Счастье через край, да.

— Эндометриоз второй... нет, третьей степени, — под нос себе бормотал Сокол. — Врачи не рекомендуют прерывание беременности с таким диагнозом. Не категорически, но и гарантий не дают, что потом все будет нормально.

У него все чудеса объяснимы.

Мне бы что-нибудь объяснил...

— Ася, иди в машину.

— А смысл?

Я ждала, я честно ждала, что у него найдется ответ на этот вопрос. А потом развернулась и пошла, как и Алена, прямо по газону, но только в другую сторону.

— Антон, видишь нас? — Темного я слышала теперь только в наушнике.

— Да. Нашли время мылодрамы устраивать!

— Антоша, заткнись, — вежливо попросила Натали. — Настя, остановись, пожалуйста...

Я сняла клипсу и зашвырнула далеко в траву. Вот так вот!

Хреновая у меня получилась сказочка и закончилась соответственно.

ГЛАВА 19

В маленьком зале бара сумрачно и пусто. В середине рабочего дня граждане еще не спешили выпивать, но к вечеру ожидался наплыв посетителей, и бармен, смазливый блондинистый парнишка лет двадцати, старательно протирает рюмки.

Я присела у стойки.

— Чай? Кофе? — тут же осведомился юноша.

— Водку с мартини, — потребовала я угрюмо. — Взболтать, но не смешивать.

Он улыбнулся одними губами — вежливо дал понять, что оценил шутку. Но я не шутила. Это до мальчика скоро дошло, и спустя минуту передо мной стоял наполовину наполненный стакан. А еще через секунду в нем остались только кубики льда.

— Еще.

Прапрабабка Настасья хитрое заклятье на наш род наложила. Как мама объясняла: «Рюмку выпьешь, вторую, а за третьей уже и рука не потянется. А потом с двух рюмок мутить будет, как иных с пол-литра». Сегодня я не хотела, чтобы меня мутило с двух рюмок, и придумала, как обойти вековой запрет. Дело не в том, сколько. Все дело в скорости. Организм должен подать сигнал: хватит, мол. Вот тогда и рука не потянется. Но если он, организм, не успеет понять, что его осознанно накачивают алкоголем...

— Еще!

Я глотала залпом, не чувствуя вкуса.

— Еще. Еще. Ф-фух... Себе!

Снова снисходительная улыбка.

— Я серьезно. Угощаю.

Мальчик послушно наполнил стакан. Выпил за мое здоровье.

Я сделала вид, что не заметила того, что себе он наливал совсем из другой бутылки. Считай, что развел, красавчик!

А потом, когда меня окончательно развезет, этот симпатяга принесет счет, в котором наверняка будет пара лишних строчек. Без разницы. Лишь бы такси вызвал. И поеду я домой. К Жорику. К Петровичу. К безымянным мышкам... О, мышки! Назову-ка я одну из них Серым, а вторую Аленкой, и пусть они мне полную банку мышат нарожают...

А можно... Можно Асей и Васей. А потом выпустить их во дворе, и пускай идут себе. В разные стороны.

— Еще?

— Давай. И счет.

Хорошего понемножку. И нехорошего тоже.

Лишь бы в кошельке оказалось достаточно денег, чтобы рассчитаться за этот внеплановый банкет. Привыкла за эти дни к красивой дармовой жизни, когда Сокол все оплачивал. И пельмени из супера, и полеты на «Грифоне». Пельмени, блин! Темный платил, а я покупала пельмени! Хоть бы раз лобстеров взяла, что ли... А теперь все, не судьба. Не видать тебе, Ася, ни лобстеров, ни фей с единорогами... Ни Сокола...

Кошелек завалился на дно сумки... А сумка казалась бездонной. Парадокс.

Зато рука нашарила что-то маленькое и странное. Не помаду, не скотч, не коробочку мятных леденцов. Я вытащила неведомое нечто, поставила на стойку и долго пыталась сообразить, каким образом это сюда попало. Я была уверена, что выкинула чудо-зелье от шутниц-фей сразу же после ухода Ле Бона. Перепутала сумку с мусорным ведром? Ну, я

много чего в последнее время перепутала, так что неудивительно.

Подумала и вылила содержимое флакончика в стакан с любимым напитком Бонда. Так мне и надо. Колобка с пары капель пронесло, а меня от такой дозы разорвет к чертовой матери. Зато не придется платить за выпивку — кошелек-то так и не нашелся...

— Ваш счет.

— Спасибо.

Я вздрогнула, услышав этот голос, а потом медленно обернулась к присевшему на соседний табурет мужчине. Он уже достал бумажник и, не заглядывая в принесенный блондинчиком листок, положил на стойку крупную купюру. Мальчик, сегодня твой день — этот тип сдачи не берет!

— Это Вася, — решила я познакомить бармена с неожиданным благодетелем. — Человек, превративший мою жизнь в сказку! Что можешь сказать в свое оправдание, Василий?

— Андрей.

— Это не оправ... Что?

— Андрей. Соколов. Сокол — со школы еще прицепилось. Коротко, удобно. Привык уже.

— А... А я Настя. — Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться на его лице. — Ася тоже можно...

— Я помню. Пошли отсюда?

— Нет. — Я так замотала головой, что чуть было не потеряла равновесие и не упала со стула. — Я тут п-пю...

Отхлебнула «взрывного» коктейля. Боже, ну и гадость!

— Буду сидеть, пока выпивка не закончится... Вот!

— Все, закончилась. — Он отобрал у меня стакан и опустошил в один глоток. Скривился. — Черт, что за дрянь ты пьешь?

— Это яд, — созналась я. — И теперь мы с тобой умрем... Андрюша.

— Умрем, — кивнул он. — Но давай не сегодня?

Оптимист. Я бы с ним согласилась, если бы зал не поплыл перед глазами, а ноги не налились свинцовой тяжестью и не потянули вниз с высокого табурета...

— Ася! — Темный поймал меня, не позволив свалиться на пол, посмотрел как-то странно, притянул к себе... — Какого черта?! Ты... На тебе... проклятие?

— Проклятие, заклятие, — пробормотала я, думая, как здорово было бы устроиться у него на груди и отключиться. — Прапра... бабка заклятие... такое наложила... чтобы не пили... вообще...

— Господи... Ну и дура!

— Я?

— Прапрабабка твоя! — Сокол встряхнул меня и попытался поставить на ноги. Попытка успехом не увенчалась. — Это же надо было такое... Сколько ты выпила? Ася, я спрашиваю...

Не дождавшись ответа, он схватил со стойки счет. Мальчик, конечно, пририсовал там пару лишних порций, но даже если нет...

— Ася, не закрывай глаза! Не спи, слышишь! — Я уже плохо соображала, что происходит, но, кажется, колдун с трудом удерживал меня одной рукой, а второй шарил по карманам. Наконец нашел мобильный. — Антон, пришли кого-нибудь сюда... — В

ушах у меня гудело, и от этого казалось, что его голос дрожит. — Срочно, я сказал! Черт, не знаю же... Как называется эта забегаловка? Точный адрес? — Ну зачем так кричать на симпатичного мальчика? — Ася, ты только не спи, пожалуйста... Ася!

Город мелькает за окнами машины. Дома, вывески, спешащие по своим делам люди... А мне спешить некуда. Зачем? Меня и так куда-то везут...

— Не спи...

Деревья. Зеленые. Большие...

— Только не спи...

И небо голубое-голубое, как глаза склонившегося надо мной мужчины...

— Ася, не спи! Не смей, слышишь?

Спать нельзя. Пить нельзя...

Пить нельзя, а то мертвые к тебе приходиться станут... Или ты к мертвым?

И вернешься ли потом?

Машина летит по улицам на бешеной скорости — я знаю, иногда поворачиваю голову и смотрю на стрелку спидометра, а мир все равно такой медленный... Земля еле-еле вращается. Мысли вязкие и ленивые...

— Не закрывай глаза!

Талдычит одно и то же всю дорогу... Ну поспала бы я немного, жалко ему, что ли?

— Ася!

Меня так бабушка называла, больше никто. Не прижилось почему-то. Даже когда я сама так представлялась, все равно потом становилась Настей...

— Еще немного осталось, потерпи.

Немного осталось до чего?

Машина резко притормозила. Дверца открылась...

— Помочь?

— Не надо, сам... Ася, не спи!

Двор такой знакомый. И дом. И подъезд. И дверь...

— Потерпи...

В ванной на крючке халатик. На полке — кондиционер для волос. Расческа...

— А-ай! — Плюхаюсь в ванну с холодной водой, а сверху льется такой же ледяной дождь, и время тут же возвращается в привычный ритм.

— Терпи! Сейчас...

Колдун кладет мне руку на лоб, бормочет что-то, а потом зачерпывает из ванной воду и выливает на голову. С ума сошел! Пытаюсь вырваться, выкрутиться...

— Сиди смирно! Чтоб твоей прабабке... Сиди!

Снова бормочет и льет, льет и бормочет. В мыслях проясняется, перед глазами — тоже, и я уже отчетливо вижу и понимаю, что это моя квартира, моя ванная, мой халатик на двери...

— Потерпи. Немного еще потерпи...

Боже, какой у меня сейчас, наверное, дурацкий вид! Курица мокрая. Футболка насквозь, джинсы, даже белье... Волосы облепили лицо, лезут в глаза... Но мне уже почти хорошо. Почти совсем-совсем хорошо. А он все поливает меня из ковшика и бормочет, но теперь я могу разобрать отдельные, не относящиеся к заговору слова.

— ...Ася, Асенька... Ну зачем? Ладно прабабка твоя, чтоб ей... Но ты-то? Зачем?

Зачем? Слезы смешиваются с водой и текут по щекам...

— Нашла из-за кого! Ты же умница, красавица... Встретишь еще... еще лучше...

— Не встречу, — прорезается у меня голос. — Лучше уже не встречу.

Встряхивает меня за плечи, заставляет поднять глаза.

— Все. Все хорошо.

— Ничего не хорошо! Ничего! Понял?

Вырываюсь, поскользываюсь, падаю снова в мутную воду, но меня опять вылавливают, вытаскивают, ставят на мокрый пол, заворачивают в широкое банное полотенце, прямо поверх вымокшей одежды...

— Ну на кой он тебе? — Трет меня полотенцем, словно кожу содрать готов. — Что ты от него видела, кроме проблем?

Точно. С первой встречи одни только неприятности...

— Что в нем такого?

— Все, — шепчу упрямо. — Таких больше нет...

И наверное, не надо.

— Дура! Прабабка твоя, естественно.

Швыряет полотенце в сторону, хватает сухое, опять заворачивает, опять трет. Прабабка — дура, он молодец. Снял заклятие-проклятие, тема закрыта. Сейчас уйдет, а я смогу нормально выпить...

— Вот как так можно, ты мне скажи? — спрашиваю со слезами.

— Нельзя, — соглашается он.

— Как будто меня и нет, да?

— Ты есть...

— Как будто я пустое место! Не смотрит, не видит...

— Придурок!

— Я же его... Я его...

— Ты самая лучшая...

— Я его, может быть, всю жизнь ждала... А он... Совсем, никак. В упор меня не замечает! Вообще. К суккубам бегаёт, приходит потом, довольный, как кот, весь в помаде...

— Какая помада — у Влада краской испачкался, когда он оборудование показывал! Черт! Угораздило же втрескаться в ведьму, да еще и ревнивую...

А потом смотрим друг на друга, долго-долго, почти целую секунду, и пытаемся понять, что мы оба только что сказали...

Зеркало большое да зеркало поменьше, свечи по обе стороны и колышущаяся тень в конце длинного коридора...

— ...Какой он?

— Красивый. Большой такой... Высокий. Волосы темные... Серезжка мой!

— Ты в глаза ему, доча, посмотри.

— Черные у него глаза, как уголечки!

— Хорошо смотри, Настюша, все примечай...

...Нет, не черные. Не черные — светлые, ясные. Голубые...

И не знаю, кто первый, я, он, а может, одновременно, бросаемся друг к другу, сцепляемся намертво — руками, губами, взглядами. Топчемся по упавшему на пол полотенцу, поскользываемся на мокром кафеле... Вываливаемся в коридор, громко хлопнув дверью. Не отрываясь от жадного рта, глажу его лицо, волосы, обнимаю за шею, а когда он подхватывает меня на руки, обвиваю еще и ногами, и вот так, не размыкая объятий, не прекращая поцелуй, даже чтобы вдохнуть, и то и дело натываясь на стены, добираемся в конце концов в спальню и падаем на кровать. Здесь уже отлепляюсь от него, позволяю стащить с себя футболку и блаженно шурюсь, чувствуя нежные губы и жаркое дыхание сначала на шее, потом ниже, ниже... Выгибаюсь со стоном, но тут же понимаю, что и минуты не проживу, если не увижу сейчас его глаз. Обхватываю ладонями его голову, отрываю от себя, ловлю его взгляд, внезапно на миг усомнившись: «Это ты?» — и расслабленно выдыхаю: «Ты»... Больше я не ошибусь. Никогда. Таю от каждого прикосновения, а сама дотрагиваюсь осторожно до шрама на его виске и ревную безумно, к прошлому, ко всем женщинам, что у него были, ко всей той жизни, что он прожил уже без меня. А он, словно угадав эти мысли, перехватывает мою руку, целует ладонь и скользит губами от запястья к сгибу локтя по незащитной коже... Мм...

Но вдруг что-то меняется. Обнимаю и чувствую, как напряжены его плечи, какой неестественно прямой стала вдруг спина под влажной рубашкой. Ищу его взгляд, но он ускользает от меня...

— Андрей? — Даже в окружении зомби мне не было так страшно.

Он прижимает меня к себе, резко, с силой, не замечая, как я морщусь от боли, впивается губами в губы, будто хочет выпить всю, залпом и до дна, а затем так же резко отпускает. Теперь я вижу его глаза... и жалею об этом...

— Не нужно, — шепчу, еще не зная, что он собирается делать. — Пожалуйста...

Я больше не хочу оставаться одна. И не оставлю тебя.

Ты мне доверяешь, Сокол?

И не слышу, лишь по губам читаю короткое:

— Спи...

Зачем? За что?

У темноты нет на это ответов...

Проснулась я утром. Даже не глядя на часы, знала, что уже утро. И знала, что увижу, когда открою глаза: свою комнату, солнце сквозь жалюзи и сидящего рядом Жорика. И все.

Так есть ли смысл?

Нет.

К тому же стоит разомкнуть веки, польются ничем не сдерживаемые слезы...

Так и лежала, несмотря на вползшую в комнату духоту, кутаясь в покрывало. Не мог же доктор Соколов бросить меня на постели в мокрой одежде? Он и не бросил. Раздел заботливо, укрыл. Небось и вещи развесил на веревке над ванной, и пол протер... Что еще ты сделал, темный? Поцеловал меня, уходя?

Все же я разрыдалась. Плакала, уткнувшись в подушку, тихо и горько, а когда слезы иссякли, решила, что пора встать.

Первым делом отыскала в прихожей свою сумочку, та висела аккуратно на вешалке, и включила мобильный. А потом еще полчаса вздрагивала, ловя накопившиеся за неделю сообщения о пропущенных вызовах и рекламных акциях. Просматривала каждое, надеясь, что где-то там затерялось то, одно-единственное, всего в пару слов...

Когда раздался звонок, схватила, не глядя на номер, телефон и тут же прижала к уху.

— Настюша, ты как там? Эсэмэс пришло, что ты в сети.

— А, мам. Привет. Нормально.

— Настенька, ты дома уже? Хочешь, приеду?

— Дома. Но приезжать не надо.

— Мне не тяжело, милая.

— Мне тяжело! Не приезжай, пожалуйста...

Джинсы и футболка сохли в ванной, и я закусил губу, чтобы снова не разреветься. На кухне, в пепельнице — горка окурков, а на столе рядом — пустая пачка из-под сигарет и пистолет-зажигалка... Лучше бы ты настоящий оставил, Сокол!

Прижалась лбом к прохладному металлу. Думала.

План действий сложился внезапно, простой, как и все гениальное... Глупый-преглупый.

Оделась. Мазнула тушью по ресницам, нарисовала губы. Забросила на плечо сумочку и выскочила за дверь. Сейчас выйду на улицу и пойду куда глаза глядят. Пройдусь к девятиэтажке неподалеку от своей работы, где встречалась несколько дней назад с усатым некромантом, потом проедусь к брошенной вчера квартире, послушаю, что рассказывают о недавнем убийстве бабки на лавочках. Просто погуляю по городу. Час, два, три. Буду ходить, пока кто-нибудь из подручных Ван Дейка меня не заметит. Ты говорил, что голландец злопамятен — значит, меня опять схватят, увезут куда-нибудь, и у тебя не останется другого выхода, как снова меня спасти. А если меня вдруг убьют... Если меня убьют, то так тебе и надо!

— Настя, вернись в квартиру, пожалуйста.

У подъезда меня встречал Влад. Погуляла, блин!

— А если не вернусь?

— Мы тебя вернем.

Мы? Режиссер был один, но, оглядевшись, я заметила какое-то шевеление в кустах и мелькнувшую в просвете между веток бурую шерсть. Кто это? Рома-гример? Женя-пиротехник? Или бесстрашный каскадер Димон? Волки в городе — черт знает, что творится!

— Мне в магазин нужно, — заявила я, не желая отступать.

— Пиши список, тебе все принесут.

— Мне очень личное... по женской части.

Оборотень усмехнулся, и в этот раз я отчетливо разглядела выпирающие из-под верхней

губы клыки:

— Я вырос с матерью, двумя бабушками, тремя незамужними тетками и четырьмя младшими сестрами. Меня не смущают покупки «по женской части».

Не выпустит. Даже если я скажу, что мне жизненно необходимо побывать в цирке, этот волчара приведет сюда клоунов, факиров и табун пони, но дальше двора я не выйду.

— Влад, я могу с ним поговорить?

— Если что-нибудь нужно, скажи, я передам.

Ясно.

— И почему сейчас волчья верность? — бросила я раздраженно. Три дня в городе, о Соколе до этого наверняка и не слышал, а гляди-ка, уже тапки готов в зубах приносить!

— Не понимаю, о чем ты, — ответил оборотень невозмутимо. — Стая не продается. Мы помогаем Антону, нашему побратиму, потому что он об этом попросил. Мы помогаем Соколу, потому что считаем, что он делает настоящее дело. Мы помогаем Сергею, потому что никто не заслуживает такой судьбы. И мы помогаем тебе, потому что пока все это не закончится, ты в опасности.

Речь вышла несколько пафосной, но прозвучала искренне. И ему стоило на этом остановиться.

Так нет же!

— Неважно, что вчера произошло, но для всех ты остаешься девушкой Сергея, и Сокол считает...

Дослушивать я не стала.

Через две минуты вынесла ему список того, что нужно купить. Хлеб, молоко, полкило сосисок, десяток яиц. И поллитровую банку сметаны.

Петрович смерил гостинец недоверчивым взглядом. Принюхался. Ткнул пальцем в белую гущу, облизнул. Затем отер руку о подол длинной рубахи и растроганно хлюпнул носом.

— Я бы и так к тебе вышел, Настюшка.

— А я бы и так сметану оставила. Угощайся.

Домовой уселся прямо на пол, поставил банку между ногами, обутыми в забавные лапоточки, и зачерпнул полную ложку сметаны. Потом еще одну. Потом еще. Хоть кому-то радость.

Я вздохнула.

— Ты поплачь, Настюшка, — посоветовал дедок простодушно. — Поплачь, легче станет.

— Не станет.

Да и устала уже от слез. Сколько можно?

— Я зеркало разбила, Петрович. Может, от этого?

— Какое зеркало? — встрепенулся домовой. — Когда?

— Гадальное. Давно еще. На суженого гадала. Увидела... Не то увидела, что хотела, и разбила. Дура...

— Давно, говоришь? Семь лет минуло?

— Дважды по семь уже.

— Тады не от зеркала, — вывел он авторитетно.

— Так гадальное же...

— Гадальное, не гадальное — это, Настюшка, ваши штучки, ведьмовские. А я одно знаю... — Петрович макнул ложку в сметану, облизал и закончил неожиданно: — Не нужен он тебе. И собой ладный, и колдун знатный, да не нужен. Колдун да ведьма вовек не уживутся.

Совсем как мама говорила.

— Тем паче такие. — Домовой навернул еще ложечку. — Сокол он, неспроста ведь так кличут. А ты супротив него — пичужка малая. И никогда тебе с ним не сравняться, в умениях не обойти. Хорошо, коли жалеть будет, а как нет — изведет жеж! Силу тянуть станет...

— Ну и пусть тянет. Пусть хоть всю себе берет!

— Ох, Настена, — покачал головой Петрович. Зачерпнул сметанки, поглядел на полную ложку да и сунул ее обратно в банку. Вздохнул. — Не хотел я тебе говорить, но раз уж по-другому не понимаешь... Женатый он. И с детишками — семеро по лавкам, мал мала меньше.

Он так уверенно это сказал, что в первый миг у меня и сомнений не возникло в правдивости этих слов. Икнула и сползла огорошенно со стула, шмякнулась рядом с ним на пол.

— Откуда... Откуда такая информация?

— Не формация это, Настюшка. Чуйка у меня такая. Но чуйка верная! Несвободный он, сразу видать. Я ж ведь вчера отчего вышел? Почуял, как он чаровать начал. Ух, силища! Ну а потом... Потом уж не глядел, ты не думай. Дело оно молодое... — Домовой в смущении скосил глаза на банку и сунул в рот ложку сметаны. Зашамкал. — Ну дык, значится... А после уже, как он тебя прислал... Сперва в ванной заперся, лейку эту вашу включил. Воды, Настюшка, извел, почитай что куб! Я по счетчику после глянул. Хорошо, хоть холодной — холодная, она ж подешевше будет. Потом сигарурьки свои на кухне смолит, задымил все. И все ему не сиделось! Подымит-подымит и в комнату пойдет. Постоит в дверях, поглядит на тебя, а то и подойдет, рядышком присядет — и дураку ясно: мог бы, остался. А так уж... Несвободный потому что. Ну и... порядочный вроде как — не стал до греха доводить. Подымил, значится, говорилку свою достал, приказов всем раздал, кому, куда... Грызунам этим баночным зернышек насыпал. Муху жирную на окне изловил и Жорке понес. Ты, говорит, присматривай за ней, Георгий. На тебя, мол, оставляю... Слышишь, Настюшка? Это он жабу неразумному тебя вверил! А я-то тут на что? Вот и говорю: не нужен тебе такой! Лучше найдешь.

Я уткнулась лбом в колени и уже не сдерживала хлынувших в два ручья слез. Не найду, Петрович. И искать не буду.

— Ты поплачь, Настюшка, поплачь, — коснулась щеки мохнатая лапка. — Глядишь, и полегчает... А сметанку я с твоего позволения заберу, все равно там на донышке осталось...

Телефон нагрелся в ладонях — все без толку: темный экран и ни звука.

Неужели сложно набрать мой номер? Сказать хоть несколько слов? Я же не жду объяснений, извинений. Я только хочу знать, что ты есть, что я не придумала тебя и вчерашний вечер. Что не сошла с ума...

Феи, единороги, зомби, призраки. Кинулась в эту сказочную жизнь, как в омут с головой. Кто бы ответил, зачем? Думала, за Сережкой. За детской мечтой, которая, не исполнись, легла бы камнем на сердце — права Натали. А исполнилась — камень с души, и как и не было ничего. «С+Н=Д» — вот так правильно, пусть так и будет...

А потом пришла любовь. С молотом. И как шандарахнет...

Я улыбнулась, вспомнив грозную тетку в рабочем комбинезоне. Любовь нечаянно нагрянет — это точно. Нелепая, неожиданная, несвоевременная. Ты ведь тоже не планировал этого, Сокол... Андрей? Андрей, Андрейка, Андрюшенька. Господи, как же так можно жить, чтобы даже имя забылось, потерялось, так что и друзья лишний раз не вспомнят? Сокол да Сокол. А я супротив тебя — пичужка малая...

Мобильник вдруг ожил, тренькнул, завибрировал — целая секунда счастья до тех пор, пока я не рассмотрела имя на вспыхнувшем экране.

— Да, Игорек. Привет.

— Здорово, Вербицкая! Смотрю, в сети появилась. Дай, думаю, позвоню. Ты где вообще?

— Дома.

— Дома? — Озадаченное. — А чего... Ну, ты ж вроде говорила, уезжаешь куда-то.

Говорила? Может, и говорила.

— Вернулась уже.

— Понятно. А парень?

— А парня у меня больше нет.

— Упс. Бывает. А дядя?

Екнуло что-то внутри...

— Игорь, к чему эти расспросы?

— Ну я это... Может, заехал бы, если ты уже гостей спровадила. Что скажешь, Вербицкая? Пиццу возьмем или в суши-бар сходим. А хочешь, прокатимся куда-нибудь. Я у брата тачку выпросил на месяцок — зверь-машина. На море сгоняли бы.

— А, ты в этом смысле. Нет, Игорек, спасибо. Настроение не то.

— Ну ладно, как знаешь, — смирился приятель. — Передумаешь, звони.

Хороший парень. Добрый, бесхитростный, никогда в помощи не откажет. Вот в каких нужно влюбляться, чтоб не реветь потом целыми днями.

На подоконнике одиноко жалась к стеклу герань. Калачик, как бабушка говорила. Мама принесла с полгода назад, сказала, очень хороший цветок для жилья и неприхотливый — знай, поливай себе, и все. Поливать-то его как раз и забывали. Круглые листики с резким, бодрящим запахом уже привяли, цветочки осыпались. Я протянула руку и коснулась бархатистых листьев. Закрала глаза, вспоминая, как было тогда со спатифиллумом, попробовала вернуться в тот день, в те ощущения... Бедный калачик! Так ведь и высохнет, пока я научусь со своей силой управляться.

Полила цветочек и вернулась к прерванному занятию — греть телефон в ладонках и ждать.

Часы показывали полдень. Всего лишь.

Господи, я же так в самом деле с ума сойду!

Еще один звонок, на этот раз в дверь, не обрадовал, а встревожил. Андрей не придет — это я понимала, он и так вчера рисковал, приехав со мной сюда. Влад будет держать дистанцию. Мама? Вряд ли. Она всегда очень тонко и точно чувствовала мое состояние и понимает, что сейчас я не хочу ни встреч, ни разговоров. У меня оставалось лишь две версии, и обе мне не нравились.

Остановилась у двери, осторожно посмотрела в глазок. На площадке топтался седой бородатый старик в соломенной шляпе, совладелец самой часто выгуливаемой в мире

таксы. Что ж, по крайней мере, это меньшее из возможных зол.

— Здравствуйте, Анастасия Валерьевна, — приветствовал он меня, когда после повторного звонка я все же решила открыть. — Вы позволите?

Я пожала плечами: почему бы нет?

— Проходите. Сегодня без собачки?

Светлый усмехнулся, стащил с головы шляпу и переступил порог.

— Вы же понимаете, зачем я тут?

— Понимаю. Но ничем не могу помочь.

— Даже чаем не угостите?

Можно было ответить решительным отказом и выставить незваного гостя, но я молча махнула в сторону кухни. Пожилой человек все-таки, устал, наверное, почти две недели по дворам круги наматывать. А разговора все равно не избежать: выпровожу этого — приедет Ле Бон и будет «смешно топтать ноги».

— Черный? Зеленый? — Я по очереди продемонстрировала присевшему на табурет старику разноцветные пачки.

— Зеленый, — ответил он не задумываясь. — Так, значит, Анастасия Валерьевна, вы утверждаете, что не знаете, где сейчас ваши... хм, предприимчивые друзья?

— Понятия не имею.

— Очень жаль. — Взгляд светлого остановился на полной окурков пепельнице. — Но думаю, вы говорите правду. Вряд ли в противном случае вам позволили бы вернуться домой.

Интересно, в чем заключается его дар? Не телепатия — иначе не разменивался бы на общие вопросы. И не некромантия, я надеюсь. Хотя трупов поблизости нет... Тоже надеюсь.

— А можно задать вам нескромный вопрос, Настя? Вы же позволите называть вас Настей? Зачем вы во все это ввязались?

Боже мой, какой знакомый вопрос! Не его ли я задавала себе все это время? Со вчерашнего вечера у меня есть на него ответ, но это не тот ответ, которым я могу поделиться с любопытным светлым.

— Молодая, красивая девушка, — продолжал он между тем. — Слабенькая, мягко говоря, ведьмочка. Нет, я понимаю, конечно, какие-то романтические чувства, какая-то надуманная ответственность за судьбы ближних... Но все эти игры, погони, стычки с зомби и попытки похищения и подчинения — неужели оно того стоило?

Оно того стоило. Но... Зомби?!

— Вы и сами, должно быть, не понимаете, — сам с собой увлеченно беседовал старик. — Но в конце концов что-то же вас остановило. Кстати, ваше возвращение: вы сами приняли это решение или вас... попросили уйти? Мне просто любопытно.

— Любопытство не порок, — согласилась я. — А можно и мне полюбопытствовать? Вас прислал мсье Ле Бон или это очередное задание от Алекса Акопяна?

Ой, дура! Зачем же вслух?!

Я метнулась к двери, но светлый с неожиданной для его преклонных лет проворностью вскочил и преградил мне путь. Кинулась к окну: успею позвать Влада...

Висевшая над плитой разделочная доска вдруг сорвалась с крючка и, пролетев по воздуху, плашмя стукнула меня по лбу. Удар вышел неслабый: в глазах потемнело, пол под ногами пошатнулся... Вот, значит, какие у него способности. Кажется, это

называется телекинезом...

— Влад! — выкрикнула я, падая.

«Бамс» — отозвалась доска-предательница.

Мечты сбываются: похоже, меня снова нужно спасти, Андрюша...

ГЛАВА 20

Очнулась я на кровати в своей комнате. Господи, когда же это закончится? Бьют, усыпляют, роняют. В этот раз еще и связали. И рот заткнули. Какой предусмотрительный старичок!

Рядом на подушке пучил глаза Жорик: мол, всякое видел, хозяйка, но такого у нас еще не было! А по подоконнику расхаживала большая пепельно-серая белка, нервно обмахиваясь пушистым хвостом... Хорошо меня, видать, приложило!

Проморгалась, зажмурилась, снова открыла глаза: белка никуда не девалась.

— Ым-м-м? — спросила я у странной зверюги.

— Аюшки? — уточнила она знакомым голоском. Обернулась комком дымчатой шерсти и мячиком спрыгнула на пол.

На постель Петрович взобрался уже ленивым откормленным котом. Согнал лапой Жорика и уселся на место жаба. Вдохнул.

— Вона оно как, Настюшка. Вишь, чем дело кончилось?

— Ымы-ы!

— Ох, и не проси, девонька. Не могу я тебе помочь. Вот кабы воры были, убивцы, маниаки какие — тады да. А в чародейские свары домовым влезать не след.

— Ы-мы-мы! — Да развяжи ж хотя бы!

Котья скорбно вздохнул и свернулся клубком почти у моего лица.

Ну погоди, пушистик! Дождешься ты у меня еще сметаны!

— Да помню я, помню! — послышалось из коридора. — Но она меня раскусила, сам не знаю как!

Как? Не нужно было про зомби вспоминать. О встрече на кукурузном поле мы с Андреем даже своим не рассказывали, а светлой братии и подавно знать об этом не полагалось.

— ...Пришлось вырубить.

По телефону говорит. С Акопяном? Вполне возможно. И не похоже, что старик находится в чьем-то управлении — действует вполне осознанно. Сокол рассказывал, будто Ван Дейк подчиняет людей и заставляет помогать против воли, потому и «разбирались» с вместилищами обычно без труда. А тут прямо вселенский заговор, и от добровольцев отбоя нет!

— Саша, мне проблемы не нужны...

Саша, он же Алекс, он же Шурик. Значит, угадала. Хотя имя не редкое, конечно.

— ...кончать ее, и все дела!

— Ым-м? — Глаза у меня стали, наверное, как у Жорика. В каком смысле, кончать? Петрович, будь чел... нормальной нечистью, развяжи!

— Ох, Настюшка... — Домовой принял привычное моему взору обличье миниатюрного всклокоченного старичка и завертелся на кровати. — Быть беде, верно говорю. Быть беде...

Естественно, быть, если не развяжешь!

— Как же так, а? Где ж этот твой ошивается-то? Как девок тискать да воду переводить — так тут как тут, а как супостата воевать — так в кусты?

Чего?! Извернувшись, я пнула брюзгу коленом. Тот ойкнул и умолк, дав мне

возможность дослушать разговор светлого с невидимым собеседником.

— ...Ладно, понял. Поторопись. У подъезда подозрительный молодняк ошивается, да и бельгиец вот-вот кого-то пришлет.

Так-с, кончать меня, кажется, передумали. Но, судя по лицу вошедшего в комнату человека, альтернатива быстрой смерти меня тоже не порадует.

— Очухалась? — спросил он. Петровича, ясное дело, уже и след простыл. — Крепкий у тебя череп, кость толстая. Для мозга, жаль, места не осталось.

Я оскорбленно замычала.

— Были бы у тебя мозги, Настя, держалась бы от всего этого подальше. Но ничего, будет и от тебя польза. Я бы на батарейки пустил, а потом — в расход. Только Саша иначе думает. Наивный он. Считает, Сокол за тебя ему вместилище отдаст... — Светлый больно ткнул меня в бок. — Отдаст, что скажешь? С Ле Боном он за твое возвращение щедро рассчитался. Я бы и гроша ломаного не дал, не то что чашки Гэ Хуна... Не знала? — догадался он по моему непонимающему взгляду. — А хоть кто такой Гэ Хун, знаешь? Да откуда тебе! Сидишь в своем занюханном городишке... Гэ Хун — один из величайших целителей Древнего Китая. Все вещи, что от него остались, приравнены к артефактам, занесены в реестры и стоят бешеных денег... Среди тех, кто в этом смыслит, конечно. У Сокола были чашки, которые многократно усиливают свойства заваренных в них трав. Даже простой чай... Чай у тебя, кстати, дрянь редкостная. Хотя какая ведьма... А чашки теперь у Ле Бона: Сокол в тот же день поверенному позвонил, расписку оформил, как положено. А толстяку они зачем? Просто собирает старье: черепки, монетки... Про чашки сразу же раззвонил, чуть ли не подпрыгивал от радости...

Что-то дедулю заносит. Зачем он мне все это рассказывает? Нервишки сдают в ожидании непонятно чего? Пытается себя убедить, что Саша на мой счет не ошибся? Мол, ведьма, конечно, дрянь, как и чай ее, так за нее ж древние чашки дадены — авось Соколу станет жаль столь ценных вложений?

— Ну, чего молчишь? — снова толкнул он меня.

Может, потому, что у меня рот завязан? Маразматик! И у кого тут череп толстый?

Старик спохватился, вытащил кляп, уселся на кровати рядом и уставился на меня, словно буржуин на Мальчиша-Кибальчиша: выбирай, мол, бочку варенья тебе или «Летят самолеты» и привет.

Нужно было что-то сказать.

— А... кхе-кхе... как вашу собачку зовут? Миленькая такая...

Вот было бы здорово, если бы дедка от удивления удар хватил. Но нет, крепкий старикан: только челюсть отвисла и веко дернулось.

— А у меня белочка, — просветила его я. — Ходит где-то тут... зар-раза! Как сметану жрать, так бегом, а как помочь...

— Издеваешься?! — Старик за волосы приподнял меня над подушкой.

— Ага, — призналась я, морщась от боли. — Время тяну. Сейчас Сокол придет, размажет вас по стеночке. По вон той — все равно я ее перекрашивать собиралась.

Знал бы, пришел бы уже. И размазал бы. Только откуда ему знать?

Я трусливо шмыгнула носом, но слезы сдержала. Петрович, миленький, только на тебя вся надежда! Сделай же что-нибудь. Хоть Владу знак подай...

Оборотень тоже хорош! Охранничек, блин! Меня под замком держит, а то, что в подъезд непонятно кто шастает, его и не колышет. Или ему задание дали только за мной присматривать, лишь бы не ходила никуда, а убьют, так убьют?

— Сучка! — Это было самое приличное слово, из тех, которыми назвал меня

разозлившийся светлый. А с виду такой интеллигентный человек. В шляпе. — Но ничего, сейчас ты не так заговоришь. Не верю я, что Сокол меняться захочет, но мы его по-другому достанем. Есть у нас методы, Настенька. На изнанку тебя вывернем, и все, что нужно, вытащим.

— Донорскими органами на черном рынке приторговываете, что ли? Ничего другого вы из моей изнанки не...

Я вдруг икнула. Вот черт! Вытащат же! Вспомнилась связка ключей с адресами: Олимпийская, Металлургов, Лунина. Если у Андрея нет еще парочки запасных квартир, они сейчас на одной из этих, и в процессе «выворачивания» я назову все три. Назову ведь. Я боли боюсь. Зомби боюсь. Деда этого боюсь. Акопяна и телепата в инвалидной коляске...

— Хотите угадаю, чем Шурик вас подкупил? — спросила я, взяв себя в руки. — Небось обещал, что как только Ван Дейк вернется, так сразу и поделится секретом переселения? Новое тело хотите взамен этой рухляди? Волосенки-то повылазили, сердечко барахлит, зубы друзья заклятые выбили, печень еще на студенческих попойках посадили... И изо рта воняет.

Старик непроизвольно отстранился.

— Не верьте. Не станет голландец каждому о таком рассказывать. А от помощников, вроде вас с Акопяном, в первую очередь избавится.

В когда-то карих, а сейчас выцветших почти до желтого цвета глазах промелькнуло сомнение. Но это был лишь миг. Светлый брезгливо скривился, глядя на меня, как на вылезшую из помойки крысу, и погрозил кулаком:

— Помолчала бы ты... Настя. А то ведь снова по башке схлопочешь.

— Ох, быть беде... — пискнуло над ухом.

В следующий миг я увидела Петровича уже сидящим на серванте в беличьей ипостаси: домовый боязливо прикрывался пушистым хвостом.

— Смотрите-ка, белочка! — закричала я радостно.

Светлый обернулся, и я, уловив момент, резко перекатилась на бок и согнула колени, спихивая дедка с кровати. А когда он упал на пол, скатилась следом, отчаянно жалея о сброшенных с зимы килограммах.

Мало того что старик оказался тощим и костлявым, и падение на него стоило мне парочки синяков, так он вдобавок обладал необычайной для своих лет прытью: почти мгновенно скинул меня на пол и отполз в сторону, сильно лягнув напоследок ногой.

— Петрович! — завопила я, изворачиваясь, чтобы отомстить дедку за пинок. — Помогите!

Со стороны, должно быть, я, закрученная в разорванные простыни, напоминала гигантскую, но беспомощную гусеницу, а стоящий на четвереньках светлый — огромного паука, и исход нашего противостояния уже предопределен, если только эта белка, этот котяра, этот дедуган ворчливый не изменит своим принципам и не влезет в чародейскую свару... Или свалку. Со второй попытки мне удалось ударить светлого пяткой в колено, и тот снова растянулся на полу, а я, не теряя времени, вползла ему на спину и вцепилась зубами в плечо.

— Тварь! — завизжал старик, сбрасывая меня с себя.

Острый локоть ударил в живот, и я закашлялась — от удара перехватило дыхание.

— Петрович...

Нет, ну что за неправильные сказки! Домовой обязан защищать свою ведьму! А у оборотней острый слух, и Влад должен был уже услышать нашу возню. Ну и что с того, что третий этаж? Ну и что, что окна пластиковые и звукоизоляция хорошая? Волк ты или шавка облезлая?!

Кое-как поднявшись на колени, я изо всех сил толкнула уже вставшего на ноги светлого своей «толстолобой» головой, но дед лишь оступился, а на мою выходку ответил оплеухой. Череп на поверку оказался не таким прочным (а удар был за сегодня уже не первый), и в ушах у меня зашумело море, а перед глазами заплясали солнечные зайчики... И белочки...

Пушистая дымчатая зверюга сиганула с серванта на голову светлому и вцепилась лапами в редкие седые космы. Старик взвизгнул, замахал руками, и комната в ответ на эти взмахи пошла ходуном: захлопали дверцы шкафов, полетели, шелестя листочками, дружными стайками книги... Даже Жорика подняло в воздух, и теперь жаб растерянно барахтался в метре над кроватью. Ох, мамочки! Я успела увернуться от несущегося на меня подсвечника, но тут же получила в лоб комнатным тапком... А затем и вторым. Во, блин! Уже год они мне парой не попадают, только по одному нахожу, а тут глядите-ка... Ай! Пришлось пригнуться, чтобы не схлопотать от Словаря Даля, все-таки знания — та еще сила. Хорошо, что «Большая советская энциклопедия» в бабулиной комнате...

— Ах ты ж нечисть поганая! — Светлый за шкурку стащил домового и держал перед собой на вытянутой руке. — Да я тебя за это...

Я зажмурилась, представляя, что он сотворит с «белочкой», и сто раз успела пожалеть, что звала домового на помощь, ведь говорил же он...

Полный ужаса крик заставил раскрыть глаза, но кричал не Петрович. Орал светлый. А Петрович из белочки преобразился в огромного медведя и раззявил на подручного Ван Дейка полную острых зубов пасть. И лучше бы старику ренегату потерять сознание от страха, но дед, как я уже заметила, был крепкий, и мишке ничего не оставалось, как схватить его лапищами и приложить о стену, ту самую, по которой я прочила ему быть размазанным. Видимо, есть у меня какой-никакой дар предвидения...

Летавшие по комнате предметы медленно опали на пол. А Жорик, описав красивую дугу, приземлился в аккурат на грудь поверженному врагу.

Когда спустя пару минут, снеся дверь с петель, в квартиру ворвался Влад (услышал все-таки, не прошло и года!), жаб так и сидел на неподвижно лежащем светлом, гордо раздуваясь и пуча глаза, словно он в одиночку выиграл этот бой.

— Ох, быть беде, Настюшка, — всхлипнул Петрович, прикинувшись горжеткой у меня на шее. — Меня ж ведь за такое... э-эх...

— Не бойся. — Я с благодарностью потерлась щекой о теплую шерсть. — Профсоюз заступится...

Никогда вокруг меня не суеилось сразу столько мужчин. Помимо знакомых мне Влада и Ромы по квартире сновали туда-сюда двое молодых, как братья похожих, парней и молчаливый усатый дядька лет пятидесяти. Распутали, укутали, уложили, обложили подушками, а на бедную мою головушку водрузили мокрое полотенце. В комнате прибрались, дверь кое-как на место приставили, дрянного чая заварили...

— «Скорая» приехала, — хмыкнул стоявший у окна режиссер. — Плаггиаторы чертовы, ничего сами придумать не могут!

Андрею о случившемся он сообщил сразу же, как только связал старика телекинетика. О моем самочувствии тот, судя по расслышанным мной обрывкам разговора, не справлялся, и к телефону меня тем более не приглашали. Влад коротко отчитался и получил такую же короткую инструкцию: ждать.

Дождались.

Оборотни затаились по углам, а я отвернулась к стене — не хотелось видеть, что они сделают с явившимися за мной людьми.

Неужели нельзя было хотя бы спросить? Может, я тут умираю? Может, мне нужна твоя помощь? Нужно, чтобы ты был сейчас рядом. Мне ведь нужно...

— Девушке плохо.

Когда я все же решила осмотреться, посреди комнаты, с трудом разворачиваясь с носилками, топтались два мужика в белых халатах. Застывшие лица, пустые глаза, только губы едва шевелятся:

— Девушке плохо.

— Черт! Спящих прислали! — раздосадованно махнул рукой Влад. — Так я и думал.

Оборотень достал мобильник:

— Сокол, у нас тут спящие. Похоже, реальную «скорую» подогнали... Ясно. Понял, сделаем.

Он подозвал Романа, кивнул на связанного светлого:

— Грузим. Девушка, дедушка — какая разница? — А потом снова в телефон: — Санек, свистни Димона, проводите «скорую», только осторожно. Связь с Соколом напрямую. Да, давайте.

У всех и каждого связь с Соколом напрямую, только не у меня...

— На вот, выпей. — Влад подсел ко мне и протянул стакан воды и две таблетки.

— Что это?

— Цитрамон, — удивился моей подозрительности оборотень. — У тебя в аптечке нашел. Поможет немножко. А вообще тебе бы к доктору.

И я даже знаю к какому...

Роман вернул на стену часы, слетевшие во время нашей с Петровичем схватки со светлым, выставил время: без пятнадцати два.

Господи, какой длинный день! И он еще не закончился.

— Попробуй поспать. А мы дверь починим. Шуметь будем, но несильно.

— Поспи, Настюшка, — промурчал Петрович, котом укладываясь рядом. — А я уж проконтролирую, чтоб они как надо сделали.

Гигантский пазл, тысячи мелких кусочков. Каждый из них сам по себе ничего не значит, но, складываясь вместе, они образуют части, всего лишь части большой картины. И каждая такая часть в отдельности тоже лишена смысла. Нужно собрать все воедино и тогда...

Сережка, авария, наша встреча, ночной парк, Антон с осиновым колом, Сокол с зажигалкой, приезд Натали, Мишаня Фирсов, спящие...

Новая квартира, новая информация, полет на «Грифоне» и заповедник... Но это только для меня. Или нет? О чем он говорил с королевой? Какое обещание получил вместе с прощальным поцелуем?

Акопян, зомби...

Спатифиллум, высушенный одним прикосновением Серого и оживленный мной с помощью Антона.

Пустая квартира и прячущийся за иллюзией человек в инвалидном кресле.

И другая квартира: постеры на стенах, книги в старом шкафу, связка ключей и какой-то хлам, разложенный по пакетам. Капля крови на белом кафеле...

И снова кровь: аккуратный разрез и маленькая медная монета...

Гигантский пазл, который мне никогда не собрать. Да я и не стремлюсь. С упорством,

достойным лучшего применения, пытаюсь сложить тот маленький фрагмент, на котором мы вместе, вдали от проблем, забытые всеми и забывшие обо всем... Но цветные кусочки распадаются, как бы я ни старалась...

— Настя, — кто-то тряс меня за плечо. — Настя, проснись, к тебе пришли.

Я открыла глаза и подскочила на кровати, увидев стоящую рядом с Владом женщину. Невзирая на присутствие оборотня, захотелось забиться в угол и закрыть голову руками.

— Здравствуйте, Настя, — улыбнулась вторая «совладелица» незабвенной таксы.

— Здравствуйте, — сглотнула я громко. — Вы... тоже без собачки?

— С собачкой, — кивнула она. — Пришлось оставить на улице: Тимка побаивается волков.

— Не волнуйся, — успокоил меня Влад, — она настоящая... В смысле — от Ле Бона, Сокол проверял.

Проверял? Когда?

Часы показывали шесть часов вечера. Ровно.

— Я не знаю, где он. — Настоящая или нет, но мне не хотелось затягивать разговор. Только нужно было сказать «они».

— И я не знаю, — радостно подключился режиссер.

— А я теперь знаю, что вы не знаете, — равнодушно пожала плечами женщина. — Просто проверка. Работа такая.

— Вы телепат? — предположила я. В противном случае беседа была бы длиннее.

Она без слов усмехнулась моей догадливости.

Значит, Андрей был прав, не посвятив меня в подробности плана отхода: именно эта тетка первой подошла к упавшему после выстрелов Серому, и наверняка ее мнение, основанное на моих чувствах, сыграло немалую роль в том, что нам так легко удалось сбежать.

— Хороший телепат? — прищурилась я недобро, чувствуя непонятно откуда взявшуюся злость. — В мысли заглядываете, насквозь всех видите... А что ж вы тогда у себя под носом шпиона Ван Дейка не рассмотрели?

Может, и не стоило этого говорить, неизвестно, что Андрей сообщил Ле Бону, а о чем умолчал, но я в самом деле была очень зла. Вспомнила старичка телекинетика и непроизвольно ощупала лицо: шишка на лбу, ссадина на щеке и, кажется, глаз начал заплывать... А она, понимаете ли, мысли читает!

— С одаренными это сложнее, — словно извинилась гостя. — Профессионал с многолетним опытом не провинциальная ведьмочка...

Не самое удачное извинение.

— Настя, можно сказать вам пару слов наедине? — спросила она вдруг.

Я снова потрогала шишку (ох, как болит!), но любопытство оказалось сильнее страха.

— Ваши друзья наверняка расскажут вам, чем закончилась история с очередной попыткой вашего похищения, — начала она, когда Влад вышел из спальни, — но о чем-то могут и забыть. Поэтому я обрисую в общих чертах. Видимо, заклинатель, пославший спящих, почувствовал неладное, и персонал «скорой» отпустили. Куда они ехали, установить не удалось. Но... моего коллегу, работавшего на голландца, — наверное, она хотела назвать имя, но в последний момент сдержалась, — перехватил Сокол. Он сам связался с господином Ле Боном и разъяснил ему ситуацию. Правда, не поделился информацией, которую наверняка сумел вытянуть из шпиона. Сказал, что передаст его в наше ведомство через два дня, когда... когда все уже закончится. Гарантировал, что он

жив. Но не невредим. Даже не знаю, как так вышло, но мой бывший коллега был так неосторожен, что прищемил руку дверцей автомобиля... А потом и вторую. И пока я не увидела вас, мне были непонятны причины такой неловкости.

Рука потянулась к саднящей щеке, но я сдержалась, крепко стиснув в кулак пальцы. Значит, он все-таки расспрашивал Влада. Значит, знал... От мысли, что происходило между ним и стариком телекинетиком, меня передернуло. Шпион или нет, но все-таки человек в преклонных годах, пусть и с очень опасным даром. И Андрей... Сокол. Всегда такой выдержанный, непрошибаемо спокойный...

— Считаете, меня должен порадовать ваш рассказ? — спросила я.

Гостя ответила странной улыбкой:

— Может быть, успокоить? До свидания, Настя.

Нет. Не успокаивал. Не радовал.

Отыскался еще один кусочек головоломки, но я снова не знала, куда его приткнуть. Почему он не сдал шпиона сразу? Что узнал от него? Чем не хочет делиться с Ле Боном до того, как все закончится?

Как все закончится?

Отвечать на мои вопросы было некому. После ухода теперь уже единственной хозяйки таксы закончивший ремонт двери Влад вернулся на лавочку у подъезда. Сказал, что в квартире остаться не может. Было ли это решение чем-то из ряда правил для оборотней, приказом Сокола или собственной прихотью молодого режиссера, я не уточняла.

Стрелки часов показывали без двадцати семь...

О маме я вспомнила еще через час. Вспомнила, хлопнула себя по лбу, прямо по шишке, ойкнула и кинулась к телефону.

— Да, Настенька. Что ты...

— Мам! — перебила я ее тут же. — Мама, мамочка, это очень важно! У тебя сохранился номер Андрея?

— Конечно. Тебе продиктовать?

Да-да-да! Конечно же, да!

Карандаш дергался в дрожащих пальцах, цифры прыгали по листочку...

— Ма-ам? — Незамеченная сразу странность больно стукнула по темечку. — Ты какого Андрея мне телефон дала?

— А ты какого спрашивала? — удивилась вопросу родительница. — Я думала, доктора того, что с тобой приходил. Не его?

— Его. — Голос внезапно охрип, и в горле запершило. — А ты откуда знаешь, как его зовут?

— Спросила еще при первой встрече. Надо же как-то обращаться? Он сказал: Андрей, можно без отчества... Настюш, ты что? Ты плачешь?

Нет, я не плакала — я смеялась. Натуральная истерика, и поблизости никого, кто мог бы отвесить мне пощечину и прекратить этот дикий гогот. Просто спросила! Спросила! Почему я до такого не додумалась? Ни я, ни Сережка? Просто спросить. Вряд ли он представился бы старым прозвищем. Вот так и теряются имена, которые никого не интересуют...

С трудом попадая в нужные кнопки, я набрала номер, и смех сменился слезами: приятный женский голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети и

предложил оставить сообщение.

На часах было уже восемь.

— Ох, быть беде, Настюшка, — причитал домовый. — Быть беде. Куда ж ты на ночь глядя пойдешь-то?

— Куда надо!

Кое-как натянула брюки — к разбитому лицу прилагался здоровенный синяк на ноге. Обула кроссовки.

— Петрович, ключ от чердака где?

— Так этот твой забрал.

Ясно. Все предусмотрел, Андрюша?

— Запасной есть?

— Ох, Настюшка...

— Есть? Или мне гвоздодер брать?

— Есть-есть... Как не быть?

К моему удивлению, чердачный люк оказался открыт. Причину этого я поняла, выбравшись на крышу: у вентиляционной трубы скучал Женя-пиротехник.

Действительно, все предусмотрел.

— Хороший вечер, — поздоровался, заметив меня, оборотень. — Можно фейерверк устроить.

Фейерверк устроили и без него. Голова взорвалась болью, и перед глазами вспыхнули мириады ярких звезд.

Он умрет. Все уже решено!

Я пошатнулась, взмахнула рукой в поисках опоры...

Спаси!

...и покатила по ребристому шиферу.

— Ей вообще в больницу надо! — уверял кого-то по телефону Влад. — Может, сотрясение... Отключилась, и все. Если бы Жека не поймал...

Я снова лежала в постели с мокрой тряпкой на голове, а рядом восседал комок шерсти и нервов. Петрович в расстроенных чувствах даже с образом не определился.

— Ох, Настюшка...

Каждое воспоминание о словах баньши сопровождалось слабостью и головокружением, но в этот раз было совсем плохо. То ли оттого, что голова еще не отошла после встречи с утренним гостем, то ли сказывалась близость того самого дня, когда предсказанию Нат суждено было исполниться.

— Да, я понимаю. — Режиссер расхаживал в коридоре перед моей дверью. — Нет... Да. Хорошо. Сейчас посмотрю.

Он заглянул в спальню, заметил, что я уже пришла в себя, и шагнул в комнату, протягивая телефон:

— Держи, тебя. Сокол.

Ради этого нужно было всего лишь почти свалиться с крыши...

— Что ж тебе все нейдет? — Голос, который я так мечтала услышать в течение этого безумного дня, теплотой не радовал. — Встречи с приятелем Ван Дейка не хватило, пошла дальше приключения искать? Ты понимаешь, что я не могу все бросать каждый раз, когда Влад звонит и сообщает, что у тебя какие-то проблемы? Неужели трудно спокойно пересидеть эти пару дней? Что ты на крыше забыла среди ночи?

Никакая не ночь — на часах всего десять. Но я не смогла возразить: от его резкого, даже грубого тона на глаза навернулись слезы, и вдруг трудно стало дышать. И этого я ждала?

— Ася, я с тобой говорю.

— Разве? — выдавила я через силу. — Со мной ты не так говорил...

Тишина и неожиданно, совершенно не к месту, громкий обидный смех.

— О, боже. Так ты из-за этого? Подожди. — Там у него хлопнула дверь, и к звукам добавился уличный шум: урчание моторов и звон проехавшего невдалеке трамвая — видимо, вышел на балкон. — Ася, я не знаю, что ты уже себе придумала, но прошу, не нужно названивать и бегать по крышам, чтобы поделиться со мной своими фантазиями. Во-первых, я немного занят, если ты не забыла, спасаю твоего друга Сережу. А во-вторых, мне это не интересно.

Стиснув зубы, я проглотила его последнюю фразу и постаралась как можно спокойнее произнести:

— Я помню, что ты занят, но мне нужно тебя увидеть.

— Да ни черта тебе не нужно, кроме мужика под боком, — зло прошипел он в трубку. — Это у вас гормональное, Анастасия Валерьевна, поверьте мнению врача. Только я специализируюсь в другой области, извините. Ничем не могу помочь.

— Андрей, я...

— Ты не оставляешь мне выбора. Я же просил тебя не мешать?

Я понимала, что он сейчас сделает, понимала, что нужно отключить телефон или хотя бы убрать трубку от уха, но тем не менее продолжала слушать...

— Спи.

Господи, сколько же мож...

ГЛАВА 21

Мобильный разрывался, мигал, вибрировал, подпрыгивал по полу. Я увидела его, приоткрыв глаза, потянулась было... Зевнула и перевернулась на другой бок.

Телефон не умолкал.

И кому это не терпится пообщаться в такую рань? За окнами едва светло, а на часах... Половина девятого! Черт, значит, это не утро?!

Я кубарем скатилась с постели и подхватила готовый отключиться телефон.

— Да!

— Вербицкая, ты что, спишь?

Сплю, Игорек, ты не представляешь, как я сплю...

— Я чего звоню...

— Игорь, какое сегодня число? — перебила я не успевшего изложить суть вопроса админа.

— Первое, — ответил он удивленно.

День да ночь — сутки прочь. Молодец, Андрюша. Силен.

— Вербицкая, ты там бухаешь, что ли? Эй, слышишь меня?

Глаза слипались, голова кружилась, отчаянно хотелось возвратиться в кровать или свернуться калачиком прямо на полу...

— Слышу, Игорек. Нормально... Спасибо, что разбудил.

— Ну так! Долг платежом... того...

Кофе. Срочно кофе!

— Вербицкая, слышь, я чего звоню. Тебе больничный еще нужен или как? Я вчера у Айболита забрал, могу подвезти, если хочешь. Я ж на колесах...

— Не надо. — Я кое-как добралась до кухни и поставила чайник. — Давай в другой день. Или... На колесах, говоришь?

— Ага. Зверь-машина! Хочешь, свожу куда-нибудь? Без лишнего, естественно, так, посидим, пообщаемся:

— Хочу.

Программист умолк, сбитый с толку столь скорым «да» и вообще согласием, но быстро пришел в себя.

— О'кей! Пятнадцать минут тебе на марафет.

Какой там марафет — я и так красавица. Шишка чуть-чуть уменьшилась, но зато потемнела, правый глаз, обведенный сиреневыми тенями, был нежно-розовым из-за полопавшихся сосудов, левый — просто мутным, ободранная щека и слипшиеся, дыбом стоящие волосы довершали образ. Черт с ним! Главное, не уснуть до приезда Игоря. И потом тоже.

Высыпала в чашку полбанки кофе, долила горячей воды...

Вода! Вот, что мне надо. Живая вода, текущая вода. Вода чужие чары смоеет. Или я не ведьма в седьмом поколении? А слова — так ты сам, Андрюшенька, говорил, что ведьме можно хоть «Наша Таня» читать, все равно получится... что-нибудь.

Стащила с себя одежду, полюбовалась синяком на бедре и разбитым коленом и влезла

под душ.

— Наша Таня громко плачет...

Нет, нельзя же все воспринимать так буквально.

— Водичка-водичка, умой мое личико, чтобы... брр... щечки горели... уфф... глазки блестели... — Горячей летом у нас в районе традиционно нет, а холодная бодрила. Не то слово. — Чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок...

Зубок на зубок уже не попадал, когда я, для верности прочитав еще и «С гуся вода...», решила, что пора выбираться. Заглотила остывшую кофейную массу и нарочито бодро — в сон меня еще клонило — поскакала в спальню. К тому времени, как в дверь позвонили, успела обрядиться в легкий шифоновый сарафанчик (натягивать джинсы на изувеченные ноги не рискнула).

— Ух ты ж, ешкин кот! — ошалел от моей неземной красоты Игорек. — Это тебя кавалер так разукрасил? Или дядя?

— Дедушка, — буркнула я.

— Во, блин! Вербицкая, и куда я с тобой такой поеду?

— Куда скажу, туда и поедешь. — Я вытащила из-за спины забытый Андреем пистолет-зажигалку и направила ствол на парня. — Извини, Игорь, но дело серьезное.

— Вербицкая, ты что? — Админ в ужасе выпучил глаза. — Ты... ку-уришь?!

— Я... Нет... Это настоящая! Настоящий...

— Ага, как же! — Приятель отвел мою руку и отобрал бесполезную игрушку. — Корпус цельный, на рукоятке отверстия для дозаправки. Ты че, Вербицкая, думаешь, я на стрельбище езжу глазами пострелять? Ты чего чудишь-то?

Вместо ответа я уткнулась ему в плечо и разрыдалась.

— Ну ты... это... — растерялся Игорек. — Очень надо?

— Ы-ы, — закивала я.

— Тогда поехали, — сказал он решительно. — Куда хоть?

— В Ильичевский район, на Металлургов... — всхлипнула я, утирая слезы.

Может быть, я и «самая никакая ведьма» в этом городе, но его, в смысле город, я знаю как свои пять пальцев, Сокол! И только по одной из улиц, названия которых были на тех ключах, ездит трамвай.

Только бы у тебя не оказалось запасной квартиры!

Игорь вышел первым.

Сидевший на скамеечке Влад не обратил на него никакого внимания. Должно быть, Андрей пообещал, что я просплю до третьего, и оборотень дежурил лишь для проформы.

Админ завел мотор и распахнул пассажирскую дверцу, и я прихрамывающим ураганом вылетела из подъезда и запрыгнула на сиденье:

— Едем!

Зверь-машина сорвалась с места.

— Игорек, у меня к тебе одна просьба: если мы вдруг собьем мотоциклиста, не останавливайся.

На странность этой фразы приятель никак не отреагировал, так же как и на все остальное, что я выговаривала ему по дороге. Чтобы не уснуть, чтобы не забыть, чтобы

еще раз самой убедиться в том, что я верно собрала этот пазл...

— Говорит, знает, как взломать вместилище за один день и как потом закрыть... Зачем тогда ждать? Можно же было сразу? Но если сразу, он ему не поверит, заподозрит, что что-то не так... Вот он и не стал. Выжидал, смотрел, как эти вокруг суетятся... Заодно ключ искал. Он же сразу сказал, что у него есть запасные варианты. Даже перечислил все, только я тогда не поняла. Страны называл: Англия, Италия... Ну и предметы: ручка, очки, нож... еще что-то, но я только эти видела. На той квартире. А он говорит: «Спи», а сам...

Старые вещи из архивов дела Ван Дейка. Ключи. И кожаная обложка от какого-то блокнота — самый последний, самый новый. Капля крови на полу в ванной, боль и усталость в его глазах... Пазл еще не собран, пока не все кусочки на своих местах, но картинку уже можно рассмотреть. И она мне очень не нравится.

И монетка еще... Вот он мог знать, что придет именно колобок? Мог. А мог и не знать. Как бы он тогда без этой шутовской монетки? Может, у него был совсем другой план, а потом он его скорректировал? Поменял старые варианты на новые, более удобные. Могло же так быть? Могло. Но знаешь, чего в его планах вообще не было?

Игорек резко притормозил у перехода и обернулся ко мне:

— Чего?

— Меня.

Программист задумчиво закусил губу, нахмурился.

— Знаешь, Вербицкая, — проговорил он, вновь срываясь с места на зеленый, — ты странная. Надеюсь, это не от синеньких грибочков. А то я тут мимо первой школы ехал, это в центре, от театра недалеко, так там, по ходу, сегодня слет ценителей — ходят обдолбленные, чуть ли под колеса не кидаются. Это я так тебе, на всякий случай говорю. Но лучше, пока не поздно, скажи наркотикам: «Нет».

Никем не преследуемый (во всяком случае, я слежки не заметила) автомобиль въехал во двор дома на проспекте Metallургов и остановился.

— Какой подъезд? — спросил у меня Игорь.

— Не помню, — выдохнула я испуганно. — И квартиру тоже...

Я выскочила из машины, намереваясь, если надо будет, ломиться в каждую дверь, но покинувший место водителя Игорек предупредил эти намерения, поймав меня почти на старте и резко встряхнув за плечи.

— Ты это, Вербицкая, не психуй только. Хорошо?

— Хорошо, — пообещала я.

Огляделась и заметила под фонарем у второго подъезда очкарика из свиты Ле Бона.

Опоздала? Бельгиец нашел его первым? Или Ван Дейк?

Вырвалась из медвежьих объятий админа и кинулась к знакомому прыщавому юнцу. Зажигалка по-прежнему была в руке.

— Где они? Номер квартиры? — с ходу потребовала я, тыча «пистолетом» ему в нос.

— Не знаю, — пролепетал испуганно светлый.

— Этаж?

— Т-третий...

Вот и ладненько. А квартиру я найду: трехкомнатная — зуб даю. В хрущевках по одной на этаже, слева от лестницы.

Звонить или стучать я не стала. Сразу рванула на себя дверь — та оказалась незаперта — и влетела в комнату. Натали сидела на диванчике, Антон — в кресле у окна, а перед ними, заложив руки за спину, расхаживал мсье колобок.

— Ви? — завизжал он, увидев меня. — Ви не бить тут!

— Мы быть тут, господин Ле Бон, и на законных основаниях.

Услыхав этот голос без привычной простоты и дурашливости, я изумленно обернулась, как раз чтобы увидеть, как вошедший вслед за мной Игорек поднял руку и на его ладони вспыхнул на миг золотой глаз.

— Наблюдатель седьмого европейского сектора. И вы сейчас в зоне действия моих полномочий.

Э-э... Я открыла рот от удивления и забыла его закрыть. Нет, я все понимаю: феи, единороги, домовые, зомби, призраки... Но чтобы парень, второй год работавший в нашей скромной конторе, регулярно, безо всяких надежд, а просто на автомате, приглашавший меня на свидания и могший как ни в чем не бывало заявиться в мой дом с ведром поганок, оказался одним из таинственных наблюдателей? Хотя после этого открытия явление приятеля-админа с грибочками виделось уже совсем в ином свете. И у спящих тогда он меня отбил...

— Где Сокол? — нарушил Игорь затянувшуюся немую сцену.

— Ушел, — угрюмо ответил со своего места Антошка. — Минут сорок уже...

Опоздала... Я устало привалилась к стене и закрыла глаза, но тут же заставила себя встряхнуться.

— Настя, — тихо заговорила Нат. — Он Сережу увел.

— Естественно, — пробормотала я. — Без Сережи ничего не получится.

Но баньши меня не слышала.

— Он... Он... — Она сжала кулачки. — Я даже не представляла, даже не думала, что можно вот так...

Под пушистыми черными ресницами заблестели злые слезы.

— Он не человек, он...

Он просто все ей рассказал, поняла я. О своей работе, о том, что отпустил тогда голландца, о Кирилле. У правды не может быть нескольких версий, но ее можно подавать под разными соусами. А можно полить вместо соуса грязью и гнилью и выплеснуть без предупреждения на одного из немногих своих друзей. Может быть, вообще на единственного теперь друга. От остальных ты избавился раньше, да, Андрей? Что еще ты сделал? Уволил секретаршу, если она у тебя была? Нахамил домработнице? Позвонил бывшей и заявил, что никогда ее не любил и она уже достала постоянными напоминаниями о себе и своих проблемах?

— И что вы намерены предпринять? — спросил у Ле Бона Игорек... то есть наблюдатель седьмого сектора.

— Ми искать... — начал бельгиец, но Игорь махнул на него рукой.

— Что искать? Мы нашли вашего перебежчика — Сокол прятал его на пустой квартире, узнали то же, что смог узнать он. Время и место проведения ритуала. При поддержке обоих ваших ведомств за два часа мы сможем собрать ударную группу и несколько отрядов прикрытия, чтобы помешать планам голландца... Но я и мои друзья из совета с этим согласны, предлагаю дать Соколу шанс. Что бы он ни задумал.

Я в отчаянии замотала головой:

— Нет, нельзя. Ты не понимаешь, нельзя ему шанс...

— Он так не считает, — жестко ответил человек, которого я считала другом. — Но можешь попробовать его переубедить.

Игорек словно невзначай отставил в сторону руку. Звякнули подцепленные на палец ключи от машины, и я, не теряя времени, схватилась за неожиданный подарок.

— Ви не мочь помогаль! — возмутился колобок. — Не мочь даваль ей...

— Вы че? — Наблюдатель вернулся к привычному для меня образу. — Как я ей откажу? У нее ж пистолет!

— Антон? Наташа? — позвала я с надеждой. — Вы со мной?

Охотник покосился на сердито сопящее начальство и подорвался с кресла.

— У нее пистолет, — аргументировал он Ле Бону свое решение.

— Нат?

Баньши покачала головой.

— Наташ... — Мне не хотелось что-либо объяснять при бельгийце. — Помнишь, ты говорила о якорях? Он свои обрывает. Подумай зачем.

Она молча встала и ушла в дальнюю комнату, прикрыв за собой дверь.

Хорошо, сами разберемся.

— Вербицкая! — догнало меня уже на выходе. — Дяде — привет!

Не знаю, напугало ли его появление наблюдателя или нервишки сдали еще при виде потрепанной ведьмы с пистолетом, но очкарика у подъезда уже не было. И фонарь больше не горел. К машине идти пришлось в темноте, разбавляемой лишь редким светом окошек старой пятиэтажки.

— Насть, только мы это... сами, — развел руками охотник. — Ты и я. Влада и его ребят подключать не стану. Они гражданские. Одно дело «кино» разыграть, а другое — настоящие разборки.

— Я понимаю, Антош. Да и ты не обязан, и начальство...

— Если ты не заметила, я на это дело подписался, еще когда с прежней квартиры уходили, — отмахнулся он. — Начальство уже выразило «благодарность», так что... Закончим, а там видно будет.

— Спасибо.

— Да не за что. Самому надоела эта рутина, а тут хоть что-то стоящее. Будет, о чем внукам рассказать.

А сначала Ксюше похвастаться.

Я улыбнулась, в очередной раз подумав о том, как все же повезло никогда не виденной мною сестре режиссера Влада. Но улыбка тут же погасла: на сердце было тревожно. Руки дрожали так, что, попытавшись открыть дверцу автомобиля, я уронила ключи и потом долго шарила впотьмах по земле.

— Антон, я... Я водить не умею! — выпалила я запоздало.

— Не переживай, — успокоил он, — я поведу.

— Я поведу! — Возникшая из темноты Натали сердито вырвала у меня ключи. — Но сначала скажи мне... Настя, ты когда в последний раз ела?

Она хотела спросить о другом, но увидела, как меня трясет и шатает, и вопрос вырвался сам собой.

— Я? Не... Не помню. Кажется, еще на той квартире, в последний вечер...

— Ты с ума сошла?! Быстро в машину! Где здесь хоть какая-нибудь забегаловка? Ночной магазин? Что-нибудь?

Я пыталась протестовать, но сама понимала, что ничего хорошего не будет, если я сейчас отключусь. Потому позволила Нат усадить меня в машину, а потом послушно запикивала в себя купленную в ближайшем ларьке шоколадку, запивая ее горячим, но совершенно безвкусным кофе.

— Теперь рассказывай, — потребовала баньши.

— Нужно ехать, мы и так время потеряли...

— Куда ехать? А главное — зачем? — Она не смогла его бросить и из-за этого теперь злилась — на себя, на него, на меня. — Я не знаю, что Сокол затевает, но если он что-то решил, помешать ему будет очень непросто. Кто тебе сказал, что у тебя это получится?

— Ты.

Мой ответ заставил ее умолкнуть, и я смогла рассказать все, что мне было известно. Ничего конкретного — лишь догадки и подозрения, разрозненные детали огромного пазла: предметы-ключи, его туманные рассказы о работе над делом Ван Дейка, кровь в ванной, монетка Ле Бона, позволяющая незаметно пронести небольшой предмет, и предположительно тот самый предмет — нож с узким клинком и странной рукояткой, который я видела у Сокола в ту ночь, когда он вшивал под кожу артефакт. Сопоставить все это с тем, как он вел себя, особенно в последние дни... И с нелепыми, но не лишенными смысла словами Петровича о его несвободе, о которых я умолчала, как и о том, что было или, вернее, чего не было между нами...

— Ясно.

Антон молчал, а Нат только и сказала это «ясно» и погрузилась в размышления. А время меж тем не замедляло хода, и на часах была почти уже полночь...

— Когда все это началось снова и я приехала сюда, — заговорила спустя несколько минут баньши. — Сокол сказал мне, что знает, как перекрыть каналы и не позволить Ван Дейку занять вместилище. Сказал, что вел эту работу еще давно, и если я не верю, могу спросить у Франца. У меня не было причин в нем сомневаться, но мужу я все же позвонила и попросила сбросить документы по делу голландца. В архивах мало что осталось после того... после того случая, Франц пришел на место Крушницкого, когда проект уже закрыли, и сам почти ничего не знал, но во время расследования у Сокола изъяли кое-какие записи. Большую часть он уничтожил, конечно, результаты опытов и всю практическую часть, но сохранились теоретические выкладки, схемы и описания оккультных ритуалов. Он никогда таким не интересовался, но меня это тогда не насторожило: просто пробежала глазами, не особо вчитываясь. Там была одна легенда, старая и в разных интерпретациях разошедшаяся по миру. История о том, как убийца дракона сам становится новым драконом. И остановить это можно, лишь убив дракона в себе... Наши спецы сошлись на том, что, заняв вместилище, Ван Дейк станет практически неуязвим, но даже если удастся уничтожить тело, это его не убьет, а всего лишь высвободит дух. Так что «теория дракона» имеет смысл: голландца нужно убить сразу на двух уровнях, физическом и астральном. И если тело можно уничтожить извне, то дух — только когда он уже будет внутри, считанные секунды, пока... прежний хозяин тела еще в состоянии противостоять ему...

Нет, она не плакала. Это я давилась слезами вперемешку с гадким кофе, а голос Нат звучал спокойно, и лишь последние фразы как будто дали ей с трудом и требовали глубоких вдохов и затяжных пауз между словами.

— Наши тоже занимались этим делом, — проговорил Антон, нахмурившись. — До такого не додумались, естественно. Разрабатывали версию лишения силы, которую голландец высосал из артефакта. Без этой силы он был бы более уязвим. Пришли к тому, что если бы можно было как-то проложить от Ван Дейка канал к Мокоши...

— Что такое Мокошь? — перебила его я. Это слово я уже слышала от Андрея, но тоже

без пояснений.

— Ты не знаешь? Вообще-то Мокошь — одна из богинь у древних славян. А артефакт, который выпил Ван Дейк, — Веретено Мокоши, ну или просто Мокошь в обиходе. Конечно, это только название, по основной версии веретено принадлежало какой-то древней и сильной колдунье, практиковавшей культ Мокоши... Ну или просто к слову пришлось.

— Веретено? Оно у него. Рукоять того ножа — я еще не могла понять, на что же она похожа, — распиленное веретено, к которому приделан клинок...

Натали тихо охнула и закусила губу.

— В любом случае это всего лишь легенда, — продолжил охотник. — Ничем не подтвержденная теория. Сокол не похож на человека, который пойдет на... на такое, не будучи на сто процентов уверенным в результатах. А кто даст гарантии, что это не полная чушь?

— Королева фей. — Я закрыла лицо руками. — Она его поцеловала. Пожелала удачи...

Хочешь убедиться в том, что сказки не врут, — спроси того, кто сам пришел из легенды.

Вот и все. Последняя деталь головоломки стала на место.

— Нужно ехать. — В тишине полутемного салона мой призыв прозвучал безнадежно и жалко.

— Куда? — вздохнула Нат, ткнувшись лбом в руль. — И что мы можем? Он уже принял решение.

Принял, да. И наблюдатели согласились дать ему шанс...

Но как же я? Как же мы?

Зачем ему делать это? Можно же просто перекрыть Ван Дейку путь, к себе, к Сережке, оставить голландца ни с чем. Да, тот вернется, но ведь не завтра же? Через год, через два или через десять. И тогда он снова сможет ему помешать. Да и вообще, не будет же это длиться вечно? Однажды не останется в мире вещей-ключей, принадлежавших когда-то Хендрику Ван Дейку, а можно и самим этому поспособствовать, занявшись их поисками и уничтожением, и со временем голландец превратится в бессильного, хоть и злобного призрака. Ну будет он преследовать медиумов, будет насыпать на людей страшные сны. Пускай! С этим можно жить.

Мне нужно найти его, пока не поздно. Нужно сказать ему, что можно решить все иначе, что можно жить...

А он ответит, что нельзя жить с постоянным чувством вины, в страхе, что завтра кому-то еще придется расплачиваться за его ошибки. Что найти все ключи нереально, а голландец опасен и без тела. И если не остановить его сейчас, злопамятный дух сам явится за нами...

— Настя, — Натали коснулась моей руки, — помнишь, я предупреждала тебя о нем?

— Помню. А я вот не послушалась...

И сейчас не слушаюсь!

— Едем, — сказала я решительно. — Если Сокол поймет, что ритуал провести не удастся, ему придется отказаться от своих планов. А ритуал провести не удастся...

Хоть я еще и не знаю, как смогу этому помешать.

— Он этого не простит, — предупредила баньши, заводя мотор.

— Ну и черт с ним. Он голландца не простит, себя не простит, пусть уже и меня — за компанию.

Машина тронулась с места, но тут же резко затормозила.

— А куда ехать? — испуганно, только теперь вспомнив об этом, спросила Нат.

— В центр города. К первой школе, я покажу. Игорь сказал, там собираются спящие.

Наркоманы. Он и в прошлый раз их так назвал.

А еще предупредил, что лучше сразу сказать: «Нет». Но это уж извините, господин наблюдатель. Не на ту ведьму нарвались!

Поначалу Натали скептически отнеслась к моим словам о школе. Мол, вряд ли подобное место подойдет для проведения сложного мистического ритуала. Для таких целей, как она объяснила, используются обычно здания с богатой историей, далеко не новые и эмоционально заряженные: замки, храмы, тюрьмы. Ее сомнения я развеяла парой фраз. Во-первых, замков у нас нет, а школа была очень даже не новая — старейшая в городе, раз уж на то пошло. Здание заложили еще в семидесятых годах позапрошлого века. Потом, конечно, достраивали и перестраивали, но факт остается фактом. История у школы тоже богатая: все-таки две войны пережила, во время последней была отдана под госпиталь, сначала советский, а в период оккупации — немецкий. Когда немцы отступили, сожгли здание почти до основания, но в первые мирные годы его вновь отстроили... Мама в этой школе училась, много рассказывала — вот я и запомнила. А что до эмоционального фона — так представьте, сколько поколений детей видели старые стены. Сколько горя и радости, любви и ненависти...

В общем, Нат согласилась, что Игорь насчет школы не обманул.

— Настя, держи себя в руках, — попросила она.

Заметила конечно же. Когда я нервничаю, всегда очень много говорю. Сейчас вот про школу, а могла и роман какой-нибудь пересказать или фильм. Или вообще стихи читать начала бы...

— Приехали. — Когда до конечной точки оставалось несколько кварталов, банши внезапно затормозила прямо посреди проезжей части.

— Что случилось? Бензин кончился? Ничего, тут рядом уже...

— Тихо! — шикнул на меня сидевший сзади Антон. — Хватает у нас бензина. Ты вообще ничего не чувствуешь? Совсем?

Чувствовала. Чувствовала, что мне нужно скорее к нему, что еще немного и я могу не успеть... Но было еще что-то.

— Спящий город, — прошептала Натали, глядя сквозь лобовое стекло на темную дорогу.

— Приехали, — мрачно подтвердил охотник.

Город как город. Но если присмотреться, прислушаться...

И впереди, и за спиной была ночь. Но ночь за спиной была наполнена звуками жизни: рычанием моторов изредка проезжавших машин, шагами еще более редких прохожих, шумом ветра, негромким гудением проводов. А ночь впереди казалась застывшей, замершей в тишине тяжелого болезненного сна.

— Здесь граница, — пояснила Нат. — Люди и животные ее чувствуют и неосознанно обходят. Но если кому-то нужно на ту сторону, домой или по работе... Не повезло.

Я не заметила, когда Антошкина тень отделилась от охотника, но видела, когда она возвратилась к нему и улеглась у ног.

— Большой участок накрыли, почти два десятка кварталов, — поделился разведанными лысый. — Если это сделал один человек, то я даже не слышал о телепате, способном на такое.

— Я слышала, — сказала Нат. — Даже знаю... знала троих. Двое из них давно мертвы, Кирилл Ветров и Вацлав Крушницкий.

Значит, Ветров, а не Соколов. С учетом этого и их с Андреем непохожести можно было сделать вывод, что у братьев, очевидно, были разные отцы. Но это не имело никакого значения, особенно сейчас.

— А третий? — спросила я Натали.

— Третий — мой муж. Но он за тысячи километров отсюда, — ответила она уверенно. — Так что я тоже понятия не имею, кто там. Да и какая разница? Нужно думать, как подойти к школе.

— А в чем проблема?

— Проблема, Настя, если ты еще не поняла, в том, что в зоне сна любой человек или зверь — наш враг. А еще нет никаких гарантий, что кое-кто из нас, попав туда, не уснет и не попытается пристрелить нас из своей зажигалки. Выбрось ты ее, в конце концов!

— Нет. — Я прижала «пистолет» к груди. — Мне с ней спокойнее. И я не усну! Я... Я выпалась уже.

— Самая большая проблема, — насупился Антон, — в том, что эти враги — в первую очередь все-таки люди. И нельзя их... — Тень показательно рубанула мечом по асфальту. — Лучше бы реально какие-нибудь упыри или зомби...

— Самая большая проблема, — возразила я, — в том, что Андрей может быть уже там, а мы тут разговоры разговариваем.

— Кто? — не понял охотник. Вот ведь... Ну наверняка же знал имя, досье читал — и туда же!

А Нат смерила меня долгим задумчивым взглядом:

— Не нервничай, сейчас и мы там будем... К сожалению. Но сначала, Настя, послушай меня. Внимательно послушай. Если мы вдруг не успеем его перехватить или не получится его переубедить, есть еще один шанс. Небольшой... Ладно, незначительный шанс, но нужно о нем помнить. Сокол — целитель-природник, очень сильный, и это может пригодиться, когда не останется других вариантов...

Господи, пускай не пригодится! Я слушала ее, и в голове была лишь одна эта мысль: пускай не пригодится!

— А теперь идем.

ГЛАВА 22

Неудивительно, что случайные прохожие обходили спящий город, — мне самой отчаянно не хотелось переступить невидимую черту, что-то отталкивало, грозило бедой, но другого пути не было.

Игорь не сказал, когда должен быть проведен ритуал, но был уверен, что я успею, а значит, время еще есть. А Андрей не станет светиться перед голландцем раньше срока, и у нас есть шанс перехватить его у школы... И все же Ван Дейк застолбил территорию. Значит, уверен, что обряд вселения состоится. Сокол уже связался с Акоюном и пообещал отдать ему вместилище? Возможно. А возможно, все мои домыслы — полный бред. Но мне нужно было чем-то занять себя, пока мы в полной тишине продвигались по спящей улице... Такой знакомой по моим недавним кошмарам. Темная дорога, словно вымершие дома и горящие через один фонари. Не хватает только человека в инвалидном кресле... Брр!

Я заставила себя встряхнуться и крепче сжала рукоять пистолета-зажигалки.

Это был район старого центра. Никаких новостроек, если не относить к ним пятиэтажные сталинки, выросшие здесь как минимум полвека назад, а в основном — одно- и двухэтажные дома, не все, но многие из которых — ровесники школы... На рельсах уснул ночной трамвай. Водитель в кабине, всматривается невидящими глазами в пустынную улицу, в салоне кондуктор сонно теребит длинную ленту билетов. А где пассажиры? Я огляделась, но никого не заметила.

Чуть дальше, привалившись к стене дома, сидел нищий. Должно быть, он всегда сидит тут, тут же ночует. Но сейчас мужчина в грязной одежде с пропитым, изъеденным оспинами лицом, отрешенно перебирал рассыпанные на земле монетки, складывая их в кособокие столбики, а вывалившиеся из шляпы мелкие купюры, подхваченные сонным, как и все здесь, ветерком, разлетались вокруг...

— Настя. — Рука охотника легла на мое плечо, и я подпрыгнула от неожиданности. — Лучше уйти от света.

Нат уже шла по узкому тротуару под ветками пушистых кленов, и, вняв совету, я сошла с дороги и двинулась следом за ней. Баньши сразу сказала, что могла бы попытаться разбудить здесь всех, но решила повременить. Людей жалко, объяснила она. Да и наблюдатели подобную инициативу не одобрят... Интересно, где они сами? Наблюдатели и все остальные, светло-темные, серо-буро-малиновые? Затаились у границ спящих кварталов и ждут, чтобы Сокол использовал предоставленную ему возможность осуществить задуманное и им не пришлось бы связываться с голландцем и его пособниками? Что им известно о его планах? А если известно, то как они могут так спокойно...

Я как раз проходила мимо потрескавшейся кирпичной арки, когда какой-то звук заставил меня остановиться и взглянуться в глубь темного двора.

— Там ребенок.

Антон, не обращая внимания на мои слова, несильно подтолкнул в спину:

— Идем.

— Но там плачет ребенок!

Жалобный голосок доносился с крыльца одноэтажной халупки, и можно было даже разглядеть фигурку сжавшегося в комок малыша.

— Это может быть ловушка, — покачал головой охотник.

Мальчик — я была уверена, что это мальчик, — разрыдался в голос. Горько, искренне — спящие так не умеют.

— Иногда это не действует на детей, — хмуро сказала подошедшая к нам Натали. — Но мы ничего не можем сделать. Закончим, и все вернется в норму — только так.

Малыш уже покинул жилье. А если он за это время отойдет достаточно далеко? Потеряется? Дотопаёт до границы сна и угодит под летящий по пустой дороге автомобиль?

— Нужно вернуть его в дом, — решила я. — Запереть, чтобы не влез никуда.

— Хорошо, — согласился, поразмыслив, Антон.

— Я подстрахую, — кивнула Нат.

Тень прокралась вперед нас, обежала дворик и замерла у собачьей будки, невидимый обитатель которой чуть слышно порывкивал сквозь насланную заклинателем дрему. Людей видно не было.

— Привет, солнышко, — ласково поздоровалась я с малышом. — А почему ты плачешь?

— Пистолет, — сквозь зубы выдавил Антошка.

Спохватившись, я успела спрятать зажигалку в сумочку до того, как ребенок — действительно мальчик лет пяти — поднял на меня заплаканные глаза.

— Там... там мама... и папа...

Господи, как же он, должно быть, испугался!

Я протянула руки, наклонилась, и малыш доверчиво обнял меня.

— Не бойся, маленький, — прошептала я, отрывая его от земли. — Сейчас спатки пойдем...

Только сначала дядя Антон маму с папой с глаз долой уберет. Хорошо бы их в погребок какой или в кладовочку.

Охотник проскользнул в приоткрытую дверь, а через минуту вновь появился на крыльце. Махнул рукой — можно заходить.

— Идем, хороший мой. Сейчас в кроватку ляжем...

Худенькие ручонки неожиданно крепко сошлись на шее, пальчики вцепились в волосы на затылке, заставляя поднять голову и взглянуть в искажившееся личико.

— Здравствуй, Настя. — Тоненький голосок резанул по нервам. — Я ждал тебя...

Руки бессильно разжались, но Антошка вовремя подхватил усыпленного мальчишку, ловко и мягко закинул того в дом и захлопнул дверь.

— Вперед, — подтолкнул меня он.

Из будки послышалось угрожающее рычание и что-то темное рванулось наружу, но тень преградила псу путь и пинком вернула в конуру.

— Быстро, — дернул меня за руку охотник. — И больше не сворачиваем! Ну его!

— Он знает, что я здесь, — шептала я испуганно, спеша поскорее добраться до арки. — Он знает...

Надежда добраться до школы незамеченными растаяла в сонной тьме, уже оживающей зловещими звуками скрипящих дверей и крадущихся шагов...

Люди собирались отовсюду. Мужчины, женщины, дети. Десятки, сотни. Шли нетвердой походкой лунатиков, медленно — и это пока спасало. Можно было оттолкнуть, вырваться из вцепившихся в подол рук и бежать дальше. Но их было слишком много...

— Уши! — предупредительно выкрикнула уже окруженная спящими Нат, и мы с Антоном, поняв без объяснений, зажали уши ладонями.

На песню не хватало времени. Короткий окрик, от которого, несмотря на все предосторожности, закололо в затылке, а людей раскидало в стороны, словно невидимым взрывом.

— Вперед!

До школы осталось всего полквартила, но был ли смысл туда прорываться? Наблюдать из укрытия, поджидая Сокола, теперь не получится. Идти внутрь, попытаться разогнать это змеиное гнездо и так сорвать ритуал? Боюсь, для этого нас слишком мало...

Но на то, чтобы остановиться, подумать, времени тоже не было. И мы просто бежали.

Тень расчищала нам путь, отшвыривая перекрывавших дорогу спящих. Металась из стороны в сторону, и Антошка нервно дергался, словно не он управлял ею, а она — им. Натали еще раз задействовала свой волшебный голос, чтобы разогнать подчиненных чужой воле жителей сонных кварталов...

Но когда до ворот школы оставались считанные метры, человеческое море вокруг вдруг забурлило с новой силой, и огромная разношерстная волна ускорила, грозя смести нас стремительным напором.

— Нат, буди их! — завопила я, прижавшись к каменному забору. — Буди!

К черту наблюдателей! И этих... Этих тоже! Оклемаются потом как-нибудь...

— Уши! — снова скомандовала баньши.

Новый крик, еще более громкий и сильный, остановил и отбросил надвигающийся на нас шквал, а у меня поплыли перед глазами яркие круги, и голова наполнилась болезненной тяжестью. Окружавшие нас замерли, зашатались как пьяные и начали медленно, по одному, падать на землю. Надеюсь, Наташа все-таки не перестаралась.

Но от мыслей о судьбе ни за что пострадавших людей меня отвлекло появление новых действующих лиц: когда спящие попадали, стали видны разрозненные темные фигуры, прятавшиеся до этого в толпе. Крик Нат на них не подействовал, и они продолжали стоять, а спустя несколько секунд неспешно двинулись к нам, кто прихрамывая, кто неестественно растопырив руки. Редкого света едва хватало, чтобы разглядеть их, но и без мелких деталей было понятно, что явились они сюда не из близлежащих домов...

— Антоша, — хрипло выговорила Натали, — ты зомби заказывал?

Охотник с хрустом размял пальцы. Тень взмахнула мечом. Потом подумала и вытащила откуда-то еще один.

— Давненько мы этим не занимались, — как будто извинился Антон. — Но ничего, это как на велосипеде...

Хорошенький, блин, велосипед! Когда тень скользнула к первому восставшему мертвецу и, проткнув его мечами, повалила на землю, я еще смотрела. Но когда второй ходячий труп сначала лишился руки, а затем со свистом клинка у него слетела голова и попрыгала веселым мячиком прямо по отключившемуся спящим, зажмурилась и непроизвольно отступила под арку ворот.

Зря конечно же. Стоило на шаг отойти от друзей, как кто-то невидимый вцепился в плечи, и чужая горячая ладонь зажала рот, лишив возможности позвать на помощь. Меня поволокли в глубь двора, но, крутясь и работая локтями, я смогла вырваться. Вскрикнула, рванулась вперед к неяркому свету... И тут же что-то тяжелое обрушилось на мою многострадальную голову...

Мм... Так же все мозги отобьют вконец... Открыв глаза, долго не могла понять, где я... Еще пару раз приложат по темечку, и все — спасительная амнезия, мягкие стены и рубашка с длинными, завязанными за спиной рукавами...

Пока же меня скрутили безо всякой рубашки: обмотали запястья липкой лентой,

заклеили рот и бросили на полу в пустом классе. Подождав немного, пока стихнет гудение в голове, а медленно вращавшиеся лампочки под потолком не сольются в одну, я попробовала подняться на ноги. С третьей или четвертой попытки мне это удалось... Что значительно облегчило задачу пришедшим за мной людям. Настоящим людям, не спящим, не зомби. Пожилой уже мужчина в кричащей «гавайской» рубашке и шортах схватил меня за руки, а второй — полный усатый дядька в затертой, мокрой под мышками и на груди футболке и сползших с пуза джинсах — грубо подтолкнул в спину. Кто они? Что здесь делают? И куда меня ведут? Даже если бы могла, не спрашивала бы. Вряд ли дождалась бы ответа...

По тускло освещенному коридору меня дотащили-дотолкали до белой двустворчатой двери, за которой располагался спортзал: защитная сетка на окнах, баскетбольные кольца, вдоль стен — турники и лестницы, но их почти не видно за спинами столпившихся... Люди обычные, серьезные, сосредоточенные, кажется, чего-то боящиеся, но старательно прячущие свой страх. Люди спящие, отрешенные, безразличные, медленно раскачивающиеся в такт своему же негромкому завыванию. Зомби... Просто зомби — трупы разной степени свежести, кто-то прямоком из морга, кто-то уже успел полежать в земле. Откуда они тут, в самом центре города?

Но мне не дали над этим подумать — протянули через толпу и швырнули под ноги стоящих в центре зала мужчин. Упала, уткнувшись носом в грязный пол. Замычала от боли, а из глаз потекли слезы...

— А это в качестве дополнительной гарантии, Сокол. — Шурик Акопян, обладатель самого мерзкого в мире смеха, пнул меня ногой, заставляя перекатиться на бок.

— Совершенно излишне, — равнодушно ответил Андрей, лишь мельком скользнув по мне взглядом.

Стоявший с ним рядом Сережка взволнованно подался вперед, но спящие тут же оттащили его в сторону.

— Если ты вдруг решишь выкинуть какой-нибудь фокус...

— Оставь, Алекс, — оборвал говорившего темный. — К чему эти торги? И с тобой ли я должен торговаться?

Он отступил от некроманта на шаг и, подняв лицо к потолку, громко выкрикнул:

— Ван Дейк! Хендрик Ван Дейк! Не хочешь пообщаться после стольких лет разлуки?

После его слов в зале воцарилась мертвая тишина, даже спящие перестали мычать и раскачиваться, а потом раздался негромкий насмешливый голос:

— Я не очень скучал по тебе, Сокол. Но если ты настаиваешь.

Люди и... нелюди расступились, пропуская в круг человека в инвалидной коляске. Я непроизвольно зажмурилась, боясь увидеть на нем как маску натянутое лицо Серого и горящие злобой глаза, но уже через мгновение осмелела и с облегчением вздохнула, не найдя совершенно ничего общего с другом детства. В кресле на колесах восседал похожий на мумию старик в строгом черном костюме. У него была бледная иссушенная кожа, вся в мелких морщинках, редкие седые волосы, длинный нос, острые скулы и тонкогубый бесцветный рот.

Андрей смотрел на него с интересом и, как мне показалось, с сочувствием.

— Видишь, Сережа, — обратился он к удерживаемому спящими парню. — Именно поэтому я не люблю комплексные обеды и средства «два в одном». Выигрываешь в цене, но ощутимо теряешь на качестве.

В лице старика не дрогнул ни один мускул, только глаза сверкнули злостью.

— Позвольте вас познакомить? — продолжал насмешничать Сокол. — Это Сергей, перспективный одаренный и неплохой человек. А это мой бывший шеф и лучший медиум нашего времени Вацлав Крушницкий, устами которого сейчас, как и несколько последних лет, если я не ошибаюсь, говорит Хендрик Ван Дейк — о нем ты слышан. В

нездоровом теле нездоровый дух, кхе-кхе.

Крушницкий? Я извернулась, несмотря на боль, чтобы получше рассмотреть мнимого покойника. Так вот откуда брегет!

— Сам Вацлав нас слышит? — поинтересовался Андрей. — Прямо не знаю, поздороваться или воспринимать старика как предмет интерьера?

— Слышит. Поздоровайся, — чуть ли не скрипя чужими зубами, разрешил голландец.

— А, хорошо. Царствие небесное, пан Вацлав... Тьфу ты! Многие лета... Все равно он ни черта не понимает, принципиально не учил русский! Так что мне, безусловно, удобнее общаться с вами, герр Ван Дейк.

— Нам есть о чем говорить, Сокол? Или ты решил отвести душу, прежде чем сдохнешь?

— Есть, Хендрик, есть. — Темный достал сигареты, взглянул на меня, а потом демонстративно — на замершего рядом с хозяином Акопяна. — Дамы не возражают, если я закурю? — Не дожидаясь ответа, прикурил без зажигалки, прямо с ладони, выдохнул в потолок струйку дыма и продолжил, обращаясь к «два в одном»: — Ты ведь хочешь себе новое тело? И Вацлав, очевидно, тоже — этим ты его и купил, не так ли? Но сейчас о тебе. Одно дело — говорить через медиума или через спящих и совсем другое — ощутить себя вновь живым, прогуляться по городу, выпить чашечку кофе или бокал вина, обнять женщину...

— Не тяни, Сокол. Я бы мог сказать, что и без тебя получу тело и даже уже сейчас смотрю на него, — старик в кресле перевел взгляд на Серого, — но я хорошо тебя знаю, доктор. Ты ведь не просто так притащил сюда мальчика? Приготовил мне пару неприятных сюрпризов?

Андрей посерьезнел, стер с лица ухмылку:

— Всего один сюрприз, Хендрик. И он тебе понравится...

Нет, не надо! Пожалуйста, еще не поздно!

— Отпусти Сергея. А я... уступлю тебе свое тело.

В полной тишине было слышно лишь, как кто-то горестно хлюпнул носом и тихонько завыл, и до меня не сразу дошло, что этот кто-то — я.

— Какое заманчивое предложение, — растянул Ван Дейк. — Но...

— Бери, не прогадаешь, — вернулся к полусутовливому тону Сокол. — Хорошее тело. Ну да, запустил я его немного, но ты, как только вселишься, бросишь курить и начнешь делать зарядку — за месяц в норму войдешь. С телепатией у меня, конечно, не ахти, но тебе и собственных способностей хватит. Зато будешь целителем что надо. Пиротиком. — Он втоптал в пол сигарету и напоказ прикурил новую, запалив огонь между пальцев... Как в тот первый вечер в моей квартире, когда зажигал свечи в большом бабушкином канделябре... — Подумай, Хендрик. Не спеши отказываться.

— Хочешь убедить меня отложить обряд? А пока я дождусь подходящего для подготовки нового вместилища времени, ты еще что-нибудь придумаешь?

— Ах да! — Андрей в несколько быстрых затяжек добил сигарету. — Самое главное. Не нужно будет ждать. Ни тебе, ни этим... хм, господам и дамам, которым ты уже обещал новые тела взамен их потасканной плоти. Выбираешь понравившееся и... — Колдун театрально щелкнул пальцами. — И все!

Я не видела так, как они, но знала, что он сделал. Понимала, почему застыл старик в кресле, глядя одновременно и на него, и будто в него. Почему Акопян подавился невысказанной грубостью. Они растерялись, опешили, решили, что он взломал сам себя вот так просто, щелчком пальцев, тогда как Андрей лишь открыл им то, что сделал еще несколько дней назад и что прятал каким-то образом все это время не только от Ван Дейка, но и от Натали, и от Антона, и вообще от всех, кто мог бы заметить и догадаться...

— Как тебе это удалось? — нарушил затяжную паузу голландец.

— Получишь эти знания вместе с другими моими способностями, — пообещал Сокол.

— Слишком дорогой подарок. Зачем тебе это?

— Я просто хочу, чтобы все закончилось.

С минуту они смотрели друг на друга, и этого времени хватило мне, чтобы вспомнить, что нужно что-то делать, как-то вмешаться. Подтянула к лицу связанные онемевшие руки, поддела ногтем заклеивавший рот скотч и с силой рванула, стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть от обжигающей боли. Только всхлипнула, но в полной тишине даже этот звук не остался незамеченным.

— Неужели это ради нее, Сокол? — подал голос Акопян и несильно пнул меня остригой туфлей. — Так понравилась ведьмочка, что ты благородно решил пожертвовать собой, чтобы вернуть ей возлюбленного? Она того стоит?

Андрей не удостоил его ни ответом, ни даже взглядом. Заговорил Ван Дейк:

— Ни одна женщина такого не стоит, Алекс. Это другое, совсем другое... Искушение, да, Сокол? Все закончится и никто, кроме тебя, больше не пострадает? А говорил, что не любишь совмещенных решений. Ты же знал, что я все равно не оставил бы тебя в живых?

— Хватит разговоров, Хендрик. Я жду ответа.

— Я согласен, — не стал больше торговаться Ван Дейк.

Сердце оборвалось...

Все поздно, все зря...

— Наверное, попросишь отпустить этих двоих?

— Обязательно.

— А если я откажусь?

— Я убью его. — Андрей спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном, кивнул на Серого. — А потом себя. А тебя ждут долгие годы ожидания. Которых Вацлав, к слову, не переживет, судя по его физическому состоянию, а без медиума будет нелегко снова все организовать.

— Нашел бы другого, — не пожелал остаться в долгу голландец. — Но... С паном Крушницким мы уже сработались, так что я уступлю твоей последней просьбе. Алекс, убери их отсюда...

— Отпусти, — поправил Сокол. — И... Еще одно...

Он шагнул ко мне, присел рядом на корточки. Ласковым, но таким мимолетным движением, что, наверное, никто, кроме меня, и не заметил, погладил волосы и прижал теплую ладонь к моему лбу. С его прикосновением из тела уходила боль... но сердце болело еще сильнее...

Я уже понимала, что ничего не изменить. Даже если есть шанс все отменить, разогнать спящих, перебить зомби и уйти отсюда живыми и невредимыми, он на это не согласится... Но я не могла его отпустить! Потянулась связанными руками, схватилась за ворот его рубашки, резко подтянулась: лицо к лицу, глаза в глаза...

— Не бросай меня, слышишь? — шепотом, глотая слезы. — Не бросай... Пожалуйста... Ты... Я тебя...

Его губы будто невзначай коснулись моей щеки, и он тут же отстранился и поднялся на ноги, оставив меня сидеть на полу.

— Держите себя в руках, Анастасия Валерьевна. — Развернулся к Акопяну. — Алекс,

займись тем, чем и положено лакею: проводи гостей до двери.

— Решил порисоваться напоследок, Сокол? — неприязненно скривился уязвленный его тоном некромант.

— Не имею такой привычки. В отличие от некоторых. Трупы на туристических автобусах подвозил? Не смог обойтись без свиты? — На меня, захлебывающуюся беззвучными рыданиями, Андрей уже не смотрел, обратился к голландцу: — Отошли эту шавку, Хендрик, мне еще есть, что сказать вам с паном Вацлавом без свидетелей.

Что мне оставалось? Кричать? Плакать? Рваться из грязных рук схвативших меня зомби? Он давно уже все решил, еще в тот день, когда потерял брата и назначил себя виновным за его смерть. Одним из. И Ван Дейк в чем-то прав — это искупление, к которому он шел все эти годы... А я лишь помеха на пути. И между нами он тоже все решил, тогда, у меня в квартире, сидя на кухне и куря сигарету за сигаретой...

— Я не уйду, — очнулась я, когда за спиной уже захлопнулась дверь спортзала. — Пустите! Мне надо... Я...

Слезы душили, дыхание перехватило, в том числе из-за смрада, исходящего от окружающих меня мертвецами...

— Андрей! — Бросилась назад, но управляемые идущим позади некромантом трупы взяли в кольцо, вцепились в меня и поволокли по заполненному спящими коридору.

— Отвалите от нее! — Серый, о котором я уже забыла и которого вывели вместе со мной, растолкал зомби, вырвал меня из их липких рук и прижал к груди. — Все нормально, Настюха, — прошептал он еле слышно. — Просто уходим отсюда...

— Уходим? Просто уходим? Ты... Кретин! Придурок! — Я колотила его кулаками, пытаюсь вырваться из ставших душными объятий. — Пустите меня! Идиот!

Кто-то, — Алекс, как потом оказалось, — за волосы оттащил меня от парня и влепил пощечину.

— Заткнись, истеричка! — Некромант оттолкнул меня и брезгливо отер ладонь о штаны. — Вперед, живо.

— Насть, успокойся. — Сережка снова оказался рядом, придержал под руку. — Я же говорю, все нормально. У него все под контролем.

Это прозвучало с такой уверенностью, что я на мгновение поверила, сердце радостно забило и дышать стало легче... А потом поняла, что Серый просто не знает всего.

— Он сказал, что убьет его? — спросила я парня, едва шевеля губами.

Сергей кивнул.

— А он сказал как?

Думай! Думай ты, телепат недоделанный! Дар не работает — мозги включи! Он говорил, давно еще говорил! Помнишь, зубную щетку мне дал и сказал...

— Всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге, — напомнила я тихо. — А Таганрог тут недалеко.

Серый сбился с шага, посмотрел на меня. Недоверие в черных глазах сменилось пониманием, понимание — испугом.

— Что стоим, голубки? — грубо окликнул нас некромант. — Хотя хрен у вас поймешь, кто кого голубит! — И зашелся своим жутким смехом.

Урод!

— Эй! — Сережка остановился, игнорируя тычки зомби. — Ты куда нас ведешь? Выход там.

— Выход там, — снова заржал Акопян. — А вам в другую сторону. Или ты такой же наивный, как Сокол?

Шурик приблизился, картинно вышагивая мимо расступающихся перед ним мертвецов, и остановился напротив нас.

— Подружка ваша... общая, — хохотнул он опять, обращаясь к Серому, — голландцу давно приглянулась. Источники сейчас редкость. Сила, жизнь...

Я вздрогнула, на миг вернувшись в недавний кошмар. «Ты жизнь», — говорил мне тогда Ван Дейк. Выходит, знал, и за мной охотились не только из-за Андрея... Но сейчас это ровным счетом ничего не значило. И тем более ничего не будет значить без него.

— И ты, Сережа, на что-нибудь сгодишься, — продолжил некромант. — У нас там, если не заметил, очередь претендентов на новую шкуру. Так что топайте, милые мои, топайте.

Как тут не топать, когда десяток ходячих трупов подталкивает в спину и тянет за руки? Но в дверях темной комнаты, не учебного класса, а какой-то подсобки без окон, Серый вдруг остановился.

— Отпусти нас, — просто сказал он Акопяну.

— Что? — опешил тот от неожиданности.

— Отпусти нас, — повторил парень.

— Волшебное слово забыл сказать, — ухмыльнулся, приходя в себя, Алекс.

— Спатифиллум.

— Что? — вконец ошалел «фокусник».

— Волшебное слово — спатифиллум, — четко произнес Сережка.

Резким ударом ноги он отшвырнул к стене стоявшего между ними мертвеца и вытянул вперед ладонь, едва не касаясь растопыренными пальцами лица некроманта. Акопян отступил, но только на шаг. Какая-то неведомая сила, как магнит, тянула его голову к руке Серого до тех пор, пока он не ткнулся в нее лбом и стоял так какое-то время, раскачиваясь, словно кукла на шарнирах, и закатив глаза. А зомби тем временем застыли на долю секунды и со стуком падали плашмя на пол...

Когда последний труп был обездвижен, рухнул на затертый линолеум и сам Алекс. А следом, придерживаясь за стену, тяжело опустился Сережка.

— Перебрал... кажется, — выдавил он, задыхаясь, когда я, стряхнув навешанное неожиданным происшествием оцепенение, подскочила к нему. — Нат предупреждала...

Выглядел парень страшно: вены на лбу вздулись, кожа покрылась прожилками мелких сосудов, и белки глаз расцветились кровавыми звездочками. Серого трясло крупной дрожью... Но улыбка у него была прежняя, мальчишеская и сейчас немного хвастливая.

— Видишь... как могу?

— Ты молодец, — прошептала я, пожимая дрожащую руку. — Но... Мне нужно к нему, Сереж. Очень нужно.

— Иди. Я ничего... отпустит... Торопись, время...

В коридорах было полно спящих, но я еще прошла, прижимаясь к стене, с десяток метров, прежде чем привлекла их внимание. Вернее, внимание того, кто управлял ими. Не старый, но уже седой мужчина в семейных трусах, растянутой майке и босой, вероятно оторванный телепатом от любимого дивана и телевизора, развернулся. Полные губы искривила уже знакомая ухмылка голландца, и человек, широко расставив руки, пошел на меня. Двое подростков, мальчик и девочка, с каменными лицами следовали за

ним. Бежать можно было только назад...

Вдруг на стене позади спящих обозначилась тень, вооруженная взамен привычного меча длинной палкой. Антошка! Тень взмахнула шестом, ударила по ногам мальчишку, и тот покотился по полу. Несильно толкнула девочку, а затем, разогнавшись, врезалась в мужчину, с силой впечатав его в стену. Путь был свободен, но вместо того, чтобы броситься вперед, я остановилась перед тенью охотника. Протянула вперед скрученные скотчем руки, и росчерки призрачного меча избавил меня от пут. Но этого мало.

— Антоша! — Слез уже не было, но каждое слово давалось с трудом. — Я не успела, не смогла... Остался последний шанс. Тот... Тот, о котором говорила Нат. Вы мне нужны... здесь...

Я не знала, как они связаны, но очень хотела верить, что тень сумеет передать хозяину мое послание.

Она замерла. Палка исчезла из рук. Секунда, две, три... И тень вдруг схватилась за голову. Сердце екнуло: все так плохо?

Тень помахала руками и вновь повторила свой жест. Это знак! Но кто бы сказал, что он означает. Голова? Хвататься за голову? Беречь голову? Поздно уже... И чья это голова?

Пол под ногами вздрогнул, и в окнах задребезжали стекла... Тень держалась за голову...

«Уши!» — поняла я с опозданием.

От звука, не похожего ни на песню, ни даже на крик, в мозгу взорвалось что-то, наполнив раскалывающийся череп огнем. В глазах потемнело, воздух стал густым и вязким, и казалось, за него можно удержаться, чтобы не упасть... Всего лишь казалось...

Полутемные коридоры. Тела на полу. Бывшие зомби, утратив связь с обессиленным некромантом, как и положено, лежат хладными трупами. Люди шевелятся, стонут, просыпаясь от тяжелого сна. У них испуганные лица и мутные, ничего не понимающие глаза. У многих из носа и ушей течет кровь...

У меня — тоже. Из носа. Размазываю ее ладонью по лицу и двигаюсь дальше. Сначала на четвереньках, потом все-таки поднимаюсь на ноги и иду, опираясь на стену, тяжело переставляя ставшие ватными ноги. Антошкина тень рядом, помогает, поддерживает... Но мне не нужна тень, мне нужен сам охотник... Или Натали...

Где вы, черт вас побери?!

Дверь в спортзал открыта, слышны какие-то голоса...

Стою какое-то время, привалившись к косяку, смотрю с непониманием. Внутри зала ничего не изменилось, если не считать сотен зажженных свечей: спящие тут все еще спят, стоят, подняв к потолку отрешенные лица, раскачиваются из стороны в сторону, что-то мыча... Этот стон у нас песней зовется...

Вижу людей Ван Дейка. Их совсем немного, не больше десяти, но точнее я сейчас подсчитать не в силах. Собраны, сосредоточены перед важнейшим действием... Выстраиваются кругом в центре...

Вижу медиума. Пана Вацлава. Теперь старик вертит головой и размахивает руками, отдавая какие-то приказания. Дух голландца покинул его, готовясь занять новое местоположение, и Крушницкий вновь обрел власть над своим дряхлым телом...

Только Андрея не вижу в этой толпе, но знаю, что он где-то там...

Бреду между спящих. Такая же медлительная, с таким же, наверное, отсутствующим лицом...

Антон! Наташа! Где вы, когда вы так нужны?!

Один из людей голландца замечает меня, меняется в лице, сжав кулаки, делает шаг

навстречу... Но тень бросается вперед и сшибает его с ног. Что-то кричит Крушницкий... Я не разбираю слов, и не только потому, что не знаю польского, — просто не разбираю... Звуки смазались, в ушах стоит лишь мычание спящих...

Тень охотника приближается к старику, с силой толкает коляску в ближайшую стену... Не знаю, чем это кончилось для медиума, — не смотрю на него больше. Взгляд уже прикован к центру нарисованного мелом и обозначенного горящими свечами круга...

Андрей. Без рубашки, босой. Спокойный и уверенный. Самый спокойный человек во всей этой суете... Сокол мой...

Нат, ну где же вы?

Тот самый старик в «гавайке», что тащил меня сюда, отделяется от своих, идет мне наперерез, но тень охотника снова приходит на помощь. Бьет человека наотмашь палкой, и еще раз... А потом вдруг сама начинает таять в наполненном чадом свечей воздухе, оставляя меня даже без призрачной поддержки.

Антон! Нет ответа...

Монотонное мычание вокруг становится громче, болью бьет по ушам, словно песня баньши. Люди раскачиваются сильнее. Ритуальными барабанами стучит сердце...

Быстрее! Только бы успеть!

Собираюсь с силами и в несколько шагов преодолеваю последние разделяющие нас метры. Сама расталкиваю тех, кто смеет стоять между нами. Вступаю в круг...

Андрей не видит меня. Стоит неподвижно, смежив веки. Готовится встречать чужака... Вдруг что-то меняется в его лице, а рука тянется вверх и прямо из воздуха, как тогда розу для Натали, выдергивает нож с рукоятью-веретеном...

Наверное, он репетировал это. Точные, быстрые движения. Прокручивается между пальцев нож, клинок направлен в грудь... Удар! Я вскрикиваю, и он, вздрогнув, распахивает глаза. Смотрит на меня... А рука уже не слушается, и лезвие лишь вспоролу кожу. Потекла по животу струйка крови — и все... все напрасно?

По родному лицу скользит чужая торжествующая улыбка... Но глаза еще прежние, и в этих глазах отчаяние, боль... просьба, в которой я не могу ему отказать. Делаю шаг вперед, обхватываю ладонями готовые разжаться пальцы на рукояти ножа. Лишь слегка подталкиваю, потому что он должен сделать это сам... И успеваю увидеть благодарность... и нежность... в его последнем... взгляде...

Он целитель. Он годами тренировал свой организм противостоять любым болезням, любым внешним и внутренним факторам. Благодаря этому он из таких передраг выбирался невредимым, что тебе и не снилось. И из-за сигарет своих, как видишь, пока не загнул, даже не кашляет. Так вот, если не останется других вариантов, можно использовать этот. Каким бы серьезным ни было повреждение, человек не умирает мгновенно. Есть минута, секунда, доля секунды — Соколу этого хватит, даже если он будет без сознания. Но чего ему точно не хватит — это сил. Никто не может собрать в себе столько за раз, нужен внешний источник. Источник, Настя. Ты понимаешь, о чем я?

Натали, Антон, где вы? Где вы, когда так нужны?

Убрать нож? Он уже в моей руке. И неподвижное тело у ног...

И я сама едва стою, чувствуя пустоту внутри себя и невыносимую слабость... И хочется выть от собственного бессилия... Выть, перекрывая крики, которыми наполнилась вмиг старая школа — наблюдатели дождались своего часа, но мне они не помогут...

Падаю на колени рядом с ним. Одной рукой глажу его волосы, не обращая внимания, что

вторую обжигает боль: рассыпается пылью окровавленный клинок и сгорает в огненной вспышке веретено, оставляя в моей ладони лишь пепел.

Хендрика Ван Дейка больше нет. Радуйтесь, если можете...

ЭПИЛОГ

Трель мобильного слышалась откуда-то из спальни: снова бросила на столе... Под столом? На стуле?

— Жорик, ты не видел... А, вот он!

На кровати. Прятался под подушкой.

Успела ответить до того, как телефон отключился.

— Настюха, привет. Не занята?

— Привет. Не очень.

— Ты помнишь фамилию этой тетки из ЗАГСа? Ежова? Чижова?

— Ершова.

Игорек сказал, хороший человек, поможет. Странно, что раньше я совсем не задумывалась, откуда у такого простого парня столько связей среди «хороших людей».

— Решился все-таки?

— А куда тянуть? — хмыкнул Серый.

Алена и так переживала отмеренный врачами срок. Но с Сережкиной удачей схватки у нее начнутся не раньше, чем она распишется в книге регистрации, даже если для этого придется ждать еще неделю. Как он собирался объяснять матери то, что, уехав на море с одной девушкой, вернулся с другой, а также их скоростижную женитьбу и тут же рождение наследника, я не спрашивала. Сами теперь разберутся.

— Насть, мы это... не приглашаем, извини.

— Да ничего, я понимаю.

— Увидимся еще, — пообещал он.

— Конечно.

Потом. Когда все уляжется, успокоится. Алена родит. Тете Вере сделают операцию на сердце...

— Ну... пока?

— Счастливо, Серый.

Ему еще предстояло плотное общение со светло-темной братией, прознавшей о молодом и сильном собирателе: на Сережку тут же посыпались заманчивые предложения от обеих контор, от которых он пока успешно и вежливо отказывался. Но если, к примеру, Натали лично попросит...

Она улетела домой вчера вечером. Воспользовалась служебным положением и вызвала «Грифон». Умчалась бы раньше, но ждала, пока сойдут синяки и царапины, — не хотела волновать своих любимых мужчин. Тогда, в спящем городе, баньши здорово досталось. Когда меня схватили, Натали с Антоном кинулись на помощь и сами угодили в ловушку. Нат, как и меня, оглушили и связали, так же заклеили рот, на какое-то время лишив привычного «оружия».

Антошке перепало больше, но у охотника еще оставалась его тень — с ее помощью друзья и освободились и даже успели немного помочь мне. А вот когда Антона вырубил один из людей голландца, напав из-за угла с найденным в школьной мастерской гаечным ключом и едва не раскрыв парню череп, тень тоже «отключилась», оставив меня одну в полутемном спортзале...

Я тряхнула головой, прогоняя мрачные воспоминания. Не хотелось снова возвращаться в

тот день, в то место...

Над зачисткой места, к слову, хорошо потрудились представители обеих конкурирующих «фирм», и к утру ничто уже не напоминало о ночном происшествии. Из людей никто серьезно не пострадал. Даже Акопян с Крушницким остались живы и относительно здоровы. Обоих, как и всех бывших с ними в ту ночь, ожидал суд, а после, скорее всего, лишение силы и пожизненное заключение. Игорек (не уверена, что это его настоящее имя, но другого я не знала) особо не распространялся, лишь рассказал в двух словах, что установлено по предварительному разбирательству. Видимо, Алекс и его босс Крушницкий сговорились с голландцем еще во время работы с седьмым вместилищем. Впоследствии не без помощи некроманта пан Вацлав инсценировал свою смерть, чтобы всецело посвятить себя поискам нового тела для Ван Дейка и в перспективе для себя самого. Вместе с Акопяном они собрали небольшую команду единомышленников и нашли Сережку, парня из провинции, никак не засветившегося перед «конторами». Не учли только удачу Серого, который умудрился так счастливо для себя и некстати для голландца умереть...

А Антошку уже выписали из больницы. Нат хотела навестить его перед отъездом, но ей сказали, что за несколько часов до ее прихода явилась какая-то девица (малолетка малолеткой, со слов дежурной медсестры) и буквально накинулась на заведующего, обещала перегрызть ему глотку, если документы не будут готовы немедленно и Тошу не отпустят. Проняло ли доктора это обещание или подействовало то, что малолетка пришла в компании десятка парней — братьев, как она сказала, но выписку подготовили за пять минут. Антон позвонил уже с дороги, извинился, что не заехал проститься, и напомнил о приглашении в гости.

Как-нибудь можно съездить. Свободного времени у меня теперь будет хоть отбавляй. Все равно мне моя работа не нравилась. Только Ивана Владиславовича, скрепя сердце подписавшего заявление «по собственному» и сетовавшего на второго «предателя» за неделю, было жалко, но все же не настолько, чтобы остаться.

Игорек, он же предатель номер один, тоже прощался по телефону. Предупредил, что старый номер скоро будет отключен, но оставил новый, звонить по которому теперь можно было только в самом крайнем случае. Напоследок мне удалось узнать, в чем заключались способности наблюдателя: наш сисадмин был мастером вероятностей. И примерно полтора года назад просчитал, что с очень большой вероятностью что-то интересное произойдет в провинциальном промышленном городе с никому не известной и почти ни на что не способной ведьмочкой Настей Вербицкой. Решил проверить и, по его словам, не прогадал. В ответ на мою просьбу просчитать вероятность того, что с Настей Вербицкой не случится больше ничего интересного, рассмеялся и повесил трубку...

Поговорив с Серым, я отложила мобильник и уже собиралась вернуться на кухню, когда в дверь позвонили. К счастью, всего лишь соседка.

— Вот, Настенька, газетку твою из ящика забрала, чтоб не утащили. И письмецо тебе тут.

Неровно наклеенные марки. Красивый разборчивый почерк... Обратного адреса нет — только имя отправителя: Соколов Андрей.

В груди защемило, а глаза наполнились слезами.

Медленно вошла в кухню, прижимая к груди нераспечатанное послание, присела у стола. С нежностью провела пальцем по имени на конверте.

— Ты все-таки написал... Даже после того, что наговорил мне...

Как бы мне ни хотелось, все случившееся еще не скоро уляжется в памяти. И сердце еще долго будет сжиматься от пережитой тогда боли.

— Вообще-то не после, а до. — Андрей потянулся через стол и отобрал у меня конверт. — Людям свойственны слабости, а я все же человек. Только пусть это останется между нами?

Он разорвал письмо и бросил обрывки в пепельницу. Я и сказать ничего не успела, а они уже горели маленьким и теплым костерком.

— Ты не представляешь, какой бред лезет в голову и на бумагу, когда думаешь, что тебе осталось от силы пару дней.

Я плохо помню, что случилось после того, как распался в пламени убивший Ван Дейка нож. Лишь обрывочные картинки, размытые образы, ощущения, которые не передать словами. В себя пришла уже в машине «скорой помощи», рядом с ним. Какой-то умник вызвал обычную бригаду, и меня едва не упекли в психушку, когда в больнице я кидалась на врачей, не позволяя везти Андрея в операционную, и сквозь слезы пыталась уверить, что его не нужно ни резать, ни зашивать, а только подождать немножко, и оно само заживет... Слава богу, прежде чем за мной прислали санитаров, приехал Игорь.

Андрею выделили отдельную палату, поставили капельницу с питательным раствором, а мне постелили на кушетке, но за все время в больнице я на нее и не прилегла — сидела рядом с ним, держала за руку, целовала, обнимала, шептала на ухо всякие глупости... уж куда глупее того, что он мог написать мне. Хотя кто знает?

Когда к вечеру следующего дня он открыл глаза и увидел меня, с сухих, растрескавшихся губ слетело одно только слово: «Ведьма», и он опять отключился. Молоденькая медсестра, видевшая, как я убивалась по нему эти дни, сочувственно покачала головой: «За что он вас так?». «Заслужила!» — сказала я с гордой улыбкой, и сестричка окончательно уверилась в том, что я ненормальная...

Выписали Андрея только сегодня: я не Ксюша, врачам угрожать не умею. К тому же в больнице было проще. Можно было прилечь рядом с ним, пока никто не видит, уткнуться носом в заросшую щетиной щеку и молчать. Закрывать глаза, когда его пальцы с нежностью перебирали мои волосы, и не говорить ни слова...

Дома так не получалось. Тут начиналась настоящая жизнь, требовавшая какой-то определенности. Каких-то слов, каких-то решений. И вот уже второй час ни я, ни он не могли начать этот отчего-то обязательный «серьезный» разговор.

Я? Ну уж извините! Я слабая женщина. Давай ты, Сокол. Как героически с жизнью прощаться, так пожалуйста, а тут и двух слов связать не можешь?

— Ну и... — Он размял между пальцами сигарету, притянул к себе пепельницу, в которой уже догорели обрывки не прочитанного мною письма. — И как мы... теперь?

Да, герой. Спросил. А мне решать?

— Как? — переспросила я. — А для начала вот так.

Вытащила у него изо рта неприкуренную сигарету и выбросила в ведро вместе со смятой пачкой. Вернулась к столу: твой ход, Сокол.

— Так, значит? — усмехнулся он. Откинулся на спинку стула, поглядел на меня вприщур. — Ну тогда чаю, что ли, завари. Нормального.

Да, я знаю, что правильные сказки заканчиваются свадьбой.

А моя неправильная... И она не закончится никогда!

Примечания

1

Записи (франц.).

2

Знание — сила (*франц.*).

3

Кейн и Эбель — созвучны именам Каин и Авель (*Cain and Abel*).

4

Волшебно! (*франц.*).

Сокол намекает на клятву Гиппократу, начинающуюся со слов: «Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигеей и Панакеей, всеми богами и богинями...»

6

Как вы себя чувствуете? (*франц.*).

7

К сожалению, я не говорю по-французски (*франц.*).

8

Мне лучше *(франц.)*.

9

Гармония (*франц.*).

10

Друг (*франц.*).

Фильм 2003 года по одноименной серии комиксов. «Лига» объединяла литературных героев, обладавших экстраординарными способностями.